

Поэтический перевод как ремесленное искусство

Д-р Виктор Приб

Учение о научно-поэтическом переводе

из опыта и на примере моих переводов «Фауста»
на русский, «Евгения Онегина» на немецкий и
других

Берлин – 2019 г.

Содержание:

1	Введение	5
1.1	Предыстория моих переводов как предисловие.....	5
1.2	Положение вещей.....	10
1.3	Поэзия – ее простота и эмергенция	14
1.4	Общая краткая история модернизма	19
1.5	Зачем переносить «развяз(ан)ный» язык в другие культуры?	23
2	Стихovedение как основа научно-поэтического перевода	25
2.1	Структура стиха.....	25
2.2	Формы и формулы строфы, схемы рифмовки.....	26
2.3	Стихотворный анализ как залог переводимости поэтических текстов	28
3	Анализ романа «Евгений Онегин» и его переводов	31
3.1	Анализ стихотворных строк и строф.....	31
3.2	«Онегинская строфа»	31
3.3	Другие формы строф в романе.....	34
3.4	Специфика пушкинского стихосложения.....	35
3.5	Смысловое содержание поэзии.....	53
3.6	Близость перевода к оригиналу	54
3.7	Исторически-временная подоплека и подход Пушкина	73
3.8	В заключение о настроении переводчика и о Пушкине-кумире	88
4	Анализ трагедии «Фауст» и её переводов	95
4.1	Хронология и история возникновения трагедии.....	95
4.2	Русские переводы «Фауста».....	98
4.3	Анализ стихотворных строк и строф.....	101
4.4	Специфика поэзии Гёте	106
4.5	Качество и аутентичность переводов «Фауста».....	117
4.6	К душевному состоянию Гёте.....	142
4.7	Вопросы и соображения между делом (из «Дневника переводчика») ...	146
4.8	К душевному состоянию переводчика	161
5	Анализ других поэтических произведений	170
5.1	Многообразие поэзии.....	170
5.2	Универсальность этого учения	172
5.3	Правомочность дальнейших переводов какого-либо произведения.....	180
6	Заключение	183
7	Литература	185
8	Приложения	189
8.1	Приложения к главе 3: „Евгений Онегин“	189
8.2	Приложения к главе 4: „Фауст“	229
8.3	Приложение к главе 5	279

*Стихотворенья новейши мои переводам подобны,
Нет, не ума беспокойного мощные взрывы невольны,
А лишь исканье наощупь, язык чтобы внутренних мыслей
Перевести надлежало в язык разговорный и ясный
(шестистопный дактиль)
Фридрих Рюккерт (11: 2016)
(переведено с немецкого)*

1 Введение

1.1 Предыстория моих переводов как предисловие

Я никогда не занимался литературными переводами, не говоря уже о поэтических. Как физик я должен был, правда, постоянно переводить научные статьи с английского, чтобы быть в курсе международного научного положения дел в моей области исследований. При этом речь не шла однако о том, чтобы перевести оригинал дословно и по смыслу и по стилю на собственный язык, а лишь о том, чтобы бегло просмотреть тексты, выделить и при надобности законспектировать существенное. Это и все, что касается моего опыта с переводом иноязычных текстов.

Что означает владеть каким-то языком? – Языковая самопроверка

Идея переводить такие большие поэтические произведения, как «Фауст» и «Евгений Онегин» пришла скорее из-за того, что я хотел провести своего рода языковую самопроверку. Когда я в 1990 г. приехал в Германию, моей наиважнейшей целью было вывести мой немецкий на такой уровень, на котором я мог бы писать немецкие стихи настолько же свободно и хорошо, как я это делал и делаю на русском. Вот только поначалу было о стихах – неважно на каком языке – и думать невозможно. Первые стихи как на русском, «Начало конца» [2: 37], так и на немецком, „Berliner Lied“ [3: 6] («Берлинская песня») написались лишь в 1993 г., но и те скорее как стихи по случаю или по поводу.

Мои переводы в собственных делах

После 2002 г. моя деятельность как физика все больше отклонялась от науки в сторону литературы. После моего романа в прозе „Поезд отправляется“ [4: 2006], который я писал на немецком и после перевел на русский, возникла моя поэтическая чэт-новелла «Интернетный романс» – открытый и развитый мной жанр, отличающийся от романов в письмах эпохи гуманизма не фиктивной, а реальной перепиской автора с его корреспондентами в интернетных чэтах, включающей значительную часть в

романтично-поэтической форме.

Эта романтическая, написанная на русском языке, что было обусловлено русской основой чэта, и содержащая много моих стихов на русском чэт-новелла [5: 92] должна была тут же быть переведена на немецкий, поскольку я веду с 2005 г. свою немецко-русскую литературную интернетную страницу (<http://www.literatur-viktor-prieb.de>) и большинство из того, что я пишу, появляется на ней как на русском, так и на немецком языках. В немецкую версию [6: 97] я ввел несколько эпиграфов, в том числе очень подходящие из трагедии «Фауст» И. В. фон Гёте. Это означало опять же, что эти эпиграфы теперь должны были быть переведены для русского оригинала на русский язык.

Так как я работал под довольно сильным временным давлением, то мне и в голову не пришло тратить время на поиски готовых переводов «Фауста». Кроме того, я хотел чтобы мое произведение было от А до Я аутентичным, если уж я стою сверху как автор. Так что я все перевел сам, и это было правильно, как показало позже его сравнение (как и множество дальнейших в главе 4) с фальсификациями «канонистов» Н.А. Холодковского и Б.Л. Пастернака:

Таблица 1.1 Пример сравнения трех переводов «Фауста» с оригиналом и между собой

Гёте [27: 17]	Холодковский [28: 2015]
1. MEPHISTOPHELES: Nein Herr! ich find es dort, wie immer, herzlich schlecht. 12a Die Menschen dauern mich in ihren Jammertagen, 13B Ich mag sogar die armen selbst nicht plagen. 11B	Мефистофель: Нет, что ни говори, а плох наш белый свет! 12a* Бедняга человек! Он жалок так в страданье, 13B Что мучить бедняка и я не в состоянии. 13B
2. MEPHISTOPHELES: Ich bin ein Teil des Teils, der anfangs alles war, 12a Ein Teil der Finsternis, die sich das Licht gebär, 12a Das stolze Licht, das nun der Mutter Nacht 10b Den alten Rang, den Raum ihr streitig macht 10b	Мефистофель: А я - лишь части часть, которая была 12a В начале всё той тьмы, что свет произвела, 12a Надменный свет, что спорить стал с рожденья 11B С могучей ночью, матерью творенья. 11B
Приб [30: 53]	Пастернак [29: 2015]
МЕФИСТОФЕЛЬ: Нет, Бог! По мне, там плохо все у бедолаг. 12a Жалки мне люди в дни убогие все паче, 13B Их мучить даже для меня задача. 11B	Мефистофель Да, господа, там беспросветный мрак, 10a И человеку бедному так худо, 11B Что даже я щажу его покуда. 11B
МЕФИСТОФЕЛЬ: Я ж часть той части, что в начале всем была, 12a Часть Тьмы, что Свет себе когда-то родила 12a Тот гордый Свет, который Матерь-Ночь 10b С тех пор изгнать пытается все прочь 10b	Мефистофель Я - части часть, которая была 10a Когда-то всем и свет произвела. 10a Свет этот - порожденье тьмы ночной 10b И <u>отнял</u> место у нее самой. 10b

*В этом примере цифры показывают число слогов в каждой строке, буквы – рифмующиеся строки в мужской (строчные) или женской (прописные) каденции (дальнейшее ниже)

Это было моё первое столкновение с поэтическим переводом, в связи с моей новеллой, и «Фаустом», как позже и с его «каноническими» переводами и

переводчиками Холодковским и Пастернаком. По ходу работы над немецкой версией той самой чэт-новеллы мне пришлось теперь делать авторские переводы моих собственных стихов с русского на немецкий. Это был мой первый опыт с поэтическим авторским переводом, который я вряд ли когда-либо повторю.

Эта работа причиняла мне почти боль, поскольку я как автор еще хорошо помнил, какой эмоциональный взрыв порождал во мне каждый на одном дыхании написанный стих и как это освобождало меня от избыточного внутреннего давления. Перевод же был, напротив, ремесленной возней, так что та эмоциональная переполненность, как в оригинале, была для меня недостаточной и недостижимой даже в технически хорошо удавшихся переводах. Логическим следствием для меня было то, что я буду лучше переводить чужие стихи, чем мои собственные.

Так, постепенно, я пришел к решению, перевести «Фауста» на русский язык. Это был чисто личный, сформулированный мной для себя самого вызов без всякого экономического и филологического значения. Поэтому мне было совершенно безразлично, сколько таких переводов и какого качества уже были сделаны. Я просто хотел знать! Я хотел знать, владею ли я языком в достаточной мере и помогут ли при этом и насколько мне, практикующему поэту, мои поэтические способности.

Каким языком должен владеть переводчик лучше, языком оригинала или языком перевода?

При вопросе о языке речь идет для поэта в любом случае, а для поэтического переводчика тем более, о словесном запасе – том источнике, из которого поэт должен черпать неограниченно, чтобы достичь своей поэтической свободы, т. е. свое духовное возбуждение, свою внутреннюю мелодию переложить в подходящие слова и записать их. Владение языком означает для поэта также, умение этот язык по действующим в нем грамматическим правилам расширить, если источник для его творения ничего подходящего больше не выдает. Поэтому поэзия и поэты действуют как развиватели языка и его первопроходцы.

На этом основании иноязычные тексты переносятся, как правило, на родной язык, т.е. на язык, которым переводчик владеет лучше всего. В такой степени я владею русским языком. Поэтому поначалу естественным для меня был перевод «Фауста» на русский. Работа продвигалась быстро и зачаровывала меня так, что даже мои будничные мысли, чем дальше, тем больше, крутились в голове в поэтической форме.

Я ощущал себя в чувствах, мыслях, поэзии объединенным с Гёте, чему не в малой мере способствовал, по-видимому, наш одинаковый «зрелый» возраст во время работы над «Фаустом».

Во время всей примерно трехмесячной работы я пребывал в шизофренично-творческом трансе, делал так много открытий и у меня возникало так много вопросов к принципам, а также к вспомогательным методам поэтического перевода, что я должен был их по ходу работы протоколировать и сохранять как «Дневник переводчика».

В результате этой работы я познал от Гёте столько много о немецком языке, включая его устаревшие или даже вымершие слова, о свободе обращения с языком, где все подчинено поэзии, что я осмелился как мой следующий вызов перевести пушкинского «Евгения Онегина» на немецкий, т. е. теперь наоборот, с моего «материнского» языка на выученный, но для меня – также как и для Гёте – очень любимый и родной язык, который я называю «отцовским» языком.

Поэтический перевод на иностранный язык

О Боже! Что за крамольное решение! Пушкин является святыней для русского литературного мира, из которого некоторые, как Владимир Набоков, утверждают, что «Евгений Онегин» с его прекрасной поэтикой, с совершенным ямбом, с игриво легкой рифмой и со специфической русской душой вообще поэтически неперево­дим и может быть лишь как проза со многими комментариями перенесена в иноязычную культуру.

После того как он (Набоков) при ранних попытках перевода еще мог следовать строгой схеме рифмовки четырнадцатистрочных строф «Онегина», он пришел в 1955 г. к следующим выводам:

„1. Рифмованный перевод «Онегина» невозможен.

2. Вместо этого возможно описать в ряде подстрочных ссылок модуляции и рифмы текста также как все его ассоциации и особенности.

3. Также возможно перевести «Онегина» в какой-то мере близко к смыслу, если заменить четырнадцать рифмованных в четырехстопном ямбе строк каждой строфы на четырнадцать нерифмованных строк различной длины от ямбического диметра до ямбического пентаметра.“

Dr. Sabine Baumann [7: 2012] (переведено с немецкого)

К счастью, я узнал это, моему дерзкому намерению не очень-то способствующее мнение Набокова о неперево­димости «Онегина» лишь позже. Мои основания для такой авантюры были снова скорее личного характера:

Во первых, после моего занятия «Фаустом» и, тем самым, после плотного и душевного знакомства с поэтическим немецким языком Гёте, я хотел знать, смогу ли я теперь достойно перевести на немецкий действительно прекрасную поэзию Пушкина. В данном случае то есть, удастся ли мне такой непривычный перевод с языка оригинала, с которым я вырос, на язык, который я только позднее по-настоящему выучил, поэтически прочувствовал и полюбил.

Во вторых, я писал уже собственные стихи на немецком с подобной же легкостью, как на русском.

В третьих, мой поэтический стиль на русском подобен стилю Пушкина. Это я слышал часто от моих друзей и коллег, после чтения им моих стихов. Я воспринимал это всегда как сомнительный комплимент с оттенком того сорта, что у меня нет своего стиля и я, якобы, лишь имитирую Пушкина. Ну ямб был, вообще-то, придуман не Пушкиным, чтобы быть им присвоенным, а существует ещё с античных времен и в различных культурах (метр аруза, например, в персидских рубайат). Пушкин научился лишь играючи владеть им, как и я тоже, хотя и он не всегда в совершенстве, если он зачастую начинает ямбическую строку с ударного слога, как, например, словом «или» (Таблица 3.2).

В четвертых, я подошел к этому поставленному мной самим заданию совершенно свободным и раскрепощенным: я ни перед кем не был в ответе за успех этого предприятия и за качество результата! Я не собирался результат опубликовывать, а писал «в ящик стола», как это называлось раньше, или «в собственные интернетные страницы», как я это называю сегодня.

Со всеми этими благими предпосылками и с хорошим чувством я взялся за перевод «Евгения Онегина». Работа продвигалась медленно, поскольку пушкинский оригинал после сложной поэтики и глубокомысленного содержания Гёте меня не вдохновлял больше и не мотивировал, а скорее утомлял и раздражал своей поэтической монотонностью и часто злостным эпиграммным содержанием, направленным против его современников и высшего света при царском дворе, к которому он сам очень даже охотно принадлежал.

Не владением языка и «поэтическим слухом» едиными ...

Мой «поэтический слух», с которым мне удавалось без особого знания стихосложения писать на пушкинский лад совершенные стихи, отказал мне тоже. Я

усердно и громко декламировал мои переведенные строки, чтобы проверить на слух их ямбическую мелодию, и они казались мне на этот счет в порядке. Но, как выяснилось позже, при компетентной проверке, это не был настоящий ямб. После многих желанных и даже искомых перерывов, таких как Рождество, Пасха, три месяца, потраченные на создание моего интернетного «Downloadshop», была моя, начатая осенью 2012-го, мучительная работа в конце 2013-го года окончена.

Я был, правда, доволен своими рифмами, своими интерпретациями и, вообще, тем, что эта гигантская и тягостная работа была, наконец, завершена. Однако я знал в то же время, что с мелодией что-то не в порядке, что я пушкинскую мелодию не совсем ухватил. Я начал проверять свой перевод и установил, что мой подход к делу был совершенно профанным. Вместо пушкинского чистого ямба я создал в моем немецком тексте чистую поэтическую тарабарщину из смешанных ямбически-хореических строк (видимо заразился от Гёте §4.2) с фальшивыми каденциями и прочими нечистотами.

Эти хореические вставки и обманули мой слух, поскольку какая-то же мелодия присутствовала, но не та, что у Пушкина. Это меня оскорбило и обозлило, поскольку я как физик был намуштрован и приговорен к профессионально строгой работе, где профанация просто невозможна. И вот представился, вдруг, сам как абсолютный профан! Итак, я решил пойти привычным мне профессиональным путем: сначала выучить филологические основы поэзии сами по себе, потом положение вещей в области поэтического перевода, включая анализ уже существующих переводов «Фауста» и «Онегина» и лишь затем редакционно и профессионально переработать мои неудавшиеся переводы.

На этом пути практического и теоретического опыта, который занял у меня пять лет – почти так же долго, как мое университетское образование как физика, возникли окончательные редакции моих переводов «Фауста» [30] и «Онегина» [20], а затем и это соответствующее моему глубокому убеждению «Учение о научно-поэтическом переводе».

1.2 Положение вещей

О чем, собственно, речь?

Художественный перевод иноязычных произведений, а тем более поэтических, занимает умы филологов, вероятно, еще со времен первых переводов Библии, Корана и произведений Гомера и Вергилия.

В основном спорят об этом филологи-теоретики, которые дискутируют о стратегиях и тактиках перевода, пытаются упорядочить многообразие переводов и только в одном едины: поэтический перевод – это самый сложный вид перевода вообще!

Диапазон созданных переводов характеризуется богатством и разнообразием, что демонстрирует разнообразие стратегий перевода и тактики в поисках решения «вечного» вопроса о восстановлении целостности оригинала в переведенном тексте. Практика перевода стала источником полярных мнений о переводимости поэзии. Возможность не только поэтического перевода, но и развития его теории ставится под сомнение, отчасти из-за сложности и несогласованности этого творческого процесса, но и из-за сложного характера поэтического текста.

Н. Шутёмова. Статья. [9: 60]

Эта цитата из статьи (2012 г.) как части диссертации [8] русской филологини показывает наилучшим образом, как филологи усложняют эту тему, чтобы ее «научофицировать», и занимаются самими собой и их «псевдонаукой», в то время как тема сама остается в стороне. Я, как один из верных основ метода анализа-синтеза и опытных в том ученых из области естественных наук, буду в моих дальнейших аналитических изложениях снова и снова возвращаться к софистским утверждениям филологов и подкреплять мои собственные утверждения к этой теме.

Каждый перевод из одного языка в другой понимается как коммуникация культур, при которой одна культура становится другой ближе или одна другую на этом пути вообще только познаёт посредством того, что она знакомится не только с чужими культурными произведениями, но и с носителями этой культуры, т. е. с творцами этих произведений, включая все их личные и творческие особенности.

Большой английский поэт Перси Биши Шелли писал в своей статье «Защита поэзии»: «Без классической поэзии было бы моральное общество вообще не мыслимо. Быть может можно было бы обойтись без произведений определенных философов, но абсолютно непредставимо, каким было бы моральное состояние мира, если бы не существовали Гомер, Данте, Петрарка или Шекспир. Так как только поэзия обладает властью привести человеческие способности к их раскрытию. Лишь поэзия может людей 'делать лучше', посредством того, что она пробуждает дух и открывает сердце к новым, благородным идеям.»

Утверждение Шелли полностью подтверждено историей: любое большое социальное, экономическое и моральное развитие людей действительно сопровождалось или было подготовлено расцветом поэзии, причем не ограниченным одной нацией или языковой культурой, а, еще важнее, через границы различнейших культур и цивилизаций и через тысячелетия.

И тут проявляется значение переводчика. Как бы иначе был познан вклад других культур, если бы не были переведены большие произведения?

Мурак-Муриэль Вейсбах 2002. [1: 2016] (переведено с немецкого)

В соответствие с этим для меня легко – без влечивых филологических дискуссий о каких-то стратегиях и тактиках перевода – сформулировать главное требование к переводу:

- **Каждый перевод должен по возможности плотно следовать оригиналу конкретного автора из конкретных культуры и времени, без искушения протащить туда как контрабанду собственный писательский или поэтический стиль, собственные мысли, собственную соответствующую стране и времени культуру.**

Все другое было бы фальсификацией чужой культуры и, следовательно, слишком аморальным, чтобы «морально развивать» людей другой культуры.

О комплексности (сложности) поэтического перевода и поэтических текстов

Полезное, по мне так даже необходимое требование к переводчику, но и к некоторым занимающимся этим филологам, быть самому сведущим в поэзии и самому обладать «поэтическим слухом» к независимым, как и в музыке, от языка мелодии и звучанию стихов, то есть самому быть активным поэтом. Тогда и не придет он к смешному для меня высказыванию, как вверху, о комплексности и противоречивости переводческого процесса, как и о комплексной природе поэтического текста самого по себе.

Что понимается под комплексностью поэтического перевода и как комплексны поэтические тексты сами по себе? Посмотрим же в лексиконе, что вообще означает понятие «комплексность»:

Комплексность – многослойность; проникновение друг в друга многих признаков

Duden. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de> (Дата обращения 2016)
(переведено с немецкого)

Это определение подходит скорее к плохим прозаическим текстам со многими придаточными, заключенными друг в друга предложениями или к плохим научным текстам со многими непонятными специальными понятиями и терминами, которые делают простую мысль, которую этот текст должен передавать, недоступной для непосвященного читателя.

Эта возможность усложнить содержание непредставима в поэтических, по природе своей лапидарных текстах, не говоря уже о том, что поэтические тексты действуют на мозг читателей не посредством сложных содержаний, а сверхчувствительно и непосредственно, как и музыка, на их души своими поэтическими импрессионистскими картинами, которые у каждого читателя могут быть различны, но для каждого полны воздействия.

Еще одно, несколько расширенное определение комплексности:

***Комплексность** – определяет поведение системы или модели, чьи многие компоненты могут различным способом взаимодействовать друг с другом, следовать лишь локальным правилам и которым инструкции высшего уровня незнакомы.*

Если возможно описать общее поведение системы, несмотря на полное отсутствие информации о ее отдельных компонентах и их взаимодействиях, то речь идет об эмергенции.

Wikipedia. [Электронный ресурс]. URL: <<https://de.wikipedia.org>>: (Дата обращения 2016)

(переведено с немецкого)

Таким образом, согласно этим определениям понятие «комплексность» определяет нечто, состоящее из отдельных простейших частей, а не какое-то нечто, которое тяжело анализировать и постичь, как это богобоязненно утверждается в цитируемой выше диссертации.

Так выстроенные, из отдельных первичных частей состоящие вещи легко исследовать с помощью фундаментального в естественных науках метода анализа-синтеза. Так как термин «анализ» означает «расчленение», тогда как «синтез» означает «сведение вместе», то в этом и состоит простота комплексных вещей. Так упростили ученые в естественных науках непостижимо бесконечную материю, установив, что она состоит из элементарных частиц, атомов, молекул.

Перевод любого поэтического текста должен технически начинаться с такого анализа-расчленения произведения-оригинала или его части, которая должна быть как раз переведена. Основы поэзии и построения текста показывают, как проста эта техническая или ремесленная часть «комплексного переводческого процесса» и как проста задача иноязычного перевода как синтеза, сведения вместе этих первичных составных частей оригинала, однако в другом языке.

1.3 Поэзия – ее простота и эмергенция

Что это, собственно, такое – поэзия?

Если речь идет о поэтическом переводе, то надо сначала определить понятие «поэтический». Этот термин относится естественным образом к понятию «поэзия» (от гр. ποιησις – „творение“), о котором каждый может считать, что он знает, что это такое. Поэзию можно в общем просто определить как вид возвышенной речи с особым по сравнению с будничной речью воздействием на ум и душу людей, что и определяет магию поэзии. Если такое воздействие чувствуется от внеречевых вещей, как утренняя заря, заход солнца над морем, то они тоже зовутся поэтическими.

Однако в филологии и этот термин «поэзия» спорный. С одной стороны, здесь строго разделяются литературные жанры. С другой стороны, этот термин очень широко понимается, так как он многое великодушно позволяет и охватывает, что можно лишь с трудом назвать «возвышенной» речью.

В немецком языке этот международный термин «поэзия» с XIX века практически исчез и был заменен специально немецким понятием „Dichtung“ (от старонемецкого ti[c]hten для – создавать, выдумывать, прочувствовать, упорядочить; в современном немецком также «уплотнение»). С тех пор под термином «поэзия» понимается только поэтическое искусство предыдущих эпох от античности до Ренессанса, Барокко и завершающего их Просвещения.

И в немецком языке тоже остается международный термин «лирика», обозначающий поэтические произведения, которые пелись под игру на лире. В эпоху Просвещения лирики почти не было, поскольку лирика служит выражению чувств, которые в пропагандирующем чистый разум Просвещении предосуждались:

Под лирикой понимается поэтическая форма, которая представляет собой третий после эпоса и драмы литературный жанр. Лирические произведения называются стихами или устаревающие поэмами

Wikipedia. [там же: 2016]

(переведено с немецкого)

Или в русской версии:

*Лирика, лирическая поэзия (от греч. *Λυρικός* – «исполняемый под звуки лиры, чувствительный, лирный») – род литературы, воспроизводящий субъективное личное чувство (отношение к чему-либо) или настроение автора. По словарю Ожегова лиризм означает чувствительность в переживаниях, настроениях, мягкость и тонкость эмоционального начала; словарь Т. Ф. Ефремовой отмечает характеризующие его эмоциональность, поэтическую взволнованность, задушевность*

Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <<https://ru.wikipedia.org>>: (Дата обращения 2016)

В этих поисках среди филологических терминов я пытаюсь найти определение для поэтических текстов, которое нам сразу даст ключ или основу для перевода на иностранные языки. Вместо этого меня снова путают все эти литературоведческие дискуссии о литературных жанрах и их разделении.

Секрет связанной речи

Больше всего соответствует цели моих поисков термин „Dichtung“ (вымысел, стихосложение, поэзия), однако только в его узком смысле (если выпустить внизу все подчеркнутые мною места):

Слово Dichtung означает вместе с тем литературный продукт и производственный процесс, благодаря которому он появляется, Dichten. Dichtung охватывает при этом как в широком смысле литературу с претензией на искусство вообще, так называемую прекрасную литературу, так и в узком смысле состоящие из стихов, оформленные в так называемой связанной речи тексты, к которым в отличие от прозаической беллетристики относятся в одинаковой мере метрические, ритмические, оформленные в свободных ритмах или свободных стихах модерновой поэзии, строфные или безстрофные, рифмованные и нерифмованные тексты. Оба применения термина Dichtung восходят на искусственность, открытие des Gedichteten (сочиненного), если не Erdichteten (вымышленного). Тяжелые лирические переводы часто называются Nachdichtungen (свободный стихотворный перевод)

Wikipedia. [Электронный ресурс]. URL: <<https://de.wikipedia.org>>: (Дата обращения 2016)

(переведено с немецкого)

Вот оно! Dichtung как связанная речь! Эта речь подлежит в ее построение строгим и совсем простым, лишенным любой комплексности правилам. В этом состоит простота поэзии! Она проявляется в ее завершенной общности посредством ее особенных, возвышенных над будничной речью ритмах и звуках как нечто магическое и непостижимое разумом. В этом состоит волшебство и эмергенция поэзии!

Коротко о модернистской антипоэзии

Самозванные «поэты-модернисты» отклоняют эти поэтические правила на том основании, что эти правила ставят слишком жесткие рамки, в которых поэт не может как человек искусства свободно двигаться, то есть не может в достаточной мере представлять свои поэтические картины и, таким образом, лишается своей творческой свободы.

Ну да, в наше время «почти-поголовной-грамотности» почти каждый может писать более или менее связные предложения или даже тексты. Если каждый называет себя при этом поэтом, то это означает, согласно моим терминам, «пролетаризация» поэзии, в смысле всеобщей доступности, в которой не признаются никакие особые и конкретные правила тысячелетней гильдии поэтов и никакие особые таланты для этой работы.

Я же, напротив, полностью разделяю противоположное мнение и о поэзии и о поэтах:

Едва ли надобно разъяснять, что каждое искусство имеет две стороны: творческую и техническую.

Способность к художественному творчеству есть прирождённый дар, как красота лица или сильный голос; эту способность можно и должно развивать, но приобрести её никакими стараниями, никаким учением нельзя.

Poetae nascuntur... (поэты рождаются...) Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни потратил. Каждый, или почти каждый, за редкими исключениями, может, если приложит достаточно стараний, научиться стихотворству и достигнуть того, что будет писать вполне гладкие и «красивые», «звучные» стихи.

Но такие стихи не всегда поэзия. Наоборот, технике стиха и можно и должно учиться. Талант поэта, истинное золото поэзии, может сквозить и в грубых, неуклюжих стихах, — такие примеры известны. Но вполне выразить своё дарование, в полноте высказать свою душу поэта — может лишь тот, кто в совершенстве владеет техникой своего искусства.

Мастер стиха имеет формы и выражения для всего, что он хочет сказать, воплощает каждую свою мысль, все свои чувства в такие сочетания слов, которые скорее всего находят отклик в читателе, острее всех других поражают внимание, запоминаются невольно и навсегда. Мастер стиха владеет магией слов, умеет их заклинать, и они ему служат, как покорные духи волшебнику.

Брюсов В.Я. 1912-1918 [10: 3]

Любой, кто утверждает нечто иное, является либо тщеславным, либо коррумпированным.

Пролетаризация поэзии посредством капитализации издательств

Политика «пролетаризации» поэзии поддерживается и проводится в основном капитализированными издательствами, для которых это скорее означает «прибылизация», согласно девизу «чем больше поэтоманов-пролетов будет опубликовано, тем больше наша прибыль». Достаточно пролистать альманахи Франкфуртской библиотеки Франкфуртского литературного издательства, чтобы понять глубину падения «поэтов и мыслителей» в нашей стране.

«Поэтическая» издательская махинация действует следующим образом. Это издательство объявляет каждый год общенациональный конкурс поэзии и собирает в результате тысячи якобы поэтических текстов вместе с тысячами адресов и персональных данных их авторов. Всем участникам конкурса вскоре сообщается по почте, что они являются победителями конкурса и их стих будет опубликован в этом альманахе, т.е. его автор будет объявлен немецким поэтом, как только он заплатит издательству определенную – немалую, но всем доступную – сумму денег.

После этого каждый получает от издательства сообщение о том, что его текст был отобран как лучший стих года и будет опубликован в альманахе «Лирика XXI-го века – Лучшие стихи года», как только наш – теперь уже «лучший» – поэт еще раз заплатит определенную – немалую, но всем доступную – сумму денег. В конце письма умильно-разоблачительная приписка: «Вы можете также вместо этого стиха прислать нам для публикации любой другой из ваших стихов» (!). И вот как выглядит в результате лучшая немецкая лирика 2011/2012 года:

Таблица 1.2 Пример пролетаризированной поэзии из народа

Siri Limberg (*1960) [11: 108]	Приб (непоэтический перевод)
Die Illusion	Иллюзия
So wie sie will ich mal nicht enden	Так как они я не хочу однажды кончить
Sagtest du	Сказала ты
Nun	Теперь
Irrst du dich durch Zeiten	Блуждаешь ты через времена
Wunderst dich	Удивляешься
Wenn du in der Realität auftauchst	Если в реальность ты всплываешь
Das Bemühen	Усилие
Deine Kraft zu erhalten	Сохранить свою силу
Ist schon längst erlahmt	Уж давно ослабло
Geblieben	Остался
Ist der Zorn	Только гнев
Den du im Kampf darum	Что ты в борьбе за то
Gefühlt und gesät hast	Чувствовала и посеяла
Die Verwirrung	Заблуждение
Mit der du ins Leere greifst	С которым ты цепляешься за ничто
Nein	Нет
So wie du werde ich mal nicht enden	Так как ты я однажды не кончу

Эти строки являются репрезентативными для всей антологии (из 2-х томов), потому что я их не выбирал, а просто открыл книгу на случайной странице.

Что мы здесь имеем? Это язык, отвязанный от всех, даже орфографических правил, лишенный любой возвышенности. Это уровень языка самого низшего пошиба! Ожесточенный автор, вероятно, оставленный его подругой (или другом?), злорадно сообщает о ее/его нынешнем жалком состоянии. Единственное, что намекает еще на нечто поэтическое, это позиция этого другого, который далек от реальности: «*Irrst du dich durch Zeiten/ Wunderst dich/ Wenn du in der Realität auftauchst* (Ты блуждаешь во временах/ удивляешься/ Если в реальность ты всплываешь)».

Кто дал этому издательству право, так позорить немецкую лирику XXI-го века, объявив за тридцать сребренников этот мусор лучшими стихами года? Я счастлив, что мой стих, выигравший якобы все конкурсы, не стоит рядом с этим, потому что я как автор «лучшего стиха года» по простой логике не был готов платить ни за его публикацию в «Альманахе», ни в этом сборнике.

Меня удивляет лишь желание даже таких авторов, как лауреат Нобелевской премии по литературе Гюнтер Грасс объявить их написанные в несвязном языке строки, в которых может находиться какая-то плотность (*Dichte*) чего угодно (в основном душевных экскрементов), но которые не имеют ничего общего с *Dichtung* в «открытом» мною выше смысле, сразу стихами, а самих себя, соответственно, поэтами!

Таблица 1.3 Обезображивание поэзии литературными корифеями

Günter Grass [12: 2012]	Prieb (поэтический ответ на прозу Грасса) [3: 38]
„Was gesagt werden muss“ Warum schweige ich, verschweige zu lange, was offensichtlich ist und in Planspielen geübt wurde, an deren Ende als Überlebende wir allenfalls Fußnoten sind. Es ist das behauptete Recht auf den Erstschatz, der das von einem Maulhelden unterjochte und zum organisierten Jubel gelenkte iranische Volk auslöschen könnte, weil in dessen Machtbereich der Bau einer Atombombe vermutet wird. Doch warum untersage ich mir, jenes andere Land beim Namen zu nennen, in dem seit Jahren - wenn auch geheimgehalten - ein wachsend nukleares Potential verfügbar aber außer Kontrolle, weil keiner Prüfung zugänglich ist?	"Was gereimt werden muss"... (anlässlich "des Gedichts" von Günter Grass vom Jahre 2012) Von Grass Gedicht? Hab's nicht gefunden! Ein Text, verfasst nur knapp und kurz, Der ähnelt eher einem Furz Von letztem Greis mit "Tinten"-Sünden! Wer hat nichts endlich zu befürchten, Verkündet das in alle Welt, Was gar nichts Neues drin enthält, In diesen ungereimten Wörtern. Was er da sagt, ist zwar schon wahr. Die Wahrheit kennt aber so jeder, Dass sie nicht mehr wert ist der Rede Von dieser "Pulverfass-Gefahr". Die kennt in Deutschland jedes Kind, Das deren Pulver dort bezahlt, Verflucht dazu für alle Zeit,

Das allgemeine Verschweigen dieses Tatbestandes, dem sich mein Schweigen untergeordnet hat, empfinde ich als belastende Lüge und Zwang, der Strafe in Aussicht stellt, sobald er mißachtet wird; das Verdikt "Antisemitismus" ist geläufig.	Bis seine Nation verschwind't.
Jetzt aber, weil aus meinem Land, das von ureigenen Verbrechen, die ohne Vergleich sind, Mal um Mal eingeholt und zur Rede gestellt wird, wiederum und rein geschäftsmäßig, wenn auch mit flinker Lippe als Wiedergutmachung deklariert, ein weiteres U-Boot nach Israel geliefert werden soll, dessen Spezialität darin besteht, allesvernichtende Sprengköpfe dorthin lenken zu können, wo die Existenz einer einzigen Atombombe unbewiesen ist, doch als Befürchtung von Beweiskraft sein will, sage ich, was gesagt werden muß.	Hier könnte der Nobelpreisträger, Schon besser schützen deutsches Heim, Schrieb bloß die Wahrheit ohne Reim, Als aller deutschen Kinder Kläger.
Warum aber schwieg ich bislang? Weil ich meinte, meine Herkunft, die von nie zu tilgendem Makel behaftet ist, verbiete, diese Tatsache als ausgesprochene Wahrheit dem Land Israel, dem ich verbunden bin und bleiben will, zuzumuten.	Vergaß wohl schon der alte Mann In seinem Öffentlichkeitsdrang, Wie mal - auch ohne Dichtungszwang - Bestrafft' das Schicksal Möllemann!
Warum sage ich jetzt erst, gealtert und mit letzter Tinte: Die Atommacht Israel gefährdet... и т.д.	Die Meute von partei'schen Ratten Zerfleischt nun als Freiheitswächter Und uns'res Bundestages Pächter Den "unpartaiischen Piraten"! Wir lassen auch zum x-ten Male Dies alles über uns ergehen. Im Namen Volkes führt Geschehen Uns wieder zum verstopften Maule!
	Ansonsten, ohn' dies zu bereuen, Bewund're ich die SS-Garde, Die letzten Träger alter Würde - Der deutschen Ehre und der Treue!
	Mich lehrte andere Geschichte: Mein Vater war darein gezwungen! Von ihm erfuhr, ohn' Doppelzunge, Von dem Verrat und dem Vernichten!

Если никем к этому не проверенное, не допущенное и не уполномоченное коммерческое издательство объявляет этот от всего отвязанный (развяз(ан)ный) язык современных «пролетов-модернистов» как «Поэзия XXI-го века – лучшие стихи года», то есть возвышенным над повседневной речью языком классической гуманистической поэзии, то не следует возмущаться уровнем повседневного языка «пролетов» в социальных сетях. И не только интернетные гиганты, как «Facebook», «Twitter» и другие, несут ответственность за деградацию и огрубление языка «поэтов и мыслителей», но и эти издательства, которые каждого платящего «пролета» и поэра делают Поэтом за «скромную» сумму денег, в погоне за собственной прибылью. Такое декадентство привело, как известно, к падению Римской империи.

1.4 Общая краткая история модернизма

Приступы модернизма, правда на гораздо более высоком языково-поэтическом уровне, являются, кстати, в тысячелетней истории поэзии вовсе не такими современными. Попытки различных поэтов восставать против господствующей к их времени поэзии, имели место во всех эпохах и приводили, в конечном итоге, либо к возрождению классической поэзии, например, Вергилия и Горация, к сменам

поэтических эпох или же не приводили ни к чему, а во времена полной грамотности – к пролетаризации поэзии.

Большинство изменений происходили во времена, характеризующиеся в основном социальными потрясениями, такие как Реформация (1517–1648), Просвещение (1700–1800), всевозможные революции от Парижской коммуны (1871, Виктор Гюго, Артур Рембо) до российской революции (1917, Авангард: В. Маяковский, молодой А. Блок), и касались скорее поэтического стиля, а не основ связанного языка классической поэзии.

Ренессанс Пьера де Ронсара

Одно из самых глубоких и долговременных влияний на европейскую лирику (Э. Спенсер, В. Шекспир, И. В. Гете, А. С. Пушкин) было оказано французской группой поэтов «La Pléiade» («Плеяды»), представленной Пьером де Ронсаром (Pierre de Ronsard, 1524–1585 г.г.). Ронсар призывал к обогащению национальной поэзии изучением греко-латинской (римской) литературы. Таким образом, он выступал за возрождение гуманизма в поэзии.

Гуманизм распространился из Италии с XIV века и пропагандировал возрождение древней эрудиции («К истокам»). Ронсард снова оживил четырех-, пяти- и шестистопный (александрийский) ямбические метры. В средневековой Германии и Европе затихали постепенно Книттел-вириши (четырёхстопный, попарно рифмованный стих с нерегулярными метрами) и песни менестрелей, в то время как в Италии Данте Алигьери (1265–1321 г.г.) и Франческо Петрарка (1304–1374 г.г.) уже давно писали свои поэтические трагедии и сонеты.

Просвещение «Бури и натиска»

В конце эпохи Просвещения появилось в «германских землях» литературное движение «Sturm und Drang» («Буря и натиск»: 1767–1790 г.г.), которое выступало против господствующих французских и английских образцов, против пропагандируемого Просвещением преобладания разума и морали и выступали за независимую национальную литературу, за эмансипацию гения и чувствительности в лирике вместо регулярной поэзии.

Самыми известными представителями этого движения были юный Гёте, Шиллер, Бюргер, Лессинг, Гердер. Эта короткая эпоха называется временем гениев, которое принесло тогдашней Германии репутацию «страны поэтов и мыслителей», к

сожалению, кратковременную, сформулированную восторженной после общения с Гёте и Шиллером французской писательницей мадам де Сталь.

Один из таких гениальных моментов представляет собой знаменитое и блестящее раннее (1771 г.) стихотворение Гёте «Приветствие и прощание».

Таблица 1.4 Пример совершенной поэзии в оригинале и в переводе

Goethe [13: 2015]	Приб [23: 303], [14: 2019]	Клеция (Nickname) [15: 2015]
Willkommen und Abschied (Поздняя версия 1789 г.) Es schlug mein Herz, geschwind, zu Pferde! Es war getan fast eh gedacht. Der Abend wiegte schon die Erde, Und an den Bergen hing die Nacht; Schon stand im Nebelkleid die Eiche Ein aufgetürmter Riese, da, Wo Finsternis aus dem Gesträuche Mit hundert schwarzen Augen sah. Der Mond von einem Wolkenhügel Sah kläglich aus dem Duft hervor, Die Winde schwangen leise Flügel, Umsausten schauerlich mein Ohr; Die Nacht schuf tausend Ungeheuer, Doch frisch und fröhlich war mein Mut: In meinen Adern welches Feuer! In meinem Herzen welche Glut! Dich sah ich, und die milde Freude Floß von dem süßen Blick auf mich; Ganz war mein Herz an deiner Seite Und jeder Atemzug für dich. Ein rosenfarbnes Frühlingswetter Umgab das liebliche Gesicht, Und Zärtlichkeit für mich - ihr Götter! Ich hofft es, ich verdient es nicht! Doch ach, schon mit der Morgensonne Verengt der Abschied mir das Herz: In deinen Küssen welche Wonne! In deinem Auge welcher Schmerz! Ich ging, du standst und sahst zur Erden Und sahst mir nach mit nassem Blick: Und doch, welch Glück, geliebt zu werden! Und lieben, Götter, welch ein Glück!	Приветствие и прощание (Счастье любви) Стучало сердце мне, по коням! В мгновение ока был я прочь. Уж вечер землю кутал в лоно И на горах висела ночь. Уж дуб стоял, одет туманом, Как вздыбившийся великан, Тьма из кустов глядела рано Глазами черными в туман. Печальным призраком <u>застыли</u> Тумана ключья при луне Ветра, расправив тихо крылья, Зловеще выли в ухо мне. Ночь создала чудовищ тыщи, Но мужества я полон был: Что за огонь мне в жилах, мышцах! И что за страстный в сердце пыл! Узрел тебя я, радость взгляда Твоих глаз овладела мной. Я всей душой с тобой был рядом, Был для тебя вздох каждый мой. Весенней розовой погодой Окутан милый лик был твой, И нежностью ко мне – о боги! Любви я ль заслужил такой! Но, утром уж, на восхода бреге Прощанье, как на рану соль: Какая в поцелуях нега! В глазах твоих какая боль! Пошел я, взгляд в слезах мне в спину Твой долго я забыть не мог: Всё ж что за счастье быть любимым! Любить - какое счастье, Бог!	Встреча и прощание Биенья сердца!.. Жажда встречи! В седло! – И ветром <u>полетел!</u> Уже баюкал землю вечер, На горы ночи лик <u>глядел!</u> Уже в туманном одеянье, Как исполин, там дуб <u>стоял!</u> Где тьмы покров листья сиянье Крылом чернеющим <u>объял!</u> Луна, по юности тоскуя, Смотрела из-за туч, как дух; Ветров безумствующих струи Нешадно обжигали слух; Но мрак отвага <u>побеждала!</u> Торжествовавшая во мне: О, в венах пламя как <u>пылало!</u> И в сердце жар! Всё как во сне! Тебя увидел я, ...и радость Твою я чистую <u>объял!</u> Я сердца отдал тебе младость И только для тебя <u>дышал!</u> И свет весны, что с феей схожа, Тебя прелестно <u>окружил!</u>... Познал я нежность твою... Боже! О чем я это <u>заслужил!</u> Явило солнце совершенство – Сжимает сердце мне <u>прощанье!</u> Твой поцелуй – само блаженство! В твоих глазах – одно <u>страданье!</u> Я уходил – ты недвижимо Стояла, слёз не в силах <u>скрыть!</u> О Боже! Счастье – быть любимым! И величайший дар – <u>любить!</u>

*Здесь выделены соответственно глагольные рифмы и рифменные глаголы (см. ниже).

Гении «Бури и натиска» справедливо утверждали, что классические метр и рифма могут делать длинные поэтические произведения монотонно скучными, и дискутировали о том, как этого избежать поэтически. Так возникли их прекрасные ямбические стихотворения без рифмы (Blankverse – белые стихи) и ямбическо-хореические блоки (Knittelversen) Гёте как дополнительное поэтическое средство выражения. Эта эпоха закончилась с обращением Гёте к классикам и привела к

романтизму (1795–1848 г.г.: А. и Ф. Шлегель, Ф. Рюккерт, Л. Уланд, Г. Гейне, П.Б. Шелли).

Импрессионизм и символизм Поля Марии Верлена

Литературные импрессионисты и символисты с одним из их основателей Полем Марией Верленом (1844–1896 г.г.), французским лириком из Парнасской группы вокруг Теофила Готье, отвергали устаревший, по их мнению, романтизм и пропагандировали «искусство ради искусства». Их девизом было: «Искусство самодостаточно и не должно служить какой-либо внешней цели». В высшей степени музыкальные стихи Верлена выражают самые прекрасные чувства. Музыкальное звучание его стихов более важно для Верлена, чем их содержание, что делает якобы их перевод особенно сложным. Верлен повлиял на искусство нео-романтизма.

Авангард и футуризм как предвестники антигуманистского модернизма

Авангардисты и футуристы, такие как Владимир Маяковский (1893–1930 г.г.) в России были очарованы динамикой и неутомимостью городской жизни и пытались провоцировать простолудинов. Они выступали за радикальный разрыв с традиционным искусством. Поначалу приветствуемое большевиками как революционное искусство, закончилось это течение политически-социалистическим реализмом. От того времени остались лишь такие поэты, как А. Блок и С. Есенин, из-за их чудесной классической лирики.

Футуризм привел на международном уровне к развитию модернизма: экспрессионизм, конструктивизм, дадаизм, сюрреализм. Недаром имел футуризм свое происхождение в Италии, где художники хотели освободиться от веками доминирующего Ренессанса и присоединиться к модернизму. В Германии привел футуризм к доминированию в XX веке и, к сожалению, до сегодня (таблицы 1.2 и 1.3) свободных ритмов, освобожденных от всех метрических и рифменных правил, в отличие от свободных стихов. Однако начало такого развития от регулярной поэтики к модернистским свободным ритмам было положено еще задолго до футуризма Фридрихом Клопштоком в XVIII веке.

Футуризм, как и все революционные, антибуржуазные движения в своих попытках разрушить жесткие формы, разрушил в своей ярости основы человечности и лирики – гуманизм. Не оставив в поэзии значительных следов, этот современный модернизм привел, я бы сказал, к аморальному, бесчеловечному Злу Первой и Второй мировых

войн, а также к возникшим между ними людоедским коммунистическим и фашистским режимам и к сегодняшнему общественному декаденству.

1.5 Зачем переносить «развяз(ан)ный» язык в другие культуры?

Возвышенность связанного языка вовсе не позволяет проникать в лирику чему-то другому, кроме благотворения и любви, чему-то злему, каким-либо низшим чувствам как те, что преобладают в Таблице 1.2. Если поэт отступит от правил этого языка, то он перестает более считаться проповедником любви и прекрасного. Это так же, как с религией, чьи строгие правила также были одним из оснований для этих культурных революций. Можно восставать против религиозных институтов и их трактовок религии, критиковать и реформировать их, как это сделал Мартин Лютер, но нет никаких оснований для отмены религии, которая ставит благотворение и любовь превыше всего.

Ну да ладно! В конечном итоге это задача теории поэзии, определить в общем, что такое «поэтический» и в чем заключается поэтичность текстов. Моя же цель – разработать практическое учение о научно-поэтическом переводе. В этом смысле произведения, приведенные выше (Таблицы 1.2 и 1.3), не имеют отношения к моему учению, потому что они не являются ни поэтическими, ни культурно ценными ни для родных, ни для иноязычных читателей, чтобы переносить их в другие культуры.

2 Стихование как основа научно-поэтического перевода

Поэзия и музыка ставятся часто и по праву в один ряд в связи с их ритмической структурой. При этом ни одному нормальному человеку без музыкального слуха не придет в голову идея сочинять какую-то музыку, чтобы стать самозванным композитором. Немногие из тех самозванных поэтов понимают, вероятно, что «поэтический слух» в поэзии также существует и имеет решающее значение, как совершенно верно утверждает Брюсов в приведенной выше цитате [10: 2016] о врожденном таланте.

Единственный секрет связанного языка заключается в том, что он подлежит эксплицитным правилам. Благодаря этим правилам возникают легко опознаваемые специфические поэтические ритмы, которые определяют сердце и душу каждого поэтического произведения и не требуют дополнительных критериев поэтичности. Эти правила можно найти в стиховедении. Лишь они предоставляют поэтическому переводчику истинные и полезные указания для адекватного воспроизведения оригинала с его ритмами и звучанием на другом языке, а не какие-либо высоко научные филологические рассуждения о стратегиях, тактиках и преломлениях.

2.1 Структура стиха

Ритм стиха определяется его метром – строго определенной последовательностью ударных (сильных) и безударных (слабых) слогов, подобно тому, как специфические свойства (цвет, запах, вкус и т.д.) веществ определяются состоящими из атомов молекулами как элементарными носителями этих свойств, как я это для примера уже упоминал выше. Роль атомов, фундаментальной составляющей всей материи, берут на себя, соответственно, слоги – фундаментальная составляющая слов и предложений во многих языках.

Таким образом, можно в отношении переводимости поэзии сразу утверждать, что каждое метрическое поэтическое (написанное в соответствии с правилами стиховедения) произведение принципиально переводимо адекватно на все языки, основанные на слогах. Для представления стихотворных ритмов (ударений, метров) или тактов, как и в музыке, применяются при акцентированном принципе стиха (например, в немецком, русском, английском) в соответствии с метрическими условными обозначениями символы «○» для безударных слогов и символ «—» для ударных слогов. С помощью этих символов представляются схематически в общем

многосложные комбинации (повторяющийся элемент, называемый метрической стопой) и их многостопные ряды (стихотворный размер или метр) как схемы стихотворной строки [16]. Наиболее распространенными являются двусложные строки:

Ямб: — —, — —, — —, — —, (—)

Хорей: — —, — —, — —, — —, (—)

Реже встречаются трехсложные метры:

Дактиль: — — —, — — —, — — —, — — —

Анапест: — — —, — — —, — — —, — — —

Амфибрахий: — — —, — — —, — — —, — — —

Длина строки измеряется в метрах, стихотворных стопах, ударениях или тактах. Все приведенные выше для примера схемы представляют собой четырехтактные или четырехстопные строки.

И, наконец, в рассматриваемой здесь акцентирующей метрике играет важную роль для ритмического построения стихотворной строки тип закрытия строки, так называемая «каденция». Существует три типа каденции:

мужская или глухая каденция (оканчивается ударным слогом, выше: ямб без скобок и хорей со скобками в конце)

женская или звучная каденция (оканчивается безударным слогом, выше: ямб со скобками, хорей без скобок в конце)

богатая или плавающая каденция (оканчивается несколькими безударными слогами)

Это общие правила построения стиха (стихотворной строки). Несколько стихотворных строк, связанных разными характеристиками, составляют одну стихотворную строфу.

2.2 *Формы и формулы строфы, схемы рифмовки*

Поэтическое произведение состоит из одного или нескольких сегментов, разделенных абзацем (пустой строкой) и называемых строфами. Строфа состоит из нескольких стихотворных строк. Строфы, а также разделы в прозаическом тексте обычно имеют свой собственный смысловой контекст или даже их собственную маленькую тему.

Разделение своего произведения на строфы находится, в конечном итоге, на усмотрение поэта, не требует анализа и объяснения и, следовательно, требует поэтического перевода один к одному, как показывает пример с «Приветствием и

прощанием» И. В. Гёте [13] в Таблице 1.4. В этом прекрасном стихотворении каждая из четырех строф состоит из восьми стихотворных строк (при условии, что это традиционное разделение соответствует сделанному самим Гёте). Разделение строф предпринято, по-видимому, на содержательно-тематической основе:

1. Желание сердца и решение ехать, несмотря на невзгоды ночи.
2. Мужественный и страстный путь в жутком окружении
3. Радость и вознаграждающее счастье встречи.
4. Боль прощания и философски кульминационный момент о чуде и возвышенном блаженстве любви!

Поэтическая строфа, в отличие от прозаического абзаца, содержит также определенную схему рифмовки, показывающую определенное количество стихотворных строк в строфе, а также другие специфические характеристики, такие как метр, длина строк (количество слогов в отдельных стихотворных строках). Эти особенности и образцы определяют разные формы строфы. Существуют стандартные формы, которые характеризуются строгими метрами и схемами рифмовки, такими как, например, станс, сонет, мадригал, ода или элегия представленные особенно в классической поэзии.

Формы строфы обобщенно называются только в соответствии с количеством стихотворных строк:

Двухстрочник:	куплет , дистихон
Трёхстрочник:	терцет , тристихон
Четырёхстрочник:	квартет , тетрастихон
Пятистрочник:	квинтет
Шестистрочник:	секстет и т. д.

Формы строф в метрическом формульном обозначении (формула строфы) определяются количеством стихотворных строк в каждой строфе, метром строки (**ja** для ямба, **tr** для хорей), числом ударных слогов (надстрочный индекс) и схемой рифмовки в квадратных скобках. Последовательность букв в квадратных скобках указывает на схему рифмовки строфы или целого стихотворения, причем одинаковые буквы отвечают рифмующимся между собой стихотворным строкам.

Различают разные схемы рифм. Наиболее распространенными являются рифмы:

Парная (смежная):	aabb;
Перекрестная:	abab;
Кольцевая (опоясывающая или охватная рифма):	abba;
Сквозная:	aaaa;
Скрещенная:	abcabc;
Запутанная (шлейфовая рифма):	aabccb (aa+bccb);

Цепная:

aba bcb cdc и т. д..

Для стихотворения Гёте (Таблица 1.4) выглядит формула для четырех строф из восьми четырехстопных ямбических строк следующим образом:

$$8ja^4 [ababcdcd efefghgh ijijkjkj lmlmnono] \quad (2.1)$$

Однако такая метрическая запись для схемы рифмовки строфы не учитывает важную особенность, а именно каденцию. Это делается путем введения в схему рифмовки дополнительных букв: m (мужская) и w (женская). Формулы для всех четырех строф всего стихотворения Гёте (Таблица 1.4) были бы следующими:

$$\begin{aligned} 8ja^4 [wa mb wa mb wc md wc md] \\ 8ja^4 [we mf we mf wg mh wg mh] \\ 8ja^4 [wi mj wi mj wk ml(=j) wk ml(=j)] \\ 8ja^4 [wm mn wm mn wo mp wo mp] \end{aligned}$$

Эти формулы показывают, например, что строфы в стихотворении Гёте – помимо третьей строфы, в которой строки с четными номерами рифмуются, скорее, случайно ($l=j$), – фактически должны бы быть четырехстрочными, если бы Гёте структурировал их по схеме рифмовки.

В качестве альтернативы можно для экономии места обозначить женскую каденцию большими (прописными), а мужскую – маленькими (строчными) буквами: $wa=A$, $mb=b$. Тогда формула (2.1) выглядит следующим образом:

$$8ja^4 [AbAbCdCd EfEf GhGh IjIjKjKj LmLmNoNo] \quad (2.2)$$

Восьмистрочные строфы (октавы) как форма строфы являются, на самом деле, характерными для стансов, но они обладают своей специфической схемой рифмовки (формулой строфы):

$$8ja^5 [AbAbAbcc] \quad (2.3)$$

Этот метод написания буду использовать и я в моих дальнейших анализах.

2.3 Стихотворный анализ как залог переводимости поэтических текстов

Этот обзор основ стиховедения, которое преподается в немецких школах по предмету «стихотворный анализ», достаточен для правил научно-поэтического перевода. Важно помнить, что все эти основы и учения были разработаны литературоведами, а не поэтами. Они необходимы ученым, чтобы специфицировать, классифицировать и, тем самым, сопоставлять друг с другом все разнообразие поэтических форм, созданных на протяжении тысячелетий или отличать их друг от

друга. Ни один поэт не думает о каких-либо метрах и схемах или о том, чтобы считать слоги, когда пишет, увлеченный Музой, свои произведения!

Схемы рифмования и формулы строф, полученные в результате анализа оригинала, который каждый переводчик должен проводить в первую очередь, включая все особые отклонения и специфические нерегулярности, которые, как правило, используются поэтами как дополнительные средства выражения, должны быть найдены в тех же местах перевода без какого-либо улучшения, поскольку целью является перевод искусства поэта-автора оригинала в иноязычную культуру, а не художественных претензий поэта-переводчика. Только в этом случае является перевод аутентичным, адекватным и достойным для ознакомления с ним иноязычных читателей.

Из этого неизбежно результирует для меня основное правило научно-поэтического перевода:

- **оригинал анализировать и строго следовать формам и формулам его строф и схемам рифмовки в них, а также сохранять выходящие за эти классические рамки дополнительные средства выражения!**

Это основное правило будет в дальнейшем дополнено некоторыми другими важными правилами.

3 Анализ романа «Евгений Онегин» и его переводов

Как я уже упоминал в предисловие, в 2012 году я перевёл «Фауста» на русский язык. Затем, в 2013 году, последовал перевод «Евгения Онегина» на немецкий язык. Квалифицированный очень поучительным взаимодействием этих двух практических переводческих процессов и последующим теоретическим углублением в литературоведческие секреты поэзии, я переработал в конечном итоге сначала «Евгения Онегина» [20] и затем «Фауста» [30] к их сегодня опубликованному, окончательному редакционному виду.

Независимо от этой последовательности, я начну свой анализ с «Евгения Онегина», потому что роман в стихах построен намного проще в смысле схемы рифмовки, формы и формулы строфы и поэтому его гораздо проще и быстрее анализировать, чем трагедию «Фауст».

3.1 Анализ стихотворных строк и строф

Роман в стихах «Евгений Онегин» [17: 2014] состоит из более чем 400 одинаковых по схеме рифмовки строф, которые пронумерованы римскими цифрами как части одной из восьми глав. Точное число строф трудно определить количественно, поскольку в каждой главе есть некоторые пронумерованные, но не написанные или вычеркнутые цензурой, или лишь частично написанные строфы. Каждая строфа состоит из четырнадцати стихотворных строк, написанных четырехстопным ямбом (ямбический четырехтактик), как это свойственно, собственно, форме сонета, но имеет совершенно другую, собственную схему рифмовки:

$$14ja^4 [AbAb CCdd Effe gg] \quad (3.1)$$

Итак, каждая строфа романа содержит три разные схемы рифмовки: первые четыре стихотворные строки написаны в перекрестной рифмовке, начатой в женской каденции (в схеме рифмовки обозначены прописными буквами); следующие четыре строки – в парной рифмовке, начатой в женской каденции; следующие четыре – в кольцевой рифмовке с маргинальными строками в женской каденции и последние две строки – в парной рифмовке с мужской каденцией.

3.2 «Онегинская строфа»

Эта специфическая форма строфы получила даже свое собственное название «Онегинская строфа». Строфы не связаны друг с другом рифмой, даже если последняя строка строфы иногда заканчивается в следующей строфе через границу нумерации,

как показано в примерах в сравнительной таблице 3.1 (подробно о технике сравнения в §4.2 и §4.3). В этих и во всех последующих примерах я показываю отрывки из оригинала [17] в сравнении с моим переводом 2013 г. [20], переводами Т. Коммихау 1916 г. [18] и Р.-Д. Кайля, 1980 г. [19]:

Таблица 3.1 Примеры перекрытия «Онегинских строф»

<i>Пушкин</i>	<i>Коммихау</i>
ГЛАВА 3 И задыхаясь на скамью XXXIX Упала... «Здесь он! здесь Евгений!»	KAPITEL 3 Und sinkt erschöpft auf eine Bank XXXIX »Er hier, Eugen!« Sie stöhnt und wimmert
ГЛАВА 5 V На небе с левой стороны, VI. Она дрожала и бледнела.	KAPITEL 5 V Des jungen Monds zur linken Hand, VI Dann überkam sie leises Bangen.
ГЛАВА 6 VI И на барьер поставить их, VII. Иль помириться их заставить,	KAPITEL 6 VI Bis ein Duell zustande kam. VII Half manchmal auch sie auszusöhnen,
XLII Подробно обо всем отдам, XLIII. Но не теперь. Хоть я сердечно	XLII Ein andermal euch Rede stehn, XLIII Nicht jetzt. Zwar bin ich meinem Helden
ГЛАВА 7 XXXI Ведут на двор осьмнадцать кляч, XXXII. В возок боярский их впрягают,	KAPITEL 7 XXXI Drauf führt man achtzehn Klepper vor XXXII Und schirrt sie an die Schlittenstränge.
ГЛАВА 8 XV Зовется vulgar. (Не могу... XVI. Люблю я очень это слово,	KAPITEL 8 XV Man <i>vulgar</i> nennt. (Ich kann es nicht, XVI Ich kann das Wort nicht übersetzen,
XXXIX Куда по нем свой быстрый бег XL. Стремит Онегин? Вы заране	XXXIX Doch was bedeutet diese Hast? XL Wo stürmt er hin? Aus welchen Gründen?
Приб	Кайль
KAPITEL 3 XXXVIII Und, außer Atem, auf die Bank XXXIX Fiel nieder... „Er ist da! Er, Eugen!	KAPITEL 3 XXXVIII Und sinkt erschöpft mit einem Ach XXXIX Dort auf die Bank... „Er ist gekommen!“

KAPITEL 5 V Im Himmel links am Horizont, VI Sie zitterte. Bei Sternenschnuppe, KAPITEL 6 VI Und zur Barriere beiderseits VII Oder zu zwingen sie zum Frieden XLII Bericht erstatten ins Detail, XLIII Doch noch nicht jetzt. Wenn ich natürlich KAPITEL 7 XXXI Man führt schon Gäule auf den Hof XXXII Und spannt sie ein vor jeden Schlitten, KAPITEL 8 XV Man <i>vulgar</i> nennt. (Kann nicht, du weißt XVI Das Wort mag ich ohn' Übersetzung, XXXIX Wohin strebt seinen schnellen Lauf XL Onegin? Ihr wisst's ohne Zweifel.	KAPITEL 5 V Am Himmel, aber linkerhand, VI Erschrak sie und verlor die Farbe; KAPITEL 6 VI Vor die Barrieren stellen kann, VII Beziehungsweise zur Versöhnung XLII Bericht von jeder Einzelheit, XLIII Nur jetzt nicht. Wohl hab ich gebühlich KAPITEL 7 XXXI Schon stehn im Hof die achtzehn Gäul, XXXII Die angespannt nun werden sollen, KAPITEL 8 XV Als <i>vulgar</i> . (Nein, ich weiß nicht, wie ... XVI Obwohl das Wort mir lieb und teuer,, XXXIX Wohin lenkt über ihn hinweg XL Onegin seinen Lauf? Sie ahnen.
--	---

Я не знаю, каким образом Пушкин пришел к этой жесткой форме «Онегинской строфы». Возможно, он был впечатлен четырнадцатистрочной формой сонета для своего «любовного романа», которая со времен Петрарки считается «любовной поэзией». Сонет также состоит из четырнадцати стихотворных строк, которые, однако, делятся на четыре короткие строфы (два квартета и два финальных триплета) и имеют более четырех (от пяти до шести) стоп. Форма строфы Пушкина похожа на английский сонет (§5.2), состоящий из трех квартетов и одного куплета (дистихона), однако с пятистопными ямбическими стихотворными строками, обычно с мужской каденцией.

Все эти униформные строфы стояли перед поэтом, как более 400 (первоначально Пушкиным были запланированы десять глав) сосудов, которые он должен был количественно и качественно наполнить. Ужасная картина для меня! Даже игривая гениальность Пушкина не гарантирует требуемой точности. Это еще даже наименьшее

зло, что некоторые из сосудов переполнены и переливаются то здесь, то там через край, как показано в Таблице 3.1 или же остаются лишь частично заполненными.

Главная проблема Пушкина заключалась в том, что ему не хватало сущности и сосуды часто наполнялись лишь с большим трудом чрезмерно выкрученными, но мало говорящими и трудно понимаемыми предложениями или его болтовней о том, о сем и ни о чем, как я буду показывать это снова и снова в ходе дальнейшего анализа.

3.3 Другие формы строф в романе

Лишь в трех случаях изменяет Пушкин форму его строф-«сосудов»:

1. Написанное как ямбический четырехтактик посвящение с формулой строфы:

$$17ja^4 [AbAb CdCdC eFFe GhGh] \quad (3.2)$$

2. В четырехстопном хоре без рифмы (как народное хороводное пение) написанная песня девушек в третьей главе.
3. Также как и основные строфы в четырехстопном ямбе написанные и из многих строф состоящие письма Татьяны и Онегина, которые соответствуют следующим формулам строф:

Письмо Татьяны к Онегину

$$\begin{aligned} &1\text{-я строфа } 17ja^4 [AbAbA cc DeeD ff GhhG iJiJ] \\ &2\text{-я строфа } 9ja^4 [aBaBB cDDc] \\ &3\text{-я строфа } 28ja^4 [aBBa CC dEEd FF gHgH iJiJ kLLk MnnM] \\ &4\text{-я строфа } 4ja^4 [aBaB] \end{aligned} \quad (3.3)$$

Письмо Онегина к Татьяне

$$\begin{aligned} &1\text{-я строфа } 8ja^4 [aBBa CdCd] \\ &2\text{-я строфа } 14ja^4 [aa bCCb DeDe FggF] \\ &3\text{-я строфа } 8ja^4 [aBaB cDcD] \\ &4\text{-я строфа } 10ja^4 [aBaB cc DeDe] \\ &5\text{-я строфа } 16ja^4 [AbAb CdCd eFef GhhG] \\ &6\text{-я строфа } 4ja^4 [aBBa] \end{aligned} \quad (3.4)$$

Это уже и весь полный структурный анализ романа. При этой простой и знаменитой форме строфы кажется очевидным, что ни одному немецкому или другому иноязычному переводчику не придет в голову размышлять и дискутировать о каких-либо стратегиях, тактиках, преломлениях, сложностях и подобной псевдонаучно-литературоведческой галиматее и изменить эту форму строфы.

Такая простая и в то же время строгая структурная спецификация Пушкина должна быть на самом деле ориентиром, которому должен следовать каждый переводчик,

потому что «Евгения Онегина» нет – неважно на каком языке – без «Онегинской строфы».

3.4 Специфика пушкинского стихосложения

Как ни странно, лишь немногие из дюжины известных немецких поэтических переводчиков придерживаются этой структуры. Те, кто это делает (Теодор Коммихау, Рольф-Дитрих Кайль, Ульрих Буш, Зепп Остеррайхер), усердно воспроизводят «Онегинскую строфу» с её схемой рифмовки на немецком языке. Поэтому технически (ремесленнически) эти поэтические переводы подобны друг другу и – в отличие от русских переводов «Фауста» – могут лишь с трудом или только по их содержательной близости к оригиналу или по передаче других характерных для Пушкина и специфичных для "Онегина" деталей быть сравнимы или критикуемы.

Поэтические свободы и «нечистоты»

Пушкинский почти идеальный ямб и почти чистая, игривая рифма читаются настолько легко, что читатель скользит по этой поверхности сквозь роман безо всяких усилий. Я использую фразу «почти идеальный ямб» на том основании, что и Пушкин, и Гёте, и, вероятно, большинство поэтов часто начинают чистый ямб лишь со второй стопы (четвертого слога), если они в начале стихотворной ямбической строки используют слова типа «или» (oder) с первым ударным слогом и предоставляют читателю самому ставить ударение «ямбически» правильно (см. Приложение 3.1):

Таблица 3.2 Примеры непринужденных небрежностей у Пушкина

Пушкин	Коммихау
(ПОСВЯЩЕНИЕ) Незрелых и увядших лет, Ума холодных наблюдений И сердца горестных замет. ГЛАВА 1 LX Противоречий очень много, Но их исправить не <u>хочу</u> .* ГЛАВА 3 XII И стал теперь, ее кумир Ил <u>И</u> задумчивый Вампир, Ил <u>И</u> Мельмот, бродяга мрачный, Иль Вечный Жид, ил <u>И</u> Корсар, Ил <u>И</u> таинственный Сбогар XIV Слова тоскующей <u>любви</u> , Которые в минувши <u>дни</u> (<i>нечистая рифма</i>) ГЛАВА 6 VIII Онегину, <u>осклабя взор</u> ,	(WIDMUNG) Aus Träumen ferner Jugendzeit, Dem Unmut bitterer Lebensglossen Und meines Herzens tiefstem Leid! KAPITEL 1 LX Zwar wimmelt's noch von Widersprüchen, Doch sei's darum. Und kurz und gut: KAPITEL 3 XII Der jüngste Backfisch sieht zumal Im V <u>A</u> mpir heut sein Ideal, In allen Köpfen spukt's gigantisch Vom ew'gen Juden, vom Korsar, Vom düstren Melmoth, vom Sbogar. XIV Glutvollen Worten, wunderbar, An denen ich so reich einst <u>war</u> , KAPITEL 6 VIII Ging auf Gespräch nicht weiter ein

Вручил записку от поэта XLI Под ним (как начинается <u>капать</u> Весенний дождь на злак полей) Пастух, плетя свой пестрый лапоть, Поет про волжских рыбаков; И горожанка молодая, В деревне лето проводя, Когда стремглав верхом она Несется по полям одна, Коня пред ним останавливает, Ремянный повод натянув, И, флер от шляпы отвернув, Глазами беглыми читает Простую надпись - и слеза Туманит нежные глаза. XLIII Лета к суровой прозе клонят, Лета шалунью рифму гонят, И я - со вздохом признаюсь - За ней ленивей волочусь. Перу старинной нет охоты Марать летучие листы; ГЛАВА 8 XLIX Прости. Чего бы ты за мной Здесь ни искал в строфе Ах небрежных	Und überreichte halb verlegen XLI Und wenn des Frühlings milder Segen In Schauern durch die Fluren zieht, Birgt hier der Hirt sich vor dem Regen, Flicht bastne Schuh' und singt sein Lied. Und manchmal, wenn von Lust getrieben Die junge Städterin, die drüben Im Dorf zur Sommerfrische weilt, Beim Morgenritt vorübereilt, Bemerkt sie wohl am Trauerorte Den Grabstein, hemmt des Zelters Lauf, Lenkt näher, hebt den Schleier auf, Sucht, überfliegt die kurzen Worte Der frommen Inschrift mitleidsvoll Und spendet ihren Tränenzoll. XLIII Denn meine reifern Jahre neigen Zur trocknen Prosa, sind dem Reigen Des Versgetändels – ungewollt, Doch seufzend fühl' ich's – wenig hold. Die Feder, sonst beim Spiel der Reime So keck zur Hand, versagt sich nun; KAPITEL 8 XLIX Leb wohl! Was immer auch du hier Gesucht im Strudel meiner Reime:
Приб (WIDMUNG) Der grünen und verwelkten Zeit, Des Himes kalter Visionen Mit Herzens bitterem Geleit. KAPITEL 1 LX Von Widersprüchen gibt es Menge, Doch korrigieren will ich nicht. KAPITEL 3 XII Jetzt wurde ihr noch zum Abg<u>ott</u> Der arme Wanderer Melmoth, Vampir, tiefsinnig immer schriller, Der Ewig' Jude, der Korsar, Geheimnisvoller Jean Sbogar. XIV Erinnre mich, an Liebesklang, Mit welchem ich in frühem Drang KAPITEL 6 VIII Anl<u>Ä</u>chelnd Eugen etwas frech, Ihm einen Zettel vom Poeten. XLI Darunter (als in Jahresfrühe Beginnt's zu regnen auf das Feld) Singt Hirt beim Flechten Bastesschuhe, Vom Kahnenschlepper – Wolgas Held. Und Städterin, ein junges Mädchen, Im Dorf erlebend Sommermärchen, Als sie durch Felder, heitren Kopfs, Alleine reitet und, erschöpft, Vor diesem Denkmal stehn bleibt plötzlich,	Кайль (WIDMUNG) Unreifer, welcher Jahre Sinn Verstandes kalter Registrierung Und Herzens schmerzlichem Gewinn KAPITEL 1 LX Viel Widersprüche blieben stehen, Doch ändern mag ich jetzt nichts mehr. KAPITEL 3 XII Und zu Idolen wurden ihr Der melancholische Vampir, Melmoth, der finstere Gehetzte, Der Ewige Jude, der Korsar, Der rätzelschwangere Sbogar. XIV Und jener, die die Sehnsucht leiht, Gedenk ich dann, die seinerzeit KAPITEL 6 VIII Sodann mit breitem Grinsen ab Ein Briefchen unseres Poeten. XLI Dort sitzt (im Frühjahr Obdach findend, Wenn Regen lind die Flur besprüht) Der Hirt, den bunten Bastschuh bindend, Und singt ein Wolgafischerlied. Und jene junge Unbekannte Die sommersüber auf dem Lande, Der Stadt entflohen, ganz allein Gern im Galopp sprengt querfeldein, Hier zügelt sie ihr Roß im Rennen,

Gezähmt mit Zügeln keckes Pferd, Den Schleier leicht zu Seite <u>fährt</u> , Liest schlichte Inschrift darauf letztlich, Bis Tränen ihr vernebeln Blick Durch drin geschildertes Unglück. XLIII Weil Jahre mich zur Prosa <u>treiben</u> , Schalkhaften Reim mir haltn vom Leibe, Und ich ihm mich schlepp' hinterher Viel fauler – sag' ich – als bisher. Die alte Lust fehlt meiner Feder, Zu schmieren Blätter mit Gedicht. KAPITEL 8 XLIX Verzeih. Egal, was hast bei mir Gesucht du in legeren Strophen	Hält an und hebt den dünnen Flor Auf ihrem Sommerhut empor, Um besser lesen so zu <u>können</u> Die schlichte Inschrift – und benetzt Von Tränen glänzt ihr Auge jetzt. XLIII Mein Alter drängt zur strengen Prose, Vertreibt die Poesie, die lose, Und ich mit Seufzen – sei's bekannt – Umwerb sie nicht mehr so galant. Die Feder mag auf leichten Bögen Nicht froh wie früher Linien <u>ziehen</u>: KAPITEL 8 XLIX Leb wohl! Was du auch suchtest hier In meinen leicht entworfenen Zeilen:
--	--

*Здесь, как и в других таблицах, выделены соответственно глагольные рифмы и рифменные глаголы. **Жирным** шрифтом помечены также анализируемые места

Время от времени у Пушкина можно встретить с изумлением одну или другую «нечистую» рифму, как в приведенном выше примере (ГЛАВА 3, XIV) любви/дни (рифма, называемая ассонансом или созвучием). Пушкин вводит – очень часто даже – несколько смешные, якобы русские слова, которые неправильно употребляются и трудно, лишь ассоциативно понимаемы, например, «осклабя взор» (ГЛАВА 3, VIII). В русском просторечье есть глагол «осклабиться» (ухмыляться), который, однако, также как «ухмыляться» (grinsen) в немецком языке, относится к выражению зубов (скалиться – fletschen), а не к выражению глаз (взор – Blick).

Аристократ Пушкин охотно и с гордостью блещет словечками из якобы простонародной русской речи, но часто фальшивит и преувеличивает в этом, извращая слова так, чтобы они казались принадлежащими к таковой речи, чего они, однако, не делают, как это можно видеть, например, во всей строфе XLI (Таблица 3.2, ГЛАВА 6): «проводя» (проводя – verbringend), «остановляет» (останавливает – anhält, zum Stehen bringt), «отвернув» (вуаль отворотив, откинув – den Schleier weggedreht, weggeschoben). Можно найти и другие языковые огрехи и несоответствия, как в той же строфе: «Глазами беглыми» (беглые глаза вместо беглого взгляда – flüchtiger Blick) или «пестрый лапотъ» (для лубяной обуви, которая плетется из однотонно белой коры дерева).

Каждый человек – и поэт в любом случае – имеет право изобретать и вводить новые слова в рамках грамматики языка. Это вполне легитимно до той степени, пока введенные слова лингвистически понятны. Вот только я, как и все другие переводчики и читатели, – Бог свидетель! – не имею ни малейшего представления о том, что

означает слово «замет» да ещё и во множественном числе в конце пушкинского посвящения:

***ЗАМЕТ** 1. м. устар. Кожаная складная покрывка, верх экипажа. 2. м. местн. Наметенная куча чего-либо 3. м. Забрасывание, закидывание рыболовной снасти (в речи рыбаков).*

Толковый словарь русского языка
(<https://www.vedu.ru/expdic/57338/>)

Так что же имеет ввиду Пушкин: «кожаную складную покрывку сердца», «заметать» (снегом или заметать следы, например.) или относится это к слову «заметка»? Вот почему в моем переводе подходит по предполагаемому из контекста смыслу «Geleit» (сопровождение) и подходящее к собственным рифмам – какая редкая свобода для переводчика! – «Leid» (страдание) у Т. Коммихау и «Gewinn» (выигрыш) у Р.-Д. Кайля.

В то же время я не могу понять критику тогдашних журналов по поводу нововведений Пушкина, о которой Пушкин пишет в своих примечаниях к ГЛАВЕ 5: ³¹В журналах слова хлоп (Klatsch), топ (Stampf) были осуждены как неудавшееся нововведение. Эти слова чисто русские: «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ».

В этом смысле Пушкин чувствует себя обиженным и оправдывается ссылками на «Бову» без всякой необходимости, так как критикуемые нововведения являются вполне понятными, хотя в русском языке нечто вроде герундия в английском языке или глагола-существительного в немецком языке нет, что эти слова как раз и представляют собой. Менее легитимным является выкручивание существующих и знакомых слов и придание им нового значения, что запутывает читателя и усложняет понимание текста.

Пушкин сам высмеивает с его юмором свои не особо серьезные и ответственные отношения с рифмами: «шалунью рифму» (ГЛАВА 6, XLIII), а также со строфами: «в строфах небрежных» (ГЛАВА 8, XLIX). Очевидно, что он не редактировал свои стихи, после их написания, как он сам признается «Противоречий очень много,/ Но их исправить не хочу» (ГЛАВА 1, LX), хотя он много черкал и правил в своих рукописях. Из этого можно сформулировать следующее правило поэтического перевода:

- **передавать личные чувства и высказывания автора оригинала с особой тщательностью и точностью**

Так переводчик, с одной стороны, сохраняет необходимую достоверность и, с другой стороны, избегает того, что все нечистоты, допущенные автором оригинала, будут приписаны ему.

Поэтическая легкость и синтаксическая комплексность

Но даже такие неточности и выкручивание слов у Пушкина (см. также Приложение 3.1) не заставляют читателя почувствовать необходимость на мгновение остановиться и постигнуть действие со всеми его юмористическими, сатирически-саркастическими подспудными намеками и задними мыслями несколько глубже:

«Евгений Онегин» – трудное произведение. Самая легкость стиха, привычность содержания, знакомого с детства читателю и подчеркнуто простого, парадоксально создают добавочные трудности в понимании пушкинского романа в стихах. Иллюзорное представление о «понятности» произведения скрывает от сознания современного читателя огромное число непонятных ему слов, выражений, фразеологизмов, имен, намеков, цитат. Задумываться над стихом, который знаешь с детства, представляется ничем не оправданным педантизмом.

Ю. М. Лотман [21: 2016]

Проблемы понимания «Онегинской строфы» связаны не только с гладким ямбическим стихосложением и его близостью читателю, но и с очень сложной структурой предложений со многими часто встроенными друг в друга причастными оборотами и придаточными предложениями, иногда образующими всю строфу, что обусловлено необходимостью, эти предопределенные жесткие строфы – чего бы это не стоило! – заполнить, как я подозревал выше, и что не всегда удастся с присущей Пушкину легкостью. Роман Пушкина не так легко понимать также из-за его художественной специфики:

Однако стоит преодолеть этот наивный оптимизм неискушенного читателя, чтобы сделалось очевидным, как далеки мы даже от простого текстуального понимания романа. Ведь до сих пор не проделана еще элементарная работа по выявлению скрытых в тексте намеков, реминисценций и неявных цитат. А без такой предварительной ориентировки всякое историко-литературное осмысление текста в целом неизбежно будет страдать приблизительностью. Специфическая структура пушкинского романа в стихах, при которой любое позитивное высказывание автора тут же незаметно может быть превращено в ироническое, а словесная ткань как бы скользит, передаваясь от одного носителя речи к другому, делает метод насильственного извлечения отдельных цитат из текста особенно опасным.

Во избежание этой угрозы роман следует рассматривать не как механическую сумму высказываний автора по различным вопросам, своеобразную хрестоматию цитат, а как органический художественный мир, части которого живут и получают смысл лишь в соотнесенности с целым. Простой перечень

проблем, которые «ставит» Пушкин в своем произведении, не введет нас в мир «Онегина». Художественная идея подразумевает особый тип преобразования жизни в искусстве. Известно, что для Пушкина была «дьявольская разница» между поэтическим и прозаическим моделированием одной и той же действительности, даже при сохранении той же тематики и проблематики.

Ю. М. Лотман [21: 2016]

Надо сначала перелопатить каждую строфу, чтобы выискать главное предложение с подлежащим и сказуемым, прежде чем догадаешься, о чем тут вообще речь.

Указанная проблема заключается именно в том, чтобы вообще найти подлежащее, сказуемое и дополнение, как это показывают следующие примеры:

Таблица 3.3 Примеры сложного до бессмысленного построения предложений у Пушкина

<i>Пушкин</i>	<i>Коммичау</i>
ГЛАВА 1 XLVII Как часто летнею порою, Когда прозрачно и светло Ночное небо над Невою И вод веселое стекло Не отражает лик Дианы, Воспомня прежних лет романы, Воспомня прежнюю любовь, Чувствительны, беспечны вновь, <i>Дыханьем ночи благосклонной</i> Безмолвно <u>уивались мы!</u> ГЛАВА 2 V Но так как с заднего крыльца Обыкновенно <u>подавали</u> <i>(Тотчас же слуги подавали)</i> Ему донского жеребца, Лишь только вдоль большой дороги <i>(Лишь только он с большой дороги)</i> <u>Заслышит</u> их домашни дроги,— XXIV Но с ним, я знаю, неразлучно Воспоминанье старины Иль девичьей! (?) Мы все должны	KAPITEL 1 XLVII Wie oft – wenn in der sommerhellen, Durchsicht'gen Nacht, des Mondes bar, Sich in der heitern Newas Wellen SpiegEltен leuchtend, weiß und klar Die endlos hohen Himmelsräume – <u>Ging unser Flug</u> ins Reich der Träume, <u>Gedachten wir</u> der Jugendzeit, Der ersten Liebe Lust und Leid, Und <u>schwelgten</u> in Erinnerungen, Vom tiefen Zauber stumm berauscht! KAPITEL 2 V Doch weil er sich verschmitzt <u>erwies</u> Und jedesmal sich flugs <u>den Renner</u> Im Hinterhofe <u>satteln ließ</u> , Sobald er vorn die stark beschwerte Familienkutsche rumpeln <u>hörte</u> , XXIV Obschon, ich weiß es, zart ästhetisch Geschulten Ohren sehr trivial , Vulgär(?) . Nun, in der Namenwahl
Приб KAPITEL 1 XLVII Wie oft zu Zeit des heißen Sommers, Als nächtlichn Himmels weißes Licht Strahlt über Newas Wellen frommen, Gewässer widerspiegeln nicht Das Antlitz göttlicher Diana, Gedacht an frühere Romane, Gedacht an Liebe frühes Los, Erneut sensibel und sorglos, <u>Genossen wir</u> in stillen Zügen <i>Den Atem wohlwollender Nacht!</i>	KAPITEL 1 XLVII Wie <u>haben wir</u> gar manche Male, Wenn durchsichtig die Sommernacht Mit ihrer hellen Himmelsschale Die heitre Nawa überdacht, Und sich Diana scheu verborgen, Gedenk verfloßner Liebesorgen, Gedenk verfloßner Liebeslust, Empfindsam wieder, leichter Brust, Uns an des linden Nachthauchs Welle In tiefer Schweigsamkeit <u>ergötzt!</u>

KAPITEL 2	KAPITEL 2
V	V
Ihn zu besuchen, aber er	Doch da am Hofausgang man schon
Bekam vor Hintertür in Eile	Gesattelt hielt in jedem Falle
Zum Fluchten seinen <i>Don-Hengst</i> her,	Für ihn <i>den Traberhengst</i> vom Don,
Sobald er <u>hörte</u> auf der Straße	Sobald man vorne nur <u>vernommen</u> ,
<i>Den Lärm</i> von Droschken, zu ihm rasselnd,	Daß wieder Nachbarn Kutschen <u>kommen</u> –
XXIV	XXIV
Mit ihm hängt doch, ich weiß's, zusammen	Gewiß ist nicht von ihm zu trennen
Erinnerung ans Altertum	Ein Hauch von Altertümlichkeit
Od' mädchenhaft ! Wir müssen nun	Und Mägderaum ! Doch es wird Zeit

Как можно видеть (Таблица 3.3, ГЛАВА 1, XLVII), части основного предложения **подлежащее** (в таблице выделены жирным шрифтом), сказуемое (подчеркнуты) и *дополнение* (курсивом) в структуре предложений Пушкина можно найти только после многократного прочтения и кропотливого изучения этой строфы в десятой строке строфы из четырнадцати строк, то есть после девяти стихотворных строк, состоящих из причастных и подчиненных предложений. Только тогда, читая задом наперед, я смог расшифровать смысл строфы. В более нормальном построение предложения (соответственно с несогласованной рифмой) это следует понимать следующим образом:

Как часто летнею порою/ Безмолвно упивались **мы**/ Дыханьем ночи
 благосклонным, (главное предложение)/ Воспомня прежних лет романы/
 Воспомня прежнюю любовь, (два деепричастных оборота)/ Чувствительны,
 беспечны вновь, (причастный оборот)/ Когда прозрачно и светло/ Ночное небо
 над Невою/ И вод веселое стекло/ Не отражает лик Дианы. (двусложное
 придаточное предложение).

Вот только ни один нормальный читатель ничего подобного не делает! Нормальный читатель наслаждается гладкой рифмой Пушкина и скользит по тексту дальше мимо смысла прочитанного. Пушкин описывает здесь на самом деле белые ночи в Санкт-Петербурге. При этом ему удалась, несмотря на его грамматически сложное описание, прекрасная метафора с простым физическим обоснованием: И вод веселое стекло/ Не отражает лик Дианы (Und lustiges Glas der Gewässer/ widerspiegelt Dianas Antlitz nicht). Диана – богиня луны, то есть ее лицо – луна – не отражается в водах, потому что во время белых ночей настолько светло, что ее возможное отражение просто физически не воспринимается.

Комихау не утруждает себя кропотливым поиском смысла у Пушкина, рифмует, как и всегда при отсутствии какой-либо концепции, свои собственные члены предложения

и выдает противоположное описание, в котором он, даже с нарушением ямбической метрики, отражает в водах все и выпускает прекрасную метафору с Дианой полностью: В ясных волнах Невы/ ОтражаЮтся ярко, бело и ясно/ Бесконечно высокие небесные пространства (Sich in der heitem Newas Wellen/ SpiegElten leuchtend, weiß und klar/ Die endlos hohen Himmelsräume).

Кайль, похоже, преследует свою концепцию перевода, причем близкую моей, и пытается остаться при Пушкине, что ему, несмотря на все усердие, тоже не очень удастся. Он сохраняет, правда, Диану, но не саму пушкинскую метафору, указывающую на суть белых ночей: И застенчиво скрывшаяся Диана/ Вспоминая прошлые любовные переживания (Und sich Diana scheu verborgen/ Gedenk verfloßner Liebessorgen), исправляет структуру предложения Пушкина, помещая сказуемое на немецкий манер на второе место рядом с подлежащим: Как наслаждались мы иные разы (Wie haben wir gar manche Male/ ... ergötzt), что фальсифицирует стиль Пушкина и в соответствии с моим правилом недопустимо, забывает однако сказуемое в своем собственном главном предложении о Диане и оставляет, таким образом, в тайне, что же собственно делает Диана (прячется, спрятана?) и почему (из застенчивости или становится невидимой из-за светлости белой ночи?). Со своим «Gedenk» он снова приближается к пушкинскому стилю в смысле обусловленного структурой предложения недопонимания. Это могло бы быть подчиненным предложением, связанным с подлежащим «мы» в главном предложении, начинающимся с причастия «вспоминающие» (gedenkend), но не с прилагательного «памятный» (gedenk), подогнанным ямбическому размеру в другом менее значительном для понимания месте, например: «вспоминающие прежние любовные заботы» (gedenkend frühere Liebessorgen).

Еще хуже обстоит с этим у Пушкина в тех случаях, когда после всех поисков и попыток анализа выясняется, что подлежащего в главном предложении вообще нет, а есть лишь глаголы, причастия и кучи абрарифмабра (рифмованная абракадабра) и, таким образом, вообще нет возможности найти какую-либо грамматически-смысловую взаимосвязь в тексте оригинала (Таблица 3.3, ГЛАВА 2, V): Обыкновенно подавали (кто подавал? Очевидно прислуга Онегина)/ .../ Заслышит их домашни дроги (кто заслышит? Онегин или его прислуга?) – (Normalerweise führten heran/ .../ Erhört ihre Hausdroschken). Несмотря на все мои правила аутентичности, мне пришлось вставить подлежащее «он» также как Коммихау и Кейль ввели более нейтральное «man» (некто)

– все, вероятно, из-за боязни быть высмеянными теми читателями, которые без знания русского языка и без знакомства с этим учением о переводе сочтут скорее переводчика за болвана, чем гения Пушкина при аутентичной передаче структуры предложения.

Причем это не обязательно связано со стихотворным принуждением метрики или рифмы, и то же самое можно было бы довольно легко выразить в простых и понятных предложениях, как я показываю в скобках в тексте Пушкина (Тотчас же слуги подавали; Лишь только он с большой дороги). Только Пушкина все это не заботит – эта непонятность, кажется, ему почти желанна. Он также сам охотно признает (Таблица 3.2, ГЛАВА 1, LX), что ему не хочется исправлять и редактировать что-либо в его тексте со «множеством противоречий» (симпатичное выражение для грубых грамматических и стилистических ошибок).

И это доведено иногда до абсурда. Уже, раздраженный этими постоянными нечистостями, которыми я должен был заниматься без какого-либо удовольствия, я сталкиваюсь со следующей бессмыслицей (Таблица 3.3, ГЛАВА 2, XXIV): «Воспоминанье старины/ Иль девичьей!». Слово «девичье» применяется в русском языке как прилагательное ко всему, что связано с девушкой (Mädchen). Так что же тогда, воспоминание о субъекте (старины) или о дополнении-прилагательном? В устаревшем русском языке слово «девичья» употреблялось как существительное, означающее комнату для девушки-служанки в господском доме. Эта версия, тем не менее, также не имеет в контексте особого смысла: имя «Татьяна» ассоциируется с «воспоминаниями старины» или с «комнатой девушки-служанки»? Эта комната всегда пользовалась большим спросом у господ и часто ими тайно посещалась. Имеет Пушкин в виду эти воспоминания? Эта в своей двусмысленности типичная для Пушкина пошлость совершенно не подходит здесь, где Пушкин представляет Татьяну как героиню своего романа чистейшей души.

Раздраженный я остался при прилагательном «девичий» (mädchenhaft), Коммехау игнорирует на типичный для него манер пушкинские «воспоминания о чем-либо» и заменяет их на «тривиальные, пошлые» (trivial, vulgär) в качестве прилагательных для имени «Татьяна». Кайль пытается на свой лад оставаться при оригинале и вместо Пушкина вносит «свет во тьму», используя существительное «комната служанки» (Mägderaum – моё полное уважение к знаниям старо-русского языка, которые он приобрел, конечно же, не в советском лагере военнопленных).

Здесь я придерживался своей концепции аутентичности, ничего не интерпретировать, не вмешиваться активно, не улучшать произведение-оригинал, не представлять автора оригинала ни глупее и не умнее, чем он сам себя представляет. Все это вместе дает еще одно из основных правил:

– дать читателю перевода возможность, самому оценивать автора оригинала и его произведение

Был ли Пушкин пьян в этом месте, или проявляется здесь его высокомерие гения по отношению к родному языку и к своим читателям – это все должен видеть читатель сам также в переводе и сам судить об этом. В противном случае обрывается живая и при любом чтении необходимая связь читателя с автором оригинала.

Поэтическая натура и характер автора оригинала

Перевод поэтического произведения неизбежно приводит к тому, что переводчик не только постигает глубины этого произведения, несмотря на все текстовые трудности, но и эмоционально переживает их в таком поэтически-резонансном режиме, который вряд ли мыслим для обычного читателя.

Это связано с тем, что поэзия не определяется всеми этими сухими понятиями и терминами, такими как метр, рифма, каденция и т.п., введенными позже литературоведами, а рождается как музыка в сокровенных глубинах души поэта и определяется его мгновенным настроением, его душевным состоянием. В этом смысле, в отличие от прозы, поэзия никогда не может лгать. Она отражает и раскрывает самые тайные уголки души поэта, а также его фундаментальный характер. В этом режиме переводчик настолько близок к автору оригинала, что возникает чувство точного ощущения его настроения, его психического состояния во время писания.

У Пушкина в его поэзии, при его известном ему самому гениальном даровании, не было необходимости в вульгарном рифмовании, как, например, рифмование глаголов в их инфинитивной форме между собой. С другой стороны, он охотно рифмует причастия в очень сложных предложениях со многими причастными оборотами в его романе, хотя их рифмовка не менее банальна из-за их, не менее чем у глаголов, равномерных окончаний. Однако Пушкин был достаточно самоуверен, чтобы все же допускать от двух до четырех глагольных рифм в каждой строфе.

Если же этот предел в некоторых строфах превышен (первая строфа следующего примера), то я сразу ощущал, что он себя не особо хорошо чувствовал в тот день – кто

бы знал почему, может быть из-за похмелья – и работа давалась ему нелегко. Но если он был здоров духом, был сам увлечен своей поэзией и темой, то в этих строфах нет вообще ни одной пары глагольных рифм. Его стихи звучат тогда непринужденно и свободно, даже его в общем очень сложные предложения тогда просты и их смысл становится, вдруг, ясным и понятным:

Таблица 3.4 Связь глагольных рифм и рифменных глаголов с состоянием Пушкина

<i>Пушкин</i>	<i>Коммичау</i>
ГЛАВА 3 XVI Тоска любви Татьяну <u>гонит</u> , И в сад идет она <u>грустить</u> , И вдруг недвижны очи <u>клонит</u> , И лень ей далее <u>стунить</u> . Приподнялася грудь, ланиты Мгновенным пламенем <u>покрыты</u> , Дыханье замерло в устах, И в слухе шум, и блеск в очах... Настанет ночь; луна <u>обходит</u> Дозором дальний свод небес, И соловей во мгле древес Напевы звучные <u>заводит</u> . Татьяна в темноте не <u>спит</u> И тихо с няней <u>говорит</u> : (8+1)	KAPITEL 3 XVI Nun ist's um Tanjas Ruh' <u>geschehen</u> ; Sie irrt im Garten trüb umher Und bangt und seufzt, bleibt sinnend <u>stehen</u> , Starrt vor sich hin und atmet schwer: Ihr Busen wogt, die Wangen <u>flammen</u> , Der Kummer preßt ihr Herz zusammen, Es rauscht und hämmert ihr im Ohr, Den Blick verhüllt ein Tränenflor ... Schon breitet Nacht die dunklen <u>Schwinger</u> ; Von droben schaut mit mildem Schein Der Mond herab; im Fliederhain Beginnt die Nachtigall zu <u>singen</u> . Nur Tanja findet keine Ruh' Und flüstert ihrer Amme zu: (6+1)
ГЛАВА 4 XIV. "Но я не создан для блаженства; Ему чужда душа моя; Напрасны ваши совершенства: Их вовсе недостойн я. Поверьте (совесть в том порукой), Супружество нам будет мукой. Я, сколько ни любил бы вас, Привыкнув, разлюблю тотчас; Начнете плакать: ваши <u>слезы</u> Не тронут сердца моего, А будут лишь бесить его. Судите ж вы, какие <u>розы</u> Нам заготовит Гименей И, может быть, на много дней. (0+0)	KAPITEL 4 XIV Doch bin ich nicht dafür <u>geboren</u> , Nie hat mein Sinn danach <u>begehrt</u> ; Ihr Liebreiz ist für mich <u>verloren</u> , Der holden Gunst bin ich nicht wert. O glauben Sie (mein Wort zum Pfande): Wir trügen schwer am Ehestande. Wie warm ich auch für Sie <u>gefühl</u> , Ich wäre bald doch <u>abgekühlt</u> ; Sie weinen dann – allein durch Tränen Wird nimmermehr mein Herz <u>erweicht</u> , Nein, nur verbittert, <u>fortgescheucht</u> . Dies sind die Rosen dann, die schönen, Die uns, vielleicht für Lebenszeit, Gott Hymen auf die Pfade <u>streut</u> ! (6+2)
ГЛАВА 6 XXXVI. Друзья мои, вам жаль поэта: Во цвете радостных надежд, Их не свершив еще для света, Чуть из младенческих одежд, Увял! Где жаркое волненье, Где благородное стремленье И чувств, и мыслей молодых, Высоких, нежных, удалых? Где бурные любви желанья, И жажда знаний и труда, И страх порока и стыда, И вы, заветные мечтанья,	KAPITEL 6 XXXVI Der Ärmste dauert euch, der eben Noch voll von Glück und Poesie, Bevor sich kaum sein schönes Streben Entfalten durfte, ach, zu früh, Den Tod empfind! Und Jugendfülle, Sein Wissenstrieb und hoher Wille, Gelenkt von keuschem, edlem Sinn, Sein glühend' Herz – wo sind sie hin? Wohin sein Drang nach Licht und Klarheit, Der Liebesreichtum seiner Brust, Sein Abscheu vor gemeiner Lust, Und du, Begeistrung, Quell der Wahrheit,

Вы, призрак жизни неземной, Вы, сны поэзии святой! (Q+0) XXXVII. Быть может, он для блага мира Иль хоть для славы был рожден; Его умолкнувшая лира Гремучий, непрерывный звон В веках поднять могла. Поэта, Быть может, на ступенях света Ждала высокая ступень. Его страдальческая тень, Быть может, унесла с собою Святую тайну, и для нас Погиб животворящий глас, И за могильною чертою К ней не домчится гимн времен, Благословение племен. (Q+0) ГЛАВА 8 XLVII. "А счастье было так возможно, Так близко!.. Но судьба моя Уж решена. Неосторожно, Быть может, поступила я: Меня с слезами заклинаний Молила мать; для бедной Тани Все были жребии равны... Я вышла замуж. Вы <u>должны</u>, Я вас прошу, меня <u>оставить</u>; Я знаю: в вашем сердце <u>есть</u> И гордость, и прямая честь. Я вас люблю (к чему <u>лукавить</u>?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна". (Z+2)	Die seiner Träume Schöpferflug Zu himmlisch reinen Sphären <u>trug</u>? (Q+1) XXXVII Er war vielleicht zu großen Dingen, Zum Heil der Menschheit <u>ausersehn</u>, Um auf der Leier goldnen Schwingen, Die nun zerbarst, in lichten Höhn Unsterblich durch sein Lied zu <u>werden</u>. Er hätte wohl schon hier auf Erden Des Dichterruhms Zenit <u>erreicht</u>. Sein blut'ger Schatten nahm vielleicht Der Offenbarung schönste Gabe Ins Jenseits mit hinweg, <u>entflohn</u> Ist seines Mundes süßer Ton, Und nimmer steigt von seinem Grabe Als tausendfält'ger Jubelchor Der Nachwelt Dank zu ihm empor. (Q+4) KAPITEL 8 XLVII Und ach, wir konnten glücklich <u>werden</u>, Das Glück war uns so nah gebracht! ... Mir fiel ein andres Los auf Erden. Ich tat auch selbst wohl unbedacht, Doch Mutters Tränen, Mutters Bitten – Da blieb, wie schwer sie auch <u>gelitten</u>, Der armen Tanja keine Wahl ... Ich ward vermählt. Zum letztenmal, Eugen: Sie müssen mir <u>entsagen</u>: Ich weiß auch, daß Ihr Edelmut, Ihr Stolz von selbst das Rechte <u>tut</u>. Ich liebe Sie – heut darf ich's <u>klagen</u> – Doch hat ein andrer mich gefreit: Ihm bleib' ich treu in Ewigkeit! « (Z+3)
Приб KAPITEL 3 XVI Der Liebeskummer treibt Tatjana, Sie trägt in Garten die Trübsal, Und plötzlich Lähmung in Organen, Und Augen senkt sie wieder mal. Die Brust erhebt sich, ihre Wangen Sind plötzlich rot, von Scham <u>befangen</u>. Der Atem stockt in ihrem Mund, Die Augen glänzen wie Korund... Die Nacht bricht an und Mond in Stille Bewacht des Himmels Horizont, Der Nachtigall schlägt wie im Zorn In dunkle Nacht klangvolle Triller. Tatjana schläft im Dunkel nicht, Sie unterhält mit Amme sich: (Q+1) KAPITEL 4 XIV Doch ich bin nicht geschaffn für Wonne. Die ist nicht meines Geistes Geiz. Vergebens Anmut ist von Schönen:	Кайль KAPITEL 3 XVI Der Sehnsucht treibt Tatjana wieder, Zum Trauern in den Park zu <u>gehn</u>. Sie schlägt die starre Augen nieder, Bleibt plötzlich unentschlossen <u>stehn</u>. Ihr Busen hebt sich, ihre Wangen Erglühn, als ob sie Feuer <u>fangen</u>. Im Mund erstirbt der Atemhauch, Es summt im Ohr, es tanzt im Aug ... Bald wird die Nacht; der Mond <u>umschreitet</u> Als Wächter still das Himmelsrund Die Nachtigall im Waldesgrund Melodischen Gesang <u>verbreitet</u>. Tatjana schläft im Dunkel nicht, Kaum hört die Njanja, was sie <u>spricht</u>. (4+2) KAPITEL 4 XIV Doch seit ich in die Welt <u>getreten</u>, Hab nie ich solches Glück <u>begehrt</u>: Umsonst sind Ihre Qualitäten:

Ich bin nicht würdig ihrem Reiz. So ist's (mein Zeuge ist Gewissen): Zur Qual führt uns die Eheschließung. Begehre ich Sie noch so sehr, Gewohnheit steht zur Liebe quer. Sie kriegen Tränen statt Liebkosung Und trotzdem rührt mein Herz das nicht, Wird nur noch drangsaliert mich. Bedenken Sie nur, welche Rosen Bereitet Hymenaios uns Für lange Zeit in seiner Gunst. (0+0) KAPITEL 6 XXXVI O Freunde, euch tut leid der Dichter, Wer hoffnungsvoll aufs Leben <u>zählt</u>, Kaum noch aus jugendlicher Stiftung, Sich nicht verwirklicht für die Welt, Verwelkt! Wo ist edle Regung, Wo sind die brünstige Anstrengung Gefühle und Gedanken hin? Wo ist der Jugend zarter Sinn? Wo ist das stürmische Begehren Und Wissensgier, und Arbeitswut, Und Angst vor Übel, Scham und Mut, Geheime Träume, Liebeslehren, Und du, Gespenst des Himmelsraums, Der Poesie sakraler Traum! (0+1) XXXVII Vielleicht war er für Menschensegen Geboren oder für den Ruhm. Verstumte Lyra könnt' deswegen Vielleicht ihr Klang im Menschentum Empor erheben. Den Poeten, Erwartete vielleicht nicht Lethe, Jedoch auf Stufen dieser Welt Würd' auf die höchste er <u>gestellt</u>. Vielleicht nahm sein gekränkter Schatten Geheimnis mit in tiefes Grab. Für immer riss die Stimme ab Und hinter dieser Todeslatte Erreicht ihn nicht der Zeiten Stern, Der Menschheitssegen bleibt ihm fern. (0+1) KAPITEL 8 XLVII Das Glück war ja so nah, so möglich!.. Mein Los ist klar. Jetzt ist für mich All das vorbei. Damals, womöglich, Agierst unvorsichtig ich: Die Mutter flehte mich mit Tränen, Beschwor mich so. Trotz allem <u>Sehnen</u> War jedes Schicksal mir egal... Ich heiratete. Dieses Mal Sie müssen, bitte, mich <u>verlassen</u>. Ich weiß, dass dem Begehren trotz Bewahren Ehre Sie und Stolz. Ich liebe Sie (Sie dachten, <u>hasse?</u>), Doch bin vergeben ohne Reu'	Denn ich bin ihrer gar nicht wert. Drum glauben Sie, wenn ich <u>gestehe</u>. Nur eine Qual wär unsre Ehe. Sosehr ich Sie auch liebte, bald Ließ' die Gewohnheit mich schon kalt; Sie würden weinen: Ihre Tränen, Die stimmten dann mein Herz nicht mild, Sie machten mich vielmehr nur wild. Urteilen Sie selber, welche Szenen Uns Hymen dann bereiten <u>mag</u>, Und das vielleicht für Jahr und Tag. (0+4) KAPITEL 6 XXXVI Ihr, Freunde, klagt um den Poeten: Erblickt zu hoffnungsfreuen Tun, Das noch nicht in die Welt <u>getreten</u>. Ist er, kaum aus den Kinderschuhen, Verwelkt! Wo ist das heiße Beben. Wo ist das hohe, edle Streben Von Denken und Empfinden, jung, Erhaben, innig und voll Schwung? Wo ist der Liebe wild <u>Begehren</u> Und Wissensdurst und Tatendrang, Und Scheu vor Laster, Schmach und Zwang, Und ihr, geliebteste Chimären Der erdentrückten Phantasie, Ihr, Träume hehrer Poesie! (2+2) XXXVII Vielleicht war er zum Heil der Erde Geboren, oder doch zum Ruhm, Daß einst ein Ton vernommen <u>werde</u> Von seiner Leier, die nun stumm, Der fort in fernste Zeiten <u>klänge</u>. Vielleicht war in der Welt der Ränge Ihm zugeeignet ein hoher Rang. Vielleicht auch nahm im Untergang Mit sich sein märtyrhafter Schatten Ein heiliges Geheimnis, und Sein zeugend Wort wird nie uns kund, Nun, da durch seines Grabes Platten Nie mehr der Zeiten Hymnus <u>dringt</u>. Der Völker Lobpreis nie ihm <u>singt</u>. (2+2) KAPITEL 8 XLVII Und dabei war das Glück so möglich, So nah! ... Doch ist mein Schicksal nun Entschieden schon. Ich war womöglich Zu unbedacht in meinem <u>Tun</u>: Die arme Tanja war <u>verloren</u>. Als Mutters Tränen sie <u>beschworen</u>. Galt jedes Los ja gleich ... Und ich Will <u>igte</u> ein. Sie dürfen mich, Ich bitte Sie, nicht länger <u>quälen</u>. Gehen Sie! Ich weiß: Ihr Herz <u>bewahrt</u> Noch Stolz und Ehre echter Art. Ich liebe Sie (wozu's <u>verhehlen?</u>), Doch gab man einem andern mich;
--	---

Und bleibe ihm für ewig treu“ (<u>2</u> +1)	Ihm werde treu sein ewiglich.“ (<u>4</u> +2)
---	--

«Непоэтическое» состояние Пушкина при написании строфы XVI в главе 3 ощущается не только в перегруженности глагольными рифмами, но и в уже обсуждаемых выше языковых нонсенсах: очи клонит, в слухе шум. В современном русском языке, основы которого заложил, якобы, Пушкин, «клонят» голову, а очи «опускают» (долу – старославянский, поэтический), а шум бывает «в ушах» (или в похмельной голове), а не в «слухе» как способности восприятия акустических сигналов. При этом Пушкину было бы не так сложно редакционно изменить и глагольные рифмы и эти языковые нонсенсы, как показывает мой пример влёт: «Тоской любви Татьяна полна,/ И в сад несет тоску она,/ Вдруг, опускает очи долу/ И скованности, вдруг, полна» или «И шум в ушах, и блеск в очах» (даже с элегантной внутренней рифмой).

В моем переводе этой строфы (Таблица 3.4, ГЛАВА 3, XVI) я ни в коем случае не хотел улучшить и облагородить пушкинскую поэзию тем, что мне удался лишь один рифменный глагол (0+1) (везде подчеркнуты) и не удалось ни одной глагольной рифмы (везде выделены жирным шрифтом и подчеркнуты), вместо (8+1) у Пушкина. Даже Коммихау с его (6+1) не достиг пушкинского рекорда в этой строфе, который, как правило, рифмует многократно глаголы по сравнению с Пушкиным, как и в других строфах этой же таблицы. Даже Кайль с его (4+2) не достиг этого, который – в отличие от Коммихау – всегда в его переводе старается держаться близко к оригиналу, но как и Коммихау злоупотребляет глагольными рифмами и рифменными глаголами, хотя и реже, чем Коммихау (см. также сравнительную таблицу 3.5).

Я просто хотел остаться верным основному качеству автора (к тому же у меня не было похмелья в тот момент) и в моем переводе:

– **соответствовать характерной поэтической натуре автора оригинала и его эстетике**

Хотя это правило противоречит, казалось бы, моему предыдущему основному правилу (не улучшать, дать читателю возможность, самому оценивать автора и его произведение), однако, на самом деле, оба только дополняют друг друга, поскольку речь не идет о том, чтобы читатель в переводе также замечал случайные похмелья поэта (они не делают этого в любом случае, как обосновали выше я и Лотман), а чтобы

они могли судить о фундаментальных поэтических характеристиках оригинала и его автора, знать и понимать их.

С другой стороны, строфы в ГЛАВАХ 4 и 6 (Таблица 3.4) показывают, какой знаменитой и для многих переводчиков, таких как Набоков, устрашающей эстетически-гармонической высоты достигает поэзия Пушкина, если он отложит свою горечь, ненужный сарказм и эпиграммные порывы и поэтически-философски в совершенной поэтической форме со свежей головой размышляет о вечных темах поэзии – о любви, о мечтах, о смысле жизни и смерти. Без разочарования, без усталости! Ни одного фальшивого тона, ни одной глагольной рифмы! Даже старательные рифмовщики глаголов Коммихау и Кайль почувствовали здесь что-то божественное и почти выпустили рифмовку глаголов или, по крайней мере, ее резко сократили.

Объяснение Татьяны с Онегиным в конце (Таблица 3.4, ГЛАВА 8, XLIII-XLVII) также предлагает поэтическую и человеческую кульминацию романа. Самые красивые и волнующие строфы романа! Для Пушкина тоже: в этих пяти строфах можно едва ли найти какие-либо глагольные рифмы, какие-то следы его озлобленного сарказмацинизма, сопровождающего и отравляющего весь роман. Не найти даже его подспудного, иносказательного юмора. Только чистые проникновенные любовные чувства без злорадства, без упреков и без любых мелодраматических отклонений и банальностей – чистый надо всем возвышенный язык, в соответствии с единственно верным определением поэзии!

Той поэзии, которая захватывает остающегося максимально близким к оригиналу переводчика, согласно моему учению, и его «ремесленную» работу также поднимает на подобную поэтическую высоту. Если переводчик отдалится от оригинала, как это делает Коммихау, чтобы получить свою предполагаемую «поэтическую свободу», то он сразу же проигрывает в тех местах, где он со своей свободой и скромной поэтической способностью вступает в конкуренцию с Пушкиным. Этот жалкий и, как обычно, богатый глагольными рифмами перевод Коммихау – лучший пример и подтверждение эффективности моих правил.

Эстетика глагольных рифм и рифменных глаголов

Упомянутая в предыдущем разделе антипатия к глагольным рифмам в поэзии Пушкина, которую, впрочем, ощущает каждый способный поэт, должна быть, конечно, учтена при переводе его произведений. Переводчику было бы лучше допустить меньше

таковых рифм по сравнению с оригиналом, чем больше. На первый взгляд это противоречит, как я уже сказал, моему тезису о максимальной близости перевода к оригиналу, но зато больше соответствует поэтической аутентичности автора оригинала.

В любом случае, если переводчик Пушкина допускает слишком много глагольных рифм, то он фальсифицирует и оскорбляет гениальность Пушкина – своего рода «lèse-majesté» (фр. – оскорбление Величества). И все без исключения немецкие переводчики делают это (Приложение 3.5). Очевидно, они упрощают этим себе работу по рифмованию, хотя пренебрегают при этом использованием оригинальных рифм (§3.4), которое служит той же цели, но не признают при этом эстетику оригинала, как и вообще любого такого стихотворения.

Эти переводчики в остальном строго блюдут «Онегинскую строфу», но массивно извращают творчество Пушкина своими глагольными рифмами. Я различаю при этом по существу «глагольную рифму» (маркировка из Таблицы 3.4) – рифму, состоящую из двух или более рифмующихся глаголов (спит/ говорит, обидеть/ ненавидеть, отказать/ наказать), которую я и критикую, от «рифменного глагола» – глагол в конце стихотворной строки, в рифме с неглагольными формами, что может даже звучать элегантно: ланиты/ покрыты, (Wangen/ befangen).

В следующей таблице показано соотношение числа глагольных рифм и рифменных глаголов в оригинале, в моем переводе и в переводах Коммихау и Кайля. Здесь и в приложении 3.5 проанализированы и представлены лишь некоторые особенно показательные выдержки, остальной анализ может быть проведен самим читателем в каждой строфе романа и его переводов:

Таблица 3.5. Злоупотребления глагольными рифмами в переводах «Онегина»

<i>Пушкин</i>	<i>Коммихау</i>
ГЛАВА 3 XIII Друзья мои, что ж толку в этом? Быть может, волею небес, Я перестану быть поэтом, В меня вселится новый бес, И, Фебовы презрев угрозы, Унижусь до смиренной прозы; (Q+Q)	KAPITEL 3 XIII Wohin, o Freunde, soll das <u>führen</u> ? Kann sein, daß bald ein Gott mich <u>zwingt</u> . Mein Ränzel als Poet zu <u>schnüren</u> Und, ob auch Phöbus zürnend <u>winkt</u> (Ein neuer Dämon wird mich <u>lenken</u>). Zur schlichten Prosa <u>abzuschwenken</u> . (G+Q)
ГЛАВА 4 XXI. Зато любовь красавиц нежных Надежней дружбы и родства: Над нею и средь бурь мятежных Вы сохраняете права. Конечно так. Но вихорь моды,	KAPITEL 4 XXI Da ist man doch bei hübschen Kindern, Was Liebe angeht, besser dran, Weil kein Zerwürfnis uns <u>behindern</u> . Die zarten Rechte schmälern <u>kann</u> . Gewiß, doch wenn die Moden <u>wandeln</u> .

Но своенравие природы, Но мненья светского поток... А милый пол, как пух, легок. К тому ж и мнения супруга Для добродетельной жены Всегда почтенны быть <u>должны</u>; Так ваша верная подруга Бывает вмиг увлечена: Любовью шутит сатана. : (0+1) XXII. Кого ж любить? Кому же <u>верить</u>? Кто не изменит нам один? Кто все дела, все речи <u>мерит</u> Услужливо на наш аршин? Кто клеветы про нас не <u>сеет</u>? Кто нас заботливо <u>делест</u>? Кому порок наш не беда? Кто не наскучит никогда? (4+0) Всего: (4+1)	Die Launen nach Belieben <u>handeln</u>. Der Eigensinn sein Ziel <u>erreicht</u> – Ach, Weiberart ist federleicht! Zudem, weil ehelich <u>verbunden</u>, Ein keusches Täubchen vorsichtsvoll Des Gatten Ehre hüten <u>soll</u>. Ist auf versprochene Schäferstunden Für uns mitunter kein Verlaß ... Mit Liebe scherzt ja Satanas. : (2+5) XXII Wen also lieben? Wem <u>vertrauen</u>? Gibt's einen, der verlässlich <u>ist</u>? Der, ohne rechts und links zu <u>schauen</u>, Die Welt nach unsrem Zollstock <u>mißt</u>? Uns hintern Rücken nicht <u>beleidigt</u>. Vielmehr herausstreicht, lobt, <u>verteidigt</u>. Nachsichtig urteilt, wenn man <u>irrt</u>, Und niemals unausstehlich <u>wird</u>? : (8+0) (16+5)
Приб KAPITEL 3 XIII Getreue Freunde, ist's nicht düster? Vielleicht erreich' es ich im Gott Und höre auf zu sein ein Dichter. Jetzt treibt mich neuer Geist zum Spott: Ich, trotz Apollos wildem Tosen, Erniedrige mich nun zur Prosa, (0+0) KAPITEL 4 XXI Dafür ist Liebe zarter Schönen Euch mehr als Freund-, Verwandtschaft treu: Auf sie behaltet Recht ihr, Söhne, Sogar in Stürmen immer neu. So ist es. Doch der Drang der Mode, Doch die Naturgelüste oder Der Welt geschlossner Meinungszaun... Das Weibgeschlecht ist leicht wie Flaum. Auch soll die Meinung ihres Gatten Für eine tugendhafte Frau Verehrt sein immer und vertraut. So wird auch eure treue Gattin Im Nu verliebt, solange' du <u>lebst</u>.: Mit Liebe scherzt der Satan selbst. : (0+1) XXII Wen soll man lieben? Wem <u>vertrauen</u>? Verrät uns nicht nur wer allein? Wer stellt nun alle Taten, Launen Gewogen, freundlich auf uns ein? Wer sät nicht gegen uns Verleumdung? Wer hegt und pflegt uns ohn' Verleugnung? Wem ist dein Manko nicht gleich Not? Gelangweilt wer uns nie zum Tod? (0+1)	Kайль KAPITEL 3 XIII Was, Freunde, soll dies ganze <u>Treiben</u>? Vielleicht besinnt der Himmel sich Und läßt mich nicht mehr Verse <u>schreiben</u>. Ein neuer Teufel reitet mich, Mag Phöbus auch bedrohlich <u>winken</u>. Zur biedren Prosa <u>abzusinken</u>; (4+0) KAPITEL 4 XXI Da sind Geliebte mehr zu <u>loben</u> Als Freunde und Verwandte doch: Es ist sogar, wenn Stürme <u>toben</u> Verlaß auf ihre Liebe noch. Gewiß. Jedoch: der Schmuck, die Kleider, Die Laune der Natur und, leider, Das Urteil der Gesellschaft ... ach, Zu wahr ist's: dies Geschlecht ist schwach. Auch sind die Ansichten des Gatten Für eine tugendhafte Frau Zu respektieren stets genau; So wird die Freundin, die sie <u>hatten</u>, Entzogen ihnen unverhofft: Mit Liebe scherzt der Teufel oft. (2+1) XXII Wen also lieben? Wem <u>vertrauen</u>? Wer einzig sinnt nicht auf Verrat? Wer mag mit unsern Augen <u>schauen</u> Auf unser Wort, auf unsre Tat? Wer wird Verleumdung nie <u>verbreiten</u>? Wer uns ein warmes Nest <u>bereiten</u>? Wenn läßt auch unser Laster kühl? Wer wird uns wirklich nie zuviel? (4+0)

Всего: (0+2)	(10+1)
--------------	--------

В этом месте можно обсуждать стратегию перевода. Должен ли иноязычный, зависимый от перевода читатель, читать и ощущать в переводе то же самое, что дает оригинал? Мой собственный тезис: должен! И прежде всего тогда, когда автор оригинала использует такие поэтические нюансы как специальный метод выражения, чтобы подчеркнуть ситуацию, как это делает известный этим Гёте. Я не знаю, хотел ли Пушкин подчеркнуть беспокойное состояние влюбленной Татьяны или ее юную наивность сгущением глагольных рифм и рифменных глаголов (письмо Татьяны к Онегину, приложение 3.5), которые свойственны наивным стихам подростков, поскольку в остальном такая взаимосвязь у Пушкина не наблюдается.

Рифмование глаголов может быть облегчает работу переводчика, особенно когда должны рифмоваться несколько слов (в письме Татьяны от трех до пяти). Глаголы рифмуются настолько легко, что в письме Татьяны у Пушкина, скорее случайно, возникла пятикратная рифма: узнала/ запылала/ слыхала/ помогала/ улаждала. Я счел уместным перевести этот квинтет в подлинном оригинальном стиле, если и не в чисто глагольной форме, не размышляя о его случайности: gedanklich/ schwankend/dankend/Kranken/tanken. Коммихау, специалист по рифмовке глаголов, не хотел или не мог сотворить пятикратную рифму, а лишь только тройную, и, вдруг, заменил тройную глагольную рифму Пушкина тройной неглагольной: erkannte/ brannte, umwehte/ Nöte/ Gebete. Кайль, который по глагольным рифмам бьет даже Коммихау, не сумел-таки передать пушкинский квинтет, хотя охотно остается при глагольных рифмах: erkannte/ entbrannte, hörte/ bescherte/ begehrte.

Такой эстетический недостаток с глагольными рифмами у немецких переводчиков никоим образом не обусловлен грамматической спецификой немецкого языка со строгими правилами для позиции сказуемого в главном и подчиненном предложениях, как это подтверждает стихотворение Гёте (Таблица 1.4) полностью без глагольных рифм и лишь с двумя рифменными глаголами в тридцати двух стихотворных строках.

Это ясно видно на примере самого по себе изрядного, по крайней мере, до четвертой строфы, перевода Клелли (Таблица 1.4, третий столбец). Он мог бы звучать почти так же прекрасно, как и оригинал, если бы не слишком много глагольных рифм (12 из 32 стихотворных строк против двух у Гете и у меня рифменных глаголов), которые могут звучать красиво, но отнюдь не эстетично. И полностью нарушают гармоничную

красоту оригинального стихотворения изменения каденций в последней, четвертой строфе (вторая и третья стихотворные строки в женской, вместо мужской каденции, как в оригинале).

Но здесь была, по крайней мере, предпринята хоть и не совсем удавшаяся попытка так же, как и у Коммихау, Кайля и Буша, переводить согласно очевидным правилам, которые я пытаюсь понять и сформулировать в этой работе. Что же я должен тут думать о тех немецких переводчиках, которые даже не пытались установить для себя какие-либо понятные правила, и предоставляют немецким читателям их «поэтические» фальсификации, имеющие с русской культурой, поэзией Пушкина и с романом «Евгений Онегин» мало чего общего.

3.5 Смысловое содержание поэзии

Я даже не рассматриваю прозаические переводы, как те, что сделал «профессиональный» поэтический переводчик Боровски (1972) и все остальные, включая последний беспомощный перевод Сабины Бауманн (2009), так же, как и вышеупомянутую современную «поэзию» без правил, поскольку они далеко не соответствуют уровню моего основополагающего принципа научно-поэтического перевода.

Утверждение Набокова [7: 15] и послушно следующей ему Сабины Бауман о непереводемости поэзии Пушкина поэтически на иностранный язык из-за ее сложности и красоты, и что содержание «Евгения Онегина» можно, якобы, передать только в прозаической форме со множеством тысяч комментариев, показывает лишь, что Набоков в своем благоговейном преклонении перед поэтической гениальностью Пушкина и перед его игривым «почти» идеальным ямбом просто не понял содержания романа. «Евгений Онегин», а также поэзия сама по себе – это не научные тексты с каким-либо сложным содержанием.

Пушкин показывает сам наилучшим образом его шаловливую и бессодержательно-легковесную манеру рифмования, например, в таблице 3.2, ГЛАВА 4, XLII. И именно здесь концентрируют Коммихау и Кайль необъяснимым образом свои усилия с **одной** «соломиной» (Halm) и **многими** «мхами» (Moosen) или **многими** «рѣвами» (tosen), которых в морозное зимнее время вообще не бывает, на эти бессодержательные «розы», а не на смысловую рифму оригинала «морозы» (Fröste) и создают тем самым еще большую бессмыслицу.

Поэзия не живет сухим, полным значимости или научности содержанием и вовсе не хочет его передавать. Поэзия живет в ее импрессионистски-абстрактных, поэтических, обрамленных прекрасной лирикой картинах, с помощью которых она и действует на читателей, помогает каждому из них и вдохновляет каждого из них создать их собственное восприятие и собственное содержание. Эти картины-образы создаются поэтами именно из-за предполагаемого метрического и рифмического «принуждения», которому так яростно противятся современные «поэты».

Для истинных поэтов с поэтическим слухом и достаточным запасом слов метр и рифма как музыкальная волна, которая легко возносит их к их высотам. Если идея стиха и, возможно, первая (как всегда самая трудная) стихотворная строка найдены, то следующие строки уже спешат и теснятся изнутри, полностью адаптированные к предыдущим строкам стиха по метрике и рифме.

По смыслу или содержанию эти индуцированные стихотворные строки не обязательно адаптированы. Поэт не очень уверен в начале в том, к какому концу и когда приведет его этот созидательный процесс. Он может однако снова и снова в первых стихотворных строках следующей строфы юстировать направление развития стиха и вернуться к исходной идее.

Именно эти вызванные метрическим и рифмическим музыкальным корсетом стихотворные строки поставляют знаменитые поэтические образы, которые невозможно придумать, и если кто-то из «свободных поэтов» пытается это сделать, то выглядят они искусственно и лицемерно или будут так восприняты читателями.

Аллегорически можно сравнить красоту поэзии с красотой мужского павлина. Эта птица вдохновляла все культуры, которые знали ее, к образу жар-птицы в их народных сказках и песнях. Представьте себе теперь, что поэтически бездарный прозаический переводчик, в поисках содержания, ощипывает чудесную птицу, потрошит ее в поисках еще более глубоко скрытого содержания и подает вам ужасный продукт своих усилий как перенесенное им в вашу культуру содержание жар-птицы-оригинала!

3.6 Близость перевода к оригиналу

Близость поэтического перевода к оригиналу во всех отношениях должна, собственно, быть единственной стратегической целью каждого переводчика в его работе. Целесообразно также оставлять ответственность за содержание и формулировки, при сомнении, у автора оригинала. Основами для этого являются

стихование и стихотворный анализ (Глава 2). В этом разделе рассматриваются дополнительные стратегически-тактико-технические средства и трюки для достижения этой цели.

Допустимые языково-ямбические несогласованности при переводе

Поэзия была определена выше как язык, возвышенный над повседневным. Тем не менее, это живой, передающий чувства и мысли поэта язык общения, который использует все свободы разговорной речи, такие как выпущение (проглатывание) безударных гласных, окончаний слов, вспомогательных слов и т.д. и не обязательно так серьезно следует строгим грамматическим правилам построения предложений. Поэты регулируют на такой лад количество слогов, соответствие метров и каденций внутри стихотворной строки и между рифмующимися строками. Само собой разумеется, стоят все эти средства подгонки также к услугам поэтического переводчика.

Некоторые свободы переводчик может себе позволить также и во многих других местах, где их позволяет себе автор оригинала тоже. При этом переводчик должен сам решать из своего анализа, необходимо ли это, в какой мере и где. Поскольку такие «нечистоты» в тексте оригинала, как показано выше (Таблица 3.2), оправдывают почти согласно девизу «Quod licet Jovi, etiam licet bovi» (лат. – что дозволено Юпитеру, то дозволено и быку), даже обязывают переводчика к таким смещениям ударений и тому подобному, чтобы сохранить аутентичность его перевода.

Таблица 3.6 Допустимые «нечистоты» при переводе

<i>Пушкин</i>	<i>Коммичау</i>
ГЛАВА 2	KAPITEL 2
I	I
Деревня, где скучал Евгений ,	Der Landsitz, wo Onegin gähnte ,
Была прелестный уголок;	War recht ein Plätzchen zum Gedeihn;
Там друг невинных наслаждений	Dort durfte, wer nach Glück sich sehnte ,
Благословить бы небо мог.	Dem Himmel wahrhaft dankbar sein .
XVIII	XVIII
Когда пригнем мы под знамя	Sobald wir in der Weisheit Hafen
Благоразумной тишины,	Nach manchem Sturm gelandet sind ,
Когда страстей угаснет пламя	Begierden, Wunsch und Triebe schlafen ,
И нам становятся смешны	Und nun dies ganze Labyrinth
Их своеволие иль порывы	Durchkämpfter Qual, verfehelter Ziele,
И запоздалые отзывы ,—	Der Nachhall einst'ger Hochgefühle,
Смиранные не без труда,	Die mühsam wir zur Ruh' gebracht –
Мы любим слушать иногда	Uns nur noch leise lächeln macht ,
Страстей чужих язык мятежный,	Dann lauschen wir mit Wohlbehagen
(0+0)	Der heißen Jugend Herzenswahn.
	(4+3)

<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 2	KAPITEL 2
I	I
Das Dorf, wo langweilte sich Eugen , War ein scharmanter Erde Fleck. Ein Freund unschuldiger Vergneugen Könnst' segnen Himmel dort direkt.	Das Gut, auf dem mein Freund nun hockte , War ein recht hübsch gelegner Ort; Wer harmloser Genuß verlockte , Der dankte wohl dem Himmel dort.
XVIII	XVIII
Kaum werden etwas wir einsAmer In Stille unserer Vernunft, Erlöscht der Leidenschaft kaum Flamme Und werden lächerlich für uns Ihr Eigensinn und ihre Dränge, Sowie verspätete Nachklänge , – Gezähmt nicht ohne große Müh' , Schon mögen hören wir in Ruh' Von Leidenschaften andrer Toren.	Wenn wir uns flüchten zur Standarte Der Ruhe und Besonnenheit, Wenn Glut der Leidenschaft erstarre Und man zu lächeln ist bereit Ob ihres eigenwilligen Wallens (10) Und etwas späten Wiederhallens , Das mühsam man gebracht zur Ruh, Dann hört man manchmal gerne zu Berichte fremder Liebesleiden,
(0+0)	(4+1)

В русском языке, благодаря довольно свободному порядку слов в структуре предложения и большей независимости определений, которые не обязательно должны стоять перед подлежащим или дополнением, как в немецком, можно легко и элегантно рифмовать прилагательные, как, например, в известной песне «Очи черные»:

Очи черные,/ Очи страстные,/ Очи жгучие/ И прекрасные (4tr³[abab])

В прямом переводе:

Augen schwarze,/ Augen leidenschaftliche,/ Augen glühende/ Und wunderschöne

Вместо этого буквального перевода на немецкий язык, но с русской грамматикой, следующий перевод был бы грамматически и, прежде всего, поэтически более правильным:

Schwarze Augen/ Sind inbrünstig so,/ Glühend heiß sind sie,/ Einfach wunderschön!
(4tr³[abab])

Пушкин, как и все русские поэты, рифмует прилагательные охотно и много в своем романе, что затрудняет перевод на немецкий язык с другими грамматическими правилами построения предложений. Поскольку поэзия подчиняет грамматику своим поэтическим правилам и принуждениям и не особо заботится о чистом рассудке и смысле, как блестяще демонстрирует Пушкин, я попробовал рифмовать в некоторых местах определения (прилагательные), ставя их позади их подлежащих или дополнений, да еще и со смещенными ударениями (вторая строфа в следующем примере):

Пушкин	Коммихау
ГЛАВА 1	KAPITEL 1
XLVIII	XLVIII
Лишь лодка, веслами махая,	Im Strom, der schlummernd <u>ausgebreitet</u>
Плыла по дремлющей реке:	Dahinfloß, sich ein Kahn <u>verlor</u> ,
И нас пленяли вдалеке	Und fernher glitt zu unserm Ohr
Рожок и <u>песня</u> удалая...	Ein heitrer Sang, vom Horn <u>begleitet</u> .
XLIX	XLIX
Адриатические волны,	O Adrias kristallne Wogen!
О Брента! нет, увижу вас	O Brenta! Doch – ich schaue euch,
И вдохновенья снова полный,	Geschwellten Herzens <u>hingezo-gen</u>
Услышу ваш волшебный глас!	Zu eurer Klänge Zauberreich!
Он свят для внуков Аполлона;	Sie sind Apollos Enkeln teuer
По гордой лире Альбиона	Und mir durch Albions stolze Leier
(0+0)	(2+2)
Приб	Кайль
KAPITEL 1	KAPITEL 1
XLVIII	XLVIII
Und nur ein Bot, mit Paddeln winkend,	Ein Boot nur treibt mit <u>Ruderschwingen</u>
Fuhr über Fluss wie heller Stern	Auf dem verschlafnen Strom dahin;
Und uns bezauberten von fern	Von fern her fesselt unsern Sinn
Ein Hörnchen und <u>Gesänge flinke</u>	Ein Hörnerklang, ein <u>Liedersingen</u> ...
XLIX	XLIX
O Wellen Adrias! O Brenta!	Ihr adriatischen Gestade,
Erblicke euch und höre gleich,	O Brenta! Nein, ich muß euch <u>sehn</u>
Begeistrung wieder voll geerntet,	Und, neu erfüllt von Geistesgnade,
Den Zauberruf aus eurem Reich!	Den Zauber eures Worts <u>verstehn</u> !
Sakral ist er Apolls NachkOmmen .	Es ist Appolos Enkel heilig;
Durch Lyra Albions vollkOmmne	Von Albions stolzer Leier freilich
(0+0)	(4+0)

Коммихау также позволяет себе такие грамматические «ошибки» и рифмует: Enkeln teuer/ Leier. Я бы не сказал, что такие «антиграмматические» перестановки затрудняют понимание перевода, поскольку это понимание в оригинале еще более затруднено, как было проанализировано и показано в §3.2.

С другой стороны, разносторонность и вариабельность немецкого языка предлагает множество других возможностей, чтобы компенсировать возможности рифмования прилагательных в русской поэзии. В немецких многословных комбинациях можно вариировать ударение, переставляя его на другие коренные слова, составляющие сложные словообразования и, таким образом, адаптируя их к метру и каденции в стихотворной строке: EinbIldung/ Bilder, Flügel/ SteighÜgel, Seelenzüge/ VorzÜge. Точно так же для слов с ударными и безударными приставками: EingEbung/ Belebung, un-schUldig/ geduldIg и в других рифмических комбинациях: sofort/ VorwOrt, Fraß/ Nach-lAss, freudlOs/ Los/sorglOs. Такая подгонка акцентуации очень распространена в поэзии вообще и у Пушкина в особенности (Приложение 3.1).

Часто используемые в немецком языке слова с ударными и звучащими, как ударные длинными слогами, такими как **KAffee**, могут легко рифмоваться со словами типа **Tee/sehe/See/Klee/Weh** и т.д.. Слова и предлоги со слогом **-au-** (**auf**, **aus**, **Maus**, **Haus** и т.д.), которые произносятся как односложные, могут при необходимости также произноситься и как двусложные. Эту необходимость можно отметить разделительным дефисом как помощь при чтении: **MUsenhA-us/ TrochAus** (ГЛАВА 1, VII).

Одно из фундаментальных лингвистически-грамматических различий между русским и немецким языками состоит в методе склонения. В русском языке существительные склоняются путем изменения их окончаний, тогда как в немецком языке склоняются артикли при обычно неизменных окончаниях существительных. Это означает изменение количества слогов, каденции, а иногда и смещение ударения в русских существительных, что затрудняет рифмовку звучащих на обоих языках одинаково слов:

Пушкин	Коммихау
ГЛАВА 2	KAPITEL 2
XII	XII
Зовут соседа к самовар <u>у</u> ,	Zum Samowar wird her befohlen ,
А Дуня разливает чай,	Schön-Dunja macht den Tee geschwind,
Ей шепчут: «Дуня, <u>примечай!</u> »	Man flüstert: »Sei recht lieb, mein Kind!«
Потом приносят и гитар <u>у</u> :	Dann läßt man die Gitarre holen ,
(0+1)	(2+0)
Приб	Кайль
KAPITEL 2	KAPITEL 2
XII	XII
Dann wird gerufen zum Samowar er ,	Man bittet ihn zum Samowar e ,
Und Dunja reicht ihm seinen Tee,	Den Tee schenkt Dunja ein sodann,
Ihr wird's geflüstert: "Dunja, <u>seh!</u> "	Man flüstert: „Schau ihn dir gut an!“
Dann wird hineingebracht Gitar re ,	Dann bringt man auch noch Gitar re ,
(0+1)	(0+0)

Проблема может быть решена путем трюкачества с односложными дополнительными словами, как в приведенном выше примере: SamowAr er/ GitAre. Такие затруднения возникают только при попытке использовать оригинальные рифмы (Приложение 3.2). Подобное трюкачество может быть полезным при рифмовании на любом языке, чтобы сбалансировать количество слогов и каденцию, например: sEid ihr/sEither.

Коммихау не хочет трюкачества и отказывается от в немецком плохо рифмующихся оригинальных рифм. Кайль не хочет, как и я, обходиться без них и просто использует допустимое в немецком дательном падеже окончание **-e**. Я как-то не догадался склонять русский «самовар» по немецкому дательному правилу. Но даже без дательного

Кайль применяет при использовании оригинальных рифм любые, грамматически сомнительные окончания вместо односложных дополнительных слов.

Учитывая очень небрежное обращение Пушкина с языком, при котором он всё – смысл, грамматику и произношение (ударение), даже стиль (трудночитаемые и труднопонимаемые нагромождения причастий и придаточных предложений) – подчиняет рифме и наполнению его жесткой «Онегинской строфы», можно с уверенностью сказать, что: **чем больше языковых «нечистостей» допустит переводчик, тем более аутентичным выглядит его перевод.**

Сохранение поэтической квинтэссенции и допустимая степень отклонения

Несмотря на сложную структуру предложений Пушкина, можно опознать в предыдущем примере (Таблица 3.3, ГЛАВА 1, XLVII) особую красоту поэтического образа. На самом деле это одно из многих поэтических изображений белых ночей в Санкт-Петербурге, созданное Пушкиным, без того чтобы прямо назвать их в этом месте. Это описание настолько поэтично красиво, именно благодаря этой строке о Диане, богине Луны. Перевод не обязательно должен передавать ту же сложность предложений, но непременно поэтическую квинтэссенцию – я намеренно избегаю термина «содержание» – этой сцены, в данном случае поэтическую картину белых ночей, изображенную автором оригинала.

В переводе Коммихау последние подчиненные предложения оригинала стали главным предложением, а в остальном потеряны и содержание, и поэзия Пушкина, то есть вся квинтэссенция этой строфы. То, что его словосочетание: «Durchsicht'ge Nacht, der Mondes bar» описывает белые ночи вообще, не говоря уже о том, что оно достигает поэтической выразительности Пушкина, я осмелюсь усомниться.

Для меня вытекает из моего во многих примерах проиллюстрированного опыта и приведенного выше примера одно из основополагающих правил поэтического перевода, которое будет дополнено и уточнено несколькими простыми правилами.

– максимально сохранять поэтическую сущность оригинала

Конечно, иногда неизбежны отклонения от содержания Пушкина, принужденные метром, рифмой и каденцией. Такое принуждение можно заметить и у Пушкина: автор не руководствуется в своих строфах строгим рациональным смыслом, чтобы непосредственно достичь поставленной цели, но парит, соблазненный рифмой, между какими-то непредсказуемыми целями. Пушкин подчиняет все лингвистико-

грамматические и логические смысловые принуждения своему «проворно-легковесному» ямбическому стилю стихосложения и своей жесткой и громоздкой форме строфы (Таблица 3.2, ГЛАВА 4, XLII и XLV).

Такие надменные фливорности Пушкина способствуют в значительной мере трудности понимания и приглашают переводчика к произволу. Но основные вещи должны быть сохранены. Сущность этой строфы (Таблица 3.2, ГЛАВА 4, XLII) может быть рассказана в одном предложении: морозы – это пришла нежелательная для Татьяны зима! Пушкинские рифмические игры с бессмысленными «розами» служат лишь заполнению его «Онегинской строфы». Также отчетливо показывает Пушкин своим «того-сего» (Таблица 3.2, ГЛАВА 4, XLV), как ему наплевать на смысл того(-сего), что он рифмует.

Это свободное от смысла взвешенное состояние дает также переводчику – в рамках сформулированных выше правил – значительную свободу рифменных отклонений, которая, однако, допустима только в том случае, если переводчик не привносит свой тон, свой смысл или даже свое направление действию. Рассмотрим дальше некоторые отрывки из романа и их переводы, чтобы сделать это наглядным.

Таблица 3.7 Фальсификация сущности при переводе

<i>Пушкин</i>	<i>Коммисар</i>
ГЛАВА 1	KAPITEL 1
XVII	XVII
Театра злой законодатель, Непостоянный обожатель Очаровательных актрис, Почетный гражданин кулис, Онегин полетел к театру, Где каждый, вольностью дыша, Готов охлопать <i>entrechat</i> , Обшикать Федру, Клеопатру, Мойну вызвать (для того, Чтоб только слышали его).	Nun <u>eilt</u> Onegin ins Theater, Allwo er sich als Kunstberater Und Primadonnenfavorit Nach Laune um Erfolg bemüht, Und jeder kritisch sich betätigt, Hier Beifall klatscht dem <i>entrechat</i> , Dort mit Gezisch Kleopatra Und Phädra abzutreten nötig, Vor allem Lärm macht, möglichst toll, Damit man rings ihn hören soll.
XVIII	XVIII
Там, там под сению кулис Младые дни мои неслись.	Dort, dort in der Kulissen Raum Träumt' ich so manchen Liebestraum.
XIX	XIX
Мои богини! что вы? где вы? Внемлите мой печальный глас: Всё те же ль вы? другие ль девы, Сменив, не заменили вас? Услышу ль вновь я ваши хоры? Узрю ли русской Терпсихоры Душой исполненный полет?	Wo seid ihr göttlich Anmutsgleichen? Ist euer Wirbel heut verrauscht? Habt ihr mit andern, ach, nicht gleichen Zu meinem Schmerz den Platz getauscht? Tönt euer Sang noch süß belebend? Wird Rußlands Terpsichore schwebend Mein Aug' und Herz noch an sich ziehn?
XLIII	XLIII
И вы, красотки молодые, Которых поздней порой Уносят дрожки удалые	Auch euch, ihr Dämchen freier Liebe, Die ihr in sinnlich toller Hast Spätnachts durch Petersburgs Getriebe

По петербургской мостовой,	Von Droschken euch entführen laßt,
<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 1	KAPITEL 1
XVII	XVII
Der böse Kenner Kunstgehabens, Der unbeständige Liebhaber Vom Scharm Aktrizen seit jeher, Des Bühnenvorhangs Ehrenherr, Onegin flitzt nun zum Theat're, Wo jeder hält das Spiel in Schach Und gleich beklatscht den Entrechat, Verhöhnt Phaedrus, Kleopatra, Ruft andere ins Rampenlicht (So jeder präsentiert nur sich). XVIII	Als Ehrenbürger der Kulissen Und manch bezaubernder Aktrizen Vergötterer für kurze Frist, Als böser Bühnenspezialist Eilt dort Onegin hin, wo jeder Der Freiheit frischen Hauch genießt, Den <i>entrechat</i> mit Beifall grüßt, Auszischt Kleopatra und Phädra, Moina rauft (daß man ja Bemerkt: auch er ist wieder da). XVIII
In deren Schatten, Nacht um Nacht, Hab' meine Jugend ich verbracht. XIX	Dort im Kulissenschatten, dort War meiner Jugend liebster Ort. XIX
Ihr, meine Göttinnen! Was seid ihr? Empfangt mein'n tristen Ruf ihr jetzt: Seid ihr dieselben oder seither Verdrängt von Andren, nicht ersetzt? Ob ich noch höre Eure Chöre? Ersehe Russlands Terpsichores Mit Geist geladnen Wunderflug? XLIII	Ihr, Mleine Göttinen, wo seid ihr? Daß euch mein Klageruf erreich: Seid ihr's denn noch? Sind andre seither An eurer Statt, doch euch nicht gleich? Hör je den Klang ich eures Chores, Erblick ich Rußlands Terpsichores Beseeltes Schweben noch einmal? XLIII
Und ihr, die Schönheiten der Jugend, Die erst zu später Tageszeit Die kecken Droschken, Amors Flügel, Durch Petersburg verteilen breit,	Und ihr, ihr Hübschen, Jungen, Feschen, Die ihr, wenn tief die Nacht sich neigt, Euch in verwegenen Kaleschen Auf Petersburger Pflaster zeigt,

В этих строфах первой главы Пушкин изображает жизнь Онегина как плейбоя высшего общества столичного Санкт-Петербурга и даже отождествляет себя с ним почти с тоской (скупая в то время на южной периферии, изгнанный из этого высшего общества). Из этого описания становятся понятными характер Евгения, его хандра, его цинизм, которые проявляются в следующей главе. То, что Пушкин в этих строфах рассматривает женщин только с этой точки зрения и был всегда склонен их так рассматривать, подтверждают его редко опубликованные вульгарные порно-стихи полные похоти и отборных русских матерных слов по типу известного, и Пушкиным почитаемого Эвариста Парни.

Аристократы-плейбои того времени отправились в театр, чтобы показать себя, но главным образом, чтобы заполучить на ночь одну из актрис, которые в то время в России, как и во всей Европе, считались не знаменитостями, как сегодня, а, скорее, благородными шлюхами, которых дворяне охотно представляли как любовниц, и им разрешено было даже их любить, но никогда жениться на них. Театр был для них в этом смысле чем-то вроде сегодняшнего борделя, а не пространства для

сентиментальных любовных мечтаний, как это рифмует Коммихау не особо целенаправленно и очень далеко от стихов Пушкина.

Кайль, напротив, переводит ближе к оригиналу, что делает его перевод иногда слово в слово похожим на мой, что не должно удивлять при преследуемой нами обоими близости к одному и тому же оригиналу. Несколько неестественно, однако, действует у Кайля его в поэзии, собственно, допустимая (как, собственно, и глагольные рифмы) и очень часто используемая им практика, прерывать предложение в стихотворной строке на любом подходящем для рифмы слове и переносить оставшуюся часть предложения в следующую стихотворную строку как, например, выше (Таблица 3.7, ГЛАВА 1, XVII): Moina rausruft (daß man ja/ Bemerkt: auch er ist wieder da (Моину вызвать (чтобы был / Примечен: он их не забыл).

Следующий пример иллюстрируют тезис о поэтической квинтэссенции особо тонко:

<i>Пушкин</i>	<i>Коммихау</i>
ГЛАВА 3 IV Однако в поле уж темно; Скорей! пошел, пошел, Андрюшка! Какие глупые места! V Как эта глупая луна На этом глупом небосклоне.	KAPITEL 3 IV Wie schnell es dunkelt, schau doch mal! Andrjuschka, zugefahren! Scheußlich, Dies öde Feld ... Na, tut mir leid: V Gleicht dort dem Mond, der dumm und rund Sich anschickt, uns Geleit zu geben.
<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 3 IV Im Felde wird es dunkel gleich. Los, schneller! Vorwärts, Andreaschka! Von blöden Orten hier zum Licht! V Wie dieser runde blöde Mond In blödem Himmel ohne Sonne .	KAPITEL 3 IV Die Dunkelheit schon bricht herein; Fahr zu, Andrjuschka, brauch die Rute! Welch eine dumme Landschaft hier! V Wie dieser dumme runde Mond Am dummen Horizont heut abend.“

В этой сцене, где Онегин и Ленский едут домой после их визита у Лариных, слово «глупый» (blöd) у Онегина встречается довольно однотонно три раза. Но если переводчик игнорирует эту однотонность, как Коммихау, или «улучшает» её, то он стирает поэтический приём, хорошо используемый здесь Пушкиным, который подчеркивает скучное и раздраженное настроение Онегина от всего однотонного вечера. В этом случае слово «дурацкий» (blöd) или «глупый» (dumm), которое Кайль вставляет корректным образом тоже три раза, было бы целесообразно использовать как отклонение от оригинала лучше один раз больше, чем два раза меньше.

Следующий пример также показывает, как, на первый взгляд, незначительное отклонение в переводе может привести к серьезному вмешательству, изменяющему особо подчеркнутое в оригинале настроение:

<i>Пушкин</i>	<i>Коммихау</i>
ГЛАВА 6 XXVII Враги стоят, потупя взор. XXVIII. Враги! Давно ли друг от друга Их жажда крови отвела?	KAPITEL 6 XXVII Die <u>Gegner</u> senken stumm den Blick. XXVIII Die <u>Gegner!</u> Nach so wenig Stunden Durch grimmen Blutdurst schon entzweit?
<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 6 XXVII Die Feinde stehn, versenkt den Blick. XXVIII Die Feinde! Wann kam, statt der Buße, Vendetta , trennend sie parat?	KAPITEL 6 XXVII Die Feinde schauen sich nicht an. XXVIII Die Feinde! Ah, wie lang denn lag es Zurück, daß Blutdurst sie entzweit?

Враги (Feinde), которых Пушкин подчеркнуто описывает как внезапных кровных врагов, – это не противники (Gegner)! Противники – это друзья, которые играют в шахматы или в карты, а не те, кто стреляет друг в друга с целью убить! Оба слова в ямбически-техническом смысле – состоят из двух слогов, первый слог ударный – абсолютно эквивалентны и даже не принадлежат к рифменным словам. Тем не менее, Коммихау сознательно или бессознательно из-за недостаточной восприимчивости и усердия, которые, с другой стороны, очевидны у Кайля, выбирает слово «противники» (Gegner) без какого-либо метрически-рифмического давления, искажая тем самым всю эмоциональную квинтэссенцию, которой Пушкин посвящает всю трагическую строфу.

Перевод Коммихау слова «просвещение» (Aufklärung) в оригинале словом «цивилизация» (Zivilisation) совершенно недопустим и далек от оригинала:

<i>Пушкин</i>	<i>Коммихау</i>
ГЛАВА 7 XXXIII. Когда благому просвещенью Отдвинем более границ,	KAPITEL 7 XXXIII Geht Rußland einst aus Finsternissen Zur <u>Zivilisation</u> voran
<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 7 XXXIII Wenn wir der gnädigen Aufklärung Die Grenzen noch erweitern hier,	KAPITEL 7 XXXIII Wenn wir aufklärender Bestrebung Gewähren etwas weitren Raum

Пушкин говорит однозначно об уже происшедшем к тому времени в Европе Просвещении (просвещение – Aufklärung, Bildung – образование), от которого Россия и по сей день еще далека, и, согласно предсказанию Пушкина двухсотлетней давности,

останется таковой еще триста лет. Но цивилизованной Россия была и остается, по крайней мере, со времен реформ Петра Великого. И в этом месте перевод Кайля "просвещающее стремление" (aufklärende Bestrebung) удался лучше, чем Коммихау.

Основная идея Просвещения, которая привела к восстанию декабристов – офицеров, которые со своими крестьянами-солдатами были во время наполеоновских войн в Европе и заразились этой идеей, – видит людей на первом месте, а не государство и даже не бога и религию (церковь), которые имеют право на существование только в том случае, если они служат людям.

Интересным в смысле сохранения квинтэссенции является смысловой перевод выдуманных Пушкиным (не исторически известных), очевидно сатирически-характеризующих фамилий в романе:

<i>Пушкин</i>	<i>Коммихау</i>
ГЛАВА 5 XXVI. С своей супругою дородной Приехал толстый ПустякОв ; Гвозд Ин , хозяин превосходный, Владелец нищих мужиков; Скот И нины, чета седая, С детьми всех возрастов, считая От тридцати до двух годов; Уездный франтик ПетушкОв , Мой брат двоюродный, БуЯнов , В пуху, в картузе с козырьком (Как вам, конечно, он знаком), И отставной советник Флянов , Тяжелый сплетник, старый плут, Обжора, взяточник и шут. (4)	KAPITEL 5 XXVI Nebst Gattin, an Gewicht nicht minder, Erschien der Dickwanst PustjakOw ; Gwosd In , ein reicher Bauernschinder, Der geckenhafte PetuschkOw , Provinzadonis ohnegleichen; Skot In ins, dürre Vogelscheuchen, Nebst ihrer starken Kinderschar Von anderthalb bis dreißig Jahr; Sodann mein Bruderherz BujAnow , In Flaus und Mütze, seinem Staat (Wie ihr gewiß ihn oft schon saht), Und Staatsrat außer Diensten FliAnow , Als Plappermaul, geschmierte Hand Und blöder Vielfraß wohlbekannt. (4)
<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 5 XXVI Da kamen an: mit seiner Gattin Der korpulente KleinigkOw ; Hervorragender NagelAtin , Besitzer Armen aus Pleskau; Auch graues Ehepaar ViehrindOw Mit ihren unzähligen Kindern Von zwei bis dreißig Jahre alt; Herr HähnchenkOw , als Geck wer galt, Mein guter Vetter, Herr GrobjAnOw , Mit Flaum bedeckt, im Hut mit Rand (Er ist euch sicherlich bekannt); Pensionierter Stadtrat FljAnow , Verruchter Zuträger und Narr, Korrupter Vielfraß, Schalk sogar. (5)	KAPITEL 5 XXVI Da kam an starker Gattin Seite Der dicke PustjakOw gewallt; Gwosd In , der hungern ließ „die Leute“ Und drum als kluger Gutsherr galt; Dann das ergraute Paar SkotInin Und Kinder dutzendweis mit ihnen Von zwei bis an die dreißig Jahr; Dann PetuschkOw , der Mode Narr; Mein Vetter ersten Grads BujAnow , Die Mütze schief, den Rock voll Stroh (Natürlich kennen sie ihn so), Und Amtsrat außer Diensten FljAnow , Ein höchst korrupter alter Fuchs, Vielfraß und Freund von Klatsch und Jux. (3)

Пушкин вводит здесь персонажи, помещиков из окружения Лариных, чьи забавные

фамилии, очевидно выдуманные автором, должны изображать этих провинциальных не воспринимаемых всерьез героев. Ясно, что этот литературный нюанс, используемый Пушкиным, остается для читателей немецкого перевода скрытым как в переводах Коммихау и Кайля, если переводчик не откроет им скрытый в этих фамилиях характерный смысл, как это попытался сделать я.

Неожиданно для меня, что Кайль при предполагаемой мной близости его концепции перевода к моей в этом случае использует легкое рифмирование русских фамилий меньше, чем это делает Пушкин в оригинале, и даже меньше, чем Коммихау в своем переводе. Коммихау, однако, озабочен меньше всего близостью его перевода к оригиналу, а скорее ищет, как всегда (как и с глагольными рифмами), упрощенно-облегченной рифмовки, которую предлагает также использование рифменных слов оригинала, так или иначе созвучных немецким словам.

Использование оригинальных рифм и имен собственных

В предыдущем примере я перевел корни каждой фамилии на немецкий язык и оставил типичные русские окончания **–ов** и **–ин**, как в оригинале. Имя Флянов (Fljanow) не выполняет эту характеристическую задачу и взято Пушкиным только для рифмы. Пушкин использует во многих других местах исторические или антично-мифологические имена, которые широко известны и в других культурах и, конечно же, не требуют перевода. Если эти имена встречаются в пушкинских рифмах, то имеет смысл использовать их, если и с помощью некоторых трюков, следуя еще одному дополнительному правилу поэтического перевода:

– максимально использовать оригинальные рифмы

Немецкие переводчики пренебрегают в большинстве случаев (рифма **Bujanow/ Fljanow** у Коммихау в примере выше скорее случайная и почти единственная) даже непосредственно переносимых рифменных образцов оригинала, таких как: ДиАна/ ромАна, БоливАр/ бульвар (DiАne/ RomАne, BolivAr/ BoulevArd), которые, к счастью, звучат одинаково или похоже на разных языках.

В других случаях они сбивают себя сами с толку своими типично немецкими ошибками с ударением на первый слог в русских именах и названиях, как например: RUslan вместо RuslAn, NEwa вместо NewA (ударение здесь и везде отмечено заглавными буквами) и т.п., хотя правильное ударение можно было бы легко определить из ямбического порядка слогов в оригинале. Если переводчик не

использует оригинальные рифмы и вводит новые рифменные слова, то важные детали, такие как Theokritos, Breguet и т.п., без нужды теряются и, еще хуже, опять же заменяются рифменными глаголами и глагольными рифмами.

Таблица 3.8 Использование **рифм оригинала** (Приложение 3.2)

<i>Пушкин</i>	<i>Коммичау</i>
ГЛАВА 1	KAPITEL 1
II	II
Друзья Людмилы и РуслАна!	Euch, die ihr RUslan und Ludm <u>illen</u>
С героем моего ромАна	So warm empfingt mit Freundesw <u>illen</u> ,
(...)	(...)
Родился на берегах Невы,	Am NEwastrand, der auch wohl gar,
Где, может быть, родились вЫ	O Leser, deine Wiege war,
VII	VII
Бранил ГомЕра, ФеокрИта;	Und schalt Homer und andre Geister.
Зато читал АдАма СмИта,	Doch Adam SmIth war recht sein Meister,
XV	XV
Надев широкий болиvАр, ³	Stülpt auf den Kopf den BolivAr ,
Онегин едет на бульвАр	Fährt aus, stellt fein den Weltmann dAr
И там гуляет на просторе,	Und geht geruhsam promenieren,
Пока недремлющий брегЕт	Bis allgemach die Stunde schlägt,
Не прозвонит ему обЕд.	Da unser Freund zu speisen pflegt.
XVII	XVII
Еще бокалов жажда просит	Man würde gern noch weiterzechen,
Залить горячий жир котлЕт,	War das Menü doch reichlich fEtt,
Но звон брегета им доносит,	Allein, die Uhr mahnt aufzubrechen:
Что новый начался балЕт.	Schon läutet's drüben zum Ballett.
(...)	(...)
Онегин полетел к теАтру,	Und jeder kritisch sich betätigt,
Где каждый, вольностью дышА,	Hier Beifall klatscht dem entrechAt,
Готов охлопать entrechAt,	Dort mit Gezisch KleopatrA
Обшикать ФЕдру, КлеопАтру,	Und PhÄdra abzutreten nötigt,
XIX	XIX
Услышу ль вновь я ваши хОры?	Tönt euer Sang noch süß belebend?
Узрю ли русской ТерпсихОры	Wird Rußlands Terpsichore schwebend
(14)	(5)
Приб	Кайль
KAPITEL 1	KAPITEL 1
II	II
Ludmllas Freunde und RuslAnes!	Ihr Freunde von RuslAns Geschichten
Ich möcht' den Helden des RomAnes	Könnst auf Prologe wohl verzichten;
(...)	(...)
Geborn an Ufern von NewA,	An den Gestaden von NewA,
Wo Ihr vielleicht geboren wart,	Der Leser stammt wohl selbst von dA
VII	VII
Beschimpfend HOmer, TheokrItos,	Er schalt HomEr und TheokrIt aus,
Las gern' dagegen Adam SmIth er.	Doch kannt er sich bei Adam SmIth aus
XV	XV
Hut aufgesetzt la BolivAr, –	Mit einem breiten BolivAr,
Fährt Eugen auf das BoulevArd,	Fährt mein Onegin zum BoulevArd,
Spaziert dort lange ohn' Begleitung,	Dort zu flanieren ohne Sorgen,
Bis ihm der Wecker von BregUEt	Bis nimmerschlummernd unterm Kleid,
Zum Mittag läutet, zum BuffEt.	Die Uhr erklingt zur Essenszeit.
XVII	XVII
Der Durst lechzt noch nach Wein im Kelche,	Noch lechzt der Durst nach neuen Bechern
Um aufzulösen heißes Fett,	Denn heiß war der Kotelette fEtt,
Da tönt Breguet, verhindernd welchen,	Da sagt die Uhr ins Ohr den Zechern,
Dass neues jetzt beginnt BalEtt.	Daß schon begonnen das BalEtt

(...) Onegin flitzt nun zum TheAt're , Wo jeder hält das Spiel in <i>Schach</i> Und gleich beklatscht den EntrechAt , Verhöhnt bös PhÄdra, KleopAtra , XIX Ob ich noch höre eure ChÖre ? Ersehe Russlands TerpsichOres (14)	(...) Eilt dort Onegin jetzt, wo jeder Der Freiheit frischen Hauch genießt, Den <i>entrichat</i> mit Beifall grüßt, Auszischt KleOpatra und PhÄdra, XIX Hör je den Klang ich eures ChOres , Erblick ich Rußlands TerpsichOres (8)
--	---

Использование оригинальных рифм имеет смысл не из-за облегчения работы переводчика, но из-за максимально возможного сохранения исходного материала всеми средствами. Чтобы показать потенциал, который тут скрыт, я собрал все такие оригинальные рифмы романа в одну таблицу (Приложение 3.2). Отсутствие оригинальных рифм в переводах на немецкий язык объясняется, по-видимому, тем, что переводчик усваивает содержание всей оригинальной строфы, а затем практикует свою собственную поэзию, выпуская многие детали и нюансы оригинала.

Построчный перевод как предпочтительный метод

Переводчик должен взять себе за правило, поэтическое произведение лучше всего

– **переводить построчно, а не «построфно»**,

как это делает, очевидно, большинство переводчиков, чтобы обеспечить себе их *Fata Morgana* – их поэтическую свободу, и при этом интерпретируют много собственного в их перевод.

В моих сравнительных таблицах я привожу какое-то для данного примера необходимое число стихотворных строк, экстрагированных из оригинала, из моего перевода и из переводов Коммихау и Кайля в тех же самых местах в строфе. Очень часто мне лишь с трудом удается понять, какие стихотворные строки той же строфы в переводе Коммихау соответствуют выбранным строкам в оригинале и в моем переводе. Поэтому мне часто приходилось брать у Коммихау одну строку до или после желаемой строки оригинала, чтобы восстановить какую-то разумную связь с оригиналом. С переводом Кайля эта проблема не возникает вообще. Очевидно, что он переводил по методу «строку-за-строкой» и, таким образом, остается в своем переводе довольно близко к оригиналу. Настолько близко, что его перевод не только совпадает с оригиналом, но в некоторых местах почти дословно с моим переводом.

Сегодня предоставлены в достаточной мере технические средства для эффективного построчного перевода, такие как компьютерные и интернетные технологии. Можно копировать текст оригинала из интернета в один столбец таблицы из двух столбцов

напротив текста перевода во втором столбце. Только после буквального перевода строк наступает поэтическая доработка с ямбической и рифмической подгонкой (ремесленное искусство именно). Свобода в ямбическом согласовании переведенного текста при этом не допустима или допустима только в рамках свобод оригинала (Таблица 3.6) и сформулированных мною в этой работе правил.

Разницу можно видеть в следующем случайно выбранном примере, и из него судить о том, который подход ведет к лучшему и более аутентичному переводу: построчный, где я и Кайль остаемся максимально при оригинале, или наиболее распространенный среди переводчиков «построфный», где переводчик создает свою собственную строфу более или – в основном – менее опирающуюся на строфу оригинала, не владея при этом творческим искусством автора оригинала.

Таблица 3.9 Сравнение построчного и «построного» переводов

<i>Пушкин</i>	<i>Коммисар</i>
ГЛАВА 6 XIX. Весь вечер Ленский был рассеян, То молчалив, то весел вновь; <u>Но тот, кто музою взлелеян,</u> <u>Всегда таков: нахмура бровь,</u> <u>Садился он за клавиорды</u> <u>И брал на них одни аккорды.</u> То, к Ольге взоры устремив, <u>Шептал: не правда ль? я счастлив.</u> Но поздно; время ехать. Сжалось* В нем сердце, полное тоской; <u>Прощаясь с девой молодой,</u> <u>Оно как будто разрывалось.</u> <u>Она глядит ему в лицо.</u> "Что с вами?" - Так. - И на крыльцо. XV. Был вечер. Небо меркло. Воды* <u>Струились тихо. Жук жужжал.</u> <u>Уж расходились хороводы:</u> <u>Уж за рекой, дымясь, пылал</u> <u>Огонь рыбакий. В поле чистом,</u> <u>Луны при свете серебристом</u> В свои мечты погружена, <u>Татьяна долго шла одна.</u>	KAPITEL 6 XIX Freund Lenski war den Abend heute Sehr aufgeregt und wunderbar, Bald trüb, bald froh – wie Dichtersleute Nun einmal sind: erst ließ er sich Mit düsterer Stirn am Piano nieder, Griff Mollakkorde, seufzte wieder, Sah dann verzückt nach Olga hin Und hauchte: »Wie ich glücklich bin!« Es wurde spät, der Abschied drängte. Da war's, als wenn mit einemmal Ein Übermaß von Seelenqual Sein sorgenschweres Herz zersprengte. Sie will ihn halten: »Hör, ein Wort – Was fehlt dir?« – »Nichts. « So stürzt er fort. XV Am Abend war's, zur Dämmerstunde. Bleich stand der Mond; der Strom ging <u>sacht</u> ; Die Käfer summten in der <u>Runde</u> ; Ein Fischerfeuer war entfacht ; Vom Dorf her schallte muntre Reigen. Und unterdessen, tief im <u>Schweigen</u> , Streift einsam unsre Träumerin , Tatjana, durch die Felder <u>hin</u> .
<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 6 XIX Zerstreut war Lenskij ganzen Abend, Mal schweigsam und mal wieder froh. Doch wer von Musen schöpft VorhAben, <u>Der war und ist nun immer so:</u> Er setzte sich betrübt zum Flügel, <u>Ein paar Akkorde spielte, fliegend</u> Zu Olga richtete den Blick,	KAPITEL 6 XIX Zerstreut den ganzen Abend über, War Lenski schweigsam bald, bald froh; Doch wen die Muse früh schon lieber* <u>Als andre hat, der ist halt so.</u> Stirnrunzelnd griff am Klavichorde <u>Er weiter nichts als nur Akkorde</u> Und flüsterte zu Olga hin:

<u>Ihr flüsterte von seinem Glück</u> Doch es ist spät. Die Zeit zum Fahren. Beim Abschied pochte schon sein Herz, <u>Volles Verzweiflung, voll vom Schmerz.</u> <u>Sie möchte bringen's in Erfahrung</u> <u>Und fragt ihn ins Gesicht schlichtweg:</u> <u>„Was ist mit Ihnen?“ – Nichts. – Und weg.</u> KAPITEL 7 XV Es war ein Abend. Die Gewässer, <u>Kaum hörbar, rieselten ins Tal.</u> <u>Die Reigen lösten sich indessen,</u> Und über Fluss brannt', rauchend schmal, Das Lagerfeuer später Fischer. <u>Im Feld, vertieft in Traum, inzwischen</u> <u>Im grellen Licht des Mondesscheins,</u> Ging Tanja lange ganz allein.	<u>„Es stimmt doch, daß ich glücklich bin</u> Doch jetzt muß ich nach Haus.“ So enge* Ward da sein Herz vor stillem Gram: <u>Und als er von ihr Abschied nahm,</u> <u>Da war es ihm, als ob's zerspränge.</u> <u>Sie schaut ihn an und wagt das Wort:</u> <u>„Was ist mit Ihnen?“ – „Nichts.“ – Und fort.</u> KAPITEL 7 XV <u>'s war Abend. Blaß der Himmel. Leise*</u> <u>Das Wasser rinnt. Ein Käfer summt.</u> <u>Verklungen war die Dorftanzweise,</u> Schon glomm am Fluß, vom Rauch verummt, Ein Fischerfeuer. Auf dem Felde <u>Das silbrig schon der Mond erhellte.</u> <u>Da ging vertieft in Träumerein,</u> Tatjana lange Zeit allein.
--	--

* Переносы части предложения в другую стихотворную строку у Пушкина – техника, которую Кайль успешно перенял и передает в своем переводе

Здесь можно видеть, как я перевожу прямо, то есть буквально, одну из двух рифмующихся стихотворных строк (жирный шрифт) с сохранением ямбического метра и соответствующей каденций. Это не обязательно должна быть первая строка рифменной пары, если учесть семантические (несущие смысл) рифменные слова, оригинальную рифму или просто трудность рифмовки некоторых слов. Вторая строка рифменной пары (подчеркнуты) переводится затем только с учетом подходящей рифмы, доминирующей стихотворную строку, как можно ближе к оригиналу.

Кайль даже узнает и передает при, явно, схожей с моей методике перевода один из нюансов пушкинской поэзии, относящийся к уже анализируемому мной выше небрежному поэтическому стилю Пушкина. Этот нюанс остался у меня без внимания и состоит в том, что предложение в одной стихотворной строке (в таблице 3.9 помечены звездочкой) прерывается с целью организации на такой искусственный манер подходящего рифменного слова и остаток предложения переносится в следующую стихотворную строку. Поскольку этот нюанс служит только своим собственным целям облегчения рифмовки, а не расширению средств выражения, то я, в отличие от Кайля, не посчитал нужным следовать здесь Пушкину. Я также нахожу это прием поэтически не особо элегантным.

Таким образом, построчный метод перевода выполняет самым простым и эффективным образом задачу аутентичности поэтического перевода и банализирует в силу своей простоты миф о «непереводимости поэзии» и, особенно, поэзии Пушкина, распространяемый профанами. Построфный перевод развился в последние столетия скорее из-за технической трудности постоянно держать перед глазами каждую

стихотворную строку печатного текста оригинала, и не должен в сегодняшних литературоведческих дебатах ни обосновываться ссылками на какие-либо творческие тактики и стратегии некомпетентных переводчиков, ни быть оправдан.

Сохранение семантических рифменных слов оригинала при рифмирование

Большинство серьезных отклонений от оригинала случается в поэтических переводах при рифменной компоновке переведенного текста, как видно из предыдущего раздела. Полезным было бы правило, действующее также для автора оригинала: в каждой рифменной паре или группе есть слово, несущее основной смысл, и одно или несколько сопровождающих его рифменных слов. Первой задачей поэтического переводчика является, с помощью анализа найти и сохранить такие приоритеты. Это можно также сформулировать как одно из правил перевода:

– находить и сохранять при рифмовании семантические (несущие смысл) слова в рифменных группах.

Это можно проанализировать и продемонстрировать на следующем примере.

Таблица 3.10 Потеря аутентичности при «построфном» переводе

<i>Пушкин</i>	<i>Коммичау</i>
ГЛАВА 4 XIV Я, сколько ни любил бы вас, Привыкнув, разлюблю тотчас; Начнете плакать: ваши слезы Не тронут сердца моего, А будут лишь бесить его. Судите ж вы, какие розы Нам заготовит Гименей И, может быть, на много дней (<u>0</u> + <u>0</u>)	KAPITEL 4 XIV Wie warm ich auch für Sie gefühlt , Ich wäre bald doch abgekühlt ; Sie weinen dann – allein durch Tränen Wird nimmermehr mein Herz erweicht , Nein, nur verbittert, fortgescheucht . Dies sind die Rosen dann, die schönen , Die uns, vielleicht für Lebenszeit, Gott Hymen auf die Pfade streut ! (<u>2</u> + <u>3</u>)
<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 4 XIV Begehre ich Sie noch sosehr, Gewohnheit steht zur Liebe quer. Sie kriegen Tränen statt Liebkosung Und trotzdem rührt mein Herz das nicht, Wird nur noch drangsaliert mich. Bedenken Sie nur, welche Rosen Bereitet Hymenaios uns Auch lebenslang in seiner Gunst . (<u>0</u> + <u>0</u>)	KAPITEL 4 XIV Sosehr ich Sie auch liebte, bald Ließ* die Gewohnheit mich schon kalt; Sie würden weinen: Ihre Tränen, Die stimmten dann mein Herz nicht mild, Sie machten mich vielmehr nur wild. Urteilen Sie selber, welche Szenen Uns Hymen dann bereiten mag , Und das vielleicht für Jahr und Tag. (<u>0</u> + <u>1</u>)

Смысловое содержание этой строфы состоит в объяснение Онегина Татьяне того, что он, якобы, не создан и недоступен для обычного брака. Онегин обосновывает это ей, говоря, что каждый брак, даже основанный на большой взаимной любви, якобы,

осужден к несчастью для обоих из-за вкрадывающейся в него будничной привычности.

Так что теперь можно закрыть эту строфу, и это скудное, но мудрое содержание сам поэтически в рамках «Онегинской строфы» свободно сочинить, что многие поэтические переводчики, такие как Пастернак, усердно и делали и даже с гордостью настаивали на этом:

«(...) перевод должен исходить от автора, который еще задолго до начала своей работы испытал воздействие оригинала (...) в идеале, переводы должны стать самостоятельными литературными произведениями и ставить себя по своей уникальности на уровень оригинала.»

Б. Пастернак [22: 394]

Какая заносчивость и кощунство, путем плагиата и фальсификации оригинального произведения достичь уровня, в данном случае, Гёте! Пастернак с таким глупо-амбициозным отношением преуспел только в совершенно неудачной подделке трагедии «Фауст», которая не является ни самостоятельным произведением, ни достойным представлением оригинала на русском, как я покажу и обосную это в следующей главе. Тут я могу всем, кто как поэтический переводчик подходит к великим классическим произведениям, сформулировать не столько правило перевода, сколько дружескую рекомендацию типа той, что стояла над воротами Ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери: «Оставь надежду (на свою важность и самостоятельность), всяк сюда входящий!».

Незначительность поэтических переводчиков подчеркивается даже издателями: когда я хотел приобрести все возможные уже существующие переводы «Евгения Онегина» для своего исследования, у меня возникли серьезные трудности дифференцировать предложенное количество публикаций по имени переводчика. Коммихау я обнаружил где-то в рекламном тексте обложки книги, напечатанном мелким курсивом. В «Amazon» я вообще не смог найти имя переводчика, поэтому мне пришлось заказывать одни и те же переводы у разных издателей дважды, несмотря на все мои усилия дифференцирования.

Я нашел это обстоятельство вопиюще несправедливым по отношению к благородной гигантской работе каждого переводчика. Вот почему я просто и правдиво пишу в своих переводах: Виктор Приб «Eugen Onegin» – перевод романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, потому что это **моя** версия на немецком языке **его** романа в стихах на русском. Это произведение ни в коем случае не может происходить от Пушкина, потому что он не мог писать стихи на немецком, как и Гете на русском.

Только таким образом каждый перевод сам по себе является «независимым литературным произведением», ценность которого тем больше, чем ближе он во всех отношениях к оригиналу, в то время как «самостоятельное уродование» оригинала, как и любая его подделка не только убоги, но также преступны и вредны.

Но вернемся однако снова к анализу переводов. Как уже дискутировалось выше, поэзия, как правило, не характеризуется серьезным содержанием. Тем не менее, в ней могут быть многие мысли, которые звучат тогда как откровения и мудрости и продолжают жить как таковые в пословицах и поговорках соответствующей языковой культуры. Так же и в этой строфе, где Онегин справедливо утверждает, насколько разрушительной является привычка даже для большой любви.

Коммихау как бы следует призыву Пастернака и сочиняет нечто свое, фальсифицируя и удешевляя значение этой строфы с первых стихотворных строк. Он деградирует большую любовь до некоего «теплого чувства» (Wie warm ich auch für Sie gefühlt – как бы тепло я не чувствовал к вам), выпускает мудрое утверждение Онегина о привычке, которая убивает эту любовь, и заменяет ее необъяснимым охлаждением – очевидно, подразумеваеся температура тела – Онегина (Ich wäre bald doch abgekühlt – я бы все же скоро остыл). Лучшее доказательство того, что у Коммихау при его «построфном» переводке не было перед глазами стихотворных строк оригинала.

В оригинале рифмуются «слезы» (Tränen) и «розы» (Rosen). Что должен рифмовать переводчик, если «слезы» символизируют несчастье, а «розы» Гименей являются символом любви? Ответ ясен: бог свадеб Гименей должен оставаться в переводе – все остальное, включая его деградацию к Гимену (Нупен – девственная плева), было бы нарушением сути пушкинской поэзии, которая состоит в его склонности часто вызывать к жизни античные, мифологические фигуры! Это нарушение с «девственной плевой» случилось здесь даже у Кайля, который в общем вполне верен оригиналу. «Розы» могут с точки зрения рассмотренного выше использования оригинальных рифм также оставаться и быть рифмованными с чем-то отклоняющимся от «слёзы».

Как Коммихау, так и Кайль выбирают «слезы» как несущее смысл слово и рифмует его один косвенно с «розами, красивыми» (Tränen/ Rosen, schönen), другой со «сценами» (Tränen/ Szenen) вообще без роз. Помимо преувеличенной и в этой строфе не аутентичной тяге Коммихау к глагольным рифмам, весь его перевод довольно неудачен, потому что он с его «прекрасными розами» дает Татьяне нечто другое для размышления, чем ужасное представление Онегина о семейной жизни, которым он так

жестоко сокрушает Татьяну в оригинале. Это снова довольно вопиющее вмешательство в оригинал! Кайль сохраняет, кроме вышеприведенных замечаний, корректно утверждения этой строфы в оригинале.

В своем переводе я попытался использовать оригинальную рифму и рифмовать слово «Hymenaios» (Гименей), как в оригинале. Это сложно без описанных выше хитростей, потому что оно имеет разные каденции в русском (ГименЕЙ – мужская) и в немецком (HymenAIos – женская). Поэтому в моем переводе на немецкий женская каденция изменена на мужскую каденцию добавлением односложного слова «uns» (нам). Так появилась в конце строфы довольно сносная рифма «Uns/ GUnst» (нам/ милость). Это последнее рифменное слово не несет особого смысла, просто оно было почти первым, что мне сразу пришло в голову.

Такие намеки, однако, любит и охотно практикует также Пушкин в своем непринужденном стихосложении. На фоне предыдущего эта «милость» звучит сатирически-саркастически: что бы это был за брак, если бы свадьба попала в немилость (Ungunst) Гименея? И этот сатирически-саркастический тон пронизывает весь роман. Так что, несмотря на случайность этой рифмы, мой перевод остается стилистически даже в двойном смысле верным оригиналу и аутентичным.

3.7 Исторически-временная подоплека и подход Пушкина

Дух времени, мораль общества и Пушкина

Литературный критик В.Г. Белинский назвал роман «Евгений Онегин» энциклопедией русской жизни того времени [23: 2016]. Тут я бы хотел проанализировать, в какой степени такое определение обосновано. В своем романе Пушкин, несмотря на опасную цензуру, с большой горечью глумится над российским высшим светом, к которому он сам принадлежал, как над морально пришедшим в упадок обществом без идеалов и целей. Но он не упоминает ни одним словом события до и в день 25-го декабря 1825 года на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, а именно движение и восстание декабристов.

Это движение, к которому якобы принадлежал и Пушкин, возникло в России после наполеоновских войн среди высших офицеров, в том числе из самых знатных дворянских семейств – Crème de la Crème российского общества! Они требовали от царя Александра I социальных реформ и, прежде всего, отмены крепостного права. Царь решительно отверг эти требования. Когда после его смерти была провозглашена

на 25-е декабря коронация нового царя Николая I, они вышли со своими полками на Сенатскую площадь, чтобы оказать большее давление на нового царя.

Многие из повстанцев были застрелены на площади верными правительству войсками. Пять лидеров были казнены, и сотни этих дворян были сосланы в сибирскую каторгу. Их избалованные столичной жизнью аристократические жены последовали за мужьями в Сибирь, несмотря на все ожидавшие их там лишения – столько к «розам Гименея» в этих дворянских благородных браках. Благодаря этим семьям декабристов, сибирское общество испытало продолжительный культурно-образовательный подъем.

Все это произошло в то время, когда Пушкин описывал в своем романе-«энциклопедии» ножки актрис и хандру Онегина. Теперь можно спросить: какое отношение имеет моя критика к поэтическому переводу? Ответ ясен и поучителен: перевод – как и любая работа – хорош только в том случае, если он делается с любовью и без подспудной досады. Я уже говорил, насколько близко переводчик, в отличие от обычного читателя, должен приблизиться и приближается к автору оригинала. При этой близости Пушкин настолько раздражал меня своим лицемерием и высокомерием, что я должен был делать несколько длительных перерывов и в конце моей работы не испытывал больше ни удовольствия, ни удовлетворения.

Роман Пушкина отражает лишь обиженные чувства и обусловленный ими взгляд автора на дух времени и жизни как сельского (деревенская жизнь), так и столичного (Санкт-Петербург и Москва) высшего общества России в начале XIX века. Пушкин, живой и вовлеченный в нее современник, передает нам, прежде всего, через его капризно-игривую поэзию, свои эмоции: ирония, сарказм, горечь. Передает, таким образом, духовное содержание, которое приземленная, громоздкая проза никогда не могла бы понятно передать. При прозаическом переводе аутентичное духовное содержание скорее теряется, иначе бы Пушкин написал его в прозе, как некоторые из его произведений тоже.

Хронология романа и душевное состояние Пушкина

Между 1820-м и 1824-м годами Пушкин находился в назначенном царем изгнании на юге России. После своего пребывания в Крыму он жил поочередно в Одессе и Кишиневе, Бессарабия, где он в 1823 году начал работать над «Евгением Онегиным». Причина его изгнания объяснялась его эпиграммами, в которых он злобно высмеял некоторых политиков и которые циркулировали по всему Санкт-Петербургу. Злобные,

сатирически-эпиграммы черты можно встретить повсюду и в «Евгении Онегине» (Приложение 3.3).

Пушкин очень томился в провинции от скуки, ему не хватало его прежней жизни в высшем обществе при царском дворе в столице, что пробуждало его тоску по этой жизни и, по-видимому, наполняло его душу горечью. Эти ностальгию и горечь можно почувствовать в первых главах романа, когда он описывает это общество и его жизнь иногда с тоской, иногда в манере его эпиграмм.

Таблица 3.11 Отражение чувств Пушкина в южной ссылке

<i>Пушкин</i>	<i>Коммичау</i>
ГЛАВА 1	KAPITEL 1
XIX	XIX
Услышу ль вновь я ваши хоры ?	Tönt euer Sang noch süß belebend ?
Узрю ли русской Терпсихоры	Wird Rußlands Terpsichore schwebend
Душой исполненный полет?	Mein Aug' und Herz noch an sich ziehen ?
Иль взор унылый не найдет	Soll ich vergebens mich bemühen ,
Знакомых лиц на сцене скучной,	Ein teures Antlitz aufzufinden ?
И, устремив на чуждый свет	Und achtlos, mit dem Glas bewehrt ,
Разочарованный лорнет,	Das fremden Reizen zugekehrt ,
Веселья зритель равнодушный,	Enttäuschung mühsam nur verwinden ,
Безмолвно буду я зевать	Um gähnend unter all dem Schein
И о былом вспоминать ?	Entschwundnen Glücks gedenk zu sein ?
(2+1)	(8+1)
XLV	XLV
В обоих сердца жар угас ;	Uns beiden war das Herz erstarrt;
Обоих ожидала злоба	Wir hatten Jugend hingegeben,
Слепой Фортуны и людей	Und nur Fortunas blinden Hohn
На самом утре наших дней.	Und unsrer Mitwelt Haß zum Lohn.
(0+1)	(0+0)
L	L
Придет ли час моей свободы?	Wird meiner Freiheit Stunde schlagen ?
Пора, пора! – взываю к ней;	O schnell, schon treibt's mich ohne Ruh'
Брожу над морем, жду погоды,	Zum Ufer hin, den Wind zu fragen ,
Маню ветрила кораблей.	Schon wink' ich Segeln Grüße zu.
Под ризой бурь, с волнами споря,	Wann endlich gönnt mir Schicksalswille,
По вольному распутью моря	Durch Sturmwind oder Meeresstille
Когда ж начну я вольный бег?	Frei hinzuziehen ins Sonnenland?
Пора покинуть скучный берег	Bloß fort von diesem öden Strand
Мне неприязненной стихии,	Mir feind gewordner Elemente,
И средь полуденных зыбей,	Auf daß ich froh des Südens, nah
Под небом Африки моей,	Dem Himmel meines Afrika,
Вздыхать о сумрачной России,	Vom Duster Rußlands träumen könnte ,
Где я страдал, где я любил ,	Wo Liebe mich und Leid bedrängt ,
Где сердце я похоронил .	Wo ich mein Herz ins Grab gesenkt
(2+0)	(4+1)
LVI	LVI
Всегда я рад заметить разность	Es freut mich, daß ich so verschieden
Между Онегиным и мной,	Von meinem Freund Onegin bin ,
Чтобы насмешливый читатель	Weil nun kein Leser, mich bespöttelnd,
Или какой-нибудь издатель	Noch jemand sonst, der, Arges zettelnd,
Замысловатой клеветы,	Mich selbst mit ihm vergleicht, fortan
Сличая здесь мои черты,	Gewissenlos behaupten kann ,
Не повторял потом безбожно,	Ich hätte mich sehr unverfroren,
	Von Byrons stolzer Art verführt,

Что намарал я свой портрет, (0+0) ГЛАВА 2 XIV Но дружбы нет и той меж нами. Все предрасудки истребя, Мы почитаем всех нулями, А единицами – себя. Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей миллионы Для нас орудие одно; Нам чувство дико и смешно. (0+0)	Hier deutlich selber porträtiert; (0+2) KAPITEL 2 XIV Zwar ist auch solche Freundschaft selten, Weil unser blinder Dünkel <u>meint</u>, Daß andere bloß für Nullen <u>gelten</u>, Wodurch man selbst als Eins <u>erscheint</u>. Uns dünkt, wir seien Bonaparte, Und blicken von der steilen Warte Auf die zweibein'ge Kreatur: Für uns ist sie ein Werkzeug nur. (2+1)
<i>Прюб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 1 XIX Ob ich noch höre Eure Chöre? Ersehe Russlands Terpsichores Mit Geist geladnen Wunderflug? Ob findet noch mein trüber Blick Bekanntes Antlitz auf der Bühne? Wenn nicht, dann, auf den fremden Spaß Enttäuscht gelenkt Theaterglas, Der müde Zuschauer der Sühne, Ich gähne nur, verbleibend wach, Und weine dem Vergangnen nach. (0+0) XLV Erlosch bereits die Herzensglut. Erwartete uns nur das Böse Fortunas blinder, Menschen Dreck Am frühen Anfang unsres Wegs. (0+0) L Ob kommt die Freiheit von den Ketten? Es ist an Zeit! – ruf' ich ihr laut. Am Meere wandre¹⁰, wart' aufs Wetter, Den Segelschiffen wink' vertraut. In Stürmen streitend mit den Wellen, Wann werde freien Lauf ich <u>wählen</u> Über die Meere möglichst weit? Den Rück'n zu kehren ist es Zeit Dem iren Ufer an der Stelle, Und weinen aus, in heißem Dunst Des meinen Afrikas verwünscht, Nach liebes Russland meine Seele, Wo liebte ich und lebte ab, Wo liegt nun meines Herzens Grab. (0+1) LVI Den Unterschied zu meinem Helden Bei mir zu finden, freut mich sehr, Damit ein Leser, Spottes Träger, Beziehungsweise ein Verleger Verwirrtens Lästerns über mich Mal könnt' verbreiten drüber nicht, Vergleichend meine Seelenzüge, Dass ich skizziert hätt' mein Porträt (0+0)	KAPITEL 1 XIX Hör je den Klang ich eures Chores, Erblick ich Rußlands Terpsichires Beseeltes Schweben noch einmal? Oder wird mir vielleicht zum Qual Ein Schaustück, das ihr nicht mehr <u>zieret</u>. Und wird' ich mein enttäuscht Lorgnett Dann wandern lassen durchs Parkett, Weil mich das Lustspiel <u>ennuiviert</u>, Und nur noch wortlos gähnen gar, Gedenkend, wie es früher <u>war</u>? (2+1) XLV Nichts wärmte unsre Herzen mehr; Wir wähten uns nur noch vom Neide Fortunas und der Weg <u>gejagt</u>, Als unser Morgen kaum <u>getagt</u>. (2+0) L Kommt einmal meiner Freiheit Stunde? 's ist Zeit, 's ist Zeit! – ich ruf nach ihr; Ich geh am Meer, schau in die Runde Und lock die Segel her zu mir. Wann wird im Sturm, im Wogenstreite, Hinaus auf freie Meeresbreite Ich endlich lenken meinen Lauf? Zeit wär's, ich gäb das Ufer auf Des Elements, das mir zuwieder, Und erst in mittäglicher Flut, Mein Afrika, in deiner Glut, Gedächt ich seufzend Rußlands wieder, Wo ich geliebt, gelitten <u>hab</u>, Wo ich mein Herz gesenkt ins Grab. (0+1) LVI Und stets vermerk ich mir Genusse, Worin ich nicht Onegin gleich', Auf daß kein Leser sich <u>mokiere</u> Und kein Verleger der Papiere, Die die Verleumdung <u>ausgeheckt</u>, Wen meine Züge er <u>entdeckt</u>, Behaupte lästerlich und kläglich, Ich malte hier mein Selbstporträt (2+1)

KAPITEL 2 XIV Doch klein ist auch der Freundschaft Quote. Vernichtet Vorurteile kühl, Wir halten uns für Eins als Note, Die Andren aber nur für Null. Wir streben nach Napoleon. Zweibeinig' Viecher Millionen Sind uns ein einziges Werkzeug, Gefühl ist fremd, zum Lachen Zeug, (0+0)	KAPITEL 2 XIV Selbst solche Freunde sind noch selten. Uns hemmt kein Vorurteil mehr, keins, Daß alle uns als Nulle <u>gelten</u> Und nur wir selber als die Eins. Wir werden zu Napoleon; Zweibeiniger Wesen Millionen (10) Sind nur noch Mittel unsrer Macht; Gefühle werden <u>ausgelacht</u> . (0+2)
--	--

Таблица 3.11 не требует дальнейшего анализа, так как предыдущий всесторонний анализ также применим и здесь, особенно в отношении перевода Комихау: довольно приблизительная передача оригинала «строфа-за-строфой», глагольные рифмы вместо оригинальных рифм и т.д. К переводу Кайля только два замечания: удивившее меня, обусловленное метрикой сокращение «‘s» в начале стихотворной строки, в котором я иногда очень нуждался, но так и не решился использовать при моем переводе, хотя и встречал это до того уже у Гёте в "Фаусте" (Приложение 4.5), а также метрическая ошибка в 12-й стихотворной строке с 10 слогами вместо 9 (ГЛАВА 2, XIV), которая мелодически настолько явна, что я считаю ее, скорее, опечаткой – Zweibeiniger вместо Zweibeinig'.

Над своим романом в стихах Пушкин работал семь лет между 1823 и 1831 годами. Он опубликовывал его в Санкт-Петербурге с 1825 года поглавно, после завершения отдельных глав:

- Глава 1 – 1825 г. (до 1824 г. в ссылке на Юге, Одесса-Бессарабия),
- Глава 2 – 1826 г. (до 1826 г., в ссылке на Севере в имении отца в Михайловском),
- Глава 3 – 1826 г. (с 1826 г. жизнь в Москве и Санкт-Петербурге),
- Главы 4,5–1828 г. (время строгой цензуры и доносов),
- Глава 6 – 1829 г. (отвергнутое предложение Наталье Гончаровой, нелегальная поездка на Кавказ),
- Глава 7 – 1830 г. (1830 г., помолвка с Натальей Гончаровой, осень в Болдино),
- Глава 8 – 1832 г. (1831г., бракосочетание и светская жизнь при царском дворе).

В 1833 году в Москве была опубликована полная версия, а в 1837 году – последнее еще просмотренное самим Пушкиным издание.

Немецкие переводы «Евгения Онегина»

В хронологическом порядке список немецких переводов выглядит следующим образом:

- 1836 – Carl Friedrich von der Borg, Eugenius Onegin, Erster Abschnitt, in Der Refraktor. Ein Zentralblatt Deutschen Lebens in Russland Dorpat in fünf Folgen, beginnend am 1. August 1836 in der Nr. 14, endend in der Nr. 18 vom 29. August 1836.
- 1840 – Alexander Puschkin. Dichtungen. Aus dem Russischen übers. von Robert Lippert. 2 Bände Leipzig, Engelmann 1840. Enthält die vollständige Übersetzung von „Eugen Onegin“. Friedrich Bodenstedt, Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, Berlin 1854.
- 1874 – „Onegin“. Roman in Versen. Frei aus dem Russ. von Adolf Seubert. Reclam, Leipzig.
- 1899 – „Eugén Onégin“. Roman in Versen. Übers. von Alexis Lupus. Leipzig, St. Petersburg Richer.
- 1916 – **Theodor Commichau**. „Eugen Onegin“, Verlag G. Müller, München/ Leipzig. Poetische Übersetzung
- 1949 – „Eugén Onégin“. Aus d. Russ. übers. von Johannes von Guenther. Leipzig, Reclam. (Alexander Puschkin. Ausgewählte Werke. Berlin, Aufbau Verl. 1949. S. 9–213).
- 1972 – „Eugén Onégin und andere Versdichtungen“. Manfred von der Ropp und Felix Zielinski. München: Winkler.
- 1972 – „Eugén Onégin“. Ein Roman in Versen. Übers. u. Nachw. Kay Borowsky. Stuttgart: Reclam, Prosaübersetzung.
- 1980 – **Rolf-Dietrich Keil**. „Jewgeni Onegin“. Roman in Versen. Aus d. Russ. Gießen: Schmitz 1980; Insel Verlag, Frankfurt am Main/ Leipzig, 1. Auflage 1999. Insel Verlag Berlin, 8. Auflage 2019. „Eugén Onégin“. Aus Roman in Versen. Übertr. aus d. Russ. u. Nachwort von Ulrich Busch. Zürich: Manesse Zürich 1981. Poetische Übersetzung
- 1996 – „Evgenij Onegin“. Russisch-deutsche Parallelausgabe in der Prosaübersetzung von Maximilian Braun. Hrsg. von Vasilij Blok u. Walter Kroll. Kommentare u. Auswahlbibliographie. 2. Auflage. Göttingen.
- 2009 – „Eugén Onégin“. Ein Versroman. Aus dem Russ. von Sabine Baumann, unter Mitarb. von Christiane Körner. Vorwort u. Einleitung von Vladimir Nabokov. Aus d. Engl. von Sabine Baumann. Frankfurt am Main: Stroemfeld. Eine Prosaübersetzung, die zwar die Zeilen beibehält, aber weder Metrum noch Reim berücksichtigt.

Состояние Пушкина после окончания ссылки

Новый царь, Николай I, преемник Александра I, позволил Пушкину проживание в Москве и Санкт-Петербурге, но взял его жизнь и его произведения под личный контроль. Это также повлияло на работу Пушкина над его романом в стихах. Жизнь Пушкина во второй половине 1820-х годов была связана с трудными отношениями с прессой, с цензурой, с предательством. Но Пушкин должен приписать эти обстоятельства самому себе. Он принадлежал к высшему обществу столицы при царском дворе, жаждал его, страдал без него, тосковал по нему и принял одобренную царем возможность жить в обеих столицах, несмотря на безденежье и все невзгоды.

Это оставило мрачные следы в его романе с почти ненавистными тирадами о друзьях, о людях и о человечестве, что очень нагружает роман и, по мне, не подобает поэту как философу и жрецу любви, включая любовь к людям в целом.

Таблица 3.12 Сатира и озлобленность Пушкина (Приложение 3.3)

<i>Пушкин</i>	<i>Коммичау</i>
ГЛАВА 1 XLVI Кто жил и мыслил, тот не <u>может</u> В душе не презирать людей;	KAPITEL I XLVI Wer lebt und urteilt, lernt beizeiten, Wie tief verächtlich Menschen <u>sind</u> ;
ГЛАВА 2 XIII Так люди (первый каюсь я) От <i>делать</i> <i>нечего</i> друзья.	KAPITEL 2 XIII Wie denn (mir selber ist's <u>passiert</u>) Faulenzerei zur Freundschaft <u>führt</u> .
XXIV Признаться: вкусу очень мало У нас и в наших именах (Не говорим уж о стихах); Нам просвещение не <u>пристало</u> И нам досталось от него Жеманство,— больше ничего.	XXIV (Von unsern Versen ganz zu <u>schweigen</u>) Vermögen wir trotz Bildungslack, Wir alle, weder viel Geschmack Noch eben viel Kultur zu <u>zeigen</u> ; Uns blieb vom Segen höhern Lichts Nur Affektiertheit – weiter nichts.
ГЛАВА 3 XXVI Доныне гордый наш язык К почтовой прозе не <u>привык</u> .	KAPITEL 3 XXVI Die eigne Sprache, stolz und tief, Ist noch verpönt beim Liebesbrief.
ГЛАВА 4 XVIII. Врагов имеет в мире всяк, Но от друзей спаси нас, боже!	KAPITEL 4 XVIII Nun, Feinde hat ja jedermann, Doch Gott bewahr uns vor den Freunden!
ГЛАВА 2 Примечания ⁴⁰ В первом издании шестая глава оканчивалась следующим образом: Среди бездушных гордецов, Среди блистательных глупцов, XLVII Среди лукавых, малодушных, Шальных, балованных детей, Злодеев и смешных и скучных, Тупых, привязчивых судей, Среди кокеток богомольных, Среди холопьев добровольных, Среди вседневных, модных сцен, Учтивых, ласковых измен, Среди холодных приговоров Жестокосердой суеты, Среди досадной пустоты Расчетов, дум и разговоров,	KAPITEL 6 <i>Keine Übersetzung</i>
ГЛАВА 7 XXII В которых отразился век, И современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно, С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом.	KAPITEL 7 XXII Worin die nackte Wirklichkeit, Zumal der Mensch der heut'gen Zeit, Sich scharfumrissen <u>widerspiegelt</u> , Wie er, moralisch ohne Halt, Voll Egoismus, nüchtern-kalt, Beständig in Phantasmen <u>klügelt</u> , An bitterer Weltverachtung <u>krankt</u> , Und inhaltslos durchs Leben <u>wankt</u> .

Взросление Пушкина и его отношения с женщинами

Однако такой сарказм в романе изрядно смешан также с настоящим юмором. Наивными и прелестными, хотя иногда и сомнительными, выглядят мудрость юного Пушкина и его размышления о жизни, о старости, о тленности и смерти, при которых блещут настоящая поэзия и гениальность двадцатишестилетнего поэта:

Таблица 3.13 Мудрости юного Пушкина (Приложение 3.4)

<i>Пушкин</i>	<i>Коммехау</i>
ГЛАВА 1 XLVI Кто чувствовал, того <u>тревожит</u> Призрак невозвратимых дней:	KAPITEL 1 XLVI Wer fühlt, dem muß es Schmerz <u>bereiten</u> , Wie schnell des Lebens Wahn <u>zerrinnt</u> .
ГЛАВА 2 XXXI Привычка свыше нам <u>дана</u> : Замена счастию она.	KAPITEL 2 XXXI Hat Gott doch dem, der Glück <u>entbehrt</u> , Gewohnheit als Ersatz <u>beschert</u> .
XXXVIII И наши внуки в добрый час Из мира вытеснят и нас!	XXXVIII Da unsern Leib, wie's Gott so <u>lenkt</u> , Der Enkel in die Grube <u>senkt</u> !
ГЛАВА 4 XVI. "Мечтам и годам нет возврата; (...) К беде неопытность <u>ведет</u> ".	KAPITEL 4 XVI Die Jugend flieht, ihr Wahn <u>entschwindet</u> ; (...) Wer Schaden fürchtet, hüte sich.«
XXI Любовью шутит сатана.	XXII Mit Liebe scherzt ja Satanas.
XXII Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель!	XXII Mein hochverehrter Leser, hier Den klugen Rat: dich selbst zu <u>lieben</u> , Und dies Objekt wird obendrein Dir zweifellos das liebste <u>sein</u> !
Предмет достойный: ничего Любезней верно нет его.	KAPITEL 5 VII Ob jung, ob alt – der gläub'ge Sinn Gibt sich so gern der Täuschung hin.
ГЛАВА 5 VII И всё равно: надежда им Лжет детским лепетом своим.	KAPITEL 6 IV Kurz, als ein Mann von Ehre <u>lebt</u> . Wie schnell doch heut Moral sich <u>hebt</u> !
ГЛАВА 6 IV И даже честный человек: Так исправляется наш век!	VII Sed alia tempora! Dem Triebe Der Rauflust (wie dem Spuk der Liebe – Zwei Plagen!) setzt die Zeit ihr Ziel.
Проходит с юностью живой.	XI Da seht: die öffentliche Meinung, Den Götzen, der die Ehre <u>zwingt</u> , Dem alle Welt ihr Opfer <u>bringt</u> !
XI И вот общественное мнение Пружина чести, наш кумир!	XXI »Wohin, wohin bist du <u>entschwunden</u> , Du meiner Jugend güldner Mai?
И вот на чем вертится мир!	Was bringt er mir, der künft'ge Morgen, Des Antlitz, tief in Nacht <u>verborgen</u> , Annoch unfäßbar meinem Blick?
XXI. "Куда, куда вы <u>удалились</u> , Весны моей златые дни?	Gleichviel, gerecht ist das Geschick. Und fall' ich auch, ins Herz <u>geschossen</u> .
Что день грядущий мне <u>готовит</u> ?	Soll mir das Blei <u>vorübergehn</u> –
Его мой взор напрасно <u>ловит</u> , В глубокой мгле таится он.	
Нет нужды; прав судьбы закон. Паду ли я, стрелой пронзенный, Иль мимо пролетит она,	

Всё благо: бдения и сна Приходит час определенный, Благословен и день забот, Благословен и тьмы приход! XLIV Ужель и впрямь и в самом деле Без элегических затей Весна моих промчалась дней (Что я шутя твердил доселе)? И ей ужель возврата нет? Ужель мне скоро <u>тридцать</u> лет? ГЛАВА 8 XXVII Запретный плод вам <u>подавай</u>, А без того вам рай не рай. XXIX. Любви все возрасты покорны; Но юным, девственным сердцам Ее порывы благотворны, Как <u>бури вешние</u> полям: (...) Но в возраст поздний и бесплодный, На повороте наших лет, Печален страсти мертвый след: Так <u>бури</u> осени холодной В болото обращают луг И обнажают лес вокруг	Schlaf oder Wachen, mag <u>geschehn</u>. Was droben über mich <u>beschlossen</u>. Willkommen sei des Lebens Not, Willkommen auch ein früher Tod! XLIV Ruft kein elegisch banges Klagen Den Lenz der Jugend mir zurück? Ist's wahr, daß all das einst'ge Glück (Wie ich im Scherz oft <u>vorgetragen</u>) Nun ohne Wiederkehr dahin? Und daß ich selbst <u>bald Dreißig bin</u>? KAPITEL 8 XXVII Kein Eden hat euch je erfreut, Wo nicht verbotne Frucht <u>gedeiht</u>! XXIX Ein jedes Alter frönt auf Erden Der Liebe – doch der Jugend nur Kann ihre Macht zur Wohltat <u>werden</u>, Wie <u>Lenzgewitter</u> junger Flur: (...) Doch wehe, wen in späten Tagen Der Liebeswahnsinn <u>übermannt</u>! Ihm hinterläßt er totes Land: Wie wenn im Herbst, vom Sturm zerschlagen, Der Wald sein welches Laub <u>verliert</u> Und Feld und Flur Morast <u>gebirt</u>.
Приб KAPITEL 1 XLVI Wer fühlt, muß beend sich <u>erinnern</u> Gespenst schon längst vergangner Zeit: KAPITEL 2 XXXI Gewohnheit gab uns lieber Gott Als unsres Glücks Ersatz und Tod. XXXVIII Uns drängen unsre Enkel weg Zu guter Stunde aus dem Weg! KAPITEL 4 XVI Die Träume, Jahre kehrn nicht wieder. (...) Zum Unglück führt Unreife sonst“. XXI Mit Liebe scherzt der Satan selbst. XXII Lieb' doch am besten nur dich selbst, Mein ehrenwerter Buchbesucher! Das Ding ist würdig, ohne Spaß: Es gibt kein Besseres als das. KAPITEL 5 VII Und doch die Hoffnung lügt ihm auch Mit Kinderstimme voller Rausch. KAPITEL 6 IV Sogar ein Mensch mit viel Anstand: So ändert Zeit unser Verstand!	Кайль KAPITEL 1 XLVI Wer fühlte, wird nur stets <u>betrachten</u> Der Tage, die nicht <u>wiederkehren</u>: KAPITEL 2 XXXI Gewohnheit ist ein Himmelsschatz Des Glückes wirksamer Ersatz. XXXVIII Die Enkel haben, eh man's <u>denkt</u> Auch uns zur Welt hinausge<u>drängt</u>. KAPITEL 4 XVI Wie Traum und Zeit nicht <u>wiederkehren</u>, (...) Naivität kann schlimm <u>ausgehn</u>“. XXI Mit Liebe scherzt der Teufel oft. XXII Anstatt, daß er sich selber <u>liebt</u>, Versuchen Sie's hochwerter Leser! Ein würdiges Objekt, fürwahr: Nichts stellt sich liebenswerter dar. KAPITEL 5 VII Gleichwohl: die Hoffnung trübt sie all Mit ihrem kindischen Gelall. KAPITEL 6 IV Und ist sogar ein Ehren mann: So schreitet unsre Zeit voran!

VII <i>Sed alia tempora!</i> Die Kühnheit (Wie Liebestraum – der andre Streich halt) Vergeht mit Jugendzeit parat XI Ja, ja, die öffentliche Meinung! Ein Götze, der für Ehre <u>zählt</u>! Um diese dreht sich unsre Welt! XXI „Wohin, wohin bist du <u>verflogen</u>, Die meiner Frühling goldne Zeit? Was mir der nächste Tag <u>bereitet</u>? Ihn fassen kann mein Blick nicht weiter, Er ist in Dunkelheit <u>versetzt</u>. Des Schicksals greift zu Recht Gesetz. Ob sterbe ich am Pfeiles Stacheln, Ob fliegt er doch an mir vorbei, Gesegnet alles sei dabei: Die Stunde Schlafes oder Wachens, Gesegnet sei der Tag, der <u>wacht</u>, Gesegnet sei die dunkle Nacht! XLIV Verflog ob wahrlich, ob tatsächlich Und ohne Elegien bereits Der Frühling meiner Lebenszeit (Wovon ich sprach bisher mit Lächeln)? Ob werde ich ohn' Rückkehr alt? Ob bin ich wirklich <u>Dreißig bald</u>? KAPITEL 8 XXVII Verbotnes Obst ist uns nur süß Und ohne dies – kein Paradies. XXIX Amor kann treffen jedes Alter Doch jungem Herzen gibt der Stoß Der Liebe den Elan zum <u>Walten</u> Wie <u>Frühlingssturm</u> dem Pflanzenspross: (...) Jedoch im fruchtlos späten Alter, Am Wendepunkt der Lebensjahr', Ist Leidenschaft nicht wunderbar, Nur tote Spur: So <u>Herbststurms</u> Kälte Verwandelt Wiesen schnell in Sumpf, Des Waldes Pracht in kahlen Rumpf.	VII <i>Sed alia tempora!</i> Die Streiche (Von Liebesträumen gilt das gleiche) Vergehn uns mit der Jugendzeit. XI Gleich da ist öffentliche Meinung! Der Götze Ehre treibt uns an! Und darum dreht die Welt sich dann! XXI „Wohin, wohin bist du <u>entschwunden</u>, Du meines Frühlings güldne Zeit? Was wird der neue Tag mir <u>bringen</u>? Vergebens sucht mein Blich zu <u>dringen</u> Ins tiefe Dunkel, das ihn <u>hüllt</u>. Wozu? Mein Schicksal wird <u>erfüllt</u>. Und stützt' ich hin, durchbohrt vom Pfeile, Und stünd ich, weil er mich nicht <u>traf</u>, Recht ist's: Das Wachen wie der Schlaf Hat seine vorbestimmte Weile; Ein Heil dem Tag, der Sorgen <u>bringt</u>, Ein Heil dem Dunkel, wenn es <u>sinkt</u>! XLIV Ist – nicht elegisch <u>übertrieben</u>. Vielmehr in voller Wirklichkeit – Vorüber meine Frühlingszeit (Was ich sonst oft im Scherz <u>geschrieben</u>)? Kommt nie sie wieder, ist das wahr? Bin ich im Ernst bald dreißig Jahr? KAPITEL 8 XXVII Wenn's nicht verbotne Frucht <u>verspricht</u>, Gilt Eden euch als Eden nicht. XXIX Der Liebe beugt sich jedes Alter, Doch jungen, keuschen Herzen <u>ist</u> Ihr Aufruhr Wohltat und Entfalter Wie Feldern Sturm zur Frühlingsfrist: (...) Doch traurig bleibt in späten Tagen, Wenn abnimmt unsre Lebenskraft, Die Spur der toten Leidenschaft: So wandelt kalter Stürme <u>Jagen</u> Im Herbst zum Sumpf das Wiesental Und macht die Wälder trist und kahl.
--	---

Со вступлением Натальи Гончаровой в жизнь Пушкина (ГЛАВЫ 7, 8) исчезла и горечь в его романе. Древняя библейская мудрость в ГЛАВЕ 8, XXVII: Запретный плод вам подавай./ А без того вам рай не рай (Verbotnes Obst ist uns nur süß/ Und ohne dies – kein Paradies) может исходить из его собственного опыта с 16-летней красавицей, Натальей Гончаровой, которой он, 30-летний бабник с сомнительной репутацией и сомнительным финансовым положением, в 1829 году тщетно делал предложение. Предложение Пушкина было первоначально отклонено матерью Натальи. Причиной было отсутствие у Пушкина нужного состояния и его пристрастие к азартным играм. Я

уверен, что этот опыт повлиял на описание страданий отвергнутого Татьяной Онегина в ГЛАВЕ 8.

Это был не первый отказ для Пушкина. В мае 1827 года он влюбился в Анну Оленину. Летом 1828 года он просил ее руки, но был решительно отвергнут ею. Как основание для отказа она назвала через много лет: «Он был вертопрах, не имел статуса в обществе и не был к тому же богат». В 1829-м году, когда он делал уже предложение Наталье Гончаровой, последовало чудесное поэтическое признание Пушкина в любви к Олениной:

Таблица 3.1 Любовные дела Пушкина в его стихах

<i>Пушкин</i> [24: 2015]	<i>Prieb</i> [3: 92], [24: 2015]
Я вас любил... (Анне Олениной), 1929	Ich liebte Euch... (für Anna Olenin), 1929
Я вас любил: любовь еще, быть может, В душе моей угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит; Я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил безмолвно, безнадежно, То робостью, то ревностью томим; Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим.	Ich liebte Euch: Vielleicht erlöscht' die Liebe In meiner Brust noch nicht so ganz und voll. Ich halte aber sie von Euch fern lieber. Ich will mit ihr Euch grämen keinen Zoll. Ich liebte Euch stillschweigend, ohne Hoffnung, Von Furchtsamkeit, von Eifersucht gequält. Ich liebte Euch so ehrlich und so offen Wie Ihr geliebt von Andreem seid erwählt.

Если я анализирую любовные похождения Пушкина, его вожделение к «ножкам» в «Евгении Онегине», его юношеские грязные «порно»-стихи, которые я прочитал еще в студенчестве и после которых Эварист Парни с его скандальной поэмой «Война древних и современных богов» (фр. – La Guerre des dieux anciens et moderne) предстал мне как безобидный озорник, и мой собственный опыт из общения с мужчинами, то я прихожу к неизбежному выводу, что Пушкин страдал сексоманией, определяющей его не совсем здоровое отношение к женщинам и был, похоже, не в состоянии их любить. Женщины, со своей известной и присущей только им интуицией, сразу ощущают это и знают различие между «вожделением» и «любовным почитанием». Вот почему его попытки делать предложения «вожделенным» женщинам постоянно терпели неудачу.

В 20 лет Пушкин познакомился в Одессе, в доме Воронцовых, где он уже волочился за хозяйкой этого дома – графиней Воронцовой, с тещею, на четыре года его старшей и ветреной графиней Каролиной Собанской, которую он болезненно желал вплоть до своего брака в 1831 году. Десять лет спустя, уже будучи женихом Натальи Гончаровой, в 1830 году, он написал графине Собанской свое не менее чудесное и грустно-задумчивое посвящение:

Таблица 3.15 Посвящения Пушкина перед его браком

<i>Пушкин</i> [24: 2015]	<i>Приб</i> [3: 93], [24: 2015]
Посвящение графине К. Собанской 1830 г.	Widmung an die Gräfin K. Sobanskaja 1830
Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный Волны, плеснувшей в берег дальний, Как звук ночной в лесу глухом.	Was ist dir meines Namens Schall? Der stirbt wie traurig Lärm der Wellen, Die gegen fernes Ufer prellen, Wie nachts im Walde Widerhall.
Оно на памятном листке Оставит мертвый след, подобный Узору надписи надгробной На непонятном языке.	Er hinterlässt nur tote Spur In der Erinnerungen Wüste Wie ein aufm Grabstein Inschrift-Muster In der fremdsprachigen Gravrur.
Что в нем? Забытое давно В волненьях новых и мятежных, Твоей душе не даст оно Воспоминаний чистых, нежных.	Was ist darin? Vergessn schon lang In neu rebellischen Geplänkeln, Gibt deinem Geist er keinen Drang Zum reinen, zärtlichen Andenken.
Но в день печали, в тишине, Произнеси его тоскуя; Скажи: есть память обо мне, Есть в мире сердце, где живу я...	Doch lass am stillen Trauertag Aus deiner Sehnsucht ihn erheben. Sag, die Erinnerung an mich magst, Ein Herz gibt's nur, in dem ich lebe...

В своей южной ссылке в Одессе, где он был с любовью принят генерал-губернатором, графом М. С. Воронцовым, и поселен в его доме, Пушкин не придумал ничего лучшего, как ухлестывать за обеими: женой его гостеприимного хозяина графиней Елизаветой Воронцовой и графиней К. Собанской. Результатом были вполне понятное негодование графа, изгнание из его дома и из Одессы в северную ссылку (Михайловское). Это постыдное обстоятельство также скрывается утверждениями биографов о том, что причиной такого изгнания была неэффективность и неряшливость Пушкина в работе, которые Воронцов не терпел и что, на мой взгляд, не менее постыдно. Реакция Пушкина была снова злая, клеветнически-оскорбительная эпиграмма против графа Воронцова, вместо признания вины и раскаяния.

Пушкин даже составил список всех женщин, которых он вожделел. Большинство женщин из этого списка якобы узнавали себя в Татьяне Лариной. Таким образом, Пушкин никогда не был особо влюблен в Наталью Гончарову. Тем не менее, состоялись 6-го мая 1830 года помолвка и через год бракосочетание. Пушкин был восторжен Натальей и, прежде всего, его новым брачным статусом. Его восторг понятен для каждого с предрасположенностями и опытом подобными Пушкину: после многих любовных связей и многих тяжелых вожделений пустеющая душа начинает жаждать чего-то постоянного и порядочного – семьи. Жена может или даже должна быть при этом такой же красивой, как прежние вожделенные женщтны, но при этом

юной, девственно-чистой, скромной, сдержанной и верной, то есть не прототипом, а скорее полным антитипом предыдущих.

Прототип Татьяны Лариной

Из этих соображений и моего опыта я бы утверждал, что идеал Татьяны Лариной явился Пушкину скорее всего на этом пути сначала во сне, как он утверждает в романе.

Таблица 3.16 Пушкин об идеале Татьяны Лариной

<i>Пушкин</i>	<i>Коммехау</i>
ГЛАВА 8	KAPITEL 8
L Промчалось много, много дней С тех пор, как юная Татьяна И с ней Онегин в смутном сне Явились впервые мне - И даль свободного романа LI. Но те, которым в дружной встрече Я строфы первые читал ... Иных уж нет, а те далече, Как Сади некогда сказал . Без них Онегин дорисован . А та, с которой образован Татьяны милый Идеал... О много, много Рок отъял !	L Wie manches Jahr ist doch <u>verrauscht</u> , Seitdem in Traumesphantasien Tatjanens und Onegins Bild Zum erstenmal sich mir <u>enthüllt</u> – Da auch das Endziel meiner Mühen, LI Sie aber, denen <u>treuverbunden</u> Ich einst die ersten Strophen bot ... Sie sind, wie Sadi spricht, <u>verschwunden</u> , Weithin zerstreut und manche tot – Mein Werk ward ohne sie <u>vollendet</u> . Und du, zu der mein Herz sich <u>wendet</u> . Urbild Tatjanens, teures Haupt? ... Viel, viel hat mir die Zeit <u>geraubt</u> !
Приб	Кайль
KAPITEL 8	KAPITEL 8
L So viele Tage sind nun um, Seit mir vor langem noch Tatjana Und Eugen in verdunkeltem Raum Erschienen erst in meinem Traum, – Und Weite dieses Vers romanes LI Doch die, wem ich als Freunden g E rne Die ersten Strophen gleich vorl A s... Sind manche fort, die Andren f E rn, wie Es steht bei Saadi im Nachl A ss. Beendet ist ohn' sie „Onegin“. Und sie, wer mir gab die Erregung Für Tanjas nettes Ideal... So viele nahm uns weg Schicks A l!	L Wie viele Tage flohn schon fort, Seit mir das junge Bild Tatjanens Mit dem Onegin traumhaft blind Zum erstenmal erschienen <u>sind</u> – Die Freiheitsweite des Romanes LI Und jene, deren Freundschaft gerne Ihr Ohr den ersten Strophen lieb? „Die sind nicht mehr, und die sind ferne“, Wie Sadi sagte. Ohne sie Ward mein Onegin nun <u>entfaltet</u> . Und die, nach deren Bild <u>gestaltet</u> Tatjanas liebes Ideal? ... Oh, Opfer, Opfer ohne Zahl!

Современники Пушкина утверждали, что Наталья Апухтина, последовавшая за своим мужем в Сибирь жена сосланного туда декабриста, генерала Фонвизина, была прототипом Татьяны Лариной. Уже за одно это её имя стоит упоминания здесь, хотя многие благородные жены сосланных декабристов продемонстрировали своим мужьям их героические верность и лояльность, последовав за ними добровольно в сибирский Ад, что ни коим образом не отражено в романе Пушкина.

При этом я не имею в виду упоминание имен этих женщин, что в то время было строго запрещено цензурой, но признание этого благородства женщин из столь злонамеренно опороченного им высшего света. А в остальном я объяснил в своей поэзии отношение и понимание третьей стороной (критиков, читателей) идеала женщины для поэта:

Таблица 3.17 Образ женщины для влюбленного поэта и для посторонних

Из моей серии «Разговоры с поэтами» (К А. Блоку) [2: 147]	Aus meiner Serie "Gespräche mit Dichtern" (Zu A. Block) [3: 29]
И возмущает тот не даром, Кто, не имея Блока чувств, Понять пытается хоть чуть Её пленительные чары.	Und ärgert der mich bis zur Brunst, Wer - mein Begeistern sonst vermissend - Begreifen will hier nur Einbisschen Von IHREM Reiz, der Zauberkunst!
Ему и невдомёк, глупец, Что женщин образ вожделенный Нам не даётся не переменный, А каждый сам ему творец!	Verständnis Dummen - nicht gestattet, Dass Mann IHR Reizbild so unendlich Vorfindet gar nicht unverändert - Er wird DEM selber zum Gestalter!
И тем прекрасней образ этот, И недоступней для других, Как Блока отточенный стих, Что создают его по-э-ты!	ES umso besser wird gerichtet Und unbegreiflich für die Laien - Wie die von Block geschärfte Zeilen -, Dass ES kreiert wird von den D-i-c-h-t-e-r-n!..

Зрелая, умная, точно изобличающая мотивы Онегина Татьяна в последней сцене с Онегиным – это, во-первых, эстетически кульминационный момент всего романа и, во-вторых, совершенно новый образ женщины, который исходит из совершенно нового прототипа, если таковой прототип у Пушкина раньше вообще был. Этому образу соответствует больше всего Наталья Гончарова, на которой Пушкин женился ко времени возникновения этой сцены, чьим идеалом она была как описанный выше антитип его предыдущих женщин: красива, молода, чиста, сдержанна, лояльна да еще и умна к тому же.

Рожденная и выросшая в провинции, вдали от столицы и царского двора, она была скромной и почти робкой девушкой. Она была строго воспитанной, совершенно неопытной в любви и казалась почти холодной, то есть по своей природе просто приговорена к верности («... и буду век ему верна»). Кроме того, она была умной, серьезной и интровертной: «Раскрыть свои чувства, мне кажется профанацией. Только бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца» – писала она в последующие годы.

В своей новой семье она посвятила себя домашнему хозяйству, детям (четыре после пяти лет брака), трудным финансовым делам и делам ее мужа, таким как копирование его манускриптов, издательские дела во время его отсутствия. Я говорю здесь о Наталье Гончаровой-Пушкиной, а не о Татьяне Лариной. Все это можно однако увидеть и в молодой Татьяне как идеале Пушкина, а также в зрелой Татьяне – прототипе Натальи Гончаровой-Пушкиной.

На протяжении многих лет Наталья Гончарова-Пушкина была оклеветана и обесчещена литературоведами-пушкинистами и его биографами. Ее обвиняли в его безвременной смерти, хотя дуэль, очевидно, произошла только благодаря тупости Пушкина, его тщеславию, его необоснованной ревности, происходящей, как всегда у ветреных, неверных мужчин из собственного предыдущего опыта с разными женщинами. Национально-политическая причина этого заключалась, как в царские времена, так и в советское время, в вознесение Пушкина до национального кумира, который должен быть безукоризненным, и до национальной гордости, которая должна быть выше всяких сомнений.

Пушкин также считается основоположником современного русского языка (так же, как Гёте для современного немецкого языка). Его родной язык был – как и у всех дворян тогдашней Европы – французский. Но благодаря патриотизму, вызванному наполеоновскими войнами, те же дворяне как в Германии, так и в России, пытались вернуться к своему исконному языку – языку простого народа. Вышеприведенные примеры показывают, что Пушкин был не особо уверен в этой области и должен был часто импровизировать. И как выглядят лапти, Пушкин, похоже, тоже не знал, хотя его роман обладает якобы качеством энциклопедии русской жизни, как утверждает также и Набоков, такой же восторженный фанат Пушкина.

3.8 В заключение о настроении переводчика и о Пушкине-кумуре

Теперь, когда я издавна уже не признаю кумиров, а моя национальная гордость ориентирована, скорее, на Гёте, у меня во время моей работы над переводом и во время моих исследований к этому учению развивалась все больше и больше антипатия к Пушкину как к человеку и личности. Конечно, такая антипатия не очень полезна при переводе его произведений, поэтому она также относится к рассматриваемой теме.

Лучшим советом для переводчиков было бы в этом смысле, браться только за те произведения и тех поэтов, которые вас уже при чтении затронули и увлекли. Только тогда вы можете быть уверены, что переводческая работа доставит вам удовольствие,

инспирирует вас и уже поэтому хорошо удастся. Но это легче сказать, чем сделать, поскольку при переводе, как я уже неоднократно упоминал, знакомишься с поэтом и его произведением на другом, гораздо более глубоком и более личном уровне, чем при обычном чтении. Тогда может случиться, что работа в середине пути больше не приносит удовлетворения, но все больше и больше раздражает и напрягает. Так случилось мне с «Евгением Онегиным», что привело к нескольким перерывам в работе, а после ее завершения к полной редакционной переработке.

Я вырос с поэзией Пушкина. Пушкин был повсюду, в детских книгах, в школе, где мне приходилось учить наизусть его стихи и писать сочинения о Татьяне. И мне нравилась его поэзия, как же иначе! Он сам как историческая личность нравился мне меньше. Советские пушкинисты должны были объявить его почти революционером, который состоял в дружбе со всеми декабристами и якобы горячо хотел бороться вместе с ними за свободу на Сенатской площади. Но его друзья-декабристы не хотели якобы, чтобы Россия потеряла своего первого поэта и держали его в стороне от своих замыслов.

Бесспорно, что он был со времен его лица собутыльником многих сокурсников-офицеров, которые стали позже декабристами, как Кюхельбекер, например, который также жил ко времени восстания на периферии, в Смоленской губернии, далеко от Санкт-Петербурга, но, тем не менее, активно участвовал в нем, впоследствии был приговорен к двадцати годам каторжных работ и выслан в Сибирь. Пушкин был, собственно, удален царем, изгнавшим его в южную ссылку, от Сенатской площади и, таким образом, спасен.

С моими представлениями о лояльности и чести среди друзей я мог хорошо понимать намерения друзей Пушкина, но поведение его самого, который их предложение, сознавая свое величие и свою гениальность (какая самовлюбленность, содержать себя за что-то более ценное, чем его друзья!), никогда не понимал.

Также мало я понимал внезапную страсть Онегина к Татьяне – жене своего старого друга и даже родственника. К моим принципам относится следующий: подругу или жену моего друга, не говоря уже о родственниках, я расцениваю как нечто бесполое, самое большее как своего приятеля. Пушкин уверяет в своем романе неоднократно, что он не рисует свой собственный портрет в персонаже Онегина.

Таблица 3.18 Пушкин о самоотражение в своем романе

<i>Пушкин</i>	<i>Коммехау</i>
ГЛАВА 1 LVI Цветы, любовь, деревня, праздность, Поля! я предан вам душой. Всегда я рад заметить разность Между Онегиным и мной, Чтобы насмешливый читатель Или какой-нибудь издатель Замысловатой клеветы, Сличая здесь мои черты, Не повторял потом безбожно, Что намарал я свой портрет , Как Байрон, гордости поэт , Как будто нам уж невозможно Писать поэмы о другом, Как только о себе самом.	KAPITEL 1 LVI O Blumen, Liebe, Flur und Frieden, Euch geb' ich mich von Herzen hin! Es freut mich, daß ich so verschieden Von meinem Freund Onegin <u>bin</u> , Weil nun kein Leser, mich bespöttelnd , Noch jemand sonst, der, Arges zettelnd , Mich selbst mit ihm vergleicht, fortan Gewissenlos behaupten <u>kann</u> , Ich hätte mich sehr unverfroren, Von Byrons stolzer Art verführt , Hier deutlich selber porträtiert , Als müßten alle Herrn Autoren Nur immerfort mit sich allein, Dem lieben Ich beschäftigt <u>sein</u> !
<i>Приб</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 1 LVI Gebüt, Dorf, Liebe, Nichtstun, Felder! Treu ist mein Herz euch lang' schon her. Den Unterschied zu meinem Helden Bei mir zu finden, freut mich sehr, Damit ein Leser, Spottes Träger, Beziehungsweise ein Verleger Verwirren Lästerns über mich Mal könnt' verbreiten drüber nicht, Vergleichend meine Seelenzüge, Dass ich skizziert hätt' mein Porträt Wie Byron, Hochmutes Poet , Als ob wir geben doch Vorzüge, Zu schreiben über weiter nichts, Als über uns selbst im Gedicht.	KAPITEL 1 LVI Landleben, Blumen, Liebe, Muße, Feld <u>er</u> ! Mein Herz gehört nur euch. Und stets vermerk ich mir Genuße, Worin ich nicht Onegin gleich', Auf daß kein Leser sich <u>mokiere</u> Und kein Verleger der Papiere, Die die Verleumdung ausgeheckt , Wen meine Züge er entdeckt , Behaupte lästerlich und kläglich, Ich malte hier mein Selbstporträt Wie Byron – eignen Wert Poet –, Ganz so, als wär es uns nicht möglich, Was andrem Versgestalt zu leihn Als ausgerechnet uns allein.

Но если вспомнить его поведения в доме генерала Воронцова в Одессе, то Онегин в этом месте, как и во многих других, представляется как точный автопортрет Пушкина.

Я рассматриваю жажду Пушкина на близость к царскому двору и высшему обществу Санкт-Петербурга почти как комплекс неполноценности, хотя эта близость была ему и его поэзии как финансово, так и духовно вовсе не впрок и закончилась дуэлью, приведшей к его преждевременной смерти. Историки не по праву обвинили в его смерти Наталью Гончарову-Пушкину. Она наслаждалась якобы этой расточительной жизнью при дворе, тогда как Пушкин хотел избежать общества, мечтал о простой, тихой и не столь дорогой жизни в сельской местности. Ну да... Если бы не эта хандра, которая преследовала его прототип в романе!

Во всяком случае никто не держал его при дворе. Пушкин постоянно получал зарплату в различных министерствах, без того чтобы действительно служить там. Да и

как тоже? Он ничего не умел, не выучил никакой профессии и был профессиональным поэтом, который мог свободно писать свои стихи там, где ему нравится. Он также знал, где ему работает лучше всего – на природе. Когда он перед женитьбой был вынужден осенью 1830-го года из-за карантина три месяца сидеть в своей деревне «Болдино», то это было его самое творческое и эффективное время, как он сам писал своему другу:

Скажу тебе (за тайну) что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 [гл<авы>] последние главы Онегина, 8-ую и 9-ую, совсем готовые в печать. Повесть писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Анопуге. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: Скупой Рыцарь, Моцарт и Салиери, Пир во время Чумы, и Д.<он> Жуан. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Ещё не всё: (Весьма секретное) Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржёт и бьётся – и которые напечатаем также Анопуге.

Пушкин А. С. Письмо Плетнёву П. А., 9 декабря 1830 г., Москва [25: 89]

Он мог бы вернуться туда в любое время и оттуда развлекать мир до глубокой старости. У него также было чутье к природе, о чем свидетельствуют сцены в его романе. Так много иронии и сарказма в изображение людей и их общества, и столько эстетики и любви в пушкинских наблюдениях природы!

Таблица 3.19. Картины природы во времена года у Пушкина

<i>Пушкин</i>	<i>Коммехау</i>
ГЛАВА 4	KAPITEL 4
XL.	XL
Уж небо осенью <u>дышало</u> ,	Schon weht es herbstlich kühl herüber,
Уж реже солнышко <u>блистало</u> ,	Die Tage werden kürzer, trüber,
Короче становился день,	Die liebe Sonne sieht man kaum;
Лесов таинственная сень	Verzagt entblößt sich Baum für Baum
С печальным шумом <u>обнажалась</u> ,	Des lauschig dichten Schmucks der Blätter;
Ложился на поля туман,	Im Nebel welkt das letzte Grün;
Гусей крикливых караван	Geschwader wilder Gänse <u>zieh'n</u>
Тянулся к югу: <u>приближалась</u>	Hellkreischend südwärts; ödes Wetter,
Довольно скучная пора;	Des Jahres schlimmste Zeit <u>begann</u> ;
Стоял ноябрь уж у двора.	Schon rückt November grau heran.
ГЛАВА 7	KAPITEL 7
I.	I
Гонимы вешними лучами,	Schon schmilzt auf allen Bergen droben
С окрестных гор уже снега	Der Schnee im Frühlingssonnenstrahl
Сбежали мутными ручьями	Und rinnt, zu trübem Naß <u>zerstoben</u> ,
На потопленные луга.	Ins quellenfeuchte Wiesental.
Улыбкой ясною природа	Mit Lächeln grüßt, noch <u>traumbefangen</u> ,
Сквозь сон встречает утро года;	Natur des Lenzes frische Wangen:
Синяя блещут небеса.	Der Himmel strahlt in lichtem Blau,
Еще прозрачные, леса	Der Wald beginnt sein kahles Grau
Как будто пухом <u>зеленеют</u> .	Mit zartem, grünem Flaum zu <u>füllen</u> .
Пчела за данью полевой	Schon schwärmt aus ihrem Winterhaus
Летит из кельи восковой.	Nach Blütenkost die Biene aus,
Долины сохнут и <u>пестреют</u> ;	Es sprießt die Flur, die Herden <u>brüllen</u> ;
Стада шумят, и соловей	Schon singt im Buschwerk überall
Уж пел в безмолвии ночей.	Bei Mondenschein die Nachtigall.

<i>Пуш</i>	<i>Кайль</i>
KAPITEL 4	KAPITEL 4
XL	XL
Es hauchte herbstlich schon vom Himmel, Die Sonne kam schon seltner immer, Auch wurde immer kürzer Tag, Der Wälder magischer Belag Fiel täglich, traurig rauschend, nieder, Die Felder wurden farbenarm, Ein krakeelender Gänseschwarm Zog schon vom Nord' nach Süden wieder: So nahte sich die triste Zeit. November stand am Hof bereits.	Schon haucht der Himmel Herbsteskälte, Schon scheint die Sonne nur noch selten, Und kürzer wurde schon der Tag, Des Walds geheimnisvoller Hag Hat traurig rauschend sich <u>entkleidet</u> , Die Felder hüllt der Nebel ein, Wildgänse ziehn mit schrillen <u>Schrei'n</u> Gen Süden: Keinen Aufschub <u>leidet</u> Die Zeit; jetzt wird's recht öde hier; November steht schon vor der Tür.
KAPITEL 7	KAPITEL 7
I	I
Vertrieben durch die Frühlingssonne, Ist Schnee von Bergen fast total Als trübe Bäche weg <u>verronnen</u> , Geflutet ringsum Wiesental. Und die Natur begrüßt bestechend Des Jahres Morgenrot mit Lächeln. Die Himmelsphären leuchten blau. Die Bäume grünen zart in Au, Als wären sie bedeckt vom Schimmel. Die Biene küsst das Blütenhaar, In Honigwabe holt Nektar. Die Nachtigall singt Lied im Himmel. Die Herden grasen, <u>aufgewacht</u> , Der Sonntag verkürzt die Nacht.	Vom Frühlingssonnenstrahl <u>gelichtet</u> , Hat schon der Schnee vom Hügelrund In trüben Bächen sich <u>geflüchtet</u> Zum überschwemmten Wiesengrund. Still lächelnd, noch im Schlaf <u>geborgen</u> , Grüßt die Natur des Jahres Morgen; Der Himmel leuchtet tiefer blau, Den Wald, noch durchsichtig und grau, Belebt schon grüner Flaum mitunter. Die Biene fliegt, des Felds Tribut Zu sammeln aus der Wabe Hut. Das Tal wird trockener und bunter; Die Herde blökt, und nachts <u>erklang</u> Bereits der Nachtigall Gesang.

Здесь даже несколько глагольных рифм хорошо вписываются как выражение естественной, крестьянской простоты. Жаль, что Пушкин этого шага не сделал. Мне особенно жаль – мы могли бы познать гораздо лучшего, спокойно-философского и мудрого Пушкина в старости, каким был старый Гете.

Еще некоторые комментарии к моему анализу. Сначала я включил в этот анализ только перевод Т. Коммихау, потому что он тоже считается классическим и его текст можно было найти в интернете, что, конечно же, значительно упрощало копирование уже заданных отрывков в мои сравнительные таблицы. После завершения этой работы я признал уже лишь по техническим причинам необходимость расширения моего анализа и этих сравнительных таблиц переводом Р.-Д. Кайля. Во-первых, для таблицы с тремя столбцами требовался слишком маленький размер шрифта, чтобы соответствовать ширине страницы. Во-вторых, сравнительные таблицы в анализах «Фауст» и «Евгений Онегин» должны были быть оформлены конформно.

Так мне понадобился еще один перевод для четвертой ячейки таблицы с двумя строками и двумя столбцами, и так появился перевод Р.-Д. Кайля, который меня и без того интересовал, но текст которого не был в интернете. Поэтому мне пришлось купить его как книгу и впечатывать все необходимые и уже приведенные в моих таблицах

сравнения отрывки – о ужас! – вручную. Таким образом я лучше познакомился с этим переводом и с удивлением обнаружил, что он концептуально довольно близок моему переводу.

Р.-Д. Кайль также стремится к максимальной аутентичности за счет максимальной близости к оригиналу и достигает эту близость, прежде всего, с помощью предпочитаемого мной метода построчного перевода, гораздо лучше, чем Т. Коммехау, не говоря уже о переводчиках «Фауста», анализируемых в следующей главе. Он также гораздо эффективнее использует оригинальные рифмы и гораздо реже злоупотребляет глагольными рифмами, чем Т. Коммехау. Его подход, при котором он тщательно изучает пушкинскую специфику рифмовки и передает ее в своем переводе, кажется также более научным.

Для меня это было редким подтверждением основ моего учения о научно-поэтическом переводе среди всех других «свободных» переводчиков, как Пастернак, и среди всех литературоведов, которые до сих пор не нашли метода научного и, прежде всего, количественного анализа поэтического перевода и поэтому объявляют его какой-то имажинерной «вещью в себе».

4 Анализ трагедии «Фауст» и её переводов

*Без рифмы никогда не мыслю
И не рифмую я, не мысля.*

Фридрих Рюккерт (Раймер) [26: 231]
(переведено с немецкого)

Мой тезис об особой конвергенции переводчика и автора оригинала был особенно действительным для меня при переводе «Фауста». Эта работа привела меня в очень возбужденное творческое состояние. В этом почти шизофреническом режиме, в моем возрасте, который был подобен возрасту Гёте при окончании и публикации им трагедии, я подошел так близко к автору оригинала, что мог чувствовать его душевное состояние во время писания и буквально отождествлял себя с поэтом.

Каждая его максима (Приложение 4.6) как одна из его жизненных мудростей соответствовала моим жизненным взглядам и вдохновляла меня. Его любовь к немецкому языку и к родине, провозглашенная в трагедии, трогала меня до глубины души. Его полифонические строфы, от полностью разорванных метров и форм до идеально гармоничных, эстетически совершенных ямбических стихов с рифмой (Таблица 1.4) или даже без рифмы (Приложение 4.1) вдохновляли меня на самые высокие поэтические чувства, мысли и достижения.

Переход к ямбически-монотонной и при этом более, чем четырехсоткратно повторяющейся «Онегинской строфе» молодого и с его опытом мало убеждающего Пушкина дался мне тогда очень нелегко. Пушкин в своей поэтической легкости схож с той же в музыке игривого Вольфганга Амадея Моцарта, в то время как Гёте – особенно в его «Фаусте» – напоминает тяжело драматичного Людвиг ван Бетховена.

4.1 Хронология и история возникновения трагедии

Появление и многолетнее развитие трагедии «Фауст» открывается потомкам из дневников Гёте и из переписки между Гёте и другими, а также тех других между собой. Первое упоминание имени «Доктор Фауст» можно найти в строках, написанных в забавно-поэтической форме из письма Фридриха Вильгельма Готтера к Гёте летом 1773-го года из Эрфурта:

*Шли «Доктор Фауст» мне своего,
Лишь мозг твой выплунет его!*

Гёте о его «Фаусте» [27: 423]
(переведено с немецкого)

Гёте с радостью представлял свои идеи и наброски своим друзьям и знакомым, отправлял им копии своих рукописей или читал их перед ними вслух. Это привело к их упоминаниям в письмах и дневниках. Так Генрих Кристиан Бойе писал в своем дневнике 15-го октября 1774-го года:

Он (Гёте) должен был много читать мне вслух, целиком и фрагмент, и во всем оригинальный тон, собственная сила и при всем странном, некорректным, все отчеканено штампом гения. Его «Доктор Фауст» почти закончен и кажется мне самым большим и своеобразным из всего.

[Там же: 423]

(перевелено с немецкого)

Н-да ... Закончен был «Фауст» только через 30 лет. В декабре 1775-го года Гёте читал «Фауста» в Веймаре в присутствии герцогинь Анны-Амалии и Луизы. Присутствующий при этом Фридрих Леопольд граф Штольберг сообщал своей сестре:

Однажды днем Гёте прочитал его полу-законченного «Фауста». Это прекрасная штука. Герцогини были тронуты некоторыми сценами.

[Там же: 424]

(перевелено с немецкого)

Казалось, Гёте не хватало концепции для «Фауста». Было уже много сцен и фрагментов, которые Гёте собирался публиковать, но ему было трудно браться за трагедию и завершить её в целом. Он всегда избегал её, работая над своими другими идеями и произведениями. Его интимные отношения с «Фаустом» раскрываются в его письме к герцогу Карлу Августу в 1788-м году из его путешествия в Италию:

«Эгмонт» готов, и я надеюсь доработать до Нового года «Тассо», а до Пасхи «Фауста», что мне будет возможно только в этом уединение... То, что я закончил свои старые вещи служит мне удивительно. Это рекапитуляция моей жизни и моего искусства, и я вынужден себя и свой нынешний образ мышления, мой новый стиль перестроить к моим первым, то, что я только набросал, осуществить, так я по-настоящему знакомлюсь со мной, со своими узостями и широтами. Если бы я оставил старые вещи, я бы никогда не зашел так далеко, как я надеюсь достичь сейчас.

[Там же: 425] (перевелено с немецкого)

И четыре месяца спустя:

За «Фауста» я возьмусь в последнюю очередь, когда у меня все остальное будет позади. Чтобы закончить пьесу, мне придется особо взять себя в руки...

[Там же: 425] (перевелено с немецкого)

Еще через два месяца (февраль 1788-го г.):

Я старательно продолжал трудиться и возиться со своими operibus. «Эрвин»,

«Клодин», «Лиля», «Джери» – все в лучшем состоянии. Также мои маленькие стихи в значительной степени. Теперь почти ничего, кроме холма «Тассо» и горы «Фауст», не стоит передо мной... У меня есть странная склонность к обоим, а в последнее время и прекрасные перспективы, и надежды. Все эти рекапитуляции старых идей, эти аранжировки таких предметов, с которыми я думал быть навсегда разделенным, которых я, почти не имея представления, достиг, доставляют мне огромное удовольствие.

[Там же: 425] (переведено с немецкого)

В то время когда Гёте работал над приготовлением к печати для издания своих восьмитомных сочинений, согласованных с издателем Гошен, в которых был также предусмотрен «Фауст, фрагмент» (также известный как «Пра-Фауст»), он писал в марте 1788-го года во время своего путешествия в Италию:

(...) Сначала был сделан план для «Фауста», и я надеюсь, что эта операция мне удалась. Конечно, это другое дело – писать эту штуку сейчас или 15 лет назад; Я думаю, что ничего не должно быть потеряно, тем более, что теперь я верю, что снова нашел нить. Что касается тона всей вещи, я тоже утешен; Я уже сделал новую сцену... Поскольку я вернулся на уровень моего собственного существования, благодаря долгому отдыху и уединению, то удивительно, сколь много я подобен самому себе и сколь мало пострадало мое внутреннее за прошлые годы и события. Старая рукопись заставляет иногда меня задуматься, когда я вижу ее передо мной. Это все еще первая, написанная в главных сценах прямо так, без концепции. Теперь она так пожелтела от времени, так затаскана (листы никогда не были сшиты), так рассыпчата и потерта по краям, что она выглядит действительно, как фрагмент старого кодекса, так что я, как я тогда переносился чувствами и представлениями в старый мир, должен сейчас переноситься в прожитое самим прошлое.

там же [27: 426] (переведено с немецкого)

Так – в процессе нового самопознания – созревали Гёте и его «Фауст». На протяжении десятилетий развивались в нем смирение и уважение к собственному произведению. «Фауст, фрагмент» появился весной 1790-го года в седьмом томе «Сочинений», изданных Гошеном. Гёте написал «Zueignung» («Почвящение») в июне 1797-го года. Печатная рукопись заверщенного «Фауста, часть 1» была передана Гёте издателю Готта в апреле 1806-го года, но появилась из-за военных событий лишь в 1808-м году. Завершенное произведение включало новые, по сравнению с «Пра-Фаустом», части: «Посвящение», «Прелюдия в театре», «Пролог в небе» (примерно 1988 г.) со спором между Мефистофелем и Господом, который дает пьесе философскую концепцию и основное направление всему произведению, а также некоторые другие сцены.

Прототипом или моделью для Гёте служил доктор Фаустус из XVI-го века, который, согласно легенде, заключил пакт с дьяволом, поэтому и вся трагедия происходит во

время Реформации в XVI-м веке. Прототипом для Гретхен была убившая ребенка Сюзанна Маргарета Брандт, которая была в судебном процессе во времена Гёте во Франкфурте-на-Майне осуждена и казнена.

4.2 Русские переводы «Фауста»

Хронология и авторы русских переводов

Первый полный перевод, опубликованный в 1838-м году, был сделан Эдуардом Губером (1814-1847) в течение пяти лет (1831-36), который происходил из семьи немецких колонистов на Волге и поэтому говорил на обоих языках, немецком и русском, как на родных языках. Он уничтожил свою рукопись после того, как она была отвергнута цензурой. По настоянию А.С. Пушкин он восстановил перевод в 1838-ом году.

В последующие годы появились другие переводы:

1844 г. – М. Вронченко

1878 г. – Николая **Холодковского** [28], 20-летнего студента Петербургского университета

1881 г. – Александра Струговщикова

1883 г. – Афанасия Фета, русского поэта немецкого происхождения, перевел (в возрасте 62-х лет) обе части «Фауста»

1912 г. – Валерия Брюсова

1953 г. – Бориса **Пастернака** [29], он перевел обе части трагедии по заказу советского издательства (1948-1953 г.г.).

Канонические переводы и техника сравнения: сравнительные таблицы и списки

Недавно (2006 г.) был издан ранее неизвестный перевод Константина Иванова, который был начат им в 1880 г., закончен в 1918 г. и с тех пор хранился в семейном архиве. Издатель комментирует это явление следующим образом:

В конце прошлого года в петербургском издательстве "Имена" вышел в свет "Фауст" Гёте в переводе Константина Иванова. Расшифрована и издана рукопись, пролежавшая в семейном архиве около 80 лет. Уже сам по себе этот факт - настоящая литературная сенсация.

Николай Холодковский опубликовал полный перевод "Фауста" в 1878 году. Борис Пастернак - в 1953-м. Это и есть два "канона". До сих пор принято считать, что перевод Холодковского "точнее", Пастернака - "поэтичнее", а оба, вместе взятые и "поделенные на два", - это якобы и есть "Фауст" Гёте практически в чистом виде.

Конечно, это полная ерунда, хотя бы потому, что ни сложить, ни поделить продукты творчества нельзя. В действительности перевод Холодковского нельзя считать абсолютно точным: при сравнении с подлинником нетрудно заметить следы той же христианской то ли цензуры, то ли, скорее, самоцензуры (и не только это, как я покажу позже – автор)..

Что же касается особой поэтичности (а уж заодно и точности) перевода гениального (это безо всякой иронии) поэта Пастернака... Я просто приведу четыре строчки Мефистофеля из "Пролога на небесах" – в переводах Холодковского и Пастернака:

Таблица 4.1 Сравнительная таблица

1: Гёте [27: 16] (оригинал, 1776 – 1806)	3: Х-кий [28: 2015] (перевод 1874 – 1878)
Mephistopheles Da du, o Herr, dich einmal wieder nahst 10a Und fragst, wie alles sich bei uns befinde 11B Und du mich sonst gewöhnlich gerne sahst, 10a So siehst du mich auch unter dem Gesinde. 11B 4ja⁵[aBaB]	Мефистофель: Опять, о господи, явился ты меж нас 12a За справкой о земле, – что делается с нею! 13B Ты благосклонностью встречал меня не раз – 12a И вот являюсь я меж челядью твоею. 13B 4ja⁶[aBaB]
2: Приб [30: 51] (перевод. апрель-июнь 2012)	4: П-ак [29: 2015] (перевод 1948 – 1951)
Мефистофель Раз ты, Господь, спустился снова к нам 10a Спросить, как тут у нас дела на Свете, 11B К тому ж я мил всегда твоим очам, 10a То зришь меня ты тож среди слуг этих. 11B 4ja⁵[aBaB]	Мефистофель К тебе попал я, боже, на прием, 10a Чтоб доложить о нашем положении. 11B Вот почему я в обществе твоём 10b И всех, кто состоит тут в услуженье. 11B 4ja⁵[aBaB]

Ну не секрет же, что Пастернак был вынужден заниматься переводами! Ему, действительно великому поэту, было и самому что сказать читателю, а вот возможностей для того было совершенно недостаточно. Кроме того - это известно по опубликованным письмам - Гёте его раздражал, он далеко не всегда понимал, а уж тем более разделял систему гётевских образов, его эстетику, его язык.

И если массового читателя пастернаковский перевод "Фауста" пленил (да и могло ли быть иначе!), то литературоведы и знатоки немецкого языка не только отмечали в этом переводе явные уходы от Гёте и лексические, стилистические вольности, но и глухо (с такой театральной ремаркой в сторону) поговаривали, что поэт "переводил" по подстрочнику. Некоторые шли дальше и утверждали, что даже не по подстрочнику, а по... Холодковскому!

Виктор Костюковский [31: 2015]

Не очень показательный пример Виктора Костюковского я сразу здесь представил как введенную уже в начале этой работы (Таблица 1.1) и при анализе «Евгения Онегина» сравнительную таблицу с оригиналом (Гёте – 1), моим переводом (Приб – 2) и «каноническими» переводами Холодковского (Х-кий – 3) и Пастернака (П-ак – 4). Сопровождающие формулы строфы (см. §4.3) под каждой строфой позволяют каждому читателю, по крайней мере, поэтически-техническое сравнение всех переводов как с оригиналом, так и друг с другом и делают очевидными любые отклонения от поэзии Гёте.

Чтобы сделать возможным квинтэссенциальные сравнения переводов с оригиналом и между собой, я составляю содержательно-сравнительные списки, в которых

соответствующие строки из русских переводов для читателей без знания русского языка в прозе и по возможности дословно переводятся назад на немецкий язык, а для русскоязычных читателей соответствующие строки оригинала таким же образом переводятся на русский язык, как в следующих примерах (нумерация из Таблицы 4.1).

Для русскоязычных читателей:

L 4.1

- 1: Поскольку ты, о Бог, снова, вдруг, близишься/ И спрашиваешь, как все тут с нами обстоит/
И тебе обычно нравится видеть меня./ То видишь и меня ты среди этой челяди. [27: 16]
- 2: Раз ты, Господь, явился снова нам/ Спросить, как тут у нас дела на Свете./
К тому ж я мил всегда твоим очам./ То зришь меня ты тоже среди слуг этих. [30: 51]
- 3: Опять, о господи, **явился** ты меж нас/ За справкой о земле, - что делается с нею!/
Ты благосклонностью встречал меня не раз -/ И вот **являюсь** я меж челядью твоею. [28: 2015]
- 4: К тебе попал я, боже, на прием./ Чтоб доложить о нашем положении./
Вот почему я в обществе твоём/ И всех, кто состоит тут в услуженье. [29: 2015]

Для немецкоязычных читателей:

L 4.2

- 1: Da du, o Herr, dich einmal wieder nahst/ Und fragst, wie alles sich bei uns befinde/
Und du mich sonst gewöhnlich gerne sahst./ So siehst du mich auch unter dem Gesinde. [27: 16]
- 2: Da du, Herr, zu uns wieder niederkam,/ Zu fragen, wie uns es hier auf der Welt geht./ [30: 51]
Außerdem war ich immer hold für Deine Augen./ Deswegen siehst Du auch mich unter diesen Dienern.
- 3: Wieder, o Herr, **erschienst** Du unter uns/ zu holen Auskunft über die Erde, was mit ihr passiert
Du kamst wohlwollend mir entgegen nicht nur ein Mal -/ So **erscheine** ich unter Deinen Knechten [28: 2015]
- 4: Ich bin gelangt zu Dir auf den Empfang./ Um zu berichten über unsere Lage./
Deswegen bin ich in Deiner Gesellschaft/ Und aller, die hier im Dienst stehen. [29: 2015]

Горизонтальное сравнение каждой стихотворной строки в четырех столбцах сравнительной таблицы было бы, конечно, нагляднее, если бы все сравниваемые отрывки стояли в одной строке таблицы. Поскольку это из-за нехватки места невозможно, а мой перевод воспроизводит формулу строфы, т.е. структуру стихотворных строк и схему рифмовки Гёте в основном один к одному, то я поместил оригинал (1) и мой перевод (2) в первый столбец, а оба «канониста» (3 и 4) напротив оригинала и моего перевода во второй столбец. Таким образом делается возможным хотя бы опосредованное горизонтальное сравнение канонических переволов с оригиналом и с моим переводом. Эти стандартные сравнительные таблицы и списки используются при всех сравнениях в этой работе.

Так уже здесь (Таблица 4.1 и L4.1) можно видеть, как Хододковский игнорирует и фальсифицирует предписанную Гёте метрику, а Пастернак – тонкий и озорной юмор дьявола и глубокий смысл Гёте, хотя Пастернак здесь случайным образом придерживается метрики Гёте, чего ни он, ни другой, как правило, не делают. В ходе моего дальнейшего анализа и многих таких сравнительных примеров будет раскрыта

полная степень преступления обоих канонистов против философского смысла трагедии Гёте и его гениальной экспериментальной поэзии.

4.3 Анализ стихотворных строк и строф

Техника анализа и сравнения: формула строфы

Работа над трагедией длилась у Гёте так долго не только из-за глубины и сложности материала, отсутствия концепции и многих по времени параллельно завершённых произведений, но и из-за того, что он в этом произведении очень много экспериментирует в своей поэзии с формами, метрами, рифмами и т.д. .

В своей трагедии Гёте даже пытался что-то невообразимое – рифмовать друг с другом, пусть даже только в отдельных случаях, стихотворные строки с разными каденциями, то есть ударные и безударные окончания стихотворных строк [27: 99]: Ja, aus den Augen, aus dem Sinn! (8a)/ Sie sind verständiger, als ich bin. (9A). В моём переводе [30: 375]: Да, с глаз долой, из сердца вон! (8a)/ Вы более понятливы в том. (9A). Ясно видно, что это была сознательная попытка Гёте, а не ошибка рифмования, потому что «нормальная» рифма очевидна: Sie sind verständiger, als ich es bin (10a) [Вы более понятливы же в том (10a)]. Конечно, все эти особенности предъявляли дополнительные особые требования к поэтическому переводу его произведения.

Вся трагедия написана Гёте в смешанно-стопном (от одной до восьми стоп) ямбе как основном метре. Но во всей трагедии – как, впрочем, и в его поэзии вообще – Гёте использует взаимодействие метра и числа метрических стоп с настроением, с мотивом, с ситуацией, чтобы подчеркнуть последние, отличить их от соседних.

По этой причине простой предварительный и унифицированный стихотворный анализ произведения Гёте невозможен. Если переводчик, следуя моему основному правилу, хочет оставаться близко к оригиналу, он должен проводить, как минимум, анализ стихотворных строк, как максимум, анализ строфы, вместо анализа всего произведения (стихотворный анализ), то есть не гнушаться делать настоящую ремесленную работу с подсчетом слогов, стоп, каденций в очень разнообразных, многосторонних стихотворных строках и строфах, а не лелеять свое тщеславие «большого поэта», как это делал Пастернак.

Смешанные формы Гёте и их поэтический перевод

Сравнение «Пра-Фауста» с «Фаустом» наглядно показывает, что допущенные Гёте «ошибки» или «спотыкачи» (здесь и далее все его хореические вставки выделены

жирным шрифтом) были сделаны им не из-за отсутствия поэтического мастерства, а искусственно и преднамеренно введены и только умножались с накоплением в течение 20 лежащих между обеими версиями лет поэтического опыта.

Таблица 4.2 Развитие мастерства Гёте между «Пра-Фаустом» и «Фаустом»

ПРА-ФАУСТ (URFAUST) [27: 367]	ФАУСТ (FAUST) [27: 20]
Nacht <i>Faust unruhig auf seinem Sessel am Pulte.</i> Hab nun, ach! die Philosophie, 8a Medizin und Juristerei 8a4 (mix) Und leider auch die Theo-lo-gie 8b Durchaus studirt mit heißer Müh. 8b Da steh ich nun, ich armer Thor, 8c Und binn so klug als wie zuvor. 8c Heiße Docketor und Professor gar 9d5 (tr) Und zie-he schon an die ze-hen Jahr 9d4(mix) Herauf, herab und queer und krumm 8e Meine Schüler an der Nas herum 9e5(mix) Und <u>seh</u> , dass wir nichts wissen können: 9F4 Das will mir schier das Herz verbrennen. 9F4 Zwar binn ich gescheuter als alle die Laffen 12G5(mix) Docketors, Professors, Schreiber und Pfaffen. 10G4(mix) Mich plagen keine Skrupel noch Zweifel , 10H4(mix) Fürcht mich weder vor Höll noch Teufel. 9H4(mix) Dafür ist mir auch all Freud entrissen , 10I4(mix) Bild mir nicht ein, was rechts zu wissen, 9I4 Bild mir nicht ein, ich könnt was lehren 9K4 Die Menschen zu bessern und zu bekehren , 11K4(am/mix) Auch hab ich weder Gut noch Geld 8l Noch Ehr und Herrlichkeit der Welt: 8l Es mögt kein Hund so länger leben 9M Drum hab ich mich der Magie ergeben , 10M4 (mix) Ob mir durch Geistes Krafft und Mund 8n Nicht manch Geheimniss werde kund, 8n Dass ich nicht mehr mit saurem Schweiß 8o Rede von dem, was ich nicht weis, 8o4 Dass ich erkenne, was die Welt 8l Im innersten zusammenhält, 8l Schau alle Würckungskrafft und Saamen 9P Und tuh nicht mehr in Worten kramen. 9P 21ja ⁴ 1tr ⁵ 10mix ⁴ 5(32) [aabbccddeefFGGHHIIKKllMMnnoolPP]	Nacht. In einem hochgewölbten, engen gotischen Zimmer Faust unruhig auf seinem Sessel am Pulte. Habe nun, ach! Philosophie, 8a4 (mix) Juristerei und Medizin, 8b Und leider auch The-o-lo-gie! 8a Durchaus studiert, mit heißem Bemühn. 9b4(mix) Da steh ich nun, ich armer Tor! 8c Und bin so klug als wie zuvor; 8c Heiße Magister, heiße Doktor gar 10d5(mix) Und zie-he schon an die ze-hen Jahr 9d4(mix) Herauf, herab und quer und krumm 8e Meine Schüler an der Nase herum – 10e4(mix) Und se-he, daß wir nichts wissen können! 10F4(mix) Das will mir schier das Herz verbrennen. 9F4 Zwar bin ich gescheiter als all die Laffen, 11G5(mix) Doktoren, Magister, Schreiber und Pfaffen; 11G4(mix) Mich plagen keine Skrupel noch Zweifel , 10H 4(mix) Fürchte mich weder vor Hölle noch Teufel – 11H4(da) Dafür ist mir auch alle Freud entrissen, 11I5 Bilde mir nicht ein, was Rechts zu wissen , 10I 5(tr) Bilde mir nicht ein, ich könnte was lehren, 11K5 (mix) Die Menschen zu bessern und zu bekehren . 11K4 (am/mix) Auch hab ich weder Gut noch Geld, 8l Noch Ehr und Herrlichkeit der Welt; 8l Es möchte kein Hund so länger leben! 10M4 (mix) Drum hab ich mich der Magie ergeben , 10M4(mix) Ob mir durch Geistes Kraft und Mund 8n Nicht manch Geheimnis würde kund; 8n Daß ich nicht mehr mit saurem Schweiß 8o Zu sagen brauche, was ich nicht weiß ; 9o 4(mix) Daß ich erkenne, was die Welt 8l Im Innersten zusammenhält, 8l Schau alle Wirkenskraft und Samen, 9P Und tu* nicht mehr in Worten kramen. 9P 16ja ⁴ 51tr ⁵ 1da ⁴ 14mix ⁴ 5(32) [ababccddeefFGGHHIIKKllMMnnoolPP]

Эта первая строфа трагедии (Таблица 4.2, Приложение 4.2) написана в так называемых Knittel-стихах – форма стиха, распространенная в Германии XVI-го века. Основной ямбический метр неоднократно фрагментирован здесь, главным образом, хорейческими (маркированы жирным шрифтом), реже, дактильными, анапестными и амфибрахическими вставками (ударные слога маркированы жирным шрифтом, безударные подчеркнуты).

(...) Как здесь (в первой сцене «Ночь») передается поэтически внутренняя буря – это одна из наибольших заслуг юного Гёте. В соответствии с внутренним беспокойством Фауста меняется форма стиха: пресыщение выражается в Knittel-стихах, тоска – четырехстопным, смешанным хореем-ямбом при том же попарно-соседнем рифмовании строк, концентрация на познание – мадригальной формой стиха, которая при заклинании духа Земли растворяется в свободных ритмах.

„Anmerkungen“. Erster Teil (Комментарии. Первая часть) [27: 513]
(переведено с немецкого)

Строгий Knittel-стих – это четырехстопный (у Гёте от 4 до 6 уже в «Пра-Фаусте») стих с попарной рифмовкой стихотворных строк (правда только в «Пра-Фаусте») с нерегулярным метром. Здесь Гёте пишет в свободных Knittel-стихах с перекрестной («Фауст») и попарной рифмовкой. Возникший таким образом в новом немецком языке Knittel-стих утвердился как собственный стихотворный размер в немецкой метрике, который также позволяет использовать другие схемы рифмовки.

Такое определение Knittel-стихов как стихов с нерегулярными метрами помогает мне при переводе мало. Чтобы перевести эти нерегулярности один к одному на иностранный язык, требуются их качественные и количественные параметры, которые определяют характер, местоположение и длину этих нерегулярных вставок.

После некоторых первоначальных легкомысленных и в смысле подлинности по отношению к оригиналу совершенно неудавшихся попыток – в надежде на имеющийся у меня «поэтический слух» – переводить просто так, без подготовки, я разработал, наконец, очень подходящую, простую и надежную технику перевода «один к одному», которая уже присутствует в Таблицах 4.1 и 4.2, а также представлена в большинстве других сравнительных таблиц в конце стихотворных строк.

Перед тем, как переводить одну из следующих строф, я создал «каркас» из цифр для числа слогов на правом краю строфы. Для повсюду введенных Гёте смешанных метров не действует обычная ямбическая взаимосвязь между четным (мужская) и нечетным (женская) числом слогов и каденцией, поэтому введенный мной «каркас» из числа слогов я дополнил буквами, которые не только дают мне сразу схему рифмовки, но и показывают каденцию: заглавные буквы обозначают женскую, а прописные буквы – мужскую каденции.

Так же мало, или только случайно, соответствует количество стоп ямбической формуле: число слогов, поделенное на два, дает округленно числа стоп (ударных слогов). Поэтому я ввел в «каркас» после букв дополнительные цифры для числа стоп.

Дальнейшую помощь дают введенные в конце пометки в скобках для всех других, кроме ямбических, метров: «tr» для трохаических, «da» для дактильных, «am» для амфибрахных и «ap» для анапестных или «mix» (маркирован везде жирным шрифтом) для смешанных метров в каждой стихотворной строке. Различное число стоп распознаются за счет различной маркировки также и в формуле строфы.

В соответствии с этой техникой стихотворные строки с базовой ямбической метрикой остаются без указания числа стоп и без дополнительных обозначений. Таким образом, у меня перед глазами всегда была точная, заданная Гёте структура этих Knittel-стихов, и я мог полностью перенять все эти вставки из оригинала в мой перевод. Для сравнительной иллюстрации маркированы как целые хореические стихотворные строки, так и отдельные хореические вставки жирным шрифтом и в оригинале, и в моем переводе. В других метриках с трехслоговыми стихотворными стопами (дактиль, амфибрахий, анапест) ударные слоги выделены жирным шрифтом, а безударные подчеркнуты.

Все эти признаки и обозначения формируют в конечном итоге сложную формулу строфы, как, например, для «монолог Фауста» в таблице 4.2:

«Пра-Фауст»:

$$21ja^41tr^510mix^4(32) \quad [aabbccdddeFF\underline{G}H\underline{H}IKKl\underline{M}MnnoollPP] \quad (4.1)$$

«Фауст»:

$$16ja^{4,5}1tr^51da^414mix^{4,5}(32)[ababccdddeFF\underline{G}H\underline{H}I\underline{K}Kl\underline{M}MnnoollPP] \quad (4.2)$$

Формула строфы (4.2), например, читается следующим образом: строфа содержит 16 четырех- и пятистопных ямбических стихотворных строк, одну пятистопную хореическую строку, одну четырехстопную дактильную строку и четырнадцать четырех-, пятистопных смешанных (ямбических с хореическими вставками) «mix»-строк (в круглых скобках показано дополнительно общее количество стихотворных строк в строфе), которые рифмованы друг с другом по схеме в квадратных скобках. Буквы в этой схеме рифмовки маркированы по их каденции (прописные – ж, строчные – м), числу стоп и метру соответствующих стихотворных строк так же, как в формульной части перед квадратными скобками.

Термин «формула строфы», который я ввёл и использую здесь, не существует в стиховедении, и его нельзя путать с существующим термином «форма строфы». Последний включает в себя известные специфические формы, такие как станс (октава),

мадригал, сонет и т.д. Формула же строфы продиктована независимо от языка автором оригинала, считывается с оригинала и предоставляет переводчику однозначные качественные и количественные параметры аутентичности.

Эти параметры позволяют даже непрофессионалу (одноязычному читателю, незнакомому со стиховедением) визуально сравнивать оригинал с одним из его переводов, а также разные переводы между собой. Это создает открытость и контроль в переводческом искусстве, которых не было до сих пор. Их отсутствие является основной проблемой поэтического перевода, поскольку позволяет переводчикам, таким как Холодковский и Пастернак, подсовывать читателям свои переводы-суррогаты, фальсифицирующие содержание и поэтику оригинала и даже прослыть при этом «канонистами».

Разумеется, мой «каркас» является излишним для одной из форм строфы, определенной одной конкретной и простой формулой, такой как (3.1), или формулами для классических форм строф. Так весь роман «Евгений Онегин» описан единственной короткой формулой для его «Онегинской строфы»:

$$450x14ja^4[AbAbCCddEffEgg], \quad (4.3)$$

где число 450 – это трудно установимое, приблизительное количество строф в романе, а остальное – формула «Онегинской строфы». Однако для полифонического произведения Гёте этот «каркас» совершенно необходим, если я как переводчик хочу оставаться точно при структуре строфы оригинала, что должно быть смыслом и истинной целью каждого поэтического перевода.

Кстати, мой первый неудавшийся, в основном ямбический перевод – иногда с неправильным числом слогов и с неправильными каденциями по сравнению с теми же стихотворными строками оригинала – вовсе не был тщетным. Он послужил мне как готовый шаблон, который я с использованием моей техники адаптировал почти один к одному к оригиналу, путем простой перестановки слов, вставки однослоговых слов, укорочения или удлинения слов и т.д.

Возможно, этот подход – довольно художественно-свободный поэтический перевод с окончательной технико-ремесленной адаптацией к оригиналу – может быть даже рекомендован как метод научно-поэтического перевода. В любом случае, Таблица 4.2 показывает, что даже Гёте выполнял эту ремесленную работу после своего художественного удовлетворения.

4.4 Специфика поэзии Гёте

Гёте очень охотно экспериментирует в своей поэзии, и его произведение. Если уж говорить об энциклопедиях в отношении поэтических произведений, то «Фауста» можно охарактеризовать как энциклопедию европейской поэзии или как учебник поэзии, который образцово и живо демонстрирует безграничную выразительность поэзии и ее многообразные средства выражения. Значение и сила поэзии подчеркиваются не только собственными произведениями Гёте, но он указывает на них прямо и чудесно и в «Фаусте» словами поэта:

Таблица 4.3 Гёте о силе поэзии

Гёте [27: 12]	Х-кий [28: 2015]
VORSPIEL AUF DEM THEATER DICHTER: Geh hin und such dir einen andern Knecht! 10a Der Dichter sollte wohl das höchste Recht, 10a Das Menschenrecht, das ihm Natur vergönnt 10b Um deinetwillen freventlich verscherzen! 11C Wodurch bewegt er alle Herzen 9C Wodurch besiegt er jedes Element! 10b Ist es der Einklang nicht, der aus dem Busen dringt, 12d Und idn sein Herz die Welt zurücke schlingt? 10d Wenn die Natur des Fadens ew'ge Länge, 11E Gleichgültig drehend, auf die Spindel zwingt, 10d Wenn aller Wesen unharmon'sche Menge 11E Verdrießlich durcheinander klingt – 8d Wer teilt die fließend immer gleiche Reihe 11F Belebend ab, daß sie sich rhythmisch regt? 10g Wer ruft das Einzelne zur allgemeinen Weihe, 13F Wo es in herrlichen Akkorden schlägt? 10g Wer läßt den Sturm zu Leidenschaften wüten? 11H Das Abendrot im ernsten Sinne glühn? 10i Wer schüttet alle schönen Frühlingsblüten 11H Auf der Geliebten Pfade hin? 8i Wer flicht die unbedeutend grünen Blätter 11K Zum Ehrenkranz Verdiensten jeder Art? 10l Wer sichert den Olymp? vereinet Götter? 11K <u>Des Menschen Kraft, im Dichter offenbart.</u> 10l 24ja^{4,5,6}[aa bCCb ddEdEd FgEg HiHi KIKI]	ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ Поэт: Иди других ищи себе рабов: 10 а Мне высшие права природа уделила. 13В Предам ли на позор высокий дар богов? 12а Продажна ли певца святая сила? 11В Чем трогает сердца восторженный поэт? 12с Какая сила в нём стихиями владеет? 13D Не та ль гармония, что в сердце он лелеет, 13D Которую, творя, объемлет он весь свет? 12с Когда природа-мать движеньем равнодушным 13Е Нить вечную влечёт веретеном послушным, 13Е Когда всё сущее, сменяясь каждый час, 12f В нестройный, резкий хор сливается вокруг нас, 12f Кто звуки мерные в порядке размещает, 13G Чьей речи верный ритм живителен и твёрд? 12h Кто единичное искусно обобщает, 13G Объединяя всё в торжественный аккорд? 12h Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей, 13I В течение строгих дум - зари вечерней свет? 12k Весны роскошный, лучший цвет 8k К ногам возлюбленной бросает кто, могучий? 13I Кто цену придаёт незначимым листьям, 12l В прославленный венок вплетая листья эти? 13М Кто стережёт Олимп, кто друг и связь богам? 12l Мощь человечества, живущая в поэте! 13М 24ja^{4,5,6}[aBaBcDDcEEffGhGhIkIiIMIM]
Приб [30: 37]	П-ак [29: 2015]
ПРЕЛЮДИЯ В ТЕАТРЕ ПОЭТ: Ищи себе другого ты слугу! 10a Я как Поэт предать то не могу, 10a То право, что природа нам дает, 10b Из-за тебя, по твоему веленью! 11C Сердца привел я б чем в движенье? 11C Чем победил бы каждый элемент? 10b Не унисон ли то, что распирает грудь, 12d Что хочет мир назад в сердца вернуть? 10d Коль безразлично накрутит природа, 11E На прядку нити вечную длину, 10d Коль хаотичная толпа народа 11E У какофонии в плену – 8d Кто делит равно текущие орды, 11F Их превратив в ритмический полет? 10g Кто в общем частное к волшебнейшим аккордам 13F Вновь пробуждает и звучать дает? 10g	ТЕАТРАЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ Поэт Ступай, другого поищи раба! 10a Но над поэтом власть твоя слаба, 10a Чтоб он свои священные права 10b Из-за тебя смешал преступно с грязью. 11C Чем сердце трогают его слова? 10b Благодаря ли только громкой фразе? 11C Созвучный миру строй души его - 10d Вот этой тайной власти существо. 10d Когда природа крутит жизни прядку 11E И вертится времен веретено, 10f Ей все равно, идет ли нитка глаже, 11E Или с задоринками волокно. 10f Кто придаст, выравнивая прядку, 11G Тогда разгон и плавность колесу? 10h Кто вносит в шум разрозненности жалкой 11G Аккорда благозвучье и красоту? 10h

Кто штурмы тут же превращает в страсти? 11Н Зарю вечернюю дословно в жар? 10i Цветы весной ложатся чьею властью 11Н На тропы всех влюбленных пар? 8i Кто незаметные листья сплетает 11К В венки почета за заслуги нам? 10l Кто взял Олимп? Богов объединяет? 11К В Поэте человека мощь видна. 10l 24ja ^{4,5,6} [aa bCCb ddEdEd FgFg HiHi KIKI]	Кто с бурю сближает чувств смятенье? 11i Кто грусть роднит с закатом у реки? 10k Чьей волею цветущее растение 11i На любящих роняет лепестки? 10k Кто подвиги венчает? Кто защита 11L Богам под сенью олимпийских роц? 10m Что это? - Человеческая мощь, 10m В поэте выступившая открыто. 11L 24ja ⁵ [aa bCbC dd EfEf GhGh IkIkLmmL]
---	---

Наконец-то, я нашел тут, у Гёте, желанный ответ на мой поставленный во введении вопрос: «Что же это, собственно, такое – поэзия?»! Гёте дает словами Поэта ясное и наглядное определение поэзии, её мощи и ее секретов. С этим определением любой сегодняшний «модернист» может решить сам для себя, действительно ли его декадентская и коррумпированная жадными на прибыль издательствами писанина принадлежит к поэзии, которая сама по себе таких терминов, как «модерновый», «модный» или «старомодный» и «классический» не знает, имеет дело лишь с Вечностью и в ней живет.

Назначение смешанных форм у Гёте

Помимо того что «Фауст» был написан как глубокомысленная театральная драма в монологах и диалогах, а «Евгений Онегин» – как резвый повествовательный роман в стихах, «Фауст» является также поэтически намного сложнее в его построение, не содержит единой «Фаустовской строфы» и даже не имеет зачастую единообразных метра и длины стихотворных строк, как уже было показано в Таблице 4.2. Гёте экспериментирует с разными метрами даже в одной стихотворной строке, с разными длинами строк, а иногда даже с разными каденциями в рифмующихся друг с другом стихотворных строках, с различными стихотворными схемами и т.д. и интенсивно использует это в качестве поэтических средств выражения дополнительно к обычным классическим средствам поэзии.

Художественное развитие Гёте от классического к экспериментальному очень напоминает мне развитие Пабло Пикассо, который начал как классический художник и только позже стал абстракционистом, экспериментируя во всех модернистских течениях. Сам Пикассо говорил об этом развитии в возрасте 64-х лет:

«Я мог рано рисовать, как Рафаэль, но мне понадобилась вся жизнь, чтобы научиться рисовать так, как рисует ребёнок.»

Пабло Пикассо о своем таланте [32: 2017]

Только Пикассо, в отличие от Гёте, использовал свое искусство обезображивания всюду от «Герники», картины ужаса войны с обезображенными людьми и животными

этой баскской деревни, до портретов обезображенных им женщин, где целесообразность его искусства остается скрытой для меня, если не предположить, что художник, несмотря или в результате своих любовных походов, был женоненавистником, как Великий Инквизитор Средневековья с его представлениями о женщине как о дьявольском отродье.

Гёте использует свои «обезображенные» формы поэзии только лишь для моментов эмоционального отчаяния, как у Фауста (Таблица 4.2) и дисгармонии, как происков дьявола – его «Герника» именно. Прекрасные картины, как в таблице 4.4, например, или в его классических стихотворных формах (Приложение 4.4) «рисует» Гёте в совершенных гармоничных тонах.

Таблица 4.4 Гёте как поэтический художник и скульптор

<i>Гёте</i> [27: 39]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]
<i>Vor dem Tor</i> FAUST: O glücklich, wer noch hoffen kann, 8a Aus diesem Meer des Irrtums aufzutauchen! 11B Was man nicht weiß, das eben brauchte man, 10a Und was man weiß, kann man nicht brauchen. 9B Doch laß uns dieser Stunde schönes Gut 10c Durch solchen Trübsinn nicht verkümmern! 9D Betrachte, wie in Abendsonne-Glut 10c Die grünumgebenen Hütten schimmern. 9D Sie rückt und weicht, der Tag ist überlebt, 10e Dort eilt sie hin und fördert neues Leben. 11F O daß kein Flügel mich vom Boden hebt 10e Ihr nach und immer nach zu streben! 9F Ich sah im ewigen Abendstrahl 9g5(mix) (<i>Ich sah im ew'gen Abendstrahl</i> 8g) Die stille Welt zu meinen Füßen, 9H Entzündet alle Höhn beruhigt jedes Tal, 12g Den Silberbach in goldne Ströme fließen. 11H Nicht hemmte dann den göttergleichen Lauf 10i Der wilde Berg mit allen seinen Schluchten; 11J Schon tut das Meer sich mit erwärmten Buchten 11J Vor den erstaunten Augen auf. 8i Doch scheint die Göttin endlich wegzusinken; 11K Allein der neue Trieb erwacht, 8l Ich eile fort, ihr ew'ges Licht zu trinken, 11K Vor mir den Tag und hinter mir die Nacht, 10l Den Himmel über mir und unter mir die Wellen. 13M Ein schöner Traum, indessen sie entweicht. 10n Ach! zu des Geistes Flügeln wird so leicht 10n Kein körperlicher Flügel sich gesellen. 11M Doch ist es jedem eingeboren, 9O Daß sein Gefühl hinauf und vorwärts dringt, 10p Wenn über uns, im blauen Raum verloren, 11O Ihr schmetternd Lied die Lerche singt; 8p Wenn über schroffen Fichtenhöhen 9R Der Adler ausgebreitet schwebt, 8s Und über Flächen, über Seen 9R Der Kranich nach der Heimat strebt. 8s 35ja^{4,5,6}1mix⁵(36)	У ГОРОДСКИХ ВОРОТ Фауст: О, счастлив тот, кому дана отрада – 11A Надежда выбраться из непроглядной тьмы! 12b Что нужно нам, того не знаем мы, 10b Что ж знаем мы, того для нас не надо. 11A Но перестань: не будем отравлять 10c Прекрасный этот час печальными речами, 13D Взгляни: уж солнце стало озарять 10c Сады и хижины прощальными лучами. 13D Оно заходит там, скрываясь вдали, 12e И пробуждает жизнь иного края... 11F О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли 12e И мчаться вслед за ним, в пути не устая! 13F И я увидел бы в сиянии лучей 12g У ног моих весь мир: и спящие долины, 13H И блеском золотым горящие вершины, 13H И реку в золоте, и в серебре ручей. 12g Ущелья диких гор с высокими хребтами 13I Стеснить бы не могли стремления души: 12j Предстали бы моря, заснувшие в тиши, 12j Пред изумлёнными очами. 9I Вот солнце скрылось, но в душе больной 10k Растет опять могучее желанье 11L Лететь за ним и пить его сиянье, 11L Ночь видеть позади и день передо мной, 12k И небо в вышине, и волны под ногами. 13M Прекрасная мечта! Но день уже погас. 12n Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, -12n Нельзя нам воспарить телесными крылами! 13M Но подавить нельзя подчас 8n В душе врожденное стремление –9O Стремление ввысь, когда до нас 8n Вдруг долетает жаворонка пенье 11O Из необъятной синевы небес, 10p Когда, внизу оставя дол и лес, 10p Орёл парит свободно над горами 11R Иль высоко под облаками 9R К далёкой родине своей 8s Несётся стая журавлей. 8s 38ja^{4,5,6}

[aBaBcDcDeFeFgHgHiJiKlKlMnnMOpOpRsRs] 36ja ^{4,5,6} [aBaBcDcDeFeF(g)HgHiJiKlKlMnnMOpOpRsRs]	[AbbAcDcDeFeFgHHglIjJkLlLkMnnMnOnOppRRss]
Приб [30: 131] <i>Перед воротами</i> ФАУСТ: Блажен, живет в надежде кто 8a Спасти себя в сем море заблужденья! 11B Что незнакомо нам, нам нужно то, 10a А познанное – без значенья. 9B Но все ж давай мы красоту сейчас 10c Не будем портить сей петрушкой! 9B Смотри, как в сей зари вечерней час 10c Мерцают в зелени избушки. 9D День пережит, и солнце уж зашло, 10e Зовя там к новой жизни пробудиться. 11F О что ж меня не вознесет крыло, 10e За ним чтоб вслед всегда стремиться! 9F Я б в этом свете вечером зрел 9g5(mix) (Я б в сим вечернем свете зрел 8g) Весь мир у ног внизу лежащий, 9H Красу зажженных пиков гор, долин и сел, 12g Серебряный ручей, к реке спешащий. 11H Божественный не тормозила б бег 10i Дика гора со всеми пропастями. 11J Открылось море б теплыми бухтами 11J Глазам, оставив тихий брег. 8i Но божество спускается, похоже. 11K Все ж новый зов манит меня, 8l Спешу испытать его я света все же, 11K Пред мною день, а сзади ночь черна, 10l Лишь небо надо мной, а волны подо мною. 13M Там чудный сон, куда ушло оно. 10p Увы! Крылам телесным не дано 10p Легко сравниться взлётами с душою. 11M И все ж то каждому врожденно, 9O Что чувство нас стремится вверх и вперед, 10p Когда над нами в небе вождельно, 11O Песнь жавронок свою поёт. 8p Коль над пихтовыми холмами 9R Орёл, раскинувшись, парит, 8s А над морями и долами 9R Журавль на родину стремится. 8s 35ja ^{4,5,6} 1mix ⁵ (36) [aBaBcDcDeFeFgHgHiJiKlKlMnnMOpOpRsRs] 36ja ^{4,5,6} [aBaBcDcDeFeF(g)HgHiJiKlKlMnnMOpOpRsRs]	П-ак [29: 2015] У ВОРОТ Фауст Блажен, кто вырваться на свет 8a Надеется из лжи окружной. 9B В том, что известно, пользы нет, 8a Одно неведомое нужно. 9B Но полно вечер омрачать 8c Своей тоскою беспричинной 9D Смотри: закат свою печать 8c Накладывает на равнину. 9D День прожит, солнце с вышины е Уходит прочь в другие страны. 9F Зачем мне крылья не даны 8e С ним вровень мчаться наустанно! 9F На горы в пурпуре лучей 8g Заглядывался б я в полете 9H И на серебряный ручей 8g В вечерней темной позолоте. 9H Опасный горный перевал 8i Не останавливал бы крыльев. 9J Я море бы пересекал, 8i Движенья этих крыл усилив. 9J Когда б зари вечерней свет 8k Грозил погаснуть в океане, 9L Я б налегал дружнее вслед 8k И нагонял его сиянье. 9L В соседстве с небом надо мной, 8m С днем впереди и ночью сзади, 9N Я реял бы над водной гладью. 9N Жаль, нет лишь крыльев за спиной. 8m Но всем знаком порыв врожденный 9O Куда-то ввысь, туда, в зенит, 8p Когда из синевы бездонной 9O Песнь жаворонка зазвенит, 8p Или когда вверху над бором 9R Парит орел, или вдали 8s Осенним утренним простором 9R К отлету тянут журавли. 8s 36ja ⁴ [aBaBcDcDeFeFgHgHiJiJkLlLmNNmOpOpRsRs]

Смешанная форма 13-й стихотворной строки в Таблице 4.4 не соответствует (помимо номера стихотворной строки, соответствующего «чертовой дюжине») на самом деле этой гармонии и может рассматриваться как ошибка, легко исправляемая в типично гётевской манере (Приложение 4.5) путем сокращения одного слога, как я показываю в круглых скобках в Таблица 4.4. Гёте использует эту вариабельность не случайно, а очень обдуманно, как художественное средство расширения поэтического воздействия его произведения.

осталась, в конечном итоге, только небольшая сцена «Пасмурный день. Поле» в конце 1-й части трагедии. Пример в приложение 4.1 с формулой (4.4) определенно возник на пути этого эксперимента.

Следующий пример показывает другую экспериментальную форму строфы.

Таблица 4.5 Гётевские формы строфы и схемы рифмовки

Гёте [27: 37]	Х-кий [28: 2015]
ALTER BAUER: Herr Doktor, das ist schön von Euch, 8 Daß Ihr uns heute nicht verschmäht, 8a Und unter dieses Volksgedräng, 8 Als ein so Hochgelahrter, geht. 8a So nehmet auch den schönsten Krug, 8 Den wir mit frischem Trunk gefüllt, 8 b Ich bring ihn zu und wünsche laut, 8 Daß er nicht nur den Durst Euch stillt: 8b Die Zahl der Tropfen, die er hegt, 8 c Sei Euren Tagen zugelegt. 8 c 6ja ^{4,8} [aabbcc]	Старый крестьянин: Прекрасно с вашей стороны, 8a Что вы пришли в весёлый час! 8b Вы так учёны и умны, 8a А не забыли и о нас. 8b Вас кружкой лучшего питья 8c Народ признательный дарит, 8d И громко здесь желаю я: 8c Пусть грудь она вам освежит, 8d И сколько капель чистых в ней— 8e Дай бог вам столько светлых дней. 8e 10ja ⁴ [ababdcdee]
Приб [30: 123]	П-ак [29: 2015]
СТАРЫЙ КРЕСТЬЯНИН: Наш доктор, как прекрасно то, 8 Что не гнушается Вы нас, 8a И в эту нашу толчею, 8 Хоть так учён, идете раз. 8a Так нате ж Вам сей добрый ковш, 8 Напитком до краев налит, 8b Желаю Вам я громко, им 8 Не только жажду утолить. 8b На грамм число, что он хранит, 8c Пусть Бог дни жизни удлинит. 8c 6ja ^{4,8} [aabbcc]	Старик Мне, доктор, поручил народ 8a Вам благодарность принести. 8b Вы оказали нам почет, 8a Не погнушавшись к нам прийти. 8b Ученость ваша у крестьян 8c Прославлена и всем видна. 8d Вот полный доверху стакан, 8c И сколько капель в нем вина, 8d Пусть столько же счастливых дней 8e Вам бог прибавит к жизни всей. 8e 10ja ⁴ [ababdcdee]

Эта строфа сложена Гёте как десять ямбических четырехстопных стихотворных строк (четырёхтактник), из которых только каждая вторая стихотворная строка и две последние строки образуют парные рифмы.

Однако рассмотрение только рифмующихся окончаний дает две ямбические восьмистопные (восьмитактник) парные рифмы и одну ямбическую четырехстопную парную рифму, как показывают схемы рифмовки у Гёте и у меня в Таблице 4.5, и что делает тяжеловесную, но возвышенную речь старого крестьянина настолько аутентичной.

- | | | |
|----------------------------------|------------|-------|
| 1: 6ja ^{4,8} [aabbcc] | [27: 37] | |
| 2: 6ja ^{4,8} [aabbcc] | [30: 123] | |
| 3: 10ja ⁴ [ababdcdee] | [28: 2015] | (4.5) |
| 4: 10ja ⁴ [ababdcdee] | [29: 2015] | |

Почему «улучшатель» Холодковский с его непрерывным четырёхтактником делает старого крестьянина легковесным «Пушкиным», непонятно для меня. Это уже яснее в случае с «улучшателем» Пастернаком – он просто копирует Холодковского, как

обычно, или перевод Ходковского (и менее «Фауст» Гёте) служит ему в качестве образца (шпаргалки) для его перевода, как уже упоминалось выше, и как это подтверждают многие дальнейшие сравнения.

Если правило построчного перевода для «Евгения Онегина» было лишь целесообразным, чтобы оставаться при очень размытом из-за необходимости заполнения жесткой «Онегинской строфы» смысловом содержании, то для «Фауста» оно является абсолютной нормой, чтобы охватить и исчерпать также и в переводе все поэтические средства выражения, введенные Гёте. Как разрушительно пренебрежение этой нормой, доказывают «улучшатели-канонисты» в Приложении 4.2, где гётевское «экспериментально-ухудшающее» развитие строфы (Таблица 4.2) ими кощунственно-«улучшательно» выхолощено.

Классические формы строф у Гёте

Одна из энциклопедических характеристик «Фауста» заключается в том, что Гёте в своем произведении мастерски владеет и использует практически все классические формы строфы и стиха, такие как станс (октава), сонет, мадригал и другие (Приложение 4.4). Это придает произведению Гёте широту поэтических форм и средств выражения, которые не встречаются ни у одного поэта мира.

Написанное в 1897-м году, после двадцатилетнего перерыва в работе над первой частью трагедии, «Посвящение» состоит из четырех строф в праздничной форме октавы или станса с общей формулой:

$$4x8ja^5[AbAbAbCC] \quad (4.6)$$

То есть из 4 октав в метре пятистопного ямба с десятью-одиннадцатью слогами в стихотворных строках, где для чистого ямба действует уже упомянутое правило: четное число слогов в строке соответствует мужской (глухой) каденции, а нечетное – женской (звучной) каденции. В классической ямбической октавной форме «Посвящения» это правило выполняется в совершенстве.

Изящная поэзия Гёте в его «Посвящение» отражает тесные и нежные отношения между поэтом и его произведением, которые сложились за долгие годы творения. Первая октава описывает связь между Гёте и его персонажами в «Фаусте», которые его преследовали ко времени «Посвящения» (1797 г.) уже в течение 24-х лет.

Во второй октаве Гёте говорит о том, что каждое возвращение к «Фаусту» означает для него как бы возвращение к своей юности «(...) так что я должен теперь переносить

себя в прожитое мной самим прошлое» с любовью и дружбой, когда «Фауст» возникал еще только в общих чертах, и он читал первые сцены своим ближайшим друзьям, многие из которых теперь исчезли прочь (сравнимо с заключительными строками Пушкина или были Пушкиным просто переняты: Но те, которым в дружной встрече/ Я строфы первые читал (...)/ Иных уж нет, а те далече,/ Как Сади некогда сказал. [17: 2014]).

В третьей октаве Гёте размышляет о судьбе своего произведения среди чужой и неизвестной публики, если оно пойдет по миру и как долго оно будет по нему еще «блуждать». И в заключительной четвертой октаве Гёте показывает свои чувства и мечты, которые также знакомы каждому автору, как творцу, которому приходится справляться с отчуждением «своего дитя».

Октавные и сонетные формы можно также найти и в других сценах трагедии, таких как, например, монолог – как же может быть иначе! – Поэта (Приложение 4.4).

Языковые свобода и вариативность Гёте

К другой поэтической специфике Гёте относится его очень самоуверенное и свободное обращение с языком (Приложение 4.5), который он полностью подчиняет метрам, рифме и каденции, если это необходимо. Уже в «Пра-Фаусте» (Таблица 4.2) это интенсивно используется: Philosophie/ Juristerey (Philosophie/ Juristerei – философию/ юристику), Theo-lo-gie/ Müh (теософию/ старанье), gar/ ze-hen Jahr (даже/ десять уж лет), Nas (Nase – нос), Höll (Hölle – Ад), Freud (Freude – радость), Ehr (Ehre – честь).

Эта лингвистическая вариативность проходит через всю трагедию. Я отметил эти места жирным шрифтом или подчеркнул их во многих (далеко не всех) отрывках в приложение 4.5 для лучшего обзора. Гёте отмечает во многих местах пропущенные буквы апострофами, но, как правило, он не делает этого вовсе. Апострофы выглядят как извинение за ошибку или как намек: «Да, я не безграмотный и знаю, как это должно правильно писаться!». Отсутствие апострофов говорит скорее о самоуверенности Гёте, с которой он считает такие извинения и оправдания излишними.

Точно так же подчиняет Гёте метру и рифме звучание слов или орфографию. Так я обнаружил в «Фаусте» три варианта слова «genug» (достаточно), в зависимости от метра (жирным выделены ударные слоги в ямбических стопах): «gnug или «g'nug» – Habt Ihr nun bald das Leben gnug geführt?; Du wärest Teufel gnug, mein Glück mir nicht zu

gönnen; Nicht Worte gnug der Zunge finden: Die töricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten, или в зависимости от рифмы: «Sprung (прыжок)/ genung», «Jung/ genung» или. «jung (юный)/ genung»“; также как существительное – Wenn **dies** dir **völlig Gnüge tut**.. При этом во всех случаях читатель легко и недвусмысленно распознает имеющееся ввиду слово «genug» или «Genüge».

Выпускание или вставление отдельных гласных – это самый безобидный и знакомый всем классическим поэтам метод сохранения метра или каденции. Добавление согласных, чтобы сделать уже существующую рифму еще более звучной, как например «jung/ genung», довольно необычно, но все еще безобидно. Гёте идет намного дальше и просто отменяет орфографию ради рифмы, как показывают следующие примеры: Ich schwör Euch zu, mit dem **Beding** (Bedingnis, Bedingung – условие)/ Wechselt ich selbst mit Euch den **Ring**; Zu Eurem Vorteil hier zu regen gleich **begonnte** (begann – начинался или begonnen – начался)/ Daß ich auf Euch nicht böser werden **konnte**; Wer sie nicht kennte (kennt – знает oder kannte – знал),/ Die Elemente; Und nähn und laufen früh und **spat** (spät – поздно)/ So **akkurat**!

Иногда Гёте делает это почти демонстративно или экспериментально-агрессивно: Du bist und bleibst ein Lügner, ein **Sophiste**./ Ja, wenn man's nicht ein bißchen tiefer **wüßte**. Более простой и привычный метод рифмовки был бы здесь также возможен, например: Du bist und bleibst ein Lügner, ein **Sophist**./ Ja, wenn man's nicht ein bißchen tiefer **wüßt**.. Это изменяет, правда, каденцию от женской к мужской. Вставка однослогового слова сохраняет как женскую каденцию, так и правописание: Du bist und bleibst ein Lügner, ein **Sophist_je**./ Ja, wenn man's nicht ein bißchen tiefer **wüßte**. Этот метод я часто использую в переводе «Евгения Онегина» [20], чтобы сохранить оригинальные рифмы (§3.4) с собственными именами, как, например [20: 27; Kapitel I, XVII]: Es kann schon sein, dass manche **Damen**/ Zitieren Say mal und **Bentham_je** (Хоть, может быть, иная **дама**/ Толкует Сея и **Бентама**).

Соотношение каденций между не рифмующимися стихотворными строками, как и число слогов в рифмующихся строках фактически не важны в свободных от жесткой формы строфах Гёте, тем не менее у него также встречаются сокращения из-за каденции: Rückt wohl der Schatz indessen in die **Höh(e)**, 10a (11A)/ Den ich dort hinten flimmern **seh(e)** 8a (9A), или из-за числа слогов: **Du guts, unschuldigs Kind** 6a/ **Begreife nicht, was er an mir findt**, 9A по причинам, которые не всегда понятны. Кстати, и здесь намеренно рифмованы стихотворные строки с различными каденциями (6a/9A). Без

каких-либо намерений эти строки рифмуются довольно просто и перфектно всего лишь с двумя сокращениями и без перестановки ударения в слове «**unschuldig**»: **Du gutes, unschuldiges Kind** 8a/ **Begreif‘ nicht, was er an mir findt** 8a (Добрый, невинный ребенок,/ Не понимаю, что он находит во мне).

Уникален такой вид сокращения в начале стихотворной строки, которая обычно начинается с заглавной буквы, а не с апострофа, что чисто визуально немного сбивает с толку: **'s** ist ein Gesetz der Teufel und Gespenster [27: 49], или: **'s** ist eine der größten Himmelsgaben,/ So ein **lieb(es)** Ding im Arm zu haben [27: 94]. В своей трагедии Гёте использует это только три раза, так что я при переводе не обратил на это особого внимания или просто не зафиксировал это как важный опыт. К сожалению надо сказать, поскольку в последующем переводе «Евгения Онегина» [20] я сам несколько раз сталкивался с необходимостью такого сокращения, чтобы остаться при пушкинском ямбе. В конечном итоге я – в отличие от Р.-Д. Кайля, который это сокращение охотно использует в своём переводе «Онегина»: *'s ist Zeit, 's ist Zeit! – ich ruf nach ihr* [19: 44; Kapitel I, L], – не отважился на такое и нашел решение на других, более сложных путях, иногда с ущербом для содержания.

В остальном, я приобрел от Гёте так много опыта и еще больше мужества в «поэтическом» обращении с немецким языком, без которых мой перевод «Евгения Онегина» был бы невозможен. Это включает, например, непривычное в обычной поэзии разделение предложения на две стихотворные строки: Doch hast du Speise, die nicht sättigt, **hast** (10a)/ **Du** rotes Gold, das ohne **Rast**, (8a), или не всегда синтаксически правильное, иногда трудно понимаемое построение предложения с местоимением вместо склоняемого определения между артиклем или предлогом и принадлежащим ему подлежащим, как здесь например: Was **in des Menschen Hirn** nicht paßt; **Aus** niedriger Häuser **dumpfen Gemächern**,/ Aus **der Straßen quetschender Enge**,/ Aus **der Kirchen ehrwürdiger Nacht**. С другой стороны, определениям очень часто не хватает связанных со склонениями окончаний: Mein **lispelnd(es)** Lied, der Äolsharfe gleich; Mich neigt dein **mächtig(es)** Seelenflehen; Da habt ihr ein **groß(es)** Publikum; Mein **arm(es)** Gespräch nicht unterhalten kann; Bin doch ein **arm(es) unwissend(es)** Kind.

Все эти поэтически-лингвистические «ошибки», относящиеся к стилю Гёте, практически невозможно учесть и вставить их в те же места в перевод, как мне это один из редких разов удалось здесь: Себе **злат(ые)** ведра подавая. Но использовать этот стиль во всем тексте перевода рекомендуется. На русском языке определения,

принадлежащие подлежащим среднего и женского рода, имеют часто окончания с двойными гласными: **-ое, -ее, -ая, -яя** и т.п. Конечно же здесь напрашиваются сокращающие число слогов укорочения: **-о, -е, -а, -я**.

Этот сокращенный тип окончаний был грамматически корректным в старорусском (время действия трагедии XVI век): **люто** воинство, **сине** море, **красна** девица – и принадлежит сегодня к простонародному русскому языку. Я широко использовал это в своем переводе, что очень хорошо вписывается в язык пьяных средневековых забулдыг в подвале Ауэрбаха: Противна(я), политична(я) песня! Тыфу!/ Жалка(я)! И Богу слава каждо(е) утро,/ Забот что нет у вас за императ(о)ра!/ Я рад, по крайней мере, оченно тому,/ Ни кайзер что, ни канцлер в том дому.

«Фауст» написан как пьеса в монологах и диалогах, то есть в разговорной речи, которая, как я утверждаю выше, является принципиально языком поэзии и оправдывает отклонения от строгих грамматических и синтаксических правил, без ущерба для ее возвышенности.

Гётевские мудрости и максимы, обогатившие немецкий язык

Произведение Гёте сложно не только по его поэтическому разнообразию, но и по его содержанию. Это одна из важнейших особенностей поэзии Гёте в этой трагедии – ее философская глубина и хитромудрая загадочность, скрытая, прежде всего, в сценах с Мефистофелем, которые делают эту трагедию, с одной стороны, не столь легкой «пищей», как «Евгений Онегин», с другой стороны, обогатили народную немецкую речь столь многими чудными изречениями и поговорками (Приложение 4.6).

Поскольку смысловое содержание поэзии стоит, по моему мнению (§3.3), позади поэтической чувственности и воображения, то переводчику следует больше сосредотачиваться на передаче поэтических средств выражения и воздействия, таких как метафоры, аллегории и т.д., а не столько на том, чтобы преследовать и переводить содержание как можно более детально. В случае глубоких и загадочных философских вставок Гёте, которые играют важную роль в общем воздействии трагедии, нужно быть очень осторожным при переводе, чтобы их не упустить, не удешевить, добросовестно передать их глубину. Очень показательны это в октавах посвящения, где, первые шесть стихотворных строк очень эмоциональны и метафоричны, а две последние составляют обобщение, восходящее к максиме.

В дальнейшем я анализирую с этой точки зрения качество так называемых «канонических» переводов «Фауста».

4.5 Качество и аутентичность переводов «Фауста»

Мой метод анализа стихотворных строк и строф с заключительными формулами строф и различными маркировками помог мне не только включить все поэтически-экспериментальные вставки Гёте в мой перевод, но и проанализировать другие переводы «Фауста», сравнить их с оригиналом и друг с другом, а также с моим переводом и, таким образом, оценить и квалифицировать их качество и аутентичность во всех аспектах.

Эта техника с указанием числа слогов, метров, схем рифмовки и каденций оказалась абсолютно необходимой. Обусловленные ей рамки не ограничивают при этом, как я уже говорил, а, напротив, освобождают и облегчают свою собственную поэзию. Вначале переводится дословно одна стихотворная строка, без больших творческих усилий, но обычно уже с чувством мелодии оригинала, так что число слогов, в конечном итоге, уже совпадает с числом слогов в оригинале. Затем выбирается из этой строки слово, которое лучше и легче всего рифмуется, и помещается в конец строки. Наконец, остальные слова в стихотворной строке сортируются, переставляются, при необходимости заменяются так, чтобы восстановить чистый метр оригинала без нарушений, или такие нарушения метра (смешанные метры) встроить таким же образом в соответствии с образцом оригинала.

Моя техника особенно полезна в сложных схемах рифмования, где рифмы, например, пересекаются в диалогах:

Таблица 4.6 Пример сложных схем рифмования у Гёте

<i>Гёте</i> [27: 49]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]
FAUST Das ist von ungefähr <u>gelingen</u> ! 9A MEPHISTOPHELES: Der Pudel merkte nichts, als er <u>hereingesprungen</u> , 13A Die Sache sieht jetzt anders aus: 8b Der Teufel kann nicht aus dem Haus. 8b FAUST: Doch warum gehst du nicht durchs <u>Fenster</u> ? 9C5(mix) MEPHISTOPHELES: 's ist ein Gesetz der Teufel und <u>Gespenster</u> : 11C5 Wo sie hereingeschlüpft, da müssen sie hinaus. 12b Das erste steht uns frei, beim zweiten sind wir Knechte. 13D FAUST: Die Hölle selbst hat ihre <u>Rechte</u> ? 9D Das find ich gut, da ließe sich ein <u>Pakt</u> , 10e Und sicher wohl, mit euch, ihr Herren, <u>schließen</u> ? 11F	Фауст Вот удалось нежданно-нежданно! 11A Мефистофель: Не видел пудель этой штуки странной; 11A Вскочил - и миг переменился вид, 10b И выход был лукавому закрыт. 10b Фауст: Ступай в окно, не будет затруднений. 11C Мефистофель: Увы! таков закон чертей и привидений: 13C Каким путем вошёл, таким и выходить. 12d Во входе волен я, а выходить обязан 13E Там, где вошёл. Фауст: И ад законом связан? 11E Вот новости! Ну что ж! Прекрасно: может быть 12d С тобой и договор возможно заключить? 12d

MEPHISTOPHELES: Was man verspricht, das sollst du rein <u>genießen</u>. 11F Dir wird davon nichts <u>abgezwick</u>. 8e Doch das ist nicht so kurz zu fassen. 9G Und wir besprechen das zunächst. 8h Doch jetzt bitt ich, hoch und höchst, 7h4(mix) Für dieses Mal mich zu entlassen. 9G 15ja^{4,5,6}2mix^{4,5}(17)[AAbbCCbDDDeFFeGhhG]	Мефистофель: Что обещаем мы, ты можешь получить 12d Сполна, - ни в чём тебя мы не надеем. 11F Да, но об этом долго рассуждать. 10g Другой раз мы подробней потолкуем. 11F Теперь же я прошу нижайше позволения 13C Уйти. Нельзя ль вам пентаграмму снять? 10g 17ja^{5,6}[AAbbCCdEEddFgFCg]
Приб [30: 165] ФАУСТ Неплохо очень трюк <u>удался</u>! 9A МЕФИСТОФЕЛЬ: То пудель не усек, когда сюда <u>забрался</u>, 13A Теперь же все в свете другом. 8b Не может черт покинуть дом. 8b ФАУСТ: Почему бы не через <u>окна</u>? 9C5(mix) МЕФИСТОФЕЛЬ: Да тут уже закон чертей не <u>впрок нам</u>: 11C Где мы сюда вошли, туда назад идем. 12b Мы при втором рабы, а вход нам без <u>препоны</u>. 13D ФАУСТ: У Ада даже есть законы? 9D Отлично! Тут возможно <u>договор</u>. 10e Надежный заключить мне с <u>господами</u>? 11F МЕФИСТОФЕЛЬ: Получишь то, обещано <u>что нами</u>, 11F У нас никто при том не <u>вор</u>. 8e Но обсудить тут надо много, 9C Отложим это на потом. 8h Сейчас же бью вновь челом, 7h4(mix) Открой мне вновь назад дорогу. 9C 15ja^{4,5,6}2mix^{4,5}(17)[AAbbCCbDDDeFFeGhhG]	П-ак [29: 2015] Фауст Не мог предугадать такой удачи! 11A Мефистофель Мог обознаться пудель на бегу, 10b Но с чертом дело обстоит иначе: 11A Я вижу знак и выйти не могу. 10b Фауст Но почему не лезешь ты в окно? 10c Мефистофель Чертям и призракам запрещено 10c Наружу выходить иной дорогой, 11D Чем внутрь вошли; закон на это строгий. 11D Фауст Ах, так законы есть у вас в аду? 10e Вот надо будет что иметь в виду 10e На случай договора с вашей братьей. 11F Мефистофель Любого обязательства принятье 11F Для нас закон со всеми наряду. 10g Мы не меняем данных обещаний. 11H Договорим при будущем свиданье, 11H На этот раз спешу я и уйду. 10g 16ja⁵[AbAbccDDeeFFgHHg]

Или также при использовании не только смешанных, но и других метров, как здесь, например, где один раз рифмуется одна смешанная стихотворная строка с одной ямбической, а в другой раз – одна смешанная и одна дактильная с двумя ямбическими (четырёхкратная рифма), что вообще не находит места у обоих канонистов с их собственными схемами рифмовки:

Таблица 4.7 Еще один пример сложных схем рифмования

Гёте [27: 58] FAUST Laß in den Tiefen der Sinnlichkeit 9a4(mix) Uns glühende Leidenschaften stillen! 10B4(mix) In undurchdrungenen Zauberhüllen 9B Sei jedes Wunder gleich bereit! 8a Stürzen wir uns in das Rauschen der Zeit, 10a5(da) Ins Rollen der Begebenheit! 8a 3ja⁴2mix⁴1da²(6)[aBBaaa]	Х-кий [28: 2015] Фауст Тушить страстей своих пожар 8a В восторгах чувственных я буду, 9B И под густой завесой чар 8a Готов ко всякому я чуду! 9B Я кинусь в шумный времени поток, 10c В игру случайностей, куда забросит рок, 12c 6ja^{4,5,6}[aBaBcc]
Приб [30: 197] ФАУСТ: Давай мы утолим в чувственном 9a4(mix) Палачие нашей страсти зовы! 10B5(mix) В непроницаемых покровах 9B Пусть чудеса готовы нам! 8a	П-ак [29: 2015] Фауст Отныне с головой нырну 8a В страстей клокочущих горнило, 9B Со всей безудержностью пыла 9B В пучину их, на глубину! 8a

В бурны нырнем мы потоки времен, 11a4(da) В событий гущу мы нырнем! 8a 3ja⁴2mix⁴1da⁵(6)[aBBaaa]	В горячку времени стремглав! 8c В разгар случайностей с разбегу! 9D В живую боль, в живую негу, 9D В вихрь огорчений и забав! 8c 8ja⁴[aBBacDDc]
--	---

Этот метод иллюстрирует различия, как маркировки в текстах, так и маркировками и метками в формулах строф при их сравнении настолько ясно, что он позволяет даже читателям, которые не владеют языком оригинала, самостоятельно судить о качестве предлагаемого ему перевода, потому что это, кажется, главная проблема фальшивых, неадекватных, искаженных поэтических, а также любых других переводов, что переводчики уверены в том, что их «преступления» против оригинала не будут обнаружены из-за отсутствия двуязычных читателей.

Поэтически-структурная квинтэссенция

Моя техника оказалась очень уместной и гарантировала моему переводу максимальное соответствие с очень вариабельным оригиналом, в отличие от переводов канонистов, у которых, очевидно, не было никакой техники и которых такое соответствие не интересовало, как очень отчетливо и наглядно доказают все сравнительные таблицы (Приложения 4.2, 4.3).

Если тонкости, которые очень специфичны для поэзии Гёте, при переводе будут выпущены, вместо того чтобы дотошно передать их на иностранном языке, то произведение Гёте будет в таком переводе лишено своего многообразного поэтического богатства, фальсифицировано и абсолютно не аутентично. Мой анализ показывает, что у канонистов Холодковского и Пастернака это встречается, к сожалению, на каждом шагу, а именно в преступно большой степени!

Какой-то концепции поэтического перевода у обоих канонистов невозможно опознать, как показывает сравнение (4.4). В моем учении вообще недопустима речь о любых художественных концепциях, кроме одной — максимально возможной аутентичности. Оба канониста следуют Гёте (по крайней мере поэтически) только один раз — при переводе его посвящения (Zueignung), состоящего из четырех октав (4.6).

Заносчивое высказывание Пастернака к поэтическому переводу о том, что автор перевода должен быть в нем так же узнаваемым, как если бы он был его собственным произведением, полностью отражает качество его перевода, в котором Гёте как автор «Фауста» почти не проявляется, зато очень узнаваем подобный частушкам ямбический примитивизм автора Пастернака. Это высказывание звучит скорее как подсунутое

задним числом оправдание его преступного перевода, а не как основанная на чем-то рациональном, кроме тщеславия, концепция.

Это могло бы выглядеть как концепция, если переводчик решает быть в его переводе более аутентичным с точки зрения смыслового содержания оригинала в ущерб аутентичности поэтической специфики, визуализированной в моих формулах строф, или, наоборот. Однако такая концепция была бы самопровозглашенным обвинением в поэтической и языковой бедности и некомпетентности переводчика.

Холодковский неизвестен как русский поэт. В своем переводе он превышает в основном заданную Гёте длину как стихотворных строк (от четырех-пяти до пяти-шести стоп), так и строф (более трех-пяти строк) даже в классических стихотворных формах. Тем не менее, это не помогает ему вместить больше смысла из трагедии в эти удлинённые строки и строфы и, тем самым, оставаться, хотя бы по смыслу, ближе к оригиналу, как будет проанализировано и показано ниже.

Поэт в «Прелюдии в театре» говорит возвышенно не только в октавной, но и в сонетной форме, где он скорбит о своей ушедшей молодости (Приложение 4.4). Однако эта форма отличается от классической формы сонета более короткими стихотворными строками (четырехстопный ямб вместо пяти-, шестистопного). Поскольку его речь здесь представлена в контексте диалога, эта речь состоит из одной строфы и четко не подразделяется на четыре строфы, обычных для сонетной формы, как я это делаю в Таблице 3 приложения во всех четырех столбцах и в следующих четырех формулах строфы:

- 1: 14ja^{4,5}[AbAb CddC egF eFe]
 - 2: 14ja^{4,5}[AbAb CddC egF eFe]
 - 3: 17ja⁴[AbAb CCdd EffE gHgHg]
 - 4: 14ja⁴[AbAb CdCd eeF gFg]
- (4.7)

Это ведет к тому, что Холодковский даже не узнает четырнадцатистрочную форму сонета и создает, в его манере «раздувания», нечто, состоящее из семнадцати строк. Оба канониста игнорируют при этом выделенную Гёте посредством дополнительной стопы пятистопную стихотворную строку «Стремленьем к правде и желаньем врать» (Den Drang nach Wahrheit und die Lust am Trug). Извращение и упрощение квинтэссенции прекрасных и поэтически впечатляющих стихов Гёте, которые, как правило, встречаются у обоих скорее часто, чем редко, будут рассмотрены в следующем параграфе.

Пастернак – самовлюбленный поэт-гений – был известен как поэт в СССР, но, похоже, не очень хорошо владел немецким языком и должен был снова и снова подсматривать в переводе Холодковского, что привело к одинаковым ошибкам и вариантам перевода во многих местах и, наконец, к бытующему мнению о том, что Пастернак «переводил» перевод Холодковского или использовал его как содержание оригинала, как показывает ниже множество примеров.

Критика обоих канонистов не является самоцелью в моем учение о поэтическом переводе. В анализе произведения Пушкина я перечислил некоторые правила и рекомендации, которые может быть кажутся не особенно обоснованными при переводе такой простой в смысле формы строфы и схемы рифмовки поэзии, как «Евгений Онегин» – все немецкие поэтические переводчики обращали и без того внимание на педантичную передачу «Онегинской строфы» на немецкий язык. Переводчики же Гёте поставляют образцово это обоснование их грубейшим игнорированием всех поэтико-аналитических правил и, как следствие, искажением гениального произведения-оригинала и показывают не только пользу, но даже необходимость таких строгих правил.

Эти правила особенно важны именно при переводе произведений Гёте, поскольку Гёте очень интенсивно использует формы строфы и схемы рифмовки как дополнительное средство выражения и очень сильно, но также очень контролируемо их варьирует. У Гёте, в отличие от Пушкина, все много раз редактировалось в течение многих лет, все имеет свое место, свой важный смысл, и ничто не является случайным, даже если что-то иногда может показаться ошибкой.

Творческое пожизненное развитие Гёте в использование Knittel-стихов (смешанных метров) в качестве поэтического средства выражения, показанное в Таблице 4.2, не понимается и игнорируется канонистами, его смешанные метры униформируются и выхолощаются Холодковским полностью, Пастернаком (кроме его слабой попытки встроить три из них) большей частью, а стихотворная строка обычно сокращена обоими (сравните с Таблицей 4.1):

«*Пра-Файст*»:

1 21ja⁴1tr⁵10mix^{4,5}(32)[aabbccddeeffGGHHIIKKllMMnnoolPP]

«*Файст*»:

1:16ja^{4,5}1tr⁵1dak⁴14mix^{4,5}(32)[ababccddeeffGGHHIIKKllMMnnoolPP]

2:16ja^{4,5}1tr⁵1dak⁴14mix^{4,5}(32)[ababccddeeffGGHHIIKKllMMnnoolPP]

3: 33ja^{4,5}(33)[abbacddeeffGGHHIIKKllMnnMooPrrP]

4: 29ja⁴3mix⁴(32)[aabbccddeeffGGHHIIKKllmNNmooppRR]

(4.8)

Эти формулы строф визуализируют, в дополнение к жирным шрифтам в текстах, вплоть до мельчайших деталей точно степень поэтически-структурного соответствия с оригиналом или отклонения от него трех анализируемых переводов. Формула строфы содержит все характеристики моей техники: числа перед обозначением метра соответствуют количеству стихотворных строк, написанных в этом метре, надстрочные цифры – количеству стоп (ударных слогов), которые при смешанных метрах не могут быть определены напрямую из числа слогов и должны быть найдены (посчитаны) дополнительно.

Напомню, что в схемах рифмовки прописные буквы соответствуют женской, а строчные – мужской каденциям, жирный шрифт указывает на стихотворную строку со смешанными метрами, чистые отличающиеся от ямба метры („tr“, „da“, „an“, „am“) обозначены так, как указано в части формулы перед схемой рифмовки в квадратных скобках. При разном количестве стоп внутри одного и того же метра как надстрочных цифры в формуле, так и буквы в схеме рифмовки, соответствующие этим стихотворным строкам, подчеркнуты и выделены курсивом при трех разных числах стоп.

Гёте следует библейским представлениям о Боге-Созидателе как самой гармонии и дьяволе-разрушителе как дисгармонии и хаоса самих по себе. Изменение метра, которое Гёте практикует на протяжении всей трагедии, нарушает на особый лад ритм, мелодию и гармонию стиха. Если эти нарушения первоначально связаны с хаотическим внутренним состоянием Фауста, то такая прямая ассоциация в других сценах не обязательно удастся, как, например, в появлении Фауста уже во второй сцене «Перед воротами» [27: 35], [30: 115] с состоящими снова из ямбических и хореических обрывков Knittel-стихов (Приложение 4.3, Таблица 1), хотя пресыщенность здесь не распознается:

1: 10ja⁴4tr⁴24mix^{4,5,6}(38)[Ab**b**Ab**Cd**DEffGGhhiiKLKLMnnMoMoPrPrSStt]
 2: 10ja⁴4tr⁴24mix^{4,5,6}(38)[Ab**b**Ab**Cd**DEffGGhhiiKLKLMnnMoMoPrPrSStt]
 3: 39am⁴(39)[AbAAbCCddEEffGGhhIkkLmmLnnOpOpRsRsTTuu] (4.9)
 4: 35ja⁴3am⁴(38)[Ab**Ab**CdCEfEfGGhhIkLmLmNoNoPrPrStStuu]

В этой сцене Гёте встраивает почти столько же «Knüttel» («палок»), как и в первой сцене, где Фауст сидит один в своей темной, пыльной и стесненной комнате и не видит смысла в своих усилиях и, в конечном итоге, в своей жизни. Теперь же он с Вагнером находится извне, на воскресающей из зимней смерти природе, среди пестрых масс людей, радостно празднующих Воскрешение Христа.

Должны ли Knittel-стихи Гёте отражать внутреннее, необычно позитивное возбуждение Фауста? Прекратилось ли оно после прояснения Фауста о том, что счастье как источник жизненной радости также связано с коротким бегством из повседневности и что только разделенная с другими людьми жизненная радость делает нас людьми? Являемся мы здесь свидетелями процесса исцеления в душе Фауста от хаоса – детища дьявола – до божественной гармонии, заканчивающейся в высшей духовной форме в монологе Фауста (Таблица 4.4), прежде чем появится пудель-дьявол, чтобы разрушить божественную гармонию?

Эти вопросы трудно ответить без Гёте. Поэтому ответственность за то, где и почему он превращает свои идеальные ямбические стихотворения в Knittel-стихи, должна и оставаться у Гёте, а переводчик должен лишь по возможности максимально точно вставлять эти места в свой перевод.

В некоторых сценах можно все же отчетливо опознать, где и почему Гёте мастерски использует разработанный им поэтический инструмент: при смене душевного состояния Фауста от духовного вдохновения до того (Таблица 4.4), выраженного в совершенных и возвышенных ямбических строках, к его последующим за этим нелепым, ломаным обращениям к пуделю-дьяволу («Фауст с пуделем» [27: 42], [30: 143], приложение 4.3, таблица 2):

Фауст сам с собой:

1 – 4: 8ja⁴[AbAbCdCd]

Фауст к пуделю:

1: 3ja⁴1an³4mix^{4,5,6}(8)[AbAbCdCd]

2: 3ja⁴1an³4mix^{4,5,6}(8)[AbAbCdCd]

3: 8da⁴[AbAbCdCd]

4: 8da³[AbAbCdCd]

(4.10)

Фауст сам с собой:

1 – 4: 8ja⁴[AbAbCdCd]

Фауст к пуделю:

1: 1ja⁴1tr³1da⁴1am³4mix^{5,6}(8)[ABBA?ADD]

2: 1ja⁴1tr³1da⁴1am³4mix^{5,6}(8)[ABBA?ADD]

3: 8da⁴[AbbAbCCb]

4: 8da⁴[AbbAcDDc]

(4.11)

Фауст в присутствие пуделя-Мефистофеля снова недоволен и дисгармоничен в своих мыслях о том, как переходящая гармония, и так представляет это состояние Гёте поэтически:

Фауст сам с собой:

1: 7ja⁴1tr⁶6mix^{4,5,6}(14)[AABBCDDCeeFggF]

2: 7ja⁴1tr⁶6mix^{4,5,6}(14)[AABBCDDCeeFggF]

3: 14 ja⁵ (14)[AbAbCddCeeFgEg] (4.12)
 4: 17ja⁴(17)[AbAbCCdEEdFFdGGhh]

Фауст к пуделю:

1: 4ja²42tr³1mix³(7)[AABBCCC]
 2: 4ja²42tr³1mix³(7)[AABBCCC]
 3: 8da⁴(8)[AAbbCddC] (4.13)
 4: 3ja²41tr⁴1da⁴5mix⁴(10)[AAb**b**CCd**d**ee]

Таким образом, Гёте делает это именно в пронизывающей всю трагедию теме «Бог и дьявол», или «их сосуществование и противодействие» как сосуществование изображенных поэтически гармонии и хаоса.

Холодковский противопоставляет смешанным стихотворным строкам Гёте свой не менее, чем ямб, гармоничный четырехстопный дактиль (4.10), (4.11), (4.13) или даже свой пяти-, шестистопный ямб (4.12) и уничтожает тем самым совершенно всю так блестяще представленную Гёте дьявольски-хаотическую компоненту.

Пастернак подменяет (вместо того, чтобы их переводить) гётевские хаотические строки «совершенно случайно» также и в тех же местах дактильными и ямбическими строками и пытается еще при этом завуалировать свой плагиат, расширяя дактильные строки Холодковского с 4-х до 5-ти стоп (4.10) или укорачивает его ямбические стихотворные строки с 5, 6-ти до 4-х стоп (4.12), но длину строфы расширяет при этом с 14-ти до 17-ти строк, а также несколько по-другому komponует схемы рифмовки (4.11), (4.12), (4.13).

Только в последнем примере (4.13) Пастернак вспоминает, вдруг, свой тезис о «самостоятельности» переводчика, оставляет дактиль Холодковского и превосходит, вдруг, даже Гёте в хаотической мешанине. Схемы рифмовки у обоих канонистов ни здесь, ни в других местах даже близко не согласуются с оригиналом, как можно видеть из всех сравнительных таблиц с приведенными в них формулами строф.

Насколько заносчивы должны быть переводчики Холодковский и Пастернак, которые, не понимая иронии Гёте, его экспериментальной поэзии, его философской глубины и даже его любимого немецкого, пытаются – вероятно, в убеждение, что Гёте по сравнению с ними довольно неумелый поэт – улучшить поэзию Гёте и помочь ей в их переводах к чисто ямбическим, дактильным и другим «гладким» метрикам! Если переводчик не понимает и игнорирует этот художественный способ выражения, то такие переводчики – а к таковым относятся все переводчики «Фауста» и, прежде всего, канонисты Холодковский и Пастернак – фальсифицируют, извращают и убивают «Фауста»! Должно ли это быть соответствующей

понятию «канон» совокупностью действующих для поэтического перевода правил и соглашений?

Возможно это полифония Гёте или многообразие форм и формул строфы в «Фаусте», которые дают его каноническим переводчикам чувство тотального освобождения и полной индивидуальной поэтической свободы. Однако канонисты освобождаются не менее, чем от поэтической структуры, и от многообразного и глубокого содержания Гёте тоже.

Содержательная квинтэссенция

Таким образом, если поэтический переводчик игнорирует формы, формулы и схемы, заданные автором оригинала и характеризующие его средства выражения, он никогда не достигнет эмоциональных поэтических высот и философских глубин оригинала. В своих заметках «Схема для Фауста» Гёте сам занимается темой «Форма и содержание»:

*Спор между формой и бесформенностью.
Предпочтение бесформенному содержанию перед пустой формой.
Содержание само несёт форму, форма никогда не бывает без содержания.
Эти противоречия, вместо их объединять, надо делать более несопоставимыми.*

Гёте о его «Фаусте» [27: 430]
(переведено с немецкого)

Гёте, кажется, гениально предвидел такую судьбу своего произведения при переводах на иностранные языки, когда с тонкой иронией описывал в той же сцене [27: 44], [30: 147] (Приложение 4.3, таблица 2) попытку Фауста перевести Новый Завет на «любимый немецкий».

Дальновидная ирония Гёте о поэтическом переводе, при котором переводчик надменно вмешивается даже в содержательный смысл оригинала – даже Нового Завета! – добросовестно подтверждена в канонических переводах их невежеством как по отношению к гениальным поэтическим изобретениям Гёте, к тонкому остроумному содержанию трагедии, так и прежде всего у Пастернаке выраженным пренебрежением к гениальности Гёте, к философской глубине трагедии, к немецкому языку (как советский еврей через едва ли трех лет после окончания войны, скорее всего, почти ко всему немцому!) и, в конечном итоге, к советской германистике и к русскоязычным читателям. Из этого можно вывести еще одно важное правило:

- **Поэтический перевод будет успешным только в том случае, если переводчик любит страну источника, ее язык и культуру как свои собственные и восторжен автором оригинала и его произведением**

Дополнительные средства поэтического воздействия Гёте просто стерты канонистами, а духовное содержание теряется в этих двух сценах совершенно. Может быть, дьявол повлиял здесь на неуважение Фауста к Священному Писанию? Где остались все эти намеки и предчувствия Гёте в переводах «улучшателей»? Кто повлиял на их неуважение к Гёте и «Фаусту»?

Фауст, в предчувствие прихода дьявола, снова взбудоражен и ищет спасения и гармонии в работе над переводом Нового Завета на любимый Гёте немецкий язык. Он даже преуспевает формально в этом, пока в конце снова не думает о помощи Духа и пишет последнюю дисгармоничную строку, прежде чем обратиться к пуделю.

Он, несмотря на всё его возбуждение, очень заносчив, как можно заключить из его других заявлений и высказываний еще в первой сцене [27: 20], [30: 61]: **Zwar bin ich gescheiter** als all die Laffen,/ Doktoren, **Magister, Schreiber** und Pfaffen (...) (Хоть понятливее я всех слюняев,/ Ученых, писак, святош, всех лентяев (...)), **Der du die weite Welt umschweifst,/ Geschäftiger Geist, wie nah fühl ich mich dir!** (Ты, тот кто дальний мир объял,/ Дух занятый, мы близки так в глубине!). Так же заносчиво подходит он к Священному Писанию – к Книге книг! – и пытается перевести оригинал не смиренно и достоверно, но тут же наложить на него свою печать, как пропагандирует как раз настолько же заносчивый Пастернак в своем высказывании о поэтическом переводе.

Здесь единственный случай, когда я при переводе этого раздела намеренно и обоснованно изменил заданную Гёте схему рифмовки [27: 44], [30: 147] относительно каденции:

- | | | |
|----|--|--------|
| 1: | 13ja ^{4,5} 1mix ⁵ (14)[aaBBccDDeeFFgg] | |
| 2: | 13ja ^{4,5} 1mix ⁵ (14)[AABBccDDEEFFGG] | |
| 3: | 14ja ^{5,6} [AAbbCCddEffEGG] | (4.14) |
| 4: | 14ja ⁵ [aaBBccDDeeFFgg] | |

Мое обоснование заключалось именно в том, что я хотел оставаться почтительно верным дословному звучанию как оригинала Гёте, так и Нового Завета. В русском переводе Нового Завета стоит, как и в его немецком переводе, именно дословно: «в начале было Слово!» (Im Anfang war das Wort!). Однако оба термина «слово» и «Wort» имеют, к сожалению, разные каденции. Пастернак сохраняет здесь в схеме рифмовки каденцию оригинала, убрав «слово» из рифмы и нарушив тем самым звучание Нового Завета. Холодковский просто игнорирует схему рифмования Гёте, как всегда, без всякого принуждения и всякого обоснования.

Гёте поставляет яркий пример взаимодействия формы и содержания в сцене «Фауст и Вагнер» [27: 39], [27: 131] (Таблица 4.3):

- | | |
|--|--------|
| 1: 35ja ^{4,5,6} 1mix ⁵ (36)[aBaBcDcDeFeFgHgHiJiK/KlMnnMOpOpRsRs] | |
| 2: 35ja ^{4,5,6} 1mix ⁵ (36)[aBaBcDcDeFeFgHgHiJiK/KlMnnMOpOpRsRs] | |
| 3: 38ja ^{4,5,6} (38)[AbbAcDcDeFeFgHhGijj/kLLkMnnMnOnOppRRss] | (4.15) |
| 4: 36ja ⁴ (36)[aBaBcDcDeFeFgHgHiJiJkLkLmNNmOpOpRsRs] | |

Это живописный стих пробуждает своей выраженной в совершенной поэтической форме (4.10, 1.) чувственностью и своим глубоко философским содержанием все вечные стремления человечества! Таким образом, взаимодействие формы и содержания повышает воздействие до невыносимости! Под этим воздействием я впитал на немецком языке это чувственное желание и снова «выплюнул» его из моей души на русском языке, а именно в форме и с содержанием максимально близким к оригиналу (4.10, 2.).

Эта строфа заканчивается кульминацией, в которой с помощью моего метода двуязычного сравнения (L4.1, L4.2) можно отчетливо показать, как пренебрежение канонистами формой оригинала неизбежно приводит к потере содержания в смысле потери поэтической силы выражения или поэтической силы воздействия:

L 4.3

- | | |
|--|------------------------|
| 1: Und über Flächen, über Seen/ Der Kranich nach der Heimat strebt. | (ja ⁴ [Ab]) |
| A над сушей, над озерами/ Журавль на родину стремится | |
| 2: A над морями и долами/ Журавль на родину стремит. | (ja ⁴ [Ab]) |
| Und über die Meere und Täler/ Der Kranich nach der Heimat strebt. | |
| 3: К далёкой родине своей/ Несётся стая журавлей. | (ja ⁴ [aa]) |
| Zu seiner fernen Heimat/ Ein Schwarm von Kranichen rast. | |
| 4: Осенним утренним простором/ К отлету тянут журавли. | (ja ⁴ [Ab]) |
| Durch herbstmorgigen Raum/ Zum Abflug ziehen Kraniche. | |

Такие моменты в поэзии Гёте освобождали меня от ремесленного труда в тот момент и поднимали меня на крыльях вдохновения к подобным же поэтическим высотам. Канонисты покидают Гёте и вдохновляют себя самих в своих стихах к чему-то размазанному с искаженными и жалкими остатками мощных образов Гёте.

Гётевское выражение „(...) nach der Heimat **strebt**“ («(...) на родину стремится) содержит нечто между тоской и побуждением, нечто между надеждой и движением из последних сил, как стремление жаждущего к почти недостижимому источнику в нескольких шагах от него – к недостижимому миру. Глагольная рифма «**schwebt/ strebt**» (парит/ **стремит**) настолько прекрасна с точки зрения содержания и поэтичности, что даже критика эстетики глагольных рифм, описанная в предыдущей главе и обоснованная их примитивностью, не возникает в этот момент. Эти

заключительные слова связаны со всем ранее описанным Фаустом врожденным стремлением людей к чему-то, чего, возможно, вообще не существует! Любое изменение этого слова изменяет такие фантазии к бессмысленности или к сухому отчету о деятельности журавлей.

Что, пожалуйста, означает у Холодковского: К далёкой родине своей/ **Несётся** стая журавлей? Во-первых, «стая» сама по себе как масса или толпа ослабляет воздействие на тот лад, как говорит Гёте словами поэта в «Прелюдии в театре» [27: 10], [30: 31]: (...) von jener bunten Menge,/ Bei deren Anblick uns der Geist entflieht (...) о пестрой массе,/ Лишь вид ее наш убивает дух). Во-вторых, как может журавль «**нестись**», как реактивный самолет, на свою **дальнюю** родину, уже оставив за собой тысячи километров?

У космополита Пастернака не находит места ни родина, ни стремление. Его строка: К отлету **тянут** журавли – пробуждает во мне скорее картины советских политзаключенных, которые угрюмо **тянут**, гонимые охранниками, к пункту сбора (**к отлету**, отправке), из которого они затем будут отправлены в скотских вагонах до места назначения в «Архипелаге ГУЛАГ». Нет, это не поэтический перевод, это убийство поэзии! Слова ради слов, рифма ради рифмы, рабский труд ради обещанного издательством гонорара!

Но фальсификацию содержания начинают канонисты еще до поэтического давления формы и рифмы [27: 10], [30: 29]:

L 4.4

- 1: Direktor. Theaterdichter. **Lustige Person**
Директор. Театральный поэт. Забавная персона
- 2: Директор. Театральный поэт. Весельчак
Direktor. Theaterdichter. **Lustige Person**
- 3: Директор, поэт и комик
Direktor, Dichter und **Komiker**
- 4: Директор театра, поэт и комический актер.
Theaterdirektor, Dichter und **komischer Schauspieler**

Эта ненужная ложь канонистов с самого начала указывает на их игнорирование оригинала, а у Пастернака еще и на плохое знание немецкого языка и на тот факт, что он использует перевод Холодковского в качестве образца для содержания, причем пытается это скрыть тем, что он как-то изменяет уже уклонившийся от оригинала перевод Холодковского и, тем самым, уклоняется от оригинала еще дальше.

В этой сцене речь идет о существе искусства, которое представлено тремя протагонистами: бизнесмен как поставщик продукта и продавец («директор»), творческий деятель как создатель продукта («театральный поэт») и один из публики как потребитель продукта («весельчак») и фактический источник денег для первых двух – и которое здесь обсуждается. Эти три представителя сути искусства, которое и сегодня еще функционирует так же, обсуждают в целом и глубоко эту тему, которая остается актуальной и сегодня, и представляют три основополагающие стороны этой сути в достаточной мере без актеров («комик», «комический актер»), режиссеров и других участников.

Потому это недопустимое вмешательство в гениальную сцену Гёте, изменить этот круг таким образом, что в переводе появляется актер («комик» у Холодковского превращается в «комического актера» у Пастернака) вместо одного представителя публики. Предположение, что «весельчак» („lustige Person“) является представителем зрителей, подтверждает сама эта персона в своих взглядах на вещи.

Мой метод содержательного сравнения допускает наглядное сопоставление выдержек только с максимально тремя стихотворными строками. Для выдержек с более чем три строки я снова использую хорошо зарекомендовавшую себя сравнительную таблицу, как в следующем примере, но со свойством сравнительного списка – сведение всех сравниваемых текстов к одному языку.

Таблица 4.8 Сравнительная таблица для содержаний

<i>Гёте</i> [27: 11]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]
LUSTIGE PERSON: Wenn ich nur nichts von Nachwelt hören sollte. 11A Gesetzt, daß ich von Nachwelt reden wollte, 11A Wer machte denn der Mitwelt Spaß? 8b Den will sie doch und soll ihn haben. 9C Die Gegenwart von einem braven Knaben 11C Ist, dünkt ich, immer auch schon was. 8b 6ja ^{4,5} [AAbCCb] Если я только ничего не слышал о потомстве. Случись, что я о потомках говорить хотел бы, Кто забавлял бы современников? Они ж этого хотят и должны иметь. Настоящее бравого парня, Я бы думал, тоже кое-что.	Комик: Потомство! Вот о чём мне речи надоели! 13A Что, если б для него - потомства - в самом деле 13A И я бы перестал смешить честной народ? 12b Кто ж публику тогда, скажите, развлечёт 12b Весёлой шуткою, ей нужной, без сомненья?... 13C Нет, как хотите, а держусь я мненья, 11C Что весельчак заслужит свой почёт 10b И что забавник не лишён значенья. 11C 8ja ^{5,6} [AAbCCbC] Nachkommen! Das ist es, wovon die Reden satt ich habe! Was, wenn für sie - Nachkommen - in der Tat Auch ich aufhöre, ehrliche Leute zum Lachen zu bringen? Wer unterhielt, sagt mir, das Publikum dann Mit lustigem Witz, den es zweifelsohne braucht... Nein, was immer Ihr wollt, aber ich bin der Meinung, Dass ein Hallodri seine Ehre verdient Und ein Unterhalter nicht ohne Bedeutung ist.
<i>Приб</i> [30: 44]	<i>П-ак</i> [29: 2015]
ВЕСЕЛЬЧАК: Мир будущий мне, что края за Эльбой. 11A Случись, я говорить о нем хотел бы, 11A Потеху в этот мир нес кто б? 8b	Комический актер Довольно про потомство мне долбили. 11A Когда б потомству я дарил усилия, 11A Кто потешал бы нашу молодежь? 10b

Ей рады мы, живем покамест. 9C Ведь настоящее весельчака есть, 11C Я б думал, тоже кое-что. 8b 6ja ^{4,5} [AAbCCb]	В согласье с веком быть не так уж мелко. 11C Восторги поколенья - не безделка, 11C На улице их не найдешь. 8b 6ja ^{4,5} [AAbCCb]
Die künftige Welt ist mir wie die Länder jenseits der Elbe. Gesetz, ich würde gerne über sie sprechen, Wer würde Spaß in dieser Welt tragen? Auf den freuen wir, solange wir leben. Die Gegenwart eines Hallobris, Ist auch was, hätte ich gedacht.	Es stemmten mir mit den Nachkommen genug ein. Wenn ich den Nachkommen Anstrengungen schenken würde, Wer würde unsere Jugend amüsieren? Mit dem Jahrhundert übereinzustimmen, ist nicht so klein. Die Freuden der Nachkommen - keine Kleinigkeit, Man findet sie nicht auf der Straße.

Эта персона веселая, потому что зрительная публика – как тогда, так и сейчас, в нашем обществе искателей удовольствия – всегда веселая и всегда сосредоточена на удовольствии и веселье.

Такой подход канонистов, игнорирующих оригинал, особенно разрушителен для их переводов в местах с глубоким смыслом, где он в значительной степени зависит от содержания, которое можно рассматривать как гётевские максимы (Приложение 4.6). Очень сильно звучат полные гётевских чувств и философской мудрости последние две стихотворные строки каждой октавной строфы в посвящении (в Приложении 4.6 подчеркнуты). Они содержат квинтэссенцию, которую каждый переводчик должен сохранять не меньше, чем форму и структуру оригинала, согласно правилам этого учения, сформулированным в главе 3.

Посвящение Гёте – это единственное место в трагедии, в котором оба канониста следуют классической форме строфы, предписанной Гёте, утвердившейся, по крайней мере, со времен октав итальянского поэта Торквато Тассо (XVI. век) описанным в одноименной пьесе Гёте, упомянутым Пушкиным в «Евгении Онегине». Но квинтэссенцию канонисты понимают не всегда, и не всегда они могут перенести ее в свои переводы.

L 4.5

- 1: Und **was** sich sonst **an meinem Lied erfreuet**, / **Wenn es noch lebt**, irrt in der Welt **zerstreuet**
 И что еще моей песне радо./ Если она все еще живет, блуждает рассеянна по миру
- 2: И что еще моей там песне радо./ Еще коль жить ей в мире долго надо.
 Und **was** sich sonst dort **an meinem Lied erfreut**,/ **Wenn es** in der Welt **noch lange leben soll**.
- 3: А те, кому моя звучала лира./ Кто жив ещё, - рассеяны средь мира.
 Und **diejenigen**, denen meine Lyra klang, / **Wer lebt noch - zerstreut** in der Welt.
- 4: А прежние ценители и судьи/ Рассеялись, кто где, среди безлюдья.
 Und **ehemalige Schätzer und Richter/ Zerstreuten sich**, wer auch wo unter der Menschenleere.

Итак, в своем посвящении Гёте передает нам свои глубокие и сложные отношения со своим произведением и с его персонажами, которых он создал в молодости и которые к тому времени (1797 г.), после почти двадцати пяти лет, преследуют его, настигают его и заставляют его возвращаться к ним снова и снова, что всегда означает

для него духовное возвращение к своей юности (см. выше заметки Гёте во время поездки в Италию).

В стихотворных строках (**L 4.5, 1.**) Гёте обеспокоен судьбой **его произведения** в потомстве по сравнению с его бывшими друзьями-читателями (не без обоснования, если учесть эти переводы канонистов), если **оно** еще долгое время «блуждает, **рассеянное** по миру». А о чем говорят канонисты? Все еще о бывших **ценителях и судьях** из начала этой октавы, **рассеянных** в мире.

Можно продолжить такой же сравнительный анализ дальше на примерах многих мест из таблицы приложения 4.6, причем каждый может самостоятельно сравнивать и оценивать содержательное качество переводов без владения обоими языками:

L 4.6

- 1: **Was ich besitze**, seh ich **wie im Weiten**,/ Und **was verschwand**, wird mir **zu Wirklichkeiten**.
Что у меня есть, то вижу я **как вдали**,/ А то, что исчезло, становится для меня реальностью.
- 2: Чем я владею, вижу переходящи как на расстоянии м./ Исчезло что, то вижу настоящим.
Was ich besitze, sehe ich als **das Vergängliche**,/ **Was verschwand**, sehe ich als **das Gegenwärtige**.
- 3: Всё, чем владею, вдали куда-то скрылось;/ Всё, что прошло, - восстало, оживилось!
Alles, **was ich besitze**, verschwand irgendwo **in der Ferne**;/ Alles, **was verging**, **auferstand**, belebte sich wieder!
- 4: Насущное отходит вдаль, а давность./ Приблизившись, приобретает явность.
Das Tägliche geht weg und **das Verjäherte**,/ Sich nähernd, **wird sichtlich**

В то время, как Гёте говорит здесь об изменении взглядов и оценок вещей с годами жизни, один переводит это как экспроприацию (его владение вдаль куда-то скрылось), а другой – как старческую дальнорукость или близорукость (приблизившись, приобретает явность).

Такие же октавы с окончательными максимами (2x8ja⁵[AbAbAbCC]) вкладывает Гёте в уста поэта в «Прелюдии в театре», вероятно, чтобы подчеркнуть его классически возвышенный язык как поэта [27: 10], [30: 31]:

L 4.7

- 1: Wo **Lieb und Freundschaft unsres Herzens Segen**/ Mit Götterhand erschaffen und erpflegen.
Где любовь и дружба нашего сердца благословение/ Созданные и взлелеянные рукой богов.
- 2: Где дружба и любовь для сердца благо./ Созданное, взлелеянное Богом.
Wo Freundschaft und Liebe des Herzens Segen,/ Erschaffen und erpflegt vom Gott.
- 3: Там, только там божественною властью/ Любовь и дружба нас приводит к счастью.
Dort, nur **dort führt uns** durch die göttliche Macht/ **Die Liebe und Freundschaft zum Glück**
- 4: Туда, где божьей созданы рукою/ Обитель грез, святилище покоя.
Dorthin, wo mit Gotteshand erschaffen/ **Der Hort der Träume, der Altarraum der Ruhe**.

Простое, общепризнанное утверждение Гёте о том, что любовь и дружба – это благословение наших сердец, изменено Холодковским до такой степени, что обе находятся на небесах и нас только там приведут к счастью. У Пастернака любовь и

дружба исчезают совершенно, и вместо этого он несет что-то непонятное (обитель грез) или примитивное (святилище покоя – как кладбище человеческих душ?) о небе.

Это соотношение с оригиналом типично для обоих канонистов: Холодковский уже изрядно отклоняется от оригинала, потому что он в своих поэтических стараниях не справляется с содержанием Гёте, несмотря на все его удлинения стихотворных строк и даже строф. Пастернак отклоняется полностью от оригинала и поэтически, и содержательно, потому что он либо изменяет версию Холодковского, либо просто ревниво противопоставляет свои «гениальные» мысли мыслям гения Гёте. Поэтический и содержательный результат у обоих обычно довольно убогий.

Во второй октаве:

L 4.8

- 1: **Was glänzt**, ist für den Augenblick geboren,/ **Das Echte** bleibt der Nachwelt unverloren.
Что блестит, рождено для мига./ Подлинное же остается для потомков не потерянным.
- 2: Сверкает что, то рождено для мига./ А сущее – для будущего мира.
Was glänzt, ist für den Augenblick geboren,/ Und **das Wesentliche** – für die künftige Welt.
- 3: Мишурный блеск - создание вероломства./ Прекрасное родится для потомства!
Der Talmiglanz – *die Schöpfung des Verrats(?)*./ **Das Schöne** wird für die Nachwelt geboren!
- 4: Наружный блеск рассчитан на мгновение./ А **правда** переходит в поколения.
Der Außenglanz ist für einen Moment ausgelegt./ **Die Wahrheit** geht in die Nachwelt über.

Поэт (Гёте) излагает свою философскую версию тавтологии: Не все золото, что блестит. Канонисты превращают «подлинного» или «существенного» в «прекрасное» или в «правду», а Холодковский, ради блестящей рифмы (вероломства/ потомства), вводит, вдруг, нечто бессмысленное и у Гёте вовсе не присутствующее как «создание вероломства».

Дальнейшие выдержки с мудростями, которые меня очень привлекли и впечатлили, как, например, возмущение дьявола беспокойностью и любопытством людей в «Прологе в небе» [27: 17], [30: 53]:

L 4.9

- 1: Und läg er nur noch immer in dem Grase!/ **In jeden Quark begräbt er seine Nase.** (ja⁵[AA])
И лежал бы он только все еще в траве!/ В любой творог зарывается он носом.
- 2: Всегда в траве лежали б эти люди!/ Суют свой нос они всегда и всюду. (ja⁵[AA])
Lägen diese Menschen immer im Gras!/ **Sie stecken ihre Nase immer und überall hinein.**
- 3: И пусть ещё в траве сидел бы он уютно, –/ Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно. (ja⁶[AA])
Und würde er noch im Gras bequem sitzen./ Doch nein, **er steigt direkt in Dreck hinein** minütlich.
- 4: О, если б он сидел в траве покоса/ И во все дразни не совал бы носа! (ja⁵[AA])
Oh, wenn er im Gras des Mähens säße/ Und **seine Nase in jedes Gezänk nicht stecken würde!**

Совершенно неожиданным является это возмущение дьявола любопытной и хаотичной неутомимой деятельностью человека, хотя это скорее его смысл и роль – привести к

хаосу божественный порядок! Интерпретации канонистов снова странны! Дьявол бранит человеческое любопытство (сует свой нос повсюду), что, кстати, свойственно ученым и ведет людей вперед, и это раздражает дьявола. Он не бранил бы людей, если бы они сами «лезли прямо в грязь» (Холодковский) или «совал бы нос во все дрязги» (Пастернак).

Блестящей является мудрость Весельчака из «Прелюдии в театре» [27: 13], [30: 41] о человеческой жизни как театрально-драматическом источнике и о том, как мало людей анализируют и осмысливают свою жизнь, чтобы достичь тем самым с годами жизни своей мудрости (моя интерпретация и мой опыт [4]):

L 4.10

- 1: Greift nur hinein ins volle **Menschenleben**! Ein **jeder lebt's**, **nicht vielen** ist's **bekannt**
Только черпай из полной жизни людской! Все ее живут, мало кому она известна
- 2: Людская жизнь для вас источник полный! Всяк жизнь живет, не всяк ее постиг
Das **Menschenleben** ist für Euch volle Quelle! **Jeder lebt** das Leben, **nicht jeder hat es begriffen**
- 3: Всяк испытал, конечно, чувства эти, Но редкий знает, сколько в них чудес
Jeder erlebte natürlich **diese Gefühle**, Doch **kaum jemand weiß**, wie viele **Wunder** sie beinhalten.
- 4: Из гущи жизни загребайте прямо, Не каждый сознает, чем он живет
Schöpft direkt aus dem **Lebensdickicht**, **Nicht jedem ist es bewusst, womit er lebt**

Именно эта непосредственно к моей интерпретации (каждый живет, но не каждый достигает жизненной мудрости) ведущая мысль Гёте (Все ее живут, мало кому она известна) размазана канонистами, завуалирована и потеряна.

Эта мысль также преобладает в следующем отрывке, где тот «готов», кто не понимает и не хочет понимать жизнь, а «становящийся» есть тот, кто через свое понимание жизни становится, в конечном итоге, мудрым человеком. Но кто эту основную идею не понимает, тот не получит ее готовой и превращает «готового» в «пожившего» (Холодковский) или «взрослого» (Пастернак), а «становящегося» в «еще незрелого» или «еще растущего»:

L 4.11

- 1: **Wer fertig ist**, dem ist nichts recht zu machen; **Ein Werdender** wird immer dankbar sein. (ja⁵[Ab])
Кто **готов**, того ничем не удовлетворишь, Тот кто в **становлении** будет всегда благодарен
- 2: Тому, **готов** кто, трудно дать утеху, Лишь **становящийся** подвластен вам. (ja⁵[Ab])
Es ist schwierig dem Freude zu geben, **wer fertig ist**, **Ein Werdender** ist Euch nur unterwürfig.
- 3: **Кто пожил**, на того не угодишь ничем, А тот, **кто не созрел**, доволен будет всем! (ja⁶[aa])
Wer gelebt hat, den stellt man mit nichts zufrieden, Und **wer nicht reif ist**, wird mit allem zufrieden sein!
- 4: **Кто вырос**, тот утрюм и привередлив, **Кому еще расти**, тот все поймет. (ja⁵[Ab])
Wer aufgewachsen ist, ist düster und wählerisch, **Wer noch wächst**, wird alles verstehen.

И как кульминацию этой мудрости жизни я воспринял пояснение Весельчака о старости, как его ответ поэту, требующему свою юность назад [27: 14], [30: 45]:

L 4.12

- 1: **Das Alter macht nicht kindisch**, wie man spricht,/ **Es findet uns** nur noch **als wahre Kinder**.
Старость не делает нас ребячливыми, как говорят,/ Она находит нас лишь как истинных детей.
- 2: **Не старость нас ввергает в детства толк**,/ **Мы к старости** лишь **истинные дети**.
Nicht das Alter stürzt uns in die Kindheit,/ **Wir sind zum Alter** nur die **wahre Kinder**.
- 3: **Что старость в детство нас приводит** – пустяки: / **До самой старости мы – дети**, вот в чём дело!
Dass uns **das Alter in die Kindheit führt**, ist Kleinigkeit;/ **Wir sind Kinder bis zum Alter**, darum geht es!
- 4: А изречение, **будто старец хилый/ К концу впадает в детство**, – клевета,/ Но все мы дети до самой **могилы**.
Und das Sprichwort, als ob der **gebrechliche Greis/ Am Ende in die Kindheit fällt**, ist Verleumdung,/ Doch **wir alle sind Kinder bis zum Grab**.

И, восприняв это так, я сразу взял эту строфу как эпиграф переводчика к моему переводу «Евгения Онегина». Эти мысли подтверждают также высказывание Пикассо, процитированное мной выше.

То, что люди «дети до старости» (Холодковский) или «дети до могилы» (Пастернак), – это очередная чушь канонистов, которые объявляют «пустяком» (Холодковский) или «клеветой» (Пастернак) склероз или слабоумие, обусловленные старостью – которым Гёте противопоставляет здесь свободы и преимущества старости – и подменяют их общей пожизненной инфантильностью людей.

Самое известное и ходовое высказывание директора:

L 4.13

- 1: **Der Worte sind genug** gewechselt,/ **Laßt** mich auch **endlich Taten sehn**;
Слов было обменено **достаточно**,/ **Дайте мне**, наконец, дела увидеть
- 2: **Словесных хватит** экскрементов,/ Пора и к делу **приступать**.
Genug der verbalem Exkrementen,/ Es ist Zeit **zur Tat zu schreiten**.
- 3: **Довольно слов**, довольно споров,/ (...) / **Пора за дело** взяться нам
Genug mit Worten, genug mit Streitigkeiten,/ / Es ist Zeit für uns **Geschäft zu machen**
- 4: **Довольно болтовни** салонной. / (...) / Могли б мы **к путному прийти**.
Genug mit dem Salongequatsche,/ (...) / Könnten wir **zu Nützlichem kommen**.

настолько просто и ясно, что даже канонисты перенесли его более (Холодковский) или менее (Пастернак) эквивалентно на русский язык, если даже и с типичными для них нарушениями поэтической структуры оригинала.

Не менее известен в немецкоязычной среде является монолог Фауста в сцене «Ночь», который, однако, злоупотребляется некоторыми из выше дискутированных «готовых» в том смысле, что учеба и обучение ничего не принесут:

L 4.14

- 1: **Da steh** ich nun, **ich armer Tor!**/ Und **bin so klug als wie zuvor**; (ja⁴[aa])
Теперь **стою тут я**, бедный **дурак!**/ И я так же **умен**, как **раньше**;
- 2: Теперь **я тут**, смешной **болван!**/ **Умен** как **прежде** и **профан**. (ja⁴[aa])
Nun **bin ich da**, **lächerlicher Dummkopf!**/ **Wie zuvor klug und ein Nichtswisser**
- 3: И **не умней** я стал в конце **концов**/ **Чем прежде был** (...) **Глупец** я из **глупцов**! (ja⁵[aa])
Und am Ende **bin ich nicht klüger geworden**,/ Als ich es früher war (...)

Ich, ein Dummkopf von Dummköpfen!

4: Однако **я** при этом всем/ **Был и остался дураком.**

(ja⁴[aa])

Allerdings, bei alldem,/ **War und bleibe ich ein Dummkopf.**

Фауст называет себя «жалким дураком», который, несмотря на все свои студенческие и докторантские успехи, не стал более умным, «чем прежде», причем здесь имеется ввиду, скорее, недостающая жизненная мудрость, определенная уже в L 4.10. Холодковский сразу объявляет его за «глупца из глупцов!». Пастернак идет еще дальше, утверждая, что доктор всегда «был и остается дураком».

Я не знаю, может быть, я слишком мелочен в своем сравнительном анализе, и ни один читатель не замечает этих, на первый взгляд, незначительных различий. Но здесь речь идет о научно обоснованном учение о поэтическом переводе, которое ставит квинтэссенцию и подлинность поэтического перевода как приоритетную цель, особенно в таких, касающихся воспитания случаях, где извращенный перевод превращается в пропаганду бессмысленности или даже вреда образования!

Следующая максима Гёте [27: 22], [30: 67] объясняет лучше всего произвол не столь «духовных» (geistigen) канонистов:

L 4.15

- 1: Die Geisterwelt ist **nicht verschlossen**/ **Dein Sinn ist zu, dein Herz ist tot!** (ja⁴[Ab])
Мир духов **не закрыт**/ **Твой ум закрыт, твоё сердце мертво!**
2: Мир духов **вовсе не закрыт нам**/ **Твой мозг закрыт, душа мертва!** (ja⁴[Ab])
Die Welt der Geister ist für uns gar **nicht verschlossen**/ **Dein Gehirn ist verschlossen, die Seele ist tot!**
3: В мир духов нам доступен путь/ Но ум твой спит, изнемогая, (ja⁴[aB])
Der Weg in die Welt der Geister ist uns verfügbar/ Aber dein Geist schläft, erschöpft,
4: Мир духов рядом, **дверь не на запоре**/ Но сам ты слеп, и все в тебе мертво. (ja⁵[aB])
Die Welt der Geister ist nah, die Tür ist nicht unterm Riegel/ Aber du selbst bist blind und alles in dir ist tot.

У одного (Холодковский) «**спит ум, изнемогая**» (от чего – от его перевода без «смысла»?); Другой (Пастернак) – «**слеп**» (я же сказал – он, похоже, не способен ни видеть, ни понимать формы Гёте) и «**все в нем мертво**».

Следующее утверждение Гёте (Фауста) [27: 25], [30: 81]:

L 4.16

- 1: Es trägt **Verstand und rechter Sinn**/ **Mit wenig Kunst** sich selber vor! (ja⁴[ab])
Понимание и здравый смысл докладывают/ Себя сами без большого искусства!
2: **Ум и понятие докладывают/ Себя** и без искусства в том! (ja⁴[ab])
Verstand und Vernunft tragen / Sich selber vor, auch **ohne Kunst** darin!
3: Когда есть ум и толк в словах у нас,/ Речь хороша и без прикрас. (ja⁴[aa])
Wenn es bei uns Sinn und Verstand in Worten gibt,/ ist Rede gut auch ohne Verzierungen.
4: Учитесь честно достигать успеха/ И привлекать благодаря уму/ (ja⁵[AbAb])
А побрякушки, гульки, как эхо,/ Подделка и не нужны никому.
Erlernen Sie, Erfolg ehrlich zu erzielen/ Und ziehen dank ihres Geistes an.
Ein wie ein Echo hohler Klimbim/ Ist eine Fälschung und niemand braucht sie.

я могу в этом смысле непосредственно перенести на его «Умом и понятием» (Приб, Гёте) отчеканенное произведение и его канонические переводы, которые поставляют, несмотря на множество «прикрас» (Холодковский), «побрякушек» (Пастернак) и раздутых форм (здесь даже укорочиватель Пастернак нуждается четыре стихотворные строки, вместо двух в оригинале, чтобы по настоящему размазать исходный смысл), лишь малую долю смысла оригинала в русском переводе и лишь «подделку, которая не нужна никому» (Пастернак)

От следующего отрывка, в котором речь идет о том, что прогресс человечества происходит благодаря лишь немногим людям, а оставшейся «чернью» скорее отвергается, у меня пошли мурашки по коже из-за его правдивости и актуальности в наше время, когда «**чернь**», с распятиями и сжиганиями снова марширует по всей Европе:

Таблица 4.9. Выхолащивающие фальсификации «канонистов»

Гёте [27: 26] Die wenigen , die was davon erkannt, 10a Die töricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten, 11B Dem Pöbel ihr Gefühl, ihr Schauen offenbarten, 13B Hat man von je gekreuzigt und verbrannt. 10a 4ja ^{5,6} [aBBa] Тех немногих, кто что-то из того узнал, Кто достаточно глупо свое полное сердце не сдерживали, Черни свои чувства, взгляды открывал, Всегда еще распинали и сжигали.	Х-кий [28: 2015] Где те немногие , кто век свой познавали, 13A Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали, 11A С безумной смелостью к <u>толпе</u> навстречу шли? 12b Их распинали , били, жгли... 8b 4ja ^{4,5,6} [AAbb] Wo sind die wenigen , die ihr Jahrhundert erkannten, Weder ihre Gefühle noch ihre Gedanken verbargen , Mit wahnsinnigem Mut <u>der Menge entgegen</u> gingen? Sie wurden gekreuzigt , geschlagen, verbrannt ...
Приб [30: 85] Немногие , кто часть о том узнал, 10a Кто глупо свое сердце не падали, 11B И черни свои чувства и свой взгляд открыли, 13B Тех всякий раз костер и крест лишь ждал. 10a 4ja ^{5,6} [aBBa] Die wenigen , wer Teil davon erkannte, Wer töricht ihre Herzen nicht verschonte, Und dem Pöbel ihre Gefühle und ihre Ansichten offenbarte, Auf die Feuer und Kreuz jedes Mal <u>warteten</u> .	И-ак [29: 2015] Немногих , проникавших в суть вещей 10a И <u>раскрывавших</u> всем души <u>скрижали</u> , 11B Сжигали на кострах и распинали , 11B Как вам известно, с самых давних дней. 10a 4ja ⁵ [aBBa] Die wenigen , zur Essenz der Dinge durchdringenden Und ihren Seeleninhalt allen öffneten , Wurden auf dem Scheiterhaufen verbrannt und gekreuzigt . Wie euch bekannt von den frühesten Tagen.

Оба канониста избегают понятия «чернь», которое и сегодня также не считается политически корректным понятием, и ослабляют тем самым это противопоставление и всю силу высказывания Гёте.

На философском фоне Гёте воспринимается (мной, во всяком случае) также простые утверждения как максимы, подобные этой, где Фауст жалуется на то, что Дух Земли оставил его [27: 27], [30: 87]:

L 4.17

- 1: Hab ich **die Kraft dich anzuziehen** besessen,/ So hatt ich **dich zu halten keine Kraft**. (ja⁵[Ab])
 Как у меня достало силы тебя привлечь./ Так не было у меня силы тебя удержать.
 2: Привлечь тебя мояхватила сила./ Но не сдержать, чтобы побыть двоим. (ja⁵[Ab])
 Um **dich anzuziehen**, hatte ich Kraft genug./ Doch nicht zu halten, um zuzweit zu sein.
 3: Тебя я вызвать мог тоскующей душою./ Но удержать тебя я силы не имел. (ja⁶[Ab])
 Ich konnte dich mit sehnstüchtiger Seele herbeirufen./ Doch ich hatte nicht die Kraft, dich zu behalten.
 4: Я мог тебя прийти заставить./ Но удержать тебя не мог. (ja⁴[Ab])
 Ich konnte dich zum Kommen zwingen./ Doch ich konnte dich nicht festhalten

Кого, кроме Фауста, интересует этот Дух Земли? Однако если посмотреть на это с точки зрения человеческой болезненной истории любви, где мы должны мучительно признать, что никакая сила не может удерживать любовь и счастье, то это утверждение приобретает общий смысл, но только в оригинале и моем переводе. У канонистов трудно представить, что «вызвать» (Холодковский) или «прийти заставить» (Пастернак), вместо «anzuziehen» (привлечь – Гёте, Приб), может иметь какое-либо отношение к любви.

Имел ли Гёте в виду мою интерпретацию, я не стану утверждать. Но его поэтический язык допускает такие разнообразные интерпретации, даже провоцирует и мотивирует к ним. Этот пример является еще одним категорическим призывом близости к оригиналу! Отклонения переводов канонистов может быть не столь серьезны и даже лучше соответствуют истории с Духом Земли, но в то же время уничтожают любую возможность интерпретации и вдохновения, которые свойственны поэзии и которыми поэзия живет.

Конечно, в поэтическом переводе нельзя избежать неких отклонений от оригинала. Но преднамеренные и ненужные фальсификации, как в следующем примере, непростительны и непонятны для меня:

Таблица 4.10

Гёте [27: 28]	Х-кий [28: 2015]
FAUST Was grinstest du mir, hohler Schädel , her? 10a Als daß dein Hirn , wie meines , einst verwirret 11B Den leichten Tag gesucht und in der Dämmerung schwer, 12a Mit Lust nach Wahrheit, jämmerlich geirret. 11B 4ja ^{5,6} [aBaB]	Фауст: Ты, череп , что в углу <u>смеёшься надо мной</u> , 12a <u>Зубами белыми сверкая?</u> 9B Когда-то, может быть, <u>как я, владелец твой</u> 12a Блуждал во тьме , рассвета ожидая! 11B 4ja ^{4,5,6} [aBaB]
Что ты ухмыляешься мне, полый череп? Как будто твой мозг, как и мой, растерянно однажды Искал легкого дня и в потемках тяжело, Желая истины, убого блудил.	Du, der Schädel , warum lachst du <u>in der Ecke</u> über mich, Mit weißen Zähnen blitzend? Es war <u>einmal</u> , vielleicht, <u>dein Besitzer wie ich</u> <u>Irrte in der Dunkelheit</u> , auf die Morgendämmerung wartend!
Приб [30: 91]	П-ак [29: 2015]
ФАУСТ: Что хмылишься ты, череп полый , мне? 10 а Как будто мозг твой, как и мой сомненный , 11В	Фауст Ты, голый череп посреди жилья! 10а На что ты намекаешь, зубы скаля? 11В

Дня легкого ища, во тьме, как в тяжком сне, 12a Блудил убого, жажда правды бренной. 11B 4ja ⁵ {aBaB}	Что твой владелец, некогда, как я, 10a Искавший радости, блуждал в печали? 11B 4ja ⁵ {aBaB}
Was grinst du, hohler Schädel , mir? Als ob dein Gehirn , wie auch mein zweifelhaftes, Nach leichtem Tag suchend, in Dunkelheit , wie in schwerem Traum, Jämmerlich irrte , verschmachtet nach sterblicher Wahrheit .	Du, der <u>nackte Schädel</u> <u>mit</u> ten im Haus! Was deutest du an, fletschend? Dass <u>dein Besitzer einmal</u> , <u>wie ich</u> , Auf der Suche nach Freude, in Trauer irrte?

Канонисты спалили здесь две первые стихотворные строки для описания ухмыляющегося черепа с указанием его отсутствующих в оригинале координат в комнате. Для философской сущности, выраженной Гёте в трех оставшихся, у обоих тогда осталось только две строки, в которых они несут нечто совершенно чуждое оригиналу, как, например, «твой владелец(?)» (Холодковский и списывающий все его ошибки Пастернак!), который «рассвета» (Холодковский) или «радости» (Пастернак), вместо «легкого дня», как «мозг» Фауста (Гёте, Приб), искал, «в печали» (Пастернак) вместо «в сумерках» блуждая. Для самого философски существенного в этих четырех строках – «желания истины» у канонистов не нашлось уже ни места, ни желания.

Это не просто подмена слов, допустимая в поэтическом переводе, а уничтожение присутствующей у Гёте повсеместно подоплеку: «желанье истины» – это вечная человеческая проблема, которая привела человека к Богу как единственной абсолютной истине, и что Мартин Лютер при обнародовании своих тезисов провозгласил как мотив в то время (XVI век), в котором разыгрывается трагедия. Замена этого на «ожидание рассвета» или «поиски радости» – это вершина выхолащивания и опошления, предпринятых канонистами в их переводах.

Совершенно непостижимо для меня, почему оба, полностью освободившись от принуждения следовать оригиналу поэтически, чтобы балансирование между поэтическим и содержательным не означало, уклоняются от оригинала содержательно даже больше, чем поэтически. Холодковский, похоже, перевел «Hirn» (Gehirn – мозг) как «Негг» (господин, владелец), что абстрактно-поэтически может даже как-то соответствовать, если бы это соответствовало оригиналу Гёте. Пастернак однозначно и как всегда списывает эту явную языковую ошибку у Холодковского, поскольку у Гёте ничего подобного нет. Важное обозначение «полый череп» отсутствует в переводе Холодковского вовсе, так что Пастернак должен сам, по-видимому, без словаря и без всякого смысла вымучить «**лысый** череп».

Я бы даже сказал, что Гёте в его двусмысленности имел ввиду «**пустой** череп» как безмозглость людей (или даже его переводчиков!), которые насмехаются (**хмылятся**)

над душевными страданиями, заблуждениями и волнениями интеллектуалов в их поисках истины! Таким образом, и здесь у русскоязычных читателей украдена канонистами свобода толкования поэзии ортгтнала.

Одна из максим из моего собственного опыта гласит: «Помощь другим людям – это чистый эгоизм, поскольку это делает, прежде всего, помогающего счастливым!». Это делало меня снова и снова счастливым, когда я находил подтверждение таким моим максимам у Гёте («Перед воротами», пение нищего) [27: 34], [30: 111]:

L 4.18

- 1: Nur der ist **froh, der geben mag.**
Только **тот рад, кто может дать**
- 2: Лишь **кто дает, живет отратно.**
Nur **wer gibt, lebt glücklich**
- 3: Лишь тот **блажен, кто может дать.**
Nur diejenige ist **gesegnet, der geben kann.**
- 4: Рука дающего легка.
Die Hand des Gebers ist leicht.

Одна простая и просто выраженная библейская мудрость, которую трудно исказить. И здесь можно также заметить небольшую разницу между Холодковским и Пастернаком. Холодковский стремится сохранить содержание оригинала в рамках своих возможностей, особенно в религиозных вопросах. Для Пастернака же ничего не свято! Что означает у него «легкая рука»? Считает он, что рука дающего расточительна?

Кстати, различные каденции у меня и Гёте в этом примере не должны никого сбивать с толку – я всего лишь переставил строки, чтобы совместить поэтическое и содержательное:

<i>Laßt hier mich nicht vergebens leiern! 9A</i>	Лишь кто дает, живет отратно. 9A
Nur der ist froh, der geben mag. 8b	<i>Пусть я не зря средь вас бубню! 8b</i>
<i>Ein Tag, den alle Menschen feiern, 9A</i>	Пусть он мне будет сбора праздник. 9A
Er sei für mich ein Erntetag. 8b	<i>Вы все так рады сему дню. 8b</i>

Это также один из ремесленных приемов, которые я использую снова и снова в своих переводах.

Тенденция Пастернака примитивизировать философские мысли Гёте и сглаживать глубины и высоты Гёте повсюду доказуема, как и здесь (сцена «Перед воротами», Фауст) [27: 36], [30: 119]:

L 4.19

- 1: Hier ist des Volkes wahrer Himmel,/ Zufrieden jauchzet groß und klein:/
Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein! (ja⁴[Abb])
Здесь истинное небо народа,/ Довольны ликуют и большой, и малый:/

- Здесь я человек, здесь мне разрешено им быть!**
- 2: Здесь высь небес всем неземная./ В довольстве здесь и стар и мал:/
Я человек здесь, здесь им стал! (ja⁴[Abb])
 Hier ist die nicht irdische Himmelshöhe,/ In Zufriedenheit hier alt und jung:/
 Ich bin hier Mensch, hier bin ich's geworden!
- 3: Тут истинный рай им! Ликуют селяне,/ И старый и малый, в весёлом кругу./
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу! (am⁴[Abb])
 Hier ist wahres Paradies für sie! Die Dorfbewohner freuen sich,/
 Wie alt so klein, in fröhlichem Kreis./ Hier bin ich erneut Mensch, ich kann's hier sein!
- 4: В деревне пляшут мужики./ Как человек, я с ними весь:/
Я вправе быть им только здесь. (ja⁴[abb])
 Im Dorf schwingen Bauern die Beine./ Als Mensch bin ich bei ihnen als Ganze:/
 Ich habe das Recht, nur hier's zu sein.

Это следующий пример смыслового содержания и силы поэзии, которые стимулируют в каждом читателе собственное воображение и свободу интерпретации, так что каждый чувствует в итоге своё.

Это чувство Фауста я испытал здесь, когда я, после моей в течение почти сорока лет униженной и уничтоженной жизни в СССР, приехал в Германию и увидел достойную жизнь и достойные празднования немцев. **Здесь я почувствовал себя человеком, здесь мне гарантировано право (§1 лучшей Конституции мира!) им быть!** Наконец-то вон из убогой, бесправной, бесперспективной жизни социалистического реализма, чьим представителем является Пастернак в своем переводе «Фауста» – из первобытной жизни советских, пьяных и «пляшущих мужиков», которыми Пастернак в этой сцене подменяет достойных немецких граждан Франкфурта, и здесь он «с ними весь». Здесь нет свободы воображения и интерпретации, все плоско и примитивно, как и в следующем двусмысленном примере [27: 42], [30: 141]:

L 4.20

- 1: Du hast wohl recht; ich finde **nicht die Spur/ Von einem Geist, und alles ist Dressur.** (ja⁵[aa])
 Ты прав и впрямь; Я не нахожу и следа / Какого-либо духа, и все лишь дрессировка.
- 2: Ты прав. **От духа нет в нем и следа./ Одна лишь дрессировка,** как всегда. (ja⁵[aa])
 Du hast recht. Von Geist gibt's bei ihm keine Spur, / Alleine nur Dressur wie immer.
- 3: Ты прав, я ошибался. Да:/ **Всё дрессировка тут, а духа ни следа.** (ja^{4,6}[aa])
 Du hast recht, ich irrte mich. Ja:/ **Alles Dressur hier, und keine Spur von Geist.**
- 4: Да, он **не оборотень**, дело ясно./ К тому же, видно, **вышколен прекрасно.** (ja⁵[AA])
 Ja, er ist **kein Werwolf**, es ist klar. / Zudem ist es sichtbar, er ist **perfekt geschult.**

Ну да! Так можно сказать о животном, но, к сожалению, и о многих людях, таких как советские «мужики» или даже о переводчике «Фауста» Пастернаке, который, вдруг, игнорирует почти дословный в этот момент перевод Холодковского и тут же полностью теряет нить к оригиналу. Самую суть, а именно: перфектно введенное Гёте противопоставление духа и дрессировки, Пастернак подменяет своей примитивностью и даже решает это противопоставление в пользу советской дрессировки (вышколен прекрасно). Это очевидный случай самоцензуры во времена Сталина (до 1953 года),

которая, собственно, приписывается Ходковскому при переводе религиозных тем, что я, кстати, подтвердить не могу.

Свобода толкования и потенциал обобщения поэзии Гёте привели к тому, что многие изречения из «Фауста» стали пословицами и идиомами в немецком языке, как эта [27: 46], [30: 155]:

L 4.21

- 1: Das also war **des Pudels Kern!**
Так вот была в чем, значит, пуделя суть!
2: Так вот была в чем пудля суть!
Darin war also des Pudels Kern!
3: Так вот кто в пуделе сидел:
Der, also, im Pudel saß:
4: Вот, значит, чем был пудель начинен!
Damit war, also, der Pudel ausgestopft?

Это сравнимо с «Эврикой» Архимеда, если рассматривать пуделя как проблему, суть которой, наконец-то, понята. Соответствующая пословица на русском языке звучит: «Так вот где собака зарыта», а не «в пуделе сидел» (Ходковский) или «пудель начинен» (Пастернак).

Фантастические картины Большого Взрыва («Big Bang») поставляет Мефистофель, представляясь Фаусту [27: 47], [30: 159], которые постепенно беднеют у Ходковского и Пастернака:

L 4.22

- 1: Ich bin ein Teil des Teils, der anfangs alles war,/ Ein Teil der **Finsternis**, die sich das Licht gebär, (ja⁶[aa])
Я часть той части, что начально всем была,/ Часть той Тьмы, которая себе Свет родила,
2: Я ж часть той части, что в начале всем была,/ Часть Тьмы, что Свет себе когда-то родила (ja⁶[aa])
Ich bin ein Teil des Teils, was anfangs alles war,/ Ein Teil der **Finsternis**, die sich das Licht einst gebär.
3: А я - лишь части часть, которая была/ В начале всё, той тьмы, что свет произвела, (ja⁶[aa])
Und ich bin ein Teil des Teils, welcher war/ Alles am Anfang, der **Finsternis**, die das Licht erzeugte
4: Я - части часть, которая была/ Когда-то всем и свет произвела, (ja⁵[aa])
Ich bin des Teiles Teil, welcher war/ Einst alles und **das Licht erzeugte**

Холодковский переводит «Licht gebär» (свет родила) как «свет произвела» (Licht erzeugte, produzierte), а Пастернак списывает, как всегда, у Холодковского «свет произвела», вместо «свет родила», как у Гёте, и, таким образом, выпускает мать «Тьму» как жертву его укорочения стихотворных строк вообще.

Еще один яркий пример обобщения у Гёте [27: 71], [30: 249] и примитивизации, и опошления у канонистов:

L 4.23

- 1: O nein! die Kraft ist schwach, allein die Lust ist groß. (ja⁶)
О, нет! Сила слаба, но желание велико.

- 2: О нет! Желанья много, силы же до слез. (ja⁶)
 О nein! Die Lust ist groß, doch die Kraft ist knapp.
 3: Охота есть, да невелик талант. (ja⁵)
 Die Lust ist da, doch das Talent ist nicht so groß.
 4: Любитель, но почти что безголос. (ja⁵)
 Ein Amateur, aber fast ohne Stimme.

Что за известная всем человеческая проблема во всяческих жизненных ситуациях! Но канонисты узколобо редуцируют эту мудрость конкретно на певчие способности Мефистофеля.

Гёте представляет прекрасно и точно, как всегда, человеческую природу и человеческие инстинкты [27: 104], [30: 399]:

L 4.24

- 1: So tauml ich **von Begierde zu Genuß**,/ Und **im Genuß verschmacht ich nach Begierde**.
 Поэтому я колеблюсь от вожделения к наслаждению,/ И в наслаждении я томлюсь по вожделению.
 2: **От вожделенья я к усладе гнусь/ А от улады снова к вожделенью.**
Von der Begierde zum Genuss ich neige/ Und **vom Genuss zur Begierde** wieder .
 3: Я, наслаждаясь, страсть свою тушу/ И наслажденьем снова страсть питаю.
 Ich, genießend, lösche meine Leidenschaft/ Und füttere die Leidenschaft mit dem Genuss.
 4: И я то жажду встречи, то томлюсь/ Тоскою по пропавшему желанью.
 Und ich mal durste nach einem Treffen, mal schmachte/ An Sehnsucht nach verlorenem Verlangen.

В этом месте я предоставляю комментарии моим читателям, которые между делом хорошо обучены анализу и прекращаю с каноническими примерами, которые можно было бы продолжать бесконечно.

Таким образом, оба канониста были неспособны и не готовы (особенно Пастернака) либо из-за плохих знаний немецкого языка, либо из-за преступных халатности и невежества перенести квинтэссенцию трагедии на русский язык.

4.6 К душевному состоянию Гёте

Многолетнее сопровождение его произведения развило у Гёте сентиментальные личные чувства к нему, которые он задокументировал в своих письмах (§ 4.1), а также показывает в посвящении, как обсуждалось выше (4.6), L 4.5, L 4.6, L 4.8. Но отношения между Гёте и его произведением были намного сложнее. «Фауст» занимал Гёте на протяжении большей части его жизни. Хотя Гёте во время длительных перерывов отвлекался от «Фауста» и работал над своими другими произведениями, «Фауст» преследовал его на заднем плане постоянно.

Гете рос и созрел в эти десятилетия как поэт, драматург и философ вместе со своими «Фаустом», и «Фауст» отражает этот процесс. Проведенное выше сравнение «Пра-Фауста» с «Фаустом» (Таблица 4.2) уже показало поэтическое развитие Гёте.

Полную концепцию, как спор между Господом и Мефистофелем, дал трагедии только «Пролог в небе», написанный в конце.

«Прелюдия в театре», написанная так же в конце, классифицирует трагедию в искусстве как – по представлениям поэта – возвышенную театральную пьесу, чья художественная судьба в потомствах беспокоит Гёте в «Посвящении», уже упоминавшемся и анализируемом несколько раз. Эти более поздние части трагедии являются поэтически, эмоционально и философски наиболее прекрасными!

Гёте отличает любовь к немецкому языку и к немецким землям, которую также можно почувствовать и вычитать в «Фаусте», как, например, в словах Фауста [27: 44], [30: 145] (Приложение 4.3, таблица 2):

L 4.25

- 1: Das heilige Original/ **In mein geliebtes Deutsch** zu übertragen. (ja^{4,5}[aB])
Священный оригинал/ В любимый мой немецкий перенести.
- 2: Original iscon святой/ В любимый мой немецкий переделать. (ja^{4,5}[aB])
Das ursprünglich heilige Original/ **In mein geliebtes Deutsch** umzudichten.
- 3: И честно передам я подлинник священный/ Наречью милому Германии родной. (ja⁶[Ab])
Und ehrlich übergebe ich das heilige Original/ Der **lieben Mundart meines**
heimatlichen Deutschlands.
- 4: Я по-немецки все писанье/ Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти./ Как следует перевести. (ja^{4f}[AAbbl])
Ich will die ganze Schrift **auf Deutsch.**/ Keine Mühe scheuend,
Zurückgezogen eingesperrt/ **Ordentlich** zu übersetzen.

Здесь очевидна типичная схема отклонений двух канонистов от оригинала: Холодковский смазывает четкое признание Гёте к каким-то «милым наречьям» (каким же – баварскому, гессенскому и другим или все же язык Гёте, на котором написан «Фауст»?). У Пастернака вообще ничего не остается от эмоций Гёте, хотя этот отрывок растянут им до шести стихотворных строк, чтобы уместить туда все не имеющее абсолютно ничего общего с оригиналом дерьмо, типа «не пожалев старанья, уединившись взаперти, как следует перевести».

Столь же скверно обращаются оба «канониста» с любовью Гёте к немецким землям [27: 10], [30: 29]):

L 4.26

- 1: Sagt, was ihr wohl **in deutschen Landen**/ Von unsrer Unternehmung hofft?
Скажите, что ж вы **в немецких землях**/ Ожидаете от нашего предприятия?
- 2: Скажите, что вы ожидали/ **В немецких землях** за успех?
Sagt, was ihr erwartetet/ **In den deutschen Ländern** für einen Erfolg?
- 3: Как ваше мнение: хорошо ли/ Пойдут дела **теперь** у нас?
Wie ist eure Meinung: Ob gut/ Unsere Geschäfte **jetzt** laufen werden?
- 4: **Здесь**, с труппою моей бродячей./ Какой мне прочите успех?
Hier, mit meiner Wandertruppe./ Prophezeit mir welchen Erfolg?

Гёте здесь прямо говорит о немецких землях, поскольку Германия как единое государство не существовала. Были лишь многие отдельные государства, которые образовывали немецкоязычное пространство (Священную римскую империю немецкой нации). И что остается в канонических переводах от «Священной немецкой империи»? Где этот особый «бродячий» (Пастернак) театр? Во Франции, Англии, России? Вместо этого они вводят какие-то бессмысленные информацию о времени (теперь! – Холодковский) и о местоположении (здесь! – Пастернак).

Кстати, в XVI-м веке – время действия трагедии – в немецких землях не было еще такого немецкого бродячего театра, описанного Гёте. Только в XVII-м веке начал развиваться, как реакция на зарубежные театральные труппы, в немецкоязычном пространстве собственный немецкий профессиональный театр, созданный по образцу зарубежных бродячих театров. Это развитие началось с включения немецких актеров в британские труппы, что постепенно привело к чисто немецкоязычным бродячим труппам. Гёте проектирует события своего века в некоторых случаях, таких как, например, некролог в газете, о котором говорит Марта с Мефистофелем, в XVI-й век.

Гёте также почтительно описывает начитанную, если и не особенно изысканную, публику в этих немецких землях [27: 10], [30: 29]:

L 4.27

- 1: Zwar sind sie **an das Beste nicht gewöhnt**,/ **Allein** sie haben **schrecklich viel gelesen**. (ja⁵[aB])
Хотя они не привыкли к лучшему,/ Единственно, они много читали.
- 2: Он все же здесь **изрядно просвещен**,/ **Хотя** ему и **не привычны оды**. (ja⁵[aB])
Dennoch ist es hier ziemlich aufgeklärt,/ Obwohl ihm Oden nicht geläufig sind.
- 3: Прекрасного они, конечно, не поймут,/ Зато начитаны они до пресыщения. (ja⁶[aB])
Das Schöne werden sie, natürlich, nicht verstehen,/ **Aber** sie sind bis zur Sättigung **belesen**.
- 4: Хотя у них не избалован вкус,/ Они прочли неисчислимо много. (ja⁵[aB])
Obwohl der Geschmack bei denen nicht verwöhnt ist,/ Sie haben unzählig **viel gelesen**.

С выражением «ужасно много читали» Гёте с гордостью указывает на то, что многие печатные издания для чтения уже были в обращении в немецких землях, благодаря разработанному немецким ювелиром Йоханом Гуттенбергом около 1440-го года. процессу книгопечатания. Кроме того, в этих немецких землях последовательно ставилось на образование, так что уже ко времени Реформации не только ремесленники и торговцы, но даже многие крестьяне могли читать и писать.

Холодковский извратил слова Гёте «они не привыкли к лучшему» своим утверждением «Прекрасного они, конечно, не поймут» и, таким образом, оклеветал немецкую публику как дураков. Здесь даже Пастернак переводит более прямо «Хотя у них не избалован вкус» и «прочли неисчислимо много», вместо бессмыслиц

Холодковского «начитаны до пресыщения», хотя у обоих до сих пор непонятно, о какой публике «здесь» и «теперь» идет речь: о французской, о калмыцкой?

Я копаюсь в этом так тщательно, потому что эти «канонические» переводы приводят меня как переводчика-новичка в исступление! Конечно, при поэтическом переводе приходится и дозволено импровизировать, но как можно выплескивать всего ребенка, рожденного Гёте: любовь Гёте к немецким землям, к немецкому языку, его мысли, его философию, его исторически-временной фон?

Гёте, как известно, не особо любил евреев (те самые обвиняют его даже в антисемитизме (<http://www.hagalil.com/2014/03/goethe/>). В его «Фаусте» встречается нечто антипатичное в этом направлении только один раз [27: 91], [30: 337]):

L 4.28

- 1: Das ist ein allgemeiner Brauch,/ **Ein Jud und König** kann es auch. (ja⁴[aa])
Это общий обряд, Жид и король могут это тоже.
- 2: Обычай, что с другими схож,/ Жид и король то могут тож. (ja⁴[aa])
Der Brauch, der den anderen ähnlich ist,/ **Ein Jud und der König** können das auch.
- 3: Да, всё берёт она сегодня, как вчера!/ Король и ростовщик — такие ж мастера. (ja⁶[aa])
Ja, alles nimmt sie heute wie gestern!/ **Ein König und ein Wucherer** sind solche Meister.
- 4: Как и всеядец ростовщик еврей/ И главный королевский казначей (ja⁵[aa])
Wie auch **der Allesfresser-Wucherer-Jude** / Und **der königliche Hauptschatzmeister**.

Интересно, как обходятся с этим оба канониста. Холодковский заменяет вполне политически корректно, как тогда, так и сегодня, «жида» (Jud) на «ростовщика», верно ли такое приравнение, я сомневаюсь. Советский еврей Пастернак еще усиливает отрицательное своим «всеядцем ростовщиком-евреем», действуя в типично еврейском стиле, шутить и смеяться сам над собой или сам бранить себя, прежде чем это сделают другие.

Известно также, что у Гёте была проблема с религией. С точки зрения Гёте о человеческой природе можно сделать вывод, что у Гёте скорее была проблема с религиозными институтами и традициями, а не с религией как верой в существование Бога [27: 91], [30: 337]:

L 4.29

- 1: **Die Kirche hat einen guten Magen**,/ Hat ganze Länder aufgefressen/
Und doch **noch nie sich übergessen**; (mix⁴[ABB])
У церкви хороший желудок./ Пожрала целые страны/
И все же никогда не объелась;
- 2: У церкви хороший же желудок,/ Уж целы страны проглотила, (mix⁴[ABB])
Еще ж ни раз не подавилась,
Die Kirche hat einen guten Magen,/ Bereits ganze Länder verschluckt,
Sich niemals ja verschluckt,
- 3: **Желудок**, мол, **хорош у церкви** божьей;/ Немало стран уж слопала она/

И несвареньем всё же не больна. (ja⁶[ABB])

Der Magen ist ja gut bei der Kirche Gottes/ Viele Länder hat sie schon
gefressen/ Und an der Verdauungsstörung leidet trotzdem nicht.

4: А церковь при своем пищеваренье/ Глотает государства, города/

И области без всякого вреда. (ja⁵[ABB])

Und die Kirche bei ihrer Verdauung/ Schluckt Staaten, Städte/ Sowie Gebiete ohne jeden Schaden.

В этом случае «канонистам» удастся передать сатирический взгляд Гёте на алчную церковь, что в переводе Холодковского без всякой самоцензуры, в которой его иногда обвиняют, в тогдашней еще благочестивой России, скорее, удивляет.

Гёте, как и все философы эпохи Просвещения тоже, ставит Человека впереди Бога и помещает Бога, но в то же время и дьявола в самого Человека. Понятно, что все религиозные институты и все священники, толкователи веры, при такой интерпретации излишни. Сам Человек есть и храм Бога и проповедник его веры. И только он один решает исход продолжающейся в нем борьбы между Богом и дьяволом. Но это уже больше моя интерпретации религии, изложенная в моем прозаическом романе «Поезд отправляется», очень схожая с интерпретацией Гёте.

Все эти многочисленные сравнительные таблицы и списки показывают, какими искаженными являются представленные канонистами версии «Фауста» как перенос в русскую культуру. Это оправдывает все заботы и боли Гёте в связи с долгой жизнью его творения в потомствах и раскрывает важность строгих правил поэтического перевода, которые я сформулировал, и какие серьезные последствия для культурного обмена может иметь легкомысленный, дезориентированный перевод без правил на иностранный язык.

4.7 Вопросы и соображения между делом (из «Дневника переводчика»)

Мое восприятие «Фауста» и Гёте, а также связанные с этим откровения, так возбуждали меня во время работы, что я постоянно терроризировал своих близких, вызывая их на дискуссии со мной, пока мой зять, умный и образованный предприниматель, не признался мне: «Что ты хочешь от меня? Я не понимал «Фауста» ни тогда в школе, ни когда-либо потом. Хочешь избавиться от своих эмоций и открытий, записывай их параллельно с твоей работой по переводу! Веди своего рода дневник.». Эта блестящая идея позволяет мне сейчас обсудить все возникавшие у меня вопросы в этом исследовании.

К переводу неясных и неразъяснимых мест

В таблице 4.11 приведено особое место, где я попал в философскую, грамматически неразрешимую дилемму.

Таблица 4.11 Грамматически обусловленная дилемма

<i>Гёте</i> [27: 23]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]
Wie anders wirkt dies Zeichen auf mich ein! 10a Du, Geist der Erde, bist mir näher; 9B Schon fühl ich meine Kräfte höher, 9B Schon glüh ich wie von neuem Wein. 8a Ich fühle Mut, mich in die Welt zu wagen, 11C <u>Der Erde Weh, der Erde Glück zu tragen.</u> 11C Mit Stürmen mich herumzuschlagen 9C Und in des Schiffbruchs Knirschen nicht zu zagen. 11C 8ja ^{4,5} [aBBaCCCC]	Вот знак другой. Он чувства мне иные 11A Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней! 12b Теперь себя я чувствую сильнее –10b Снесу и горе я и радости земные . 13A Как будто бы вином живительным согрет, 12c Отважно ринусь я в обширный божий свет; 12c Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться- 13D И в час крушенья мне ли утрашиться? 11D 8ja ^{5,6} [AbbAccDD]
Как по-другому на меня действует этот знак ! Ты, Дух Земли, мне ближе ; Я уже чувствую свои силы выше, Я уже пылаю, как от нового вина. Я чувствую смелость вступить в мир, Чтобы нести земное горе, земное счастье, Биться со штормами И в кораблекрушеньях не робеть.	Hier ist ein anderes Zeichen. Es flößt mir andere Gefühle ein. Geist der Erde, du bist mir näher, lieber! Jetzt fühle ich mich stärker - Ertrage irdische Kummer und Freuden. Als ob von belebendem Wein erwärmt, Mutig stürze ich in die weite Licht Gottes; Ich will den Kampf, ich bin bereit, gegen Sturm zu kämpfen - Und in der Stunde des Zusammenbruchs keine Angst zu haben?
<i>Приб</i> [30: 69]	<i>И-ак</i> [29: 2015]
Как сей знак враз влияет на меня! 10a Ты, Дух Земной, мне все же ближе. 9B Уже сил нарастанье вижу, 9B Горю, как с нового вина. 8a Я смелость ощущаю, в мир пойти, 10c Земле и боль, и счастье понести , 10c Со штурмами борьбу вести 8c И в кораблекрушенья не трястись. 10c 8ja ^{4,5} [aBBaCCCC]	Я больше этот знак люблю. 8a Мне дух Земли родней, желанней. 9B Благодаря его влиянию 9B Я рвусь вперед, как во хмелю. 8a Тогда, ручаюсь головой, 8c Готов за всех отдать я душу 9D И твердо знаю, что не струшу 9D В свой час крушенья роковой. 8c 8ja ⁴ [aBBacDDc]
Wie wirkt dieses Zeichen auf mich ein! Du, Geist der Erde, bist mir näher. Schon sehe Steigerung meiner Kräfte, Ich brenne wie von neuem Wein. Ich fühle Mut, in die Welt zu gehen, Der Erde Schmerz und Glücks zu tragen, Gegen Stürmen Kampf zu führen Und im Schiffbruch nicht zu zittern.	Ich mag dieses Zeichen mehr. Der Geist der Erde ist mir lieber, wünschenswerter. Dank seines Einflusses Presche ich vor, wie besoffen . Dann bürge ich mit meinen Kopf dafür, Dass ich bereit bin, <u>meine ganze Seele für alle zu geben</u> Und ich weiß sicher, dass ich <u>keine Angst haben werde</u> Zu meiner fatalen Stunde des Zusammenbruchs.

Вопрос заставший меня врасплох при переводе был следующий, чье (wessen) горе, чье (wessen) счастье и кому (**wem**) готов нести Фауст? Поскольку в немецкой грамматике склонение существительного женского рода «die Welt» (мир) и в родительном (чей?) и в дательном (кому?) падежах дает один и тот же артикль «**der**», то можно перевести как «Снесу и горе я и радости **земные**» (Холодковский) или «**Земле** и боль, и счастье **понести**» (Приб).

Этот вопрос должен быть однако при переводе на русский язык однозначно отвечен, потому что в русском языке при склонении слова «земля» окончания различаются в родительном и дательном падежах (земля - **земли**, **земле**). Я, к сожалению, не мог спросить Гёте, что он имел здесь ввиду, поэтому мне пришлось ответить на этот вопрос из моих философских взглядов и с этим сам нести ответственность за смысл, что я всегда старался оставить у Гёте, пытаясь в моем переводе оставаться очень верным и близким оригиналу и поэтически и содержательно. Здесь однако мне поэтическая

близость, из-за этих грамматических сомнений, не совсем удалась, так как я при содержательно корректном переводе всех четырех глагольных рифм оригинала заменил женские каденции [CCCC] на мужские [cccc]. Канонисты не справились вообще с этой четырехкратной рифмой ни по количеству, ни по содержанию, ни по каденции: [ccDD] у Холодковского и [cDDc] у Пастернака.

Итак, «мир» как абстрактное понятие не имеет, на мой взгляд, ни боли, ни счастья. У каждого человека есть и то, и другое, и вносит свой вклад в общее горе и счастье болезненного человеческого мира. Поэтому я перевел этот отрывок, как готовность Фауста войти в мир и «Земле и боль, и счастье **понести**». По каким причинам Холодковский решил иначе, я не знаю. Пастернак хитро избежал этой проблемы по-своему. Он пишет, как всегда «как пьяный», свою собственную сомнительную версию «Фауста» и «Готов за всех отдать я душу» в этот момент, а не что-то кому-то понести.

Во всяком случае, эта идея с дневником оказалась новаторской и продуктивной! Таким образом, возник этот дневник, в котором я обсуждал с самим собой и с Гёте принципы, цели, методы и даже этику поэтического перевода и развивал идеи, которые в конечном итоге привели к этому учению научно-поэтического перевода, которое в этой строгой форме я тщетно искал в литературоведении. В дальнейшем, я ставлю свои вопросы и соображения из моего дневника для обсуждения.

К переводу иноязычных текстов в оригинале

Если даже Гёте вставляет латинские фразы или термины без их перевода, что, кстати, указывает на просвещенный круг читателей, на которых направлялась трагедия Гёте, то не пристало и переводчику переводить их на русский язык, тем более ошибочно.

Таблица 4.12 Перевод латинских терминов

<i>Göte</i> [27: 62]	<i>X-кий</i> [28: 2015]
MEPHISTOPHELES:	Мefистофель
Gebraucht der Zeit, sie geht so schnell von hinnen, 11A	Цените время: дни уходят безвозвратно! 13A
Doch Ordnung lehrt Euch Zeit gewinnen. 9A	Но наш порядок даст привычку вам 10b
Mein teurer Freund, ich rat Euch drum 8b	Распределять занятия аккуратно. 11A
Zuerst Collegium Logicum. 8b	А потому, мой друг, на первый раз, 10c
Da wird der Geist Euch wohl dressiert, 8c	По мне, полезен был бы тут для вас 10c
In spanische Stiefeln eingeschnürt, 9c5(mix)	<u>Курс логики</u> : хоть опыт и рискован, 11D
Daß er bedächtiger so fortan 9d5(mix)	Начнут дрессировать ваш ум, 8e
Hinschleiche die Gedankenbahn, 8d	Как бы в сапог испанский зашнурован, 11D
Und nicht etwa, die Kreuz und Quer, 8e	Чтоб тихо он, без лишних дум 8e
Irrlichteliere hin und her. 8e	И без пустого нетерпенья, 9F ?
	Вползал по лестнице мышленья, 9F ?
	Чтоб вкривь и вкось, по всем путям, 8b ?
	Он не метался там и сям. 8b ?

8ja ^{4,5} 2mix ⁵ (10)[AAbbccdde]	13ja ^{4,5} 6[AbAccDeDeFFbb]
Приб [30: 215]	П-ак [29: 2015]
МЕФИСТОФЕЛЬ: Используй время, быстро что изрядно, 11A Сберечь его дает порядок. 9A Совет даю ученику: 8b Начни с «Collegium Logicum». 8b Твой дух он укрепить бы мог, 8с Сковав в <i>испанский его сапог</i> , 9с4(mix) Чтоб так обдуманней он вперед 9d5(mix) Мыслей прокладывал полет, 8d А не вдоль, поперек всегда, 8е Метался бы туда-сюда. 8е 8ja ^{4,5} 2mix ⁵ (10)[AAbbccdde]	Мefистofель Употребляйте с пользой время, 9A Учиться надо по системе. 9A Сперва хочу вам в долг вменить 8b На <u>курсы логики</u> ходить. 8b Ваш ум, нетронутый доньше, 9C На них приучат к дисциплине, 9C Чтоб взял он направленья ось, 8d Не разбредаясь вкривь и вкось. 8d 8ja ⁴ [AAbbCCdd]

Я не мог положиться на то, что сегодняшние читатели, в отличие от тогдашних читателей-современников, владеют латинским и решил дать перевод в сноске. С другой стороны, сегодняшняя особенность писания, чтения и перевода заключается в том, что все, что незнакомо или непонятно, можно найти в интернете. Но, на мой взгляд, сноски должны быть сохранены в книгах, чтобы читатель оставался один с книгой и не делил ее снова и снова с интернетом.

В этом примере особенно заметно, как канонисты обходятся с гётевскими длиной строф и стихотворных строк, а также с метрами и смешанными формами, как можно видеть из моих формул строфы. Я должен однако признаться здесь, что мне при введении смешанной формы Гёте в шестой строке не удалось сохранить пять стоп Гёте. Это объясняется тем, что здесь очень мало свободы для игры со словами, потому что «испанский сапог» нельзя изменять из-за его, использованного здесь также Гёте общеизвестного значения как средневекового инструмента пытки. Пастернак просто игнорирует эту идиому и экономит при этом еще две стихотворные строки.

Перевод таких идиом, как и всего остального, что принадлежит к фольклору, является темой самой по себе для обсуждения.

К переводу пословиц, поговорок и летучих выражений

Переводы фольклорных пословиц и поговорок должен рассматриваться также, как перевод обычаев и ритуальных пений, где я пришел к решению, что это не служит изначальной цели поэтического перевода – знакомству с иностранной культурой, если переводчик переносит немецкую культуру (фольклор) на российскую почву или заменяет русским фольклором, что может читателей только ввести в заблуждение. Каждый читатель хочет прочесть оригинал, не владея языком оригинала! Это кратчайшее и наиболее полное определение смысла любого перевода и, прежде всего,

поэтического перевода, который также должен передавать поэтические тонкости оригинала до последней детали. Это четко определяет задачу переводчика: поставлять читателям оригинал на их родном языке с минимальными искажениями и, тем самым, гарантировать соответствие перевода оригиналу и его качеству.

Хорошим примером этому служит отрывок из «Фауста» с немецкой поговоркой «молотить (пустую) солому» (das Stroh zu dreschen), что точно соответствует русскому «толочь воду в ступе» (Wasser im Mörser zerstoßen):

Таблица 4.13 Пример с пословицами

<i>Гёте</i> [27: 60]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]
МЕРНИСТОПHELES: Laß du das dem Herrn Nachbar Wanst! 8a Was willst du dich das Stroh zu dreschen plagen? 11B Das Beste, was du wissen kannst, 8a Darfst du den Buben doch nicht sagen. 9B 4ja ^{4,5} [aBaB]	Мефистофель Сосед-толстяк на это есть. 8a Толочь ли воду ты желаешь? 9B Все лучшие слова, какие только знаешь, 13B Мальчишкам ты не можешь преподнести. 10a 4ja ^{4,5,6} [aBBa]
<i>Приб</i> [30: 207]	<i>П-ак</i> [29: 2015]
МЕФИСТОФЕЛЬ: Все толстяку соседу брось! 8a Зачем зря молотить солому все же? 11B Ведь что ты знаешь на авось, 8a Сказать юнцам того не можешь. 9B 4ja ^{4,5} [aBaB]	Мефистофель Довольно! Лучше предоставь собрату 11A Водотолчение в ступе. Решено. 10b Того, что лучше всякого трактата, 11A Ребятам ты не скажешь все равно, 10b 4ja ⁵ [AbAb]

Каждый русскоязычный читатель сразу понимает эту немецкую идиому в моем буквальном переводе и при этом придет сам на ее российский эквивалент даже скорее, чем с помощью невозможно извращенного словообразования «Водотолчение» у Пастернака.

Оба канониста вкладывают русскую поговорку, хотя и неполную (Холодковский) и искажённую (Пастернака) в уста немецкого дьявола, и содержат это, вероятно, за большой успех в переводе! Для меня это означает только то, что даже называемый «академическим» переводчиком Холодковский не пытался думать научно-аналитически и философски о смысле, целях и задачах поэтического перевода. Пастернак со своим «водотолчением» обезображивает, между делом, не только «Фауста» Гёте, но и прекрасный русский язык и делает похабным всё. Пастернак, по-видимому, решил, что читатели государства рабочих и крестьян способны понять только его изуродованную и упрощенную до примитивности версию трагедии.

Еще один интересный пример, где немецкая и русская пословицы не только по смыслу эквивалентны, но и точно совпадают и в их формулировке. Единственное различие – немецкая версия «Einem geschenkten Gaul schaut man nicht ins Maul» имеет рифмованную форму, а русская «Дареному коню в зубы не смотрят» нет (может быть

не поэтически переведена с немецкого?). Гёте только намекает на эту пословицу, рифмуя «Maul» (пасть – Гретхен!) с «Gaul» (конь).

Таблица 4.14 Еще один пример с пословицами

<i>Гёте</i> [27: 91]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]
MEPHISTOPHELES: Margretlein zog ein schiefes <u>Maul</u> , 8a Ist halt, dacht sie, <u>ein geschenkter Gaul</u> , 9a4(mix)	Мефистофель Бедняжка Гретхен от таких речей 10 Поморщилась, надула молча губы: 11А Дарёному коню не смотрят, дескать, в зубы; 13А
<i>Приб</i> [30: 335]	<i>П-ак</i> [29: 2015]
МЕФИСТОФЕЛЬ Маргритка, голову склоня, 8a Узрела <u>дареного коня</u> , 9a4(mix)	Мефистофель Дочь смотрит на каменьев перелив 10 И думает: «Ужель так нечестив 10 Даритель и его проступок грубый? 11А Дареному коню не смотрят в зубы». 11А

«Канонисты», в их освобождение от оригинала, приводят русскую идиому полностью, как будто они не доверяют своим читателям, что те узнают всю пословицу в ее отрывках. Кроме того, они меняют форму и метр: Холодковский удлиняет стихотворную строку, как всегда, от 8-9 до 13 слогов, Пастернак, который обычно укорачивает оригинальные строки, здесь также удлиняет до 10-11 слогов. Кажется, что мотив Пастернака не облегчить свою работу упрощенным четырехстопным ямбом, а гораздо хуже – как можно дальше уклониться от оригинала.

К переводу широко известных текстов и ставших самостоятельными песен

Уже утомившись от затянувшегося отчаяния Фауста перед флаконом с ядом, я добрался до примечания «Glockenklang und Chorgesang» (Колокольный звон и хоровое пение), которое звучит так красиво рифмованно. Не задумываясь, было ли это совпадением или намерением Гёте, я решил следовать моему принципу, оставаться верным Гёте и его оригиналу до деталей, и перевел этот заголовок также рифмованно «Звон колоколов и пение хоров». Канонисты избежали поэтического перевода и довольствовались прозаическим: «Звон колоколов и хоровое пение» у Холодковского и «Колокольный звон и хоровое пенье» у Пастернака.

Но потом начались эти хоровые пения, с которыми у меня возникло сразу много проблем. Мой дух, вдохновленный поэтикой и философской силой Гёте, решительно сопротивлялся переводить эти ни поэтические, ни содержательно взыскательные пения! Первой спасительной мыслью было, заменить их пасхальными песнопениями Русской православной церкви. Но потом я вспомнил о своем главном требовании к переводу (§1.2): каждый перевод должен как можно ближе следовать оригиналу из

конкретной культуры и времени, без соблазна контрабанды туда своей собственной, связанной со временем, со страной и с языком культуры.

Сам Гёте тоже не воспользовался возможностью просто вставить в этом месте имеющиеся немецкие пасхальные песнопения. Он взял только первую стихотворную строку «**Christ ist erstanden!**» (Христос воскрес!), которая дала ему тут же как образец торжественный метр двустопного дактиля, в котором он затем сложил все песни. Русская же версия «**Христос воскрес!**», дает, напротив, деловитый метр двухстопного ямба. Я взял строку из старославянского церковного языка «**Христос воскрес!**», которую также можно декламировать как двухстопный дактиль (с ударением на **Хрис-**), и таким образом, остался при сквозном стихотворном размере Гёте. Канонисты на удивление переводят эти песнопения тоже в метре дактиля, хотя первая и последняя стихотворные строки остались ямбическими:

Таблица 4.15 Песнопения с короткими ритмами

Гёте [27: 30]	Х-кий [28: 2015]
CHOR DER ENGEL: (двухстопный дактиль) Christ ist erstanden! Freude dem Sterblichen, Den die verderblichen, Schleichenden, erblichen Mängel umwanden. 5da²[ABBBA]	Хор ангелов: Христос воскрес! 4a2(ja) Тьмой окружённые, 6b2(da) Злом заражённые, 6b2(da) Мир вам, прощённые 6b2(da) Люди, с небес! 4a2(dak) 1ja²4da²[aBBBa]
CHOR DER ENGEL: Christ ist erstanden! Selig der Liebende, Der die betrübende, Heilsam und übende Prüfung bestanden. 5da²[ABBBA]	Хор ангелов: Христос воскрес! 4a2(ja) Кто среди мучения, 6b2(da) В тьме искушения 6b2(da) Ищет спасения – 6b2(da) Мир вам с небес! 4a2(da) 1ja²4da²[aBBBa]
Приб [30: 97]	Р-ак [29: 2015]
ХОР АНГЕЛОВ: (двухстопный дактиль) Христос воскрес! Радость же смертному, Кто весь зловерным тут, Грехом наследственным Весь опоесен. 5da²[ABBBA]	Хор ангелов: Христос воскрес! 4a2(ja) Преодоление 6b2(da) Смерти и тления 6b2(da) Славьте, селение, 6b2(da) Пашня и лес. 4a2(da) 1ja²4da²[aBBBa]
ХОР АНГЕЛОВ: Христос воскрес! Блажен будь любящий, Кто нещадящую, Благо творящую Пробу изнессе. 5da²[ABBBA]	Хор ангелов: Христос воскрес! 4a2(ja) Грехопадения, 6b2(da) Смерти и тления 6b2(da) След с поколения 6b2(da) Смыт и исчез. 4a2(da) 1ja²4da²[aBBBa]

Вдвойне трудно было переводить эти и подобные песнопения: техническая трудность объясняется краткостью стихотворных строк, что дает переводчику мало

места для адаптации; ментальная трудность была связана – для меня, во всяком случае, – с изрядной бессмысленностью стихотворных строк, которая, однако, несколько ослабляла первую трудность. Из-за этого мне не хватало воодушевления, которое всегда поддерживало меня в переводе бесчисленных поэтически высоких и философски глубоких пассажей Гёте.

Смысл, скрытый в этом сложном языке, можно найти только в Библии. У канонистов снова видна типичная закономерность: Холодковский отклоняется от оригинала Гёте, но остается при библейском смысле; Пастернак отклоняется от перевода Холодковского и доводит исходную бессмысленность в своем переводе до чистого вздора: Христос воскрес!/ Славьте селение,/ Пашня и лес, или во втором: Христос воскрес!/ След с поколения/ Смыт и исчез.

Перевод таких песнопений и заклинаний является проблемой, где моя техника почти достигает своих границ. Стихотворные строки настолько коротки, что почти невозможно согласовать буквальный перевод с рифмой, каденцией и метром (с мелодией). Но здесь оправдан и вопрос, нужно ли это делать с такими фольклорными стихами? Заклинания духов должны звучать загадочно и непонятно для непосвященных. В основном, в них отсутствует рифма полностью, она заменяется чем-то вроде речитатива.

Песни передают лишь настроение. Гёте и сам не пытается их рифмовать, если только рифма не приходит сама собой. Как в современных, так и в фольклорных песнях, за исключением хороших романсов, шансонов (Синатра, Азнавур), танцевальной музыки – танго, свинг (Дин Мартин), кантри-музыки (Том Джонс) и т.д., практически нет рифм и классических метров, если посмотреть на печатные тексты. Они заменяются и компенсируются темпом вокала и различной вокальной продолжительностью отдельных слогов.

Также в песнях и заклинаниях духов в трагедии нет в любом случае никакой реальной многозначительности Гёте, которую было бы жаль потерять или выпустить при переводе. Например, в хоровом пении духов (Приложение 4.7, таблица 7), усыпляющих Фауста, суть заключается не в поэтической утонченности – они даже поют в чистом метре дактиля, а в медитации, как в современных психотерапевтических методах с гипнотическим воздействием. Перевод песен и заклинаний, откровенно говоря, раздражал меня тем, что возникало чувство непрофессиональности и неудовлетворенности. Творческая радость, почти счастье, если поэзия моего перевод

был не хуже оригинала Гёте пропадали из-за этой определенной бессмысленности или даже глупости.

Не менее бессмысленным был для меня перевод сцены «Сон в Вальпургиеву ночь или золотая свадьба Оберона и Титании». Эта сцена была искусственно вставлена Гёте в трагедию по согласованию со своим издателем, потому что у Гёте накопилась куча эпиграмм, которых однако было недостаточно для самостоятельной публикации. Им не хватало какой-либо концепции, и изначально они предназначались для журнала, издаваемого Ф. Шиллером. Можно было спокойно пропустить этот интермеццо без ущерба для трагедии. Я усердно перевел их так из уважения к Гёте, но мне это действительно не доставило удовольствия!

С другой стороны, это всегда захватывающе и ответственно, переводить давно устоявшиеся как самостоятельные и широко известные выражения, подобные этому:

Таблица 4.16 Устоявшиеся выражения

<i>Гёте</i> [27: 57]	<i>Х-кий</i>
FAUST Wird ich zum Augenblicke sagen: 9A Verweile doch! du bist so schön! 8b Dann magst du mich in Fesseln schlagen, 9A Dann will ich gern zugrunde gehn! 8b 4ja ⁴ [AbAb] Если я скажу мгновению: Повремени! Ты так прекрасно! Тогда ты можешь заковать меня в кандалы, Тогда я охотно хочу погибнуть!	Фауст: Когда воскликну я «Мгновенье, 9A Прекрасно ты, продлись, стой!» – 8b Тогда готовь мне цепь плененья, 9A Земля разверзнься подо мной! 8b 4ja ⁴ [AbAb] Wenn ich ausrufe: " Augenblick, Du bist schön, dauere fort, warte! " Dann bereite mir die Gefangenschaftkette vor, Gehe die Erde unter mir auf!
<i>Приб</i> [30: 193]	<i>П-ак</i> [29: 2015]
ФАУСТ: Скажу однажды я мгновенью: 9A «Побудь же! Ты прекрасно так!» 8b Тогда в твоём я заточенье, 9A Тогда, готов я сгинуть всяк! 8b 4ja ⁴ [AbAb] Werde ich einst dem Augenblick sagen: "Bleib nur! Du bist so schön!" " Dann bin ich dein Gefangene, Dann bin ich bereit, unterzugehen jedenfalls!	Фауст Едва я миг отдельный возвеличу, 11A Вскричав: "Мгновение, повремени!" – 10b Все кончено, и я твоя добыча, 11A И мне спасенья нет из западни. 10b 4ja ⁵ [AbAb] Kaum erhebe ich einen einzelnen Moment, Geschrien: " Augenblick, warte ein wenig! " - Es ist vorbei mit allem und ich bin deine Beute, Und ich bin aus der Falle nicht zu retten.

В русском языке очень распространено, однако в очень позитивном смысле, в отличие от заявления Фауста, выражение: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» из какого бы то ни было перевода – определенно не из сделанных обоими канонистами, как можно видеть. Любой другой перевод не будет принят в таких ситуациях. Есть только два способа сделать это приемлемым для всех: либо перенять существующий вариант, либо оставаться близким к оригинальной версии, как я всегда это делаю и преподаю здесь.

Это в еще большей степени относится к классической песне о блохе, текст которой взят из русского перевода трагедии «Фауст» Александром Струговщиковым, а музыка написана русским композитором Модестом Мусоргским в 1879 г. (см. сравнительную таблицу 4 в приложение 4.7):

Таблица 4.17 Перевод классических песен из трагедии

<i>Göthe</i> [27: 71]	<i>Приб</i> [30: 251]	<i>Струговщиков</i> [33: 2018]
Es war einmal ein König 7A Der hatt einen großen Floh , 7b(tr) Den liebt, er gar nicht wenig, 7A Als wie seinen eignen Sohn , 7b(tr)	Жил-был король однажды 7A Он имел блоху большу , 7b(tr) Любил ее он жадно, 7A Ну как дочку старый шут , 7b(tr)	Жил-был король когда-то, 7A При нём блоха жила. 6b Милей родного брата 7A Она ему была. 6b
Da rief er seinen Schneider, 7C Der Schneider kam heran: 6d Da, miß dem Junker Kleider 7C Und miß ihm Hosen an! 6d	Позвал он раз портного, 7C Портной к нему стремит: 6d «Размер костюма нова 7C Для юнкерши сними!» 6d	Зовёт король портного: 7C - Послушай ты, чурбан, 6d Для друга дорогого 7C Сшей бархатный кафтан! 6d
In Sammet und in Seide 7E War er nun angetan 6f Hatte Bänder auf dem Kleide , 8E(tr) Hatt auch ein Kreuz daran. 6f	Она теперь вся в бархат 7E Одета и в шелка, 6f В ленточках она епарха 8E(tr) И в орденах слегка. 6f	Вот в золото и бархат 7E Блоха наряжена, 6f И полная свобода 7E Ей при дворе дана. 6f
Und war sogleich Minister, 7G Und hatt einen großen Stern , 7h(tr) Da wurden seine Geschwister 8G3(mix) Bei Hof auch große Herrn. 6h	Тут стала враз министром 7G Со звездой большой в дыре , 7h(tr) Ее все братья и сестры 8C(mix) В почете при дворе. 6h	Король ей сан министра 7G И с ним звезду дает, 6h За нею и другие 7G Пошли все блохи в ход. 6h
Und Herrn und Frau am Hofe, 7I Die waren sehr geplagt, 6j Die Königin und die Zofe 8I4(mix) Gestochen und genagt, 6j	Все дамы, кавалеры 7I От них в большой беде, 6j Служанки и королева 8I(mix) Покусаны везде. 6j	И самой королеве 7I И фрейлинам ея 6j От блох не стало мочи, 7I Не стало и житья. 6j
Und durften sie nicht knicken, 7K Und weg sie jucken nicht. 6l Wir knicken und ersticken 7K Doch gleich, wenn einer sticht. 6l 18ja ³ 4tr ⁴ 2mix ^{3,4} (24) [AbAbCdCdEfEfGhGhIjJjKlKl]	Нельзя им уклоняться, 7K Чесанием изгнать. 6l Все ж будет кто кусаться, 7K Придушим, так и знай. 6l 18ja ³ 4tr ⁴ 2mix ^{3,4} (24) [AbAbCdCdEfEfGhGhIjJjKlKl]	И тронуть-то бояться, 7K Не то чтобы их бить. 6l А мы, кто стал кусаться, 7K Тотчас давай — душить! 6l 24ja ³ (24) [AbAbCdCdEfEfGhGhIjJjKlKl]

Я не знаю перевода «Фауста» А. Струговщиковым, и не собираюсь анализировать его здесь. Но уже из этого примера (предположительно Мусоргский не изменил текст и не адаптировал его к своей музыке), можно видеть, что и этот, подобно переводам обоих канониистов, не особенно связан с оригиналом по смыслу и по метрическим вариациям. Этот отрывок знаменит как песня только из-за музыки Мусоргского и баса Федора Шаляпина. С тех пор эта песня по-прежнему остается частью репертуара каждого русского бас-певца. Таким образом, песня давно стала независимой и будет жить вечно в этой редакции, независимо от качества перевода. Это не должно смущать при переводе трагедии и мешать оставаться при своей концепции, основанной на правильности и аутентичности моего и других переводов.

Здесь можно обсудить интересный случай с переводом: песня о блохе апеллирует грамматически повсюду к мужскому роду (einen großen Floh, Den liebt, eignen Sohn, dem Junker, er nun angetan, seine Geschwister, einer sticht), русский же перевод «блоха» отвечает однако женскому роду, и тогда неправильно и странно ее как «дружок» и «сыночек» (Холодковский – Имел блоху-**дружка**;/ Лелеял, как **сын**ка) или как «брат» и «друг» (Струговщиков – **блоха** жила./ Милей родного **брата**/ Для **друга** дорогого) обозначать и любить.

Пастернак избегает сравнений мужского рода в этом месте: «С любимицей блохой./ Он был **ей** друг исправный» и в остальном придерживается ее женского рода, кроме: «Как первому **пажу**». Это соответствует моему учению, оставаться верным оригиналу, но в этом случае и учитывать грамматическое согласование. Поэтому, я перевел так, что король любил ее как «дочку» а не как «сына своего».

А в остальном это политическая песня об отношениях при дворе. При каком дворе, Гёте не говорит ни здесь, ни в своих комментариях. Мефистофель говорит к этому, что эта песня прямо свежая из Испании. Время, в котором происходит действие, – вторая половина XVI-го века, т. е. двор короля Испании Филиппа II, при котором вращались герцог Альба, секретарь Филиппа, Антонио Перес, друг детства Филиппа и министр, Руи Гомес де Сильва, но и его современник, генеральный инквизитор Фернандо де Вальдес.

Однако это и не важно, потому что при каждом европейском дворе и в каждом столетии можно было найти такую «блоху», как любовницу: Вильгельмина фон Гравениц, любовница (1707-1711) Эберхарда Людвига, герцога Вюртембергского, или госпожа де Помпадур, любовница (1745-1751) французского короля Людовика XV, как фаворита, ясновидца и других шарлатанов всех видов. Таких, как Григорий Распутин при царском дворе (1906-1916). Хотя песня Мусоргского была написана за 30 лет до времени Распутина (а песня Мефистофеля за 100 лет до того), она описывает именно его деятельность при дворе.

К переводу имен и названий мест

Многие вопросы возникали при переводе фольклора (Приложение 4.7), такие как хоровые пения и песни, рассмотренные выше, но также заклинания духов и т.д. Если перевод служит коммуникации двух культур, должна тогда культура оригинала проникать в иноязычную культуру, переняв ее образ и форму, или должен этот перевод представлять оригинальную культуру для ознакомления с ней? Культура

народа представлена прежде всего его фольклором, а также его характерными оригинальными произведениями, такими как «Фауст», которые включают в себя этот фольклор (гораздо больше у Гёте, чем в названном литературным критиком Белинским «энциклопедией русской жизни» романе в стихах Пушкина).

Конкретный вопрос возник, например, в случае заклинания духов Фаустом при превращение пуделя в Мефистофеля (Приложение 4.7, таблица 6). Должен ли я переводить имена германских дохристианских духов в имена славянских дохристианских духов? Две культуры, а также другие культуры в Европе развивались параллельно и схоже. Так дух огня саламандра называется в старославянском «Смарга», дух воды Ундена – «Дана», дух воздуха Сильфа – «Адель», дух земли Кобольд – «Гея».

Мое фундаментальное и последовательное решение: культура оригинала должна быть познана иноязычной культурой, а не проникать в нее. Как следствие отсюда вытекает очередное из основных правил:

- как оригинальное произведение со всеми его национальными особенностями, так и автор оригинала со всеми его личными творческими особенностями должны быть адекватно представлены иностранной культуре.

Это единственный способ узнать друг друга! Канонисты в данном случае, похоже, разделяют мое мнение, хотя Холодковский смешивает древнегерманские и старославянские имена духов (Домовой – Kobold):

Таблица 4.18 Имена духов в различных культурах

<i>Gёте</i> [27: 45]	<i>Приб</i> [30: 151]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]	<i>П-ак</i> [29: 2015]
<u>Salamander</u> soll glühen, 7A	<u>Саламандра</u> – горенье, 7A	<u>Саламандра</u> , пылай! 6a	<u>Саламандра</u> , жгись, 5a
<u>Undene</u> sich winden, 6B	<u>Ундена</u> – журчанье, 6B	<u>Ты, Сильфида</u> , летай! 6a	<u>Ундина</u> , вейся, 5B
<u>Sylphe</u> verschwinden, 5B	<u>Сильфа</u> – дыханье, 5B	<u>Ты, Ундина</u> , клубись! 6b	<u>Сильф</u> , рассейся, 4B
<u>Kobold</u> sich mühen. 5A	<u>Кобольд</u> – мученье. 5A	<u>Домовой</u> , ты трудись! 6b	<u>Кобольд</u> , трудись! 4a

После этого можно привести имена вышеупомянутых славянских духов четырех элементов в сноске, чтобы сблизить две культуры и все же достичь лучшего понимания.

Не успел я остановиться на этом правиле, как наткнулся на следующее сомнительное место с именем духа Зла:

Таблица 4.19 Интернациональность дьявола

<i>Gёте</i> [27: 47]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]
FAUST: Bei euch, ihr Herrn, kann man das Wesen 9A	Фауст: Чтоб узнать о вашем брате суть, 9a (tr)

Gewöhnlich aus dem Namen lesen, 9A Wo es sich allzu deutlich weist, 8b Wenn man euch <u>Fliegengott</u> , <u>Verderber</u> , <u>Lügner</u> heißt. 12b Nun gut, wer bist du denn? 6c	На имя следует взглянуть. 8a По специальности прозвание вам даётся: 13B <u>Дух злобы</u> , <u>демон лжи</u> , <u>коварства</u> - как придётся. 13B Так кто же ты? 4c
Приб [30: 157]	И-ак [29: 2015]
ФАУСТ: У вас, господ, ведь суть возможно 9A Лишь из имен зреть всевозможных, 9A Где вас тогда лишь все поймут, 8b Коль Черт иль Люцифер, иль Дьявол вас зовут. 12b Ну что ж, так кто ты есть? 6c	Фауст Однако специальный атрибут 10a У вас обычно явствует из кличек: 11B Мушиный царь, обманщик, враг, обидчик, 11B Смотря как каждого из вас зовут: 10a Ты кто? 2c

Должен ли я согласно моему правилу писать оригинальное имя, данное Гёте, на кириллице, или переводить его прямо, как Пастернака (Fliegengott – Мушиный царь), или менее прямо, например, как Холодковский (Verderber, Lügner – демон лжи, коварства), на русский язык?

В конечном итоге русскому читателю должно быть ясно, что речь идет об известном в России Чёрте, чьи многие имена взяты однако из написанной на еврейском языке Библии и были либо прямо переняты, либо переведены многими христианскими культурами, и поэтому международно известны как:

Antichrist (Антихрист), Beelzebub (Вельзевул), **Fliegengott** (Мушиный бог), Höllenfürst (Князь Ада, Владыка тьмы), Lügner (Лжец), Luzifer (**Люцифер**), Teufel (**Черт**), Diabolos (**Дьявол**), Satanas (Сатана); Voland (Воланд – М. Булгаков «Мастен и Маргарита»); Versucher-Verderber (**Искушитель**).

Имена, используемые Гёте, выделены в этом списке жирным шрифтом, а мои выделены жирным шрифтом и подчеркнуты. Также подчеркнуты имена, которые звучат одинаково или похоже на русском и на немецком языках или переводятся непосредственно с немецкого на русский. Таким образом, благодаря этому упомянутому Фаустом и перекрывающемуся в разных культурах разнообразию имен дьявола, является излишним вопрос сохранения оригинальной культуры в переводе.

Этому правилу, включая его варибельность, я следовал также при переводе «Евгения Онегина» на немецкий язык, где Пушкин использует еще больше различных имен. Я сохранил все исторически значимые русские имена в латинском написании, все античные и мифологические имена, так часто используемые Пушкиным, в немецкой транскрипции, которая отличается от русской только окончаниями. Все имена, придуманные Пушкиным, я перевел на немецкий язык, чтобы передать их саркастично-характерное содержание, предусмотренное Пушкиным.

Еще важнее сохранить названия мест в их первоначальном виде и, возможно, даже писать их латинским шрифтом, чтобы читатели во времена Google Maps и других

интернет-сервисов, могли сразу и легко «прогуглить» географию страны оригинала. Это, например, случай в сцене «Перед воротами».

Таблица 4.20 Пример с названиями мест

<i>Гёте</i> [27: 32]	<i>Х-кий</i> [28: 2015]
EIN HANDWERKSBURSCH: Ich rat euch, nach dem <u>Wasserhof</u> zu gehn. 10a ZWEITER: Der Weg dahin ist gar nicht schön. 8a VIERTER: Nach <u>Burgdorf</u> kommt herauf, gewiß dort findet ihr 12b Die schönsten Mädchen und das beste Bier, 10b	Один из подмастерьев: Пойдем к <u>прудам</u> ! 4a Второй подмастерье: Бог с ними! Туда дорога чересчур худа. 13a Четвертый: В <u>Бургдорф</u> наведаться советую я вам. 12b Какие девушки, какое пиво там! 12b
<i>Приб</i> [30: 105]	<i>П-ак</i> [29: 2015]
ОДИН РЕМЕСЛЕННИК: Мой вам совет, идти на „ <u>Wasserhof</u> “. 10a ВТОРОЙ: Но путь туда ужасно плох. 8a ЧЕТВЕРТЫЙ: В <u>Burgdorf</u> пойдем, наверх, красавиц надо ж нам 12b Найдем их мы и пиво лучше там, 10b	Один из подмастерьев На <u>гать</u> ступайте. Вот где красота. 10a Второй подмастерье Далекий путь. Неважные места. 10a Четвертый Таких, как <u>возле замка в слободе</u> , 10b Ни девушек, ни пива нет нигде. 10b

Сначала я также, как и канонисты, попытался перевести «Wasserhof» и «Burgdorf», что буквально означает «водяной двор» и «деревня при крепости», по аналогии с Пастернаком «возле замка слобода». Затем я все же вспомнил мои, приведенные выше, аргументы и остался не только при именах оригинала, но и при их написании латинским шрифтом, который изучается в России – в отличие от кириллицы в Германии. Холодковский смешивает оба варианта и переводит «Wasserhof» как «пруды» (Teiche), но оставляет исходное название «Бургдорф», однако в кириллице.

В трагедии же речь идет об «Oberrad», пригороде (с 1900-го года) Франкфурта-на-Майне, который стал в 18-м и 19-м веках (но еще не в 16-м веке, где «Oberrad» ко времени действия трагедии, в 1552 году, был как раз разрушен), который, благодаря его хорошей гастрономии, был популярным местом для франкфуртцев. Здесь также бывал 65-летний Гёте, который встречался в 1814 году у «Gerbermühle», также упомянутой в «Фаусте»: «Wir aber wollen nach der Mühle wandern» (Однако ж к мельнице гулять хотим мы), с одной из его муз, 30-летней Марианной фон Виллемер.

К переводу наречий и устаревших понятий

К гениальному мастерству Гёте принадлежит в сцене «Перед воротами», как и во всей трагедии подлинное владение самыми разнообразными наречиями даже самих дьявола и Бога! В этой сцене представлены все слои мещанского общества средневекового города (всевозможные прогуливающиеся), которые не были благословлены благодатью слова (кстати, как и сегодня, особенно в городах России).

Гёте не вкладывает им в уста никаких разговорных утонченностей, а каждому свой собственный стиль народного языка:

Таблица 4.21 Пример с наречиями и диалектами

Гёте [27: 33]	Х-кий [28: 2015]
ANDRE (DIENSTMÄDCHEN): Heut ist er sicher nicht allein, 8a Der Krauskopf, sagt er, würde bei ihm sein. 10a SCHÜLER: Blitz, wie die wackern <u>Dimen</u> schreiten! 9A Herr Bruder, komm! wir müssen sie begleiten. 11A Ein starkes Bier, ein beizender Toback, 10b Und eine <u>Magd</u> im Putz, das ist nun mein Geschmack. 12b BÜRGER: Nein, er gefällt mir nicht, der neue Burgemeister! 13A Nun, da er's ist, wird er nur täglich dreister. 11A Und für die Stadt was tut denn er? 8b Wird es nicht alle Tage schlimmer? 9C Gehorchen soll man mehr als immer, 9C Und zahlen mehr als je vorher. 8b DRITTER BÜRGER: Herr Nachbar, ja! so laß ich's auch geschehn: 10a Sie mögen sich die Köpfe spalten, 9B Mag alles durcheinander gehn; 8a Doch nur zu Hause bleib's beim alten. 9B	Вторая (служанка): Да мы пойдем не с ним одним: 8a Кудрявый тоже будет с ним. 8a Студент: Эх, девки, чёрт возьми! Смотри, бегут как живо! 13A А что, коллега, надо их догнать! 10b Забористый табак, да пенистое пиво, 13A Да девушка-краса - чего еще желать! 12b Горожанин: Нет, новый бургомистр ни к чёрту не годится. 13A Что день, то больше он гордится. 9A А много ль город видит пользы в нём? 10b Что день, то хуже, без сомненья: 9C Всё только больше подчиненья 9C Да платим мы всё больше с каждым днем. 10b Третий горожанин: Так, так, сосед! Мы смирно здесь живём, 10a А там, кто хочет, пусть себе дерётся! 11B Перевернись весь свет вверх дном – 8a Лишь здесь по-старому пускай всё остаётся! 13B
Приб [30: 107]	П-ак [29: 2015]
ДРУГАЯ (СЛУЖАНКА): Он сёдни точно не один, 8a Кудрявый тож, сказал он, будет с ним. 10a СТУДЕНТ: Глянь, бравы девочки шагают! 9A Идем! Спровождать их предлагаю. 11A Мне пиво б крепко, крепкий бы табак, 10b Да девка размалевана – мне это смак. 12b МЕЩАНИН Нет, мне не нравится наш новый бургомистер! 13A Ну что ж, он есть, и дело тут не чисто. 11A Что городу с него, скажи? 8b Не все ль здесь с каждым днем все хуже? 9C Мы пояса все тянем туже, 9C При том, растут как платежи. 8b ТРЕТИЙ МЕЩАНИН: Сосед! По мне, пусть тоже будет так. 10a Себе они пусть бошки сломят, 9B Пусть там случится весь бардак. 8a Но пусть все мирно будет дома. 9B	Вторая (служанка) Сегодня, кажется, он не один. 10a С ним, помнишь, тот кудрявчик господин. 10a Студент Гляди, девчонка под руку с девчонкой! 11A А ну-ка за обеими вдогонку! 11A Да, брат, покрепче пиво и табак 10b Да девочки, - на это я мастак. 10b Горожанин Беда нам с новым бургомистром. 9A Он все решает с видом быстрым, 9A А пользой нашей пренебрег. 8b Дела все хуже раз от разу, 9C И настоятельной приказы, 9C И непосильнее налог. 8b Третий горожанин Я тоже так смотрю, сосед. 8a Пусть у других неразбериха, 9B Передерись хотя весь свет, 8a Да только б дома было тихо. 9B

В своей трагедии, написанной как пьеса в монологах и диалогах, Гёте не дает никаких указаний в ремарках о характере и внешности своих героев. Это и не обязательно, потому что только из их речи, столь мастерски изображаемой Гёте, можно понять основные черты характера каждого персонажа и даже живо представить его перед глазами как простодушную девушку (девушка-служанка или мещанка в этой сцене или даже сама Гретхен), целеустремленно ищущего удовольствия студента, одного или многих обывателей. А какая отличная компания забулдыг в подвальчике Ауэрбаха! Какие женщины: на ее лад прагматично-хитрая Марта: Ei wie? Ei wo? Hat er's

vielleicht vergraben? (Эй как? Эй где? Ее что, закопал он?) или завистливо злорадная Лизхен! И все персонажи нарисованы только языковыми красками Гёте!

Примечательно то, что менталитет этих актеров практически не изменился со времен Гёте. Проблемы и мировоззрение трех немецких граждан в этой сцене такие же, как и у сегодняшних обеспокоенных граждан, сторонников Пегиды и АФД! Очевидно, что Гёте не придумывал этих людей, что они и их речь ему вполне знакомы.

Вдохновленный такими свободами языка, я перевел слово «Dirne» у Гёте сначала как «блядь», как оно известно сегодня. Но так грубо это не подходило здесь, так как ребята явно искали девушек, а не блядей. И действительно: слово «Dirne» означало раньше «молодая женщина». При переводе слова «Magd» сразу же после этого я остался при грубом слове «девка», которое на старорусском языке означало персону женского пола, нанятую для выполнения грубой работы, а сегодня используется как грубая и уничижительная подмена слову «девушка».

Подобные же заблуждения с устаревшими значениями слова случились мне при переводе названия «Zeche lustiger Gesellen» в сцене «Подвал Ауэрбаха в Лейпциге». Первый вариант «Компания веселых подмастерьев» я исправил в конечном итоге на «Пирушка веселых забулдыг», поскольку слово «Zeche» означает в данном случае «кутеж, пьянка» и, конечно же, не «компания». Актуальное здесь значение слова «Geselle» дают уничижительно понимаемые в старо-немецком термины «малый, забулдыга», а не употребляемое в настоящее время понятие «подмастерье». Это было бы слишком много, судя опять же по уровню их общения, для банды, пьянствующей в «Подвале Ауэрбаха».

Перевод Холодковского «Компания гуляк» и, как всегда, списанный у него перевод Пастернака «Компания веселых гуляк» по смыслу совершенно неверны в переводе «Zeche» как «компания». Этот перевод, правда, подходит в какой-то мере к пьянствующим друзьям в «Подвале Ауэрбаха», но это не прямой перевод определения Гёте.

4.8 К душевному состоянию переводчика

Душевное состояние переводчика естественно играет большую роль в качестве перевода, наряду со всеми рассмотренными выше предпосылками, условиями и правилами. Это основано не только на доброй воле переводчика, но гораздо больше зависит от материала оригинала. Является материал поэтически возвышенным, а также

философски глубоким, как, например, в таблицах 4.3 и 4.4, тогда он вдохновляет переводчика и увлекает его в свои высоты так, что перевод может в лучшем случае даже превзойти оригинал. И тогда душевное состояние переводчика достигает своего пика удовлетворения и даже счастья! Поэтический перевод восходит для меня в такие моменты к чистому искусству, а я к художнику, равному автору оригинала!

В то же время я испытал кризисы раздражения и притупления при переводе поэтически примитивных и довольно бессмысленных хоровых пений, причем неважно ангелов или ведьм, песен Гретхен, заклинаний духов, загадок зверей в кухне ведьмы, всей ведьмацкой и чертовской белиберды с различными голосами и фигурами в «Вальпургиевой ночи». При этом, речь идет лишь о поэтически-технических сторонах перевода, а не о грандиозных картинах, изображенных Гёте в его мастерской манере, на фоне которых разыгрываются эта и другие сцены. Однако надо было пробиться сквозь все это даже без удовольствия и понимания, но с сохранением этих гётевских картин.

И снова моя техника оказалась здесь очень полезной. Если уж перед тобой не стоит как вызов ничего инспирирующего, то делай это чисто ремесленнически: считай слога и стопы, распознавай стихотворные метры и, в надежде на то, что весь непознаваемый мистический смысл и сила гётевских картин скрыты в этих метрах и мелодиях, передавай тупо – безчувственно и бездумно – именно копируй все механически на русский язык. Поэтический перевод я воспринимал тогда как взыскательное художественное ремесло.

На эти колебания восприятия при работе влияли также личные отношения к персонажам трагедии, которые так мастерски изображаются Гёте в их душевной убогости или в их духовном богатстве исключительно посредством их речи и поэзии Гёте. Личные отношения означают, что у меня уже заранее была моя личная любовь или неприязнь, признание или отрицание определенных черт характера и типов людей, о которых я уже говорил при анализе «Евгения Онегина» и которые также определяли мое эмоциональное восприятие персонажей трагедии (и самого автора). Три главных героя, Мефистофель, Фауст и Маргарита (Гретхен), доминируют при этом весь сюжет.

Мефистофель изображен Гёте так многосторонне и интересно как хитроумный плут, как обаятельный, бедовый парень, как проницательный философ-софист, что ему невозможно не симпатизировать. Эта симпатия была усилена также тем фактом, что его взгляды на мировой порядок, на человечество и человеческие действия очень часто непосредственно совпадали с моими, как, например, здесь:

Таблица 4.22 Мое единодушие с Гёте

«ФАУСТ» Гёте [30: 159]	Мой роман «ПОЕЗД ОТПРАВЛЯЕТСЯ» [4: 2016]
МЕФИСТОФЕЛЬ Что супротив стоит Ничто, То Нечто – этот мир простой, И сколько б я тут не старался, Я так с ним и не разобрался, Иль бурей, тряской ли, огнем – Земля и море остаются в нем! А тот проклятый из зверей, людей покров, Его же истребить нет силы! Уж сколько я извёл, сгубил их! Но циркулирует все нова, свежа кровь. И так идет вперед, свихнуться можно! Из вод, земли, из всех возможных Восходят тысячи семян, В сухом, в сыром, в тепле ль, во хладе! Каб не был бы с огнем еще я в ладе, Так что б осталось для меня?	АВТОР Тысячелетние рейхи исчезают молниеносно и бесследно с лица земли... Их фюреры – как большие, так и маленькие – приходят и уходят, пожирая друг друга вместе с неисчислимыми миллионами людей в качестве гарнира... Уничтожительные войны кончаются и тут же начинаются вновь, сервированные горячими или холодными... И все проходит... Только Человечество – эта состоящая из неисчислимых ячеек, возникшая вопреки всем законам природы как единственная во всей Вселенной и, наверняка, кратковременная флуктуация плесень на Земле – остается удивительным образом, вопреки всем этим каннибальским вакханалиям дальше существовать и, не смотря на все это, размножается неудержимо дальше. Может быть как раз поэтому мировая политика – чтобы это ни означало и кто бы ее не проводил – никак не учитывает ни одной единственной человеческой жизни, ни их многие миллионы. (перевод с немецкого)

Моя точка зрения сформировалась при этом семнадцать лет назад, во время работы над историей моей семьи на фоне мировой истории, когда я вовсе еще не занимался «Фаустом» и взглядами Мефистофеля.

Фауст, напротив, производит впечатление безвольного, безответственного и слабого, хотя и умного человека. Он начинает с науки, не понимая, где в ней находить удовольствие, быстро разочаровывается от такой «убогой» жизни, ищет убежища у духов и отвергается ими, заключает пакт с дьяволом с очень ясно установленными для обеих сторон договора условиями, получает от хорошего друга Мефистофеля всё, что он желает, но постоянно канючит и оскорбляет своего слугу снова и снова, хотя ответственность за его собственные желания лежит только на нем, как ему дает понять снова и снова Мефистофель.

Таблица 4.23. Постоянное нытье Фауста

Гёте [27: 105]	Х-кий [28: 2015]
FAUST: Pfui über dich! MEPHISTOPHELES: Das will Euch nicht behagen; 11A Ihr habt das Recht, gesittet pfui zu sagen. 11A Man darf das nicht vor keuschen Ohren nennen, 11B Was keusche Herzen nicht entbehren können. 11B Und kurz und gut, ich gönne ihm das Vergnügen, 11C Gelegentlich sich etwas vorzulügen; 11C 6ja³[AABBCC] FAUST: Schlange! Schlange! 4A (tr) MEPHISTOPHELES für sich: Gelt! daß ich dich fange! 6A (tr) FAUST: Verrucher! hebe dich von hinnen, 9B Und nenne nicht das schöne Weib! 8c Bring die Begier zu ihrem süßen Leib 10c Nicht wieder vor die halb verrückten Sinnen! 11B	Фауст Тьфу на тебя! Мефистофель Не нравится, как видно? 11A Как тут стыдливо не плевать вам! 10b Ведь нравственным ушам всегда обидно 11A То, что приятно нравственным сердцам! 20b Глупец! Ему позволил я порою 11C Полгать себе, потешиться игрою, 11C 6ja³[AbAbCC] Фауст О, змея, змея! 5A3 (tr) Мефистофель (про себя) Пожалуй, лишь поймать тебя сумел бы я! 12A Фауст Уйди, уйди отсюда! Сгинь, проклятый! 11B Не называй красавицу мне вновь 10c И не буди к ней плотскую любовь 10c В душе моей, безумием объятый! 11B

MEPHISTOPHELES: Was soll es denn? Sie meint, du seist entflohn, 10d Und halb und halb bist du es schon. 8d FAUST: Ich bin ihr nah, und wär ich noch so fern, 10e Ich kann sie nie vergessen, nie verlieren; 11F Ja, ich beneide schon den Leib des Herrn, 10e Wenn ihre Lippen ihn indes berühren. 11F MEPHISTOPHELES: Gar wohl, mein Freund! Ich hab Euch oft beneidet 11G Ums Zwillingspaar, das unter Rosen weidet. 11G FAUST: Entfliehe, Kuppler! MEPHISTOPHELES: Schön! Ihr schimpft, und ich muß lachen. 13H Der Gott, der Bub' und Mädchen schuf, 8i Erkannte gleich den edelsten Beruf, 10i Auch selbst Gelegenheit zu machen. 9H 16ja^{4,5}tr^{2,3}(18)[AABccBddeFeFGGHiH]	Мефистофель Что ж, ей ведь кажется, что от неё уйти 12d Решил ты навсегда; да так и есть почти. 12d Фауст Где б ни был я, мне всюду остаётся 11E Она близка; везде она моя! 10f Завидую Христову телу я, 10f Когда она к нему устами прикоснётся. 13E Мефистофель Так, милый мой! Не раз завидно было мне 12g При виде парочки на, розах, в сладком сне. 12g Фауст Прочь, сводник! Мефистофель Что ж, бранись; а я смеюсь над бранью. 13H Творец, мужчину с женщиной создав, 10 i Сам отдал должное высокому призванью, 13H Сейчас же случай для того им дав. 10i 17ja^{4,5}tr^{2,3}(18)[AABccBddeEgghHiH]
Приб [30: 403] ФАУСТ: Тыфу на тебя! МЕФИСТОФЕЛЬ: Тебе желаю радость. 11A Вещать ты вправе, по обычью, гадость. 11A Но праведным то не должно назваться, 11B В чем праведны не в силах отказаться. 11B Но хорошо, Ему даю я право, 11C Сам иногда себе врать для забавы, 11C 6ja⁵[AABVCC] ФАУСТ: Змей змею! 4A (tr) МЕФИСТОФЕЛЬ <i>про себя</i>: Прав! Тебя поймаю! 6A (tr) ФАУСТ: Презренный! Удались отсюда, 9B Любимую не поминай! 8c И тягу к ней во мне не возбуждай, 10c Ни в полоумных чувствах, ни в сосудах! 11B МЕФИСТОФЕЛЬ: В чем дело? Мнит она, что ты сбежал, 10d Часть правды есть в том, как ни жаль. 8d ФАУСТ: Я близок ей, был бы далек, тогда 10e Мне потерять ее была бы гибель. 11F Завидую я телу Господа, 10 e Когда его ее коснутся губы. 11F МЕФИСТОФЕЛЬ: Тебе, мой друг, завидовал я часто 11G Из-за двойняшек, что ей в чреве паства. 11G ФАУСТ: Прочь, сводник! МЕФИСТОФЕЛЬ: Ругани твоей могу смеяться. 13H Два пола Бог тогда создал, 8i Призвание тут же чудное признал, 10i Как сводник сам при том вмешаться. 9H 16ja^{4,5}tr^{2,3}(18)[AABccBddeFeFGGHiH]	П-ак [29: 2015] Фауст Какая грязь! Мефистофель Какая грязь! 8a Вся кровь от ярости зажглась: 8a Как твой стыдливый слух тревожит, 9B Едва я прямо назову 8c То, без чего по существу 8c Твоя стыдливость жить не может! 9B Ну что же, лги и лицемерь, 8d Насколько совести хватает, 9E 8ja⁴[aaBccBdE] Фауст Змья! Змья! Мефистофель (<i>про себя</i>) Да, вижу я, 8a Что клонуло, душа моя! 8a Фауст Сгинь, искуститель окаянный, 9B О ней ни слова, негодяй, 8c И чувственного урагана, 9B Уснувшего, не пробуждай! 8c Мефистофель А девочку терзает страх, 8d Что ты остыл к ней и в беггах. 8d Фауст Где б ни был я, в какие бы пределы 11E Ни скрылся я, она со мной слита, 10f И я завидую Христову телу; 11E Его касаются ее уста. 10f Мефистофель Я вспомнил пастбище средь роз 8g И ланей, символы желанья. 9H Фауст Прочь, сводник! Мефистофель Ты меня до слез 8g Смешившь потоком этой брани. 9H Создав мальчишек и девчонок, 9I Сам бог раскрыл глаза с пеленок 9I На этот роковой вопрос. 8g 19ja^{4,5}[aaBcBcddE/EgHgHIlg]

Те философские, высоко духовные воззрения Фауста, подобные тем, что приведены в таблице 4.4, которые изначально так вдохновляли и трогали меня, характеризовали для меня скорее Гёте, чем Фауста, в то время как более поздние действия,

раскрывающие характерные для Фауста черты, меня лично раздражали, что все больше мешало моей работе.

Гретхен появляется в трагедии как оппонент Мефистофеля в ее набожности и чистоте, что признает даже сам Мефистофель:

Таблица 4.24 Мефистофель о Гретхен

<i>Goethe</i> [27: 84]	<i>Ch-kij</i> [28: 2015]
MEPHISTOPHELES: Da die? Sie kam von ihrem Pfaffen, 9A Der sprach sie aller Sünden frei; 8b Ich schlich mich hart am Stuhl vorbei, 8b Es ist ein gar unschuldig Ding, 8c Das eben für nichts zur Beichte ging; 9c4 (mix) Über die hab ich keine Gewalt! 9d5 (mix) 4ja ⁴ 2mix ^{4,5} (6)[Abbcdd]	Мефистофель Как, эту? У попа она сейчас была 12a И от грехов свободна совершенно: 11B К исповедальне подойдя, 8c Отлично всё подслушал я. 8c Она на исповедь напрасно - 9D Пришла: невинна, хоть прекрасна, - 9D И у меня над нею власти нет. 10e 7ja ^{4,5} 6[aBccDDe]
<i>Prieb</i> [30: 311]	<i>P-ak</i> [29: 2015]
МЕФИСТОФЕЛЬ: Вон та? Из церкви, как мне мнится, 9A Поп все грехи ей отпустил. 8b Как раз я мимо проходил, 8b Она невинна, как агнец, 8c Святой у нее девы венец, 9c4 (mix) У меня же над ней власти нет! 9d5 (mix) 4ja ⁴ 2mix ^{4,5} (6)[Abbcdd]	Мефистофель Она сейчас лишь вышла из собора, 11A Где отпустил грехи ей духовник. 10b Я исповедь подслушал, в ту же пору 11A За нею тайно прошмыгнувши вслед. 10c Ей исповедоваться нет причины, 11D Она, как дети малые, невинна, 11D И у меня над нею власти нет. 10c 7ja ⁵ [AbAcDDc]

Но благочестие и чистота сами по себе, без разума и собственной убежденности, т.е. быть лишь одним из «церковной паствы», недостаточно, чтобы выступить против дьявола в качестве его оппонента. Глупая девушка проявляет слабость к красоте Фауста (похоть), которую он приобрел с помощью Мефистофеля в кухне ведьмы, и к драгоценным украшениям (жадность), которые дьявол ворует для Фауста, что, в конечном итоге, и привело ее к гибели. Она не может различить деяния дьявола, хотя утверждает, что чувствует, ненавидит и боится чего-то дьявольского в компаньоне Фауста. «Добрый» Фауст, постоянно уверяющий ее в своей любви, лжет своей «дорогой кукле» по-черному, точно зная, кто этот его компаньон.

Таблица 4.25. Простые установки Гретхен

<i>Goethe</i> [27: 86]	<i>Ch-kij</i> [28: 2015]
MARGARETTE ihre Zöpfe flechtend und aufbindend: Ich gäb was drum, wenn ich nur wüßte, 8a Wer heut der Herr gewesen ist! 8a Er sah gewiß recht wacker aus 8b Und ist aus einem edlen Haus; 8b Das konnt ich ihm an der Stirne lesen û 10C4(mix) Er wär auch sonst nicht so keck gewesen. 10C4(mix) 4ja ⁴ 2mix ⁴ (6)[aabbCC] (...) Was ist das? Gott im Himmel! Schau, 8a So was hab ich mein Tage nicht gesehn! 10b	Маргарита Я, право, дорого б дала, 8a Когда бы я узнать могла, 8a Кто этот видный господин. 8b Должно быть, это дворянин: 8b Так благородно он глядел 8c И так уверен был и смел. 8c 6ja ⁴ [aabbcc] (...) Что это! Боже мой! Чудеснейший убор! 12a Мне видеть не пришлось такого до сих пор! 12a

Ein Schmuck! Mit dem könnt eine Edelfrau 10a Am höchsten Feiertage gehn. 8b Wie sollte mir die Kette stehn? 8b Wem mag die Herrlichkeit gehören? 9C <i>Sie putzt sich damit auf und tritt vor den Spiegel.</i> Wenn nur die Ohrring meine wären! 9C Man sieht doch gleich ganz anders drein, 8d Was hilft euch Sch÷nheit, junges Blut? 8e Das ist wohl alles schön und gut, 8e Allein man läßt's auch alles sein; 8d Man lobt euch halb mit Erbarmen. 8F3(mix) Nach Golde drängt, 4g Am Golde hängt 4g Doch alles. Ach wir Armen! 7F3 14ja^{2,3,4,5}1mix³(15)[ababbCCdeedFggE] FAUST: Und Gretchen? MEPHISTOPHELES: Sitzt nun unruhvoll, 8a Weiß weder, was sie will noch soll, 8a Denkt ans Geschmeide Tag und Nacht, 8b Noch mehr an den, der's ihr gebracht. 8b 4ja⁴[aabb] FAUST: Wieso? MARGARETE: Der Mensch, den du da bei dir hast, 10a Ist mir in tiefer innerer Seele verhaßt; 11a5 (mix) Es hat mir in meinem Leben 8B4 (tr) So nichts einen Stich ins Herz gegeben 10B5 (tr) Als des Menschen widrig Gesicht. 8c4 (mix) FAUST: Liebe Puppe, fürcht ihn nicht! 7c4 (tr) MARGARETE: Seine Gegenwart bewegt mir das Blut. 10d5 (mix) Ich bin sonst allen Menschen gut; 8d Aber wie ich mich sehne, dich zu schauen, 11E5 Hab ich vor dem Menschen ein heimlich Grauen, 11E5 (mix) Und halt ihn für einen Schelm dazu! 9f5 (tr) Gott verzeih mir's, wenn ich ihm unrecht tu! 10f5 (mix) (...) Das übermannt mich so sehr, 7g4 (mix) Daß, wo er nur mag zu uns treten, 9H Mein ich sogar, ich liebte dich nicht mehr. 10g Auch, wenn er da ist, könnt ich nimmer beten 11H Und das frißt mir ins Herz hinein; 8i Dir, Heinrich, muß es auch so sein. 8i FAUST: Du hast nun die Antipathie! 8j MARGARETE: Ich muß nun fort. FAUST: Ach kann ich nie 8j Ein Stündchen ruhig dir am Busen hängen 11K Und Brust an Brust und Seel in Seele drängen? 11K MARGARETE: Ach wenn ich nur alleine schlief! 8l Ich ließ dir gern heut nacht den Riegel offen; 11M Doch meine Mutter schläft nicht tief, 8l Und würden wir von ihr betroffen, 9M Ich wär gleich auf der Stelle tot! 8n 17ja^{4,5}4tr^{4,5}6mix^{4,5} (27)[aaBBccddEEffgHgHijjKKlMlMn] Prieb [30: 319]	Его б и дама знатная надела 11В И на гулянье в нём отправилась бы смело. 13В Цепочку бы надеть: какой приму я вид? 12с Чья ж эта роскошь вся? Кому принадлежит? 12с (<i>Наряжается и смотрит в зеркало</i>) Хоть серьги мне иметь хотелось бы ужасно! 13D Наденешь их — и вот совсем уже не то! 12е К чему красивой быть? Совсем, совсем напрасно! 13D Не худо это — я, конечно, в том согласна; 13D Да люди красоту нам ставят ни во что 12е И хвалят только нас из жалости. Вот слава: 13F Все денег ждут, 4g Все к деньгам льнут; 4g Ах, бедные мы, - право! 7F3 15ja^{2,3,6}[aaBBccDeDDeFggE] Фауст А Гретхен? Мефистофель Мучится, жалеет: 9А Подарок спать ей не даёт, 8b И день и ночь с ума нейдёт, 8b А с ним — кто так дарить умеет. 9А 4ja⁴[AbbA] Фауст С кем это? Маргарита С кем повсюду ходишь ты. 10а Он ненавистен мне от сердца полноты! 12а Изо всего, что в жизни я видала, 11В Я не путалась столько ничего, 10с Как гадкого лица его. 8с Фауст Поверь мне, куколка, не страшен он нисколько. 13В Маргарита Его присутствие во мне волнует кровь. 12d Ко всем и ко всему питаю я любовь; 12d Но как тебя я жду и видеть жажду, 11Е Так перед ним я тайным страхом стражду; 11Е Притом мне кажется, что плут он и хитрец, 12f И если клевету — прости меня, творец! 12f (...) И столько он мне ужаса внушил, 10g Что если к нам войти ему случится, 11Н И ты как будто мне уже не мил. 10g При нем никак я не могу молиться; 11Н И так тогда мне больно, милый мой! 10i И, верно, Генрих, то же и с тобой. 10i Фауст Враждебна ты к нему! Маргарита Прощай — иди мне надо. 13J Фауст Мой друг, когда же будет мне отрада 11J Часочек хоть с тобою отдохнуть, 10k Душа с душой и с грудью грудь? 8k Маргарита Ах, я дверей бы запираю не стала, 11L Когда бы только я спала одна; 10m Но маменька... так чутко спит она. 10m И если б нас она застала, 9L Я с места, кажется, не встала бы живой! 12n 27ja^{4,5,6}[aaBccBddEEffgHgHijjJkkLmmLn] P-ak [29: 2015]
МАРГАРИТА <i>заплетая и связывающая ее косы:</i> Все отдала бы, чтобы знать, 8a Ктой-то хотел ко мне пристать! 8a Он смел и славной красоты, 8b К тому же, он не из простых. 8b То по лицу же видеть могла я — 10C4(mix)	Маргарита Я б дорого дала, открой 8a Мне кто-нибудь, кто тот чужой. 8a У незнакомца важный вид. 8b Он, надо думать, родовит, 8b А то б так смело и беспечно 9C

Иначе ж так со мной не наглел бы. 10C4(mix) 4ja⁴2mix⁴(6)[aabbCC] (...) Что это! Боже! Посмотри, 8a Такого в жизни видеть не пришлось! 10b Такие украшения внутри 10a Взял бы на праздник всякий гость. 8b Мне подойдут они авось. 8b Чья может быть такая прелесть? 9C <i>Она надевает украшение и подходит к зеркалу.</i> Мне уж сережки пригляделись! 9C Всяк выглядит иначе в них. 8d Что там краса и юность дев? 8e Все это глупый лишь припев, 8e Лишь одиночество ждет их. 8d Нас хвалят из сострадания. 8F3(mix) Злата хотят, 4g На нем висят 4g Все. Бедные создания! 7F3 14ja^{2,3,4,5}1mix³(15)[ababbCCdeedFggE] ФАУСТ: А Гретхен? МЕФИСТОФЕЛЬ: Паники полна, 8a Не знает, думать что должна, 8a По украшениям полна слез 8b И по тому, кто их принес. 8b 4ja⁴[aabb] ФАУСТ: Каком? МАРГАРИТА: Того, что вижу я с тобой, 10a Его я ненавижу всею душой. 11a5 (mix) В жизни мне так не бывало, 8B4 (tr) Сердце так ничто не убивало, 10B5 (tr) Как лицо противно того. 8c4 (mix) ФАУСТ: Гретхен, не бойсь его! 7c4 (tr) МАРГАРИТА: Вид его кипеть заставит мне кровь. 10d5 (mix) Хоть у меня ко всем любовь. 8d Но коль тебя видать хочу в смирение, 11E5 От него мне тут же как омерзенье, 10E5 (mix) Он канала для меня к тому ж! 9f5 (tr) Бог, прости мне, коль неправда к нему! 10f5 (mix) (...) Объята настолько сим, 7g4 (mix) Что, к нам сюда коль он сейчас ввалится, 11H Любимый, ты б мне стал невыносим. 10g Еще, при нем я не могу молиться 11H И это гложет сердце мне. 8i Тебе он должен тож быть гнет. 8i ФАУСТ: То антипатия твоя! 8j МАРГАРИТА: Пора мне. ФАУСТ: Не могу ли я 8j Часок хоть на груди твоей поникнуть 11K И грудь к груди, душой к душе проникнуть? 11K МАРГАРИТА: Ах, если б я спала одна! 8l Дала б тебе я от двери отмычку. 11M Но чуткого моя мать сна 8l Поймай она нас тут с поличным, 9M Мне б бо льше не было беды! 8n 17ja^{4,5}4tr^{4,5}6mix^{4,5}(27)[aaBBccddEEfgHgHijjKKlMlMn]	Не говорил он с первой встречной. 9C 6ja⁴ [aabbCC] (...) О господи! Смотри-ка ты, смотри, 10a Я отроду не видела такого! 11B Убор знатнейшей барыне под стать! 10c Из золота и серебра изделия! 11D Кому б они могли принадлежать? 10c О, только бы примерить ожерелье! 11D <i>(Надевает драгоценности и становится перед зеркалом.)</i> Ах, мне б такую парочку серег! 10e В них сразу кажешься гораздо краше. 11F Что толку в красоте природной нашей, 11F Когда наряд наш беден и убог. 10e Из жалости нас хвалят в нашем званье. 11G Вся суть в кармане, 5G Все - кошелек, 4h А нам, простым, богатства не дал бог! 10h 14ja^{2,5}[aBcDcDeFFeGGhh] Фауст А Гретхен? Мефистофель С места не встает. 8a Покоя ларчик не дает, 8a И неизвестность беспокоит, 9B Кто тот даритель-доброхот? 8a Весь день сидит, догадки строит. 9B 5ja⁴[aaBaB] Фауст Как так? Маргарита В чем ваше кумовство? 8a Как можешь ты терпеть его? 8a Никто еще во мне так живо 9B Не возбуждал вражды брезгливой, 9B Как твой противный компаньон. 8c Фауст О милочка, не страшен он! 8c Маргарита При нем я разом холодею, 9D Я с прочими людьми в ладу... 8e Но так же, как душою всею 9D Я твоего прихода жду, 8e Так я чураюсь лиходея. 9D Прости господь мои слова, 8f Когда пред ним я не права. 8f (...) Он мне непобедимо гадок. 9G В соседстве этого шута 8h Нейдет молитва на уста, 8h И даже кажется, мой милый, 9I Что и тебя я разлюбила, 9I Такая в сердце пустота! 8h Фауст Тут верх врожденной неприязни. 9J Маргарита Но мне пора домой. Фауст Постой. 8k Хоть раз нельзя ли без боязни 9J Побыть часочек мне с тобой 8k Грудь с грудью и душа с душой? 8k Маргарита Ах, если б я спала одна, 8l Сегодня ночью, веришь слову, 9M Я б не задвинула засова. 9M Но рядом дремлет мать вполсна. 8l Когда бы нас она застала, 9N Я б тут же замертво упала! 9N 30ja⁴[aaBBccDeDeDffGhhIhJkKklMMlNN]
---	--

Прототипом Гретхен была, как я уже сказал в начале этого анализа, реальная персона, осужденная и казненная детоубийца Сюзанна Маргарита Брандт. Была ли она такой же благочестивой, как Гретхен у Гёте, я не знаю. Но она наверняка была верующей. И здесь для меня снова речь о роли религиозных институтов, таких как церковь, в религиозном воспитании своей паствы. Своими догмами и заповедями, высеченными в камне, она формирует основы христианской этики, жестко предписывает людям образ поведения, делая их стадом глупых «овец». Падение Гретхен ясно показывает недостатки такого воспитания, основанного на страхе перед чистилищем и адом, а не на усвоенных через собственный рассудок внутренних ценностях.

Итак, довольно слабое представление Гретхен, чтобы литературные комментаторы «Фауста» интерпретировали ее как оппонента Мефистофеля, который, якобы, в конечном итоге, торжествует над ним. Чего благочестивой, но простой девушке недостает для этого, я подробно обсуждаю в своем уже цитируемом выше романе:

Одной веры не достаточно и ею даже злоупотребляют, в том, например, что люди творят Зло с сознанием, что они могут потом покаяться, помолиться об отпущение грехов и тут же его получить. Лучшие всего иметь все вместе: веру, разум и волю и, может быть, кое-что еще сверх того. Именно тем отличаются интеллектуалы в их призвании: их верой в Добро, их разумом, их силой воли и духа..

Мой роман «Поезд отправляется» [4: 2016]
(перевод с немецкого)

Так были мне при переводе как Фауст в его второй, омоложенной жизни, так и Гретхен не особенно симпатичны (так что заявление Фауста: «То антипатия твоя!» можно с полным правом отнести и ко мне), что несколько омрачало мою работу,

Возможно, это тоже одно из введенных Гёте средств выражения для описания двух жизней Фауста: в первой он описан в таких чудных и глубоко философских стихах как неустанно ищущий истину и пытающийся добраться до основ природы, высокоинтеллектуальный ученый, а во второй – как банальный, ищущий удовольствия, все вокруг разрушающий и ввергающий в несчастье примитивный обыватель, представленный в повествовательно-плоской, мало мотивирующей форме почти без высших моментов. Во всяком случае, это было мое восприятие в начале и в конце трагедии.

5 Анализ других поэтических произведений

5.1 Многообразие поэзии

При переводе «Фауста» я был намерен перенести в моем переводе на русский язык максимально адекватно философский смысл и глубину трагедии, а также поэтическую, очень сложную в ее пируэтах мелодию Гёте, которые были извращены в пренебрежительных литературно к поэзии Гёте и лингвистически к немецкому языку переводах Холодковского и Пастернака.

Проблема поэтического перевода заключается в отсутствии открытости (трансперенции), отсутствии контроля из-за отсутствия языковых знаний и понимания поэзии самой по себе как среди читателей, так и среди литературных и литературоведческих критиков. Читатели должны принимать перевод таким, как он есть. Филологи должны без вышеупомянутого понимания и без соответствующей методики научного анализа в своих дипломных и докторских работах или последующих статьях писать нечто субъективно-псевдонаучное к этой теме и преступно затуманивают все это, как показывает этот – один из многих других – пример:

Степень преломления поэтичности оригинала на когнитивном (познавательном – мой перевод с «псевдонаучного» на нормальный русский) и трансляционном (переводческом – мой тот же перевод) этапах зависит от рефлексивной (отражающей – мой тот же перевод) позиции переводчика и степени гетерогенности (неоднородности – мой тот же перевод) сознаний автора и переводчика. На основе критерия степени освоенности и транслированности поэтичности оригинала можно условно выделить четыре степени ее преломления в сознании переводчика на каждом этапе: минимальное преломление, среднее преломление, максимальное преломление, полное внутреннее отражение (отсутствие преломления)

Наталья В. Шутёмова [8: 630, §3.6]

Господи! Что за абструзная, псевдонаучная, ничего полезного не несущая дребедень! Из одного этого примера является очевидным, насколько пусты, беспомощны и дилетантски произвольны (Наталья Шутёмова – физик по образованию, отсюда и коэффициенты преломления и отражения) все литературоведческие дискуссии о тактиках, стратегиях или – сохрани Боже! – преломлениях (Brechung звучит как «лом» – Brechstange – как техника перевода или как «рвота» – Erbrechen – как результат применения такой техники). Разные степени преломления поэтичности у Н. Шутемовой очень напоминают степени «свежести» у булгаковского буфетчика в «Мастере и Маргарите».

Вместо этого должны бы были эти псевдоученые разработать, наконец, объективную технику анализа, установить на ее основе строгие правила и создать, в конечном итоге, учение о поэтическом переводе, которое подняло бы эту благородную работу на обучаемый и профессиональный уровень. Я надеюсь, что привнес своими объективными качественными и количественными методами анализа и сравнения значительный вклад в такое учение.

Из моего профессионального опыта с научными семинарами, конференциями и т. д. я знаю, что доклад какого-то, даже работающего в твоей области исследований учёного, где мы собственно должны бы были понимать друг-друга, становится тем непонятнее, чем меньше такой коллега понимает материю сам. То же самое доказывают искусственно усложненные, «обнаученные» доклады сегодняшних учёных-литературоведов, если сравнить эти доклады с фундаментальными и тем не менее легко понимаемыми работами немецких поэтов, переводчиков, филологов и философов XVIII- XIX-го веков И.В. фон Гёте, Фридрих и Август Шлегель, Фридрих Шлайермахер, которые из своего собственного поэтического и переводческого опыта дискутировали, философствовали и писали о теории поэтического перевода (F. Schlegel. Philosophie der Philologie 1797 г.; F. Schleiermacher. Über die verschiedenen Methoden des Uebersetzens 1813 г.) и вовсе не нуждались в искусственном «обнаучивании» своих теорий.

Парадигмы, приведенные в их философиях и теориях перевода, такие как верность оригиналу (Шлегель), которая прежде всего означает верность форме, которая никогда не существует без содержания (Гёте, Шлегель), то есть поэтической структуре; отчуждающий (Verfremden) метод перевода (Шлайермахер), то есть с помощью перевода приблизить иностранную культуру оригинала отечественным читателям, а не подменять ее собственной культурой (дать ей своё гражданство – Einbürgern), соответствуют полностью моим, установленным из моего практического опыта правилам и целям перевода. В своем учении я также подробно объясняю, какие методы и приемы для достижения этих целей быстро превращаются в пособие по поэтическому переводу.

Я, как физик-аналитик, провожу в процессе перевода структурный анализ поэзии и философии Гёте на немецком языке, синтезирую результаты этого анализа на русском языке в свой научно-поэтический перевод и сравниваю оригинал и мой перевод с помощью разработанной мной на этом пути техники с существующими

«каноническими» и другими переводами, чтобы понять самому и показать читателям, что такое перевод поэзии с одного языка на другой и насколько вообще возможен адекватный и достоверный поэтический перевод.

Такой подход я выделяю как **основополагающий принцип моего учения о научно-поэтическом переводе как о ремесленном искусстве:**

Анализ произведения-оригинала как его поэтапное разложение на элементарные составные части (ремесленная сторона перевода), понимание их взаимодействия, регистрация всех специфических средств выражения автора оригинала и последующий синтез как сведение вместе результатов анализа со строгим соблюдением всех особенностей оригинала в языке перевода (творческая сторона перевода как поэтическое искусство).

Этот научный подход к работе над поэтическим переводом позволяет мне ввести новый термин «**научно-поэтический перевод**», который уже подчеркивает качество перевода, вместо общеупотребительного термина «поэтический перевод», который указывает лишь на отличие от прозаического перевода. Научно-поэтический перевод включает в себя не только изучение и анализ оригинала, но и проникновение в его глубины, его атмосферу, его характер и, наконец, понимание автора оригинала, почти мысленное и чувственное слияние с ним.

Из анализа этих во многих отношениях принципиально различных поэтических произведений «Евгений Онегин» и «Фауст» может возникнуть впечатление, что разработанное мной учение с его техниками может быть полезным только для этого особого случая, как «Фауст» Гете. Ну что ж, я бы объявил особым случаем, скорее, пушкинского «Евгения Онегина» с его чистым и однообразным ямбом, при котором мои техники (но не всё учение) кажутся ненужными. Весь остальной спектр столь разнообразной мировой поэзии лежит между этими двумя полюсами.

5.2 Универсальность этого учения

В следующих примерах с выдержками из различных стихов различных поэтов (Приложение 5) я показываю, как потребность в моих методах перевода становится все более очевидной по мере возрастания сложности стихосложения. Даже уже с другими стихотворными творениями Пушкина начинает потребность моей техники перевода постигаться лучше, как только он начинает рифмовать разноstopные ямбические стихотворные строки (Приложение 5, таблица 5.1):

Таблица 5.1. Пушкинские отклонения от «онегинской строфы»

<i>Пушкин</i> [24: 2019]	<i>Приб</i> [3: 94], [24: 2019]
„exegi monumentum“ (1836)	„exegi monumentum“ (1836)
Я памятник себе воздвиг нерукотворный, 13A6	Ich hab mir aufgesetzt ein Denkmal nicht handwerklich, 13A6
К нему не заростет народная тропа, 12b6	Zu ihm wird nie mit Graß verwachsen Volkesspfad, 12b6
Вознёсся выше он главою непокорной 13A6	Es übertraf empor mit stolzem Haupt gar merklich 13A6
Александрийского столпа. 8b4	Der Alexandersäule Grat. 8b4
20ja ^{6,4} [AbAbCdCdEfEfGhGhIkIk]	20ja ^{6,4} [AbAbCdCdEfEfGhGhIkIk]

В этом стихотворении каждая из пяти строф состоит из трех шестистопных ямбических стихотворных строк с чередующимися каденциями и цезурой после третьей стопы (шестого слога), называемых александрийскими стихами, и одной четырехстопной строки с мужской каденцией. Пушкин использует перекрестную рифму и рифмует вторую шестистопную александрийскую строку с четвертой четырехстопной стихотворной строкой и, таким образом, не представляет ни чистый александрийский стих, который Пушкин высмеивал, ни его чистый, не только для «Онегинской строфы» типичный четырехстопный ямб. Для Пушкина это один из простых способов усложнения однообразного ямба, пропагандируемого Гёте.

Все виды усложнений используются естественно и прежде всего гениями «Бури и натиска», которые объявили вариативность стиха своей программой. В следующем известном стихотворении Г.А. Бюргера (Приложение 5, таблица 5.2) ямбические стихотворные строки не рифмуются вовсе (белый стих) и упорядочены в соответствии с разным количеством стоп в шесть трехстрочных строф (Приложение 5):

Таблица 5.2. Белый стих Бюргера

<i>Бюргер</i> [14: 2019]	<i>Приб</i> [2: 298], [14: 2019]
Der Bauer	Крестьянин
an seinen durchlauchtigen Tyrannen	к его высочествомному тирану
Wer bist du, Fürst, daß ohne Scheu 8a	Кто есть ты, князь, чтоб без стыда 8a
Zerrollen mich dein Wagenrad, 8b	Меня давил твой экипаж 8b
Zerschlagen darf dein Roß? 6c	Иль мог забить твой конь? 6c
18ja ^{4,3} [abc def ghi jkl mno prs]	18ja ^{4,3} [abc def ghi jkl mno prs]

Всё ещё не особо сложные стихи Г.Е. Лессинга (Приложение 5, таблица 5.3):

Таблица 5.3. Четырёхкратная рифма Лессинга

<i>Лессинг</i> [14: 2019]	<i>Приб</i> [2: 300], [14: 2019]
Ein trunkner Dichter leerte, 7A	Поэт, уж охмелевший, 7A
sein Glas um jeden Zug. 6b	опустошал бокал. 6b
Ihn warnte sein Gefährte: 7A	Сказал, к нему присевший, 7A
"Paß auf, Du hast genug." 6b	«Достаточно пока». 6b
Und jener sprach im Sinken: 7C	Отвечил пьяный строго 7C
"Mein Freund, Du bist nicht klug. 6b	«То мнение дурака. 6b
Zuviel kann man wohl trinken, 7C	Бывает пьем мы много, 7C
doch nie trinkt man genug." 6b	достаточно ж – никак.», 6b
8ja3[AbAbCbCb]	8ja3[AbAbCbCb]

Но и здесь надо с помощью моей техники быть настороже по отношению к юмористически-философскому содержанию и к четырехкратной рифме. То же самое касается глубокомысленных стихов И.Г. Гердера (Приложение 5, таблица 5.4):

Таблица 5.4. Смешение рифмованных и белых стихотворных строк Гердером

<i>Гердер</i> [14: 2019]	<i>Приб</i> [2: 315, 316], [14: 2019]
Der Augenblick	Мгновение
Warum denn währt des Lebens Glück 8a	Длина что ж счастья нашего 8a
Nur einen Augenblick? 6a	Мгновение всего? 6a
Die zarteste der Freuden 7B	Нежнейшая отрада, 7B
Stirbt wie der Schmetterling, 6c	Как бабочка, умрет, 6c
Der, hangend an der Blume, 7D	Кто, на цветочке сидя, 7D
Verging, verging, 4c	Минет, минет. 4c
 Wir ahnen, wir genießen kaum 8e	 И не вкушаем мы почти 8e
Des Lebens kurzen Traum. 6e	Миг жизни как мечты. 6e
Nur im unsel'gen Leiden 7F	Лишь в горестном страданье 7F
Wird unser Herzensleid 6g	Взойдет кручина их, 6g
In einer bangen Stunde 7H	Сердец людских, в час данный 7H
Zur Ewigkeit. 4g	До вечности. 4g
12ja ^{2,3,4} [aaBcDc eeFgHg]	12ja ^{2,3,4} [aaBcDc eeFgHg]
Ein Traum	Мечта
Ein Traum, ein Traum ist unser Leben 9A	Мечта, мечта вся жизнь есть наша 9A
auf Erden hier. 4b	здесь на земле. 4b
Wie Schatten auf den Wogen schweben 9A	Как тени мы кривые пляшем 9A
und schwinden wir, 4b	и сгинем в мгле, 4b
und messen unsre trägen Tritte 9C	в прострпнство-временой сидим мы 9C
nach Raum und Zeit; 4c	конечности, 4c
und sind (und wissen's nicht) in Mitte 9C	но есть, не зная, в середине 9C
der Ewigkeit. 4c	мы вечности. 4c
8ja2,4[AbAb CdCd]	8ja2,4[AbAb CdCd]

Весь спектр как классических регулярных стихов, таких как «Встреча и прощание» (Таблица 1.4), так и стихов со смешанными метрами представлен разумеется Гёте от четырехстопного двадцатитрёхстрочного хорей только с одной искусственно введённой строкой со смешанным метром (Приложение 5, таблица 5.5):

Таблица 5.5. Слабо смешанные стихотворные строки у Гёте

<i>Гёте</i> [14: 2019]	<i>Приб</i> [2: 301], [14: 2019]
Neue Liebe, neues Leben	Новая любовь, новая жизнь
(virhebiger Trochäus)	(четырёхстопный хорей)
Muss in ihrem Zauberkreise 8K	Я теперь в волшебном круге 8K
Leben nun auf ihre Weise. 8K	Должен следовать подруге. 8K
Die Veränderung, ach, wie groß! 8l5(mix)	Измененья, ах, много вновь! 8l5(mix)
Liebe! Liebe! Laß mich los! 7l	Отпусти меня, любовь! 7l
23tr ⁴ 1mix ⁵ (24)	23tr ⁴ 1mix ⁵ (24)
[AbAb CCdd EfEf GGhh IjJj KKll]	[AbAb CCdd EfEf GGhh IjJj KKll]

и пятистрочный стих со смешанными метрами и только одной трохеической строкой (Приложение 5, таблица 5.5):

Таблица 5.6. Большая плотность смешанных стихотворных строк у Гёте

<i>Гёте</i> [14: 2019]	<i>Приб</i> [2: 309], [14: 2019]
Alles geben die Götter, die unendlichen, 12a6(mix) Ihren Lieblichen ganz, 6b3(mix) Alle Freuden, die unendlichen, 9a5(tr) Alle Schmerzen, die unendlichen, ganz. 10b5(mix) 1tr ^{3,5} 3mix ⁶ (4)[abab]	Все дают блага боги, бесконечные 12a7(mix) Их любимцам сполна, 6b3(mix) Радости все, бесконечные, 9a5(tr) Боли бесконечные все, сполна. 10b5(mix) 1tr ^{3,5} 3mix ⁶ (4)[abab]

до полного смешивания почти всех метров (кроме анапеста) в одном стихотворении (Приложение 5, таблица 5.5):

Таблица 5.7. Смешанные метры в одном стихе у Гёте

<i>Гёте</i> [14: 2019]	<i>Приб</i> [2: 311], [14: 2019]
Rastlose Liebe Dem Schnee, dem Regen, 5A Dem Wind entgegen, 5A Im Dampf der Klüfte, 5B Durch Nebeldüfte, 5B Immer zu! Immer zu! 6c4(mix) Ohne Rast und Ruh! 5c3(tr)	Неугомонная любовь В дождь, снег и ветер, 5A Всем им навстречу, 5A В пару ущелий, 5B Туман сквозь белый, 5B Все вперед! Все вперед! 6c4(mix) Где покой не ждет. 5c3(tr)
Lieber durch Leiden 5D2(da) Möcht ich mich schlagen, 5E Als so viel Freuden 5D Des Lebens ertragen. 6E2(am) Alle das Neigen 5F2(da) Von Herzen zu Herzen, 6G2(am) Ach, wie so eigen 5F Schaffet das Schmerzen! 5G2(da) 8ja ² 1mix ⁴ 1tr ³ 8da ² 2am ² (20) [AABBcc DEDEFGFG HHIIjj]	Сквозь все страданья 5D2(da) Хочу пробиться, 5E Чем жизни данной 5D Отрадой упиться. 5E2(am) То всё, что склонно 5F2(da) От сердца к другому, 5G2(am) Оно как болей 5F Кормит истому! 5G2(da) 8ja ² 1mix ⁴ 1tr ³ 8da ² 2am ² (20) [AABBcc DEDEFGFG HHIIjj]

Перси Биши Шелли (Приложение 5, таблица 5.6) после перевода «Фауста» на английский язык был настолько вдохновлен новаторским поэтическим стилем Гёте, что тут же перенял его в своей поэзии:

Таблица 5.8. Чистые метры, белые стихи и смешанные формулы строф у Шелли

<i>Шелли</i> [41: 2019]	<i>Приб</i> [3: 105], [41: 2019]
Bereavement [37: 2019] How stern are the woes of the desolate mourner 12A4(am) As he bends in still grief o'er the hallowed bier, 11b4(am) As enguished he turns from the laugh of the scorners. 12A4(am) And drops to perfection's remembrance a tear: 11b4(am) When floods of despair down his pale cheeks are streaming, 12C4(am) When no blissful hope on his bosom is beaming, 12C4(am) Or, if lulled for a while, soon he starts from his dreaming. 12C4(am) And finds torn the soft ties to affection so dear. 11b4(am) 16am ⁴ [AbAbCCCbdeFFFe]	Trauerfall [3: 113] Wie ernst sind des trostlosen Trauernden Leiden 12A4(am) Als er sich noch beugt zu geheiligter Bahr', 11b4(am) Als er sich weg duckt vorm Hohn Spöttergemeinde 12A4(am) Und fällt eine Träne zur Perfektion gar; 11b4(am) Verzweiflung in Fluten wenn Wangen ihm säumen, 12C4(am) Wenn selige Hoffnung kann nicht mehr aufbauen, 12C4(am) Wenn, oder, kurz eingelullt, lässt er ran Träume. 12C4(am) Und findet den Liebsten so lieb wunderbar. 11b4(am) 16am ⁴ [AbAbCCCbdeFFFe]
Queen Mab: [38: 2019] A Philosophical Poem. How wonderful is Death, 6a Death, and his brother Sleep! 6b One, pale as yonder waning moon 8c With lips of lurid blue; 6d The other, rosy as the morn 8e When throned on ocean's wave 6f It blushes o'er the world; 6g	Königin Mab [3: 107] Ein philosophisches Poem (ohne Reim) Wie wundervoll ist Tod 6a Sowie sein Bruder Schlaf! 6b Der eine wie dort Halbmond bleich 8c Mit Lippen grell und blau. 6d Der andre wie das Morgenrot, 8e Wenn es auf Wellen thront, 6f Errötend über Welt. 6g

Yet both so passing wonderful! 8h 8ja^{3,4}[abcde fgh] LOVE'S PHILOSOPHY (January 1820) [39: 2019] The fountains mingle with the river 9A And the rivers with the ocean; 8B4(tr) The winds of heaven mix for ever 9A With a sweet emotion; 6B3(tr) Nothing in the world is single; 8C4(tr) All things by a law divine 7d4(tr) In one another's being mingle – 8C Why not I with thine? 5d3(tr) See, the mountains kiss high heaven 8E4(tr) And the waves clasp one another; 8F4(tr) No sister flower would be forgiven 10E5(mix) If it disdained its brother; 7F And the sunlight clasps the earth, 7g4(tr) And the moonbeams kiss the sea — 7h4(tr) What are all these kissings worth, 7g4(tr) If thou kiss not me? 5h3(tr) 4ja^{3,4}11tr^{3,4}1mix⁵(16) [ABABCDcDEFEFGghh] To Night [40: 2019] Swiftly walk o'er the western wave, 9a5(tr) Spirit of Night! 4b2(da) Out of the misty eastern cave, 8a Where, all the long and lone daylight, 8b Thou wovest dreams of joy and fear, 8c Which make thee terrible and dear – 8c Swift be thy flight! 4b When I arose and saw the dawn, 8g I sighed for thee; 4h When light rode high, and the dew was gone, 9g4(mix) And noon lay heavy on flower and tree, 10h And the weary day turned to his rest, 8i5(tr) Lingering like an unloved guest, 8i I sighed for thee. 4h 17ja^{2,4,5}15tr^{2,4,5}2mix⁴1da²(35) [a]babbcb dedeffe ghghiih jhjhjjh kkkkjjk]	Vergänglich beide wundervoll! 8h 8ja^{3,4}[abcde fgh] Philosophie der Liebe (Januar 1820) [3: 106] Die Quellen mischen sich mit Flüssen, 9A Die, sich mischend, Meere füllen. 8B3(tr) Die Himmelswinde immer fließen 9A In die Glücksgefühle. 6B3(tr) Auf der Welt ist nichts vereinsamt. 8C4(tr) Alle Ding' durch Gottesrecht 7d4(tr) Sind ein in anderem gemeinsam – 8C Wär's für uns nicht recht? 5d3(tr) Sieh, die Berge küssen Himmel, 8E4(tr) Wellen umklammern einander. 8F4(tr) Der Blumenschwester wird's verzeiht nimmer 10E5(mix) Veracht' sie Bruders Band je. 7F3 Sonnenlicht umklammert Erd', 7g4(tr) Und der Mondstrahl küsst das Meer – 7h4(tr) Was sind all die Küsse wert, 7g4(tr) Wenn du küsst nicht mehr? 5h3(tr) 4ja^{3,4}11tr^{3,4}1mix⁵(16) [ABABCDcDEFEFGghh] Zu Nacht [3: 109] Schnellen über diese westlich' Well', 9a5(tr) Seele der Nacht! 4b2(da) Aus nebligen östlichen Höhl', 8a Wo einsam' Licht, die Tagespracht, 8b Die Träume webt von Freud' und Angst, 8c Die dich so machen, lieb und bang – 8c Dein Flug verbracht! 4b Als ich da kam, sah Dämmerung, 8g Ich seufzt' um dich; 4h Als Licht hoch ritt, der Tau war im Schwund, 9g4(mix) Und Mittag schwer Bäume und Blumen strich, 10h Kehrte müder Tag zu seiner Rast, 8i5(tr) Verweilt wie ungeliebter Gast, 8i Ich seufzt' um dich. 4h 17ja^{2,4,5}15tr^{2,4,5}2mix⁴1da²(35) [a]babbcb dedeffe ghghiih jhjhjjh kkkkjjk]
---	---

Этот пример демонстрирует разнообразие поэзии Шелли как возрастание степени сложности от чистых метров, таких как амфибрахий (Bereavement) и ямбического белого стиха без рифмы (Queen Mab) к смешанным метрам в одном стихотворение, в одной строфе или даже в пределах одной стихотворной строки.

Был ли Генрих Гейне (1797–1856), немецкий поэт, писатель и журналист, посещавший лекции Шлегеля, под влиянием стиля Гёте, или он сам по себе как поэт «говорил только на ломаной поэзии», или он как последний немецкий поэт эпохи Романтизма хотел стать первым немецким антипоэтом модернизма, это мне неизвестно, но и у него также нет нехватки в смешанных формах в том числе в его известной песне о Лорелей:

Таблица 5.9. Лорелей в оригинале и в русских переводах

1. <i>Генрих Гейне</i> [42: 2019]	2. <i>Виктор Приб</i> [43: 2019]	3. <i>Александр Блок</i> [44: 2019]
Die Loreley (1824) Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, 9A3am Daß ich so traurig bin; 6b	Лорелей (2019) Не знаю я, что это значит, 9A3am Что мне так грустно, вдруг. 6b	Лорелей Не знаю, что значит такое, 9A3am Что скорбью я смущён; 6b

Ein Märchen a-us alten Zeiten, 9A Das kommt mir nicht a-us dem Sinn. 8b Die Luft ist kühl und es dunkelt, 8C4mix Und ruhig fließt der Rhein; 6d Der Gipfel des Berges funkelt 8C3mix Im Abendsonnenschein. 6d Die schönste Jungfrau sitzet 7E Dort oben wunderbar; 6f Ihr goldnes Geschmeide blitzet, 8E3mix Sie kämmt ihr goldenes Haar. 7f3mix Sie kämmt es mit goldenem Kamme 9G3am Am Ende Schiffer und Kahn; 7i33mix Und das hat mit ihrem Singen 8K3mix Die Lore-Ley getan. 6l 10ja^{3.4}4am³10mix³(24) [AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKI]	Та из времен старинных притча, 9A Главу пленила мне и дух. 8b Холодный воздух, темнеет, 8C3mix Течет спокойно Райн. 6d Горы вершина синее 8C3mix В вечерних свете тайн. 6d Дева сидит прекрасна 7E Там наверху подчас. 6f Её украшенья красят, 8E3mix Она чешет злато влас. 7f3mix Их чешет она златым гребнем 9G3am И песнь поет притом, 6h Мелодия чья волшебна, 8G3mix Могуче звучит кругом. 7h3mix И шкипра на барже нимфа 8I3mix До боли сковала ей. 7j3mix И он не видит скальных рифов, 9l Он смотрит лишь только наверх. 8j3am Я думаю, волны что пенны 9K3am Баржу сглотили до дна. 7i3mix Была в том лишь только пеня 8K3mix Той Лорелей вина. 6l 10ja^{3.4}4am³10mix³(24) [AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKI]	Давно не даёт покоя 8A3mix Мне сказка старых времён. 7b3mix Прохладой сумерки веют, 8C3mix И Рейна тих простор. 6d В вечерних лучах алеют 8C3mix Вершины дальних гор. 6d Над страшной высотой 7E Девушка дивной красоты 7f3da Одеждой горит золотой, 9E3am Играет златом косы. 7f3mix Златым убирает гребнем. 8G3mix И песню поёт она: 7h3mix В её чудесном пенье 6G Тревога затаена. 7h3mix Пловца на лодочке малой 8I3mix Дикой тоской полонит; 7j3da Забывая подводные скалы, 10I3ap Он только наверх глядит. 7j3mix Пловец и лодочка, знаю, 8K Погибнут среди зыбей; 7i3mix И всякий так погибает 8K3mix От песен Лорелей. 6l 7ja^{3.4}2am³2da³1an³12mix³(24) [AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKI]
---	--	---

Я также не знаю, что эти сложные формулы строфы, которые я считаю дополнительными средствами выражения, должны выражать в каждом конкретном случае, и не буду это подробно, как при переводе «Фауста» Гёте, анализировать. Все, что я знаю, — это то, что они являются частью личного почерка каждого поэта, и что я могу без труда воспроизводить их на другом языке, используя свою технику, как показывают примеры.

Я не могу себе также представить, что переводчик без таких инструментов, как мои техники, может достоверно перенести эти сложные стихи на другой язык и в другую культуру, не фальсифицируя их и не выхолащивая такие сложности, как это делают Холодковский и Пастернак. Наилучшим доказательством этого утверждения является перевод «Лорелей» А. Блока в таблице 5.9. В этом переводе очевидно, что Блок поставил перед собой задачу добросовестно перевести сложную поэтику оригинала на русский язык, а не заменить их одной монотонной метрикой, которой он хорошо владел. Однако он не очень преуспел в своем благородном намерении, как показывает сравнение всех трёх формул строфы из таблицы 5.9:

$$\begin{array}{ll}
 1: 10ja^{3.4}4am^310mix^3 & (24)[AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKI] \\
 2: 10ja^{3.4}4am^310mix^3 & (24)[AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKI] \\
 3: 7ja^{3.4}2am^32da^31an^312mix^3(24) & [AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKI]
 \end{array} \quad (5.1)$$

Эти отклонения у Блока явно связаны с тем, что ему не хватало точной техники, такой как моя, а также некоторого ремесленного навыка, как, например, при переводе двух последних строк первой строфы, где он считает предлог «aus» как однослоговый и, таким образом, приходит к своим смешанным формам 8A3mix и 7b3mix для этих строк, в то время как двухсловная версия «a-us» делает эти строки чисто ямбическими 9A и 8b. Верность содержанию, однако, страдает больше, чем верность поэтике. То, что эти два понятия не связаны напрямую друг с другом, и что поэтическая верность не обязательно достигается в ущерб содержанию, показывает мой перевод «Лорелей».

Однако проблема фальсифицированного или даже изуродованного поэтического перевода связана не в первую очередь со сложной структурой многообразной поэзии. Это ясно показывает мой анализ стихотворения Перси Биши Шелли «Озимандиас» с простой ямбической структурой и его переводов:

Таблица 5.10. Немецко-русские переводы стихотворения Шелли “Ozymandias

Шелли [36: 109], [41: 2019]		Приб [3: 111], [41: 2019]	
Ozymandias		Ozymandias	
I met a traveller from an antique land	10a	Ich traf 'nen Reisenden aus antik' Land,	10a
Who said: Two vast and trunkless legs of stone	10b	Wer sagt': Zwei Beine, rumpflös, groß aus Stein	10b
Stand in the desert. Near them, on the sand,	10a	In Wüste standn. Daneben lag aufm Sand,	10a
Half sunk, a shattered visage lies, whose frown,	10b	Versunken halb, Gesicht, zerstört, allein,	10b
And wrinkled lip, and sneer of cold command,	10a	Dessn Stirn und Lippen, Befehl an welchen stand,	10a
Tell that its sculptor well those passions read	10c	Verraten, sah Künstler Leidenschaften wohl,	10c
Which yet survive, stamped on these lifeless things,	10d	Er leitet' sie auf toten Steinen her,	10d
The hand that mocked them, and the heart that fed;	10c	Die Hand voll Hohn, das Herz, von diesen voll;	10c
And on the pedestal these words appear:	10e	Und auf dem Sockel Überschrift erscheint:	10e
“My name is Ozymandias, king of kings:	10d	“Mein Name – Ozymand, der Herrscher Herr:	10d
Look on my works, ye Mighty, and despair!”	10e	Schaut, Mächtigen, auf meiner Werke Schein!”	10e
Nothing beside remains. Round the decay	10f	Nichts nach dir bleibt. Verwesung nah und fern	10f
Of that colossal wreck, boundless and bare	10e	Von diesem Riesenwrack, nur kahler Stein,	10e
The lone and level sands stretch far away.	10f	Den Sande ebnen, strecken weit entfernt.	10f
14ja ² [ababacdcedef]		14ja ² [ababacdcedef]	
Адольф Штротмани [44: 143]		Константин Бальмонт [45: 66.]	
Ozymandias		Озимандия	
Ein Wanderer kam aus einem alten Land,	10a	Я встретил путника; он шел из стран далеких	13A
Und sprach: „Ein riesig Trümmerbild von Stein	10b	И мне сказал: вдали, где вечность сторожит	12b
Steht in der Wüste, rumpflös Bein an Bein,	10b	Пустыня тишину, среди песков глубоких	13A
Das Haupt daneben, halb verdeckt vom Sand.	10a	Обломок статуи расправшейся лежит.	12b
Der Züge Trotz belehrt uns: wohl verstand	10a	Из полустертых черт сквозит надменный пламень	13C
Der Bildner, jenes eitlen Hohnes Schein	10b	Желанье заставляя весь мир себе служить;	12b
Zu lesen, der in toten Stoff hinein	10b	Ваятель опытный вложил в бездушный камень	13C
Geprägt den Stempel seiner ehernen Hand.	10a	Те страсти, что могли столетия пережить.	12b
Und auf dem Sockel steht die Schrift: „Mein Name	11C	И сохранил слова обломок изваянья:	13D
Ist Ozymandias, aller Kön'ge König:	11D	«Я – Озимандия, я – мощный царь царей!	12e
–Seht meine Werke, Mächt'ge, und erbebt!»	10e	Взгляните на мои великие деянья,	13D
Nichts weiter blieb. Ein Bild von düstrem Grame,	11C	Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»	12e
Dehnt um die Trümmer endlos, kahl, eintönig	11D	Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...	13D
Die Wüste sich, die den Koloß begräbt.	10e	Пустыня мертвая... И небеса над ней...	12e
14ja ² [abba abba CDe CDe]		14ja ² [AbAbCbCbDeDeDe]	

Валерий Брюсов [46: 613]	Борис Романов [47: 962]
Озимандия	Осимандиас
Мне путник встретился, из древних стран прибывший. 13A	Мне путник из далекой стороны 10a
«В пустыне, – он сказал, – две каменных ноги 12b	Рассказывал: «Затеряны в пустыне, 11B
Стоят, а подле них обломок, сохранивший 13A	В песке обломки идола видны 10a
Черты лица, лежит, зарывшийся в пески. 12b	С нахмуренным лицом былой святыни. 11B
Чело и складка губ, изогнутых надменно, 13C	Усмешкой властной губы сведены – 10a
Гласят, что их творец знал глубь страстей и дум 12d	Он пережил ваятеля, и ныне 11B
(Что пережили ряд столетий в груди тленной), 13C	На камне страсти запечатлены, 10a
Ту руку двигавших, тот направлявших ум. 12d	Застыв слепой гримасою гордыни. 11B
На пьедестале есть еще слова: «Склоняйтесь! 13E	Гласят слова на стертом пьедестале: 11C
Се – Озимандия, кто назван Царь Царей. 12f	“Я – Осимандиас. Я – царь царей. 10d
Мои дела, цари, узрите – и отчайтесь!» 13E	Дивись моим делам. Им все внимали”. 11C
Нет больше ничего. Вокруг больших камней 12f	Нет ничего вокруг. Молчат века. 10e
Безбрежность, пустота, и тянутся далёко 13G	Все сметено, и неподвижны дали 11C
Лишь ровные пески, куда ни глянет око. 13G	В безбрежном равнодушии песка». 10e
14ja ⁶ [AbAb CdCd EfE fGG]	14ja ⁶ [aBaB aBaB CdC eCe]

Оригинал структурирован Шелли как своего рода английский сонет (сонет Шелли) из четырнадцати пятистопных ямбических стихотворных строк мужской каденции с формулой 14ja⁵[ababacdcedefef], хотя схема рифмовки отличается от классического английского сонета Шекспира ([abab cdcd efef gg]), но сонет остается узнаваемо английским.

Для меня возмутительно то, что даже такие известные переводчики Шелли, как Штротдманн, Брюсов, Бальмонт, не понимают или не принимают основную задачу переводов, а именно межкультурные знакомство и обмен, и превращают этот английский сонет в популярный в Германии и в России сонет Петрарки из четырнадцати пяти- или шестистопных ямбических строк с чередующейся каденцией, структурированных в два квартета и два триплета с формулами рифмовки 14ja⁵[abba abba CDe CDe] (Штротдманн), 14ja⁶[AbAbCbCbDeDeDe] (Бальмонт) и 14ja⁶[AbAb CdCd EfE fGG] (Брюсов). Тут уместно высказывание Пушкина из его «Онегина»: «Мойну вызвать (для того,/ Чтоб только слышали его)» ..., а не Шелли.

Я уже упоминал здесь, что ни один художник при писании стихов не заботится о стопах, ритмах и даже схемах рифмовки. Вся эта терминология была позже разработана литературоведами для сортировки, дифференциации, классификации и т.д. многообразных поэтических произведений. Этот подход применяется к взаимодействию между поэзией самой по себе и филологией. Произвольное разнообразие переводов одного и того же оригинального произведения, которое я анализирую и доказываю в этой работе, требует обратного подхода к поэтическим переводам: литературно-научная доктрина поэтического перевода устанавливает

фиксированные требования и правила для поэтических переводчиков, так что поэтические переводы не получают публичного и литературоведческого признания, если их авторы не следуют этим требованиям и правилам и даже умышленно нарушают их.

В этом отношении пушкинский «Онегин» с его жесткой и простой «Онегинской строфой» остается особым случаем. Конечно же, большинство поэтических (я уж вовсе не хочу говорить о прозаических) переводчиков сохраняют эту форму строфы и таким образом «проскальзывают» под предложенным мной выше радаром. Эти переводы должны оцениваться только по смысловой и стилистической (соотношение глагольных рифм, например, в оригинале и в переводе) близости к оригиналу. Эта близость обеспечивается только лишь методом перевода «строки-за-строкой».

5.3 Правомочность дальнейших переводов какого-либо произведения

Если перевод сделан по правилам, основанным на научном анализе и гарантирующим его максимальную близость к оригиналу, то он исключает необходимость дальнейших переводов. Это также означает, что термин «асимптотическое» приближение к оригиналу, использованный в теории перевода Шлегеля, на самом деле не имеет смысла, поскольку в математике это означает, что некая функция $f(x)$ при критических значениях своего аргумента x приближается к её асимптоте.

В нашем случае должны были бы рассматриваться оригинал как асимптота и его переводы или, точнее, качество переводов как функция, которая должна приближаться к этой асимптоте. Это то, что имел в виду Шлегель. Вопрос в том, что следует принять за аргумент этой функции перевода? Во всяком случае это не может быть бесконечное количество произвольных переводов. Если, как и в математике, это должны быть действительные числа, я бы взял в качестве аргумента число различных аналитически обоснованных и использованных правил перевода (в терминах Шлегеля: «совершенно различные инструменты»), с которыми качество перевода (функция) подходит к качеству оригинала ближе всего.

Это видно из сравнения моего перевода «Онегина» с переводом Р.-Д. Кайля. В отличие от меня, Р.-Д. Кайль не открывает, по каким правилам он переводил, но одно общее из них очевидно, а именно перевод «строки-за-строкой». Только благодаря этому общему правилу мы оба настолько приблизились к смыслу оригинала, что наши переводы в некоторых стихотворных строках почти дословно идентичны. Это означает,

что мой перевод с точки зрения содержательной аутентичности был бы уже излишним. Но другие введенные мной правила, которые Р.-Д. Кайль не использовал, как я показал в своих анализах, существенно улучшают мой перевод «Онегина» по сравнению с переводом Р.-Д. Кайля, не говоря уже о переводах Коммихау и других.

В теории перевода Шлегеля это правило как требование верности оригиналу означает «шаг за шагом следовать букве смысла». Однако главным приоритетом Шлегеля является верность форме оригинала, то есть поэтичности (метру) оригинала. Конечно, в переводах «Онегин» в поэтической форме эта верность навязывается «Онегинской строфой», потому что, как я уже говорил, «Онегина» как стихотворного романа нет без «Онегинской строфы».

Что касается «Фауста», то я ясно показал в своем анализе, что его прежде всего верный форме, но также и, что особенно значительно у Гёте, верный смыслу перевод вообще невозможен без моих правил и связанной с этим ремесленной работы. Все другое ведёт к фальсификациям с полной потерей поэтики и глубокомысленности Гёте.

К этим фальсификациям явно принадлежат переводы "канонистов" Холодковского и Пастернака с их глобальными «улучшениями» и изменениями, полностью запрещенными в теории перевода Шлегеля из-за принципа верности оригиналу. Почему, на каких основаниях эти фальсификации были объявлены литературоведами, несмотря на всю давнюю и законную критику, «каноническими переводами» остаётся для меня необъяснимым.

Если эти оба произвольных, непрофессиональных перевода-фальсификации Холодковского и Пастернака представлены как каноны, то есть как набор правил и соглашений, применимых к определенной области (поэтический перевод), то мы можем «радоваться» дальнейшим тысячам переводов «Фауста», которые не будут близки ни оригиналу, ни друг другу. Я бы не стал провозглашать разработанные в моем учении и перечисленные выше правила каноном поэтического перевода, хотя они обеспечивают гораздо большую ясность, порядок и контроль в этой духовной, затуманенной и таинственной области литературоведения.

В этом смысле мой перевод «Фауста» является первым давно назревшим исправлением произведения Гёте на русском языке. Он также может спокойно быть и последним, потому что его некоторые улучшения может быть возможны лишь в выборе слов.

6 Заключение

Основополагающий принцип моего учения связан также с важными и полезными основными и дополнительными правилами научно-поэтического перевода, которые я свел в конце в один список.

Каждый научно-поэтический перевод должен:

1. Как можно ближе следовать оригиналу конкретного автора из определенной культуры и времени, без соблазна контрабандировать туда свой собственный стиль писания или стихосложения, свои собственные мысли, собственную определенную временем и страной культуру.
2. Переносить адекватно как сам оригинал со всеми его национальными особенностями, так и автора оригинала со всеми его личными и творческими особенностями в иноязычную культуру.
3. Соответствовать поэтической природе автора оригинала и его эстетике.
4. Особо тщательно передавать личные чувства и смысл высказываний автора оригинала.
5. Анализировать оригинал и строго следовать формам и формулам его строф и его схемам рифмования, а также сохранять выходящие за эти классические рамки дополнительные средства выражения:
 - *всегда иметь перед глазами текст оригинала, например, как таблицу с двумя столбцами для перевода и оригинала,*
 - *считать стихотворные строки в каждой строфе, также как количество слогов и стоп в каждой стихотворной строке оригинала, определять каденции, находить рифмуемые пары или группы строк и записывать результаты в конце каждой строки (например, 10А5),*
 - *перенимать один-к-одному все таким образом найденные и записанные параметры оригинала в свой собственный перевод*
6. Давать читателю возможность самому судить об авторе оригинала и его произведении:
 - *не приносить никаких интерпретаций,*
 - *не вмешиваться активно,*
 - *не улучшать оригинал,*
 - *не представлять автора оригинала ни дурнее, но и ни умнее, чем он представляет себя сам*
7. Сохранять поэтическую квинтэссенцию:
 - *максимально использовать рифмы оригинала,*
 - *переводить «строку-за-строкой», вместо «строфы-за-строфой»,*
 - *определять смысловые слова в рифмовых группах оригинала и сохраните их при собственной рифмовке*

Еще несколько советов:

Поэтический перевод будет успешным лишь в том случае, если переводчик любит иноязычную страну, ее язык и культуру, как свои собственные и восторжен как автором, так и его произведением.

Так называемые модернистская или в моих определениях «пролетаризированная» поэзия, не представляют ни поэтической, ни культурной ценности ни для своих, ни для иноязычных читателей, чтобы быть перенесенной в другие культуры.

Если вы вняли этим правилам из моего практического опыта, имеете склонность к поэзии и немного «поэтического слуха», а также владеете хотя бы одним иностранным языком, то вы, безусловно, можете попробовать себя в научно-поэтическом переводе как ремесленном искусстве. Но и без каких-либо практических попыток в переводе мой научный подход поможет вам при чтении поэтических произведений глубже проникнуть в суть и душу как этих произведений, так и их авторов.

7 Литература

1. Mirak-Weißbach, Muriel (2003). Weltpoesie: Übersetzung als Völkerverständigung, Vortrag auf dem "Festival persischer und deutscher Dichtung". Düsseldorf und Wiesbaden 2002. In: https://www.schiller-institut.de/seiten/dialogderkulturen/mmw_voelkerverstaendig.htm (letzter Zugriff: 24.11.2016).
2. Приб, Виктор (2017). „У порога“ - поэтический сборник (Viktor Prieb „An der Schwelle“ – poetischer Sammelband), Goldene Rakete (GR), 318 стр.
3. Prieb, Viktor Eduard (2017). „Was gereimt werden muss“ – Sammelgedichte. Goldene Rakete, 143 S.
4. Приб, Виктор Эдуард (2015). «Замыкаемость круга или путешествие длиною в двести лет» - Роман в двух частях. Часть I «Поезд отправляется» (Авторский перевод с немецкого), 2005. [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.literaturviktor-prieb.de/BuchdeckelIMG.Rus.htm>> (Дата обращения 01.10.2016).
5. Приб, Виктор Эдуард (2007). «Интернетный романс» – поэтическая чэт-новелла („Die Internetromanze“ – poetische Chat-Novelle). YAM 2017, 92 стр.
6. Prieb, Viktor Eduard (2007). „Die Internetromanze“ – poetische Chat-Novelle (Autorübersetzung aus dem Russischen). GR 2017, 97 S.
7. Baumann, Sabine (2011). „Nabokovs ‚Eugen Onegin‘“. Lesung in Goethehaus Frankfurt am 08.03.2011. In: <https://www.goethehaus-frankfurt.de/presse/archiv/archiv-pressestexte/pressemitteilungen-2011/nabokovs-201aeugen-onegin2019-dr-sabine-baumann-prasentiert-ihre-ubersetzung-von-puschkins-201aeugen-onegin2019-und-nabokovs-kommentar-08-marz-2011> (letzter Zugriff: 30.09.2019).
8. Шутёмова, Наталья (2012). „Типологическая доминанта текста в теории поэтического перевода“. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Пермь, 2012 г., 630 стр.
9. Шутёмова, Наталья (2012). „Типы поэтического перевода“. Статья в Вестнике пермского университета, Российская и зарубежная филология. Вып. 1(17) 2012, стр. 60-66.
10. Брюсов, Валерий (1918). «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам». Предисловия «Ремесло поэта». Вступительная статья 1912–1918, 87 стр. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libfox.ru/138678-valeriy-bryusov-opyty-po-metrike-i-ritmike-po-evfonii-i-sozvuchiyam-po-strofike-i-formam.html> (Дата обращения 16.04.2016).
11. „Die Lyrik des XXI. Jahrhunderts – Die besten Gedichte 2011/2012: Ausgewählte Gedichte aus der Frankfurter Bibliothek“ – Frankfurter Literaturverlag, 2012, 220 S.
12. Grass, Günter (2012). Was gesagt werden muss. SPIEGEL ONLINE KULTUR, 04.04.2012. In: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/dokumentation-gedicht-was-gesagt-werden-muss-von-guenter-grass-a-825744.html> (letzter Zugriff: 06.04.2012).
13. Goethe, Johann Wolfgang (1789). „Willkommen und Abschied“. In: <https://lyrik.antikoerperchen.de/johann-wolfgang-von-goethe-willkommen-und-abschied,textbearbeitung,173.html> (letzter Zugriff: 10.10.2015).
14. Приб, Виктор Эдуард (2016). Переводы из поэзии поэтов-гениев немецкого литературного течения "Буря и натиск" на русский (2016 г.). [Электронный ресурс].

- URL: <http://www.literatur-viktor-prieb.de/PoesieR.htm> (Дата обращения: 11.08.2019).
15. Клелия (Klelia, Nickname) (2007). Перевод стихотворения Гёте «Встреча и прощание». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2007/10/03/526> (Дата обращения: 10.10.2015).
 16. Duden (2010). Lyrik und Gedichtinterpretation. Bibliographisches Institut GmbH. Berlin 2010, 112 S.
 17. Пушкин, А.С. (1836) «Евгений Онегин». [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.1/index.html> (Дата обращения: 11.08.2014).
 18. Commichau, Theodor (1913). A.S. Puschkin, „Eugen Onegin/Evgenij Onegin, zweisprachige Ausgabe, Europäische Literaturverlag GmbH, Bremen 2013, 311 S. (Textvorlage: Alexander Puschkin, „Sämtliche Werke in 6 Bänden, Band 2, Eugen Onegin“. Verlag Georg Müller, München 1910. Übersetzung Th. Commichau.).
 19. Keil, Rolf-Dietrich (1980). Alexander Puschkin, „Jewgeni Onegin“. Roman in Versen. Aus d. Russ. Insel Verlag Berlin, 8. Auflage 2019, 269 S.
 20. Prieb, Viktor Eduard (2014). "Eugen Onegin" – poetische Übersetzung des Versromans „Evgenij Onegin“ von A.S. Puschkin ins Deutsche. GR 2018, 255 S.
 21. Лотман, Ю. М. (1975). Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.as-pushkin.net/pushkin/articles/lotman/evgenij-onegin/onegin.htm> (Дата обращения: 10.05.2016).
 22. Пастернак, Б. (1991). Собрание сочинений: в 5 т. – Т.5: Заметки переводчика. М.: Художественная литература, стр. 393-397.
 23. Белинский, В.Г. (1841) „Роман ‘Евгений Онегин’ – энциклопедия русской жизни“. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-lit.com/roman-evgenij-onegin-enciklopediya-russkoj-zhizni-belinskij/> (Дата обращения 24.11.2016).
 24. Prieb, Viktor Eduard (2015). Einige Gedichte von A.S. Puschkin, Übersetzungen aus dem Russischen ins Deutsche. In: <http://www.literatur-viktor-prieb.de/poesie.htm> (letzter Zugriff: 10.10.2019).
 25. Пушкин, А.С. (1941). Полное собрание сочинений: В 16-ти томах - Т. 14. Переписка, 1828-1831, 133 стр. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
 26. Rückert, Friedrich (2012). Gedichte. Stuttgart. Reclam, 336 S.
 27. Goethe, J.W. (1986). „Faust“, Verlag C.H. Beck, München (mit Kommentaren sowie Auszügen aus Tagebüchern und Briefwechseln). 777 S. In: http://freilesen.de/werk_Johann-Wolfgang-von_Goethe,Faust-I_-Der-Tragoedie-erster-Teil,459,0.html (letzter Zugriff: 30.03.2012).
 28. Холодковский, Николай (1969). Иоганн Вольфганг Гёте «Фауст», 1-е издание, 1878 г.; «Детская литература», Москва. [Электронный ресурс] URL: <https://librebook.me/faust/vol1/1> (Дата обращения 08.11.2015).
 29. Пастернак, Борис (1960). Иоганн Гете. „Фауст“. М.: Государственное издательство художественной литературы. [Электронный ресурс] URL: <https://rustih.ru/gvote-faust/#1> (Дата обращения 08.11.2015).
 30. Приб, Виктор Эдуард (2012). «FAUST/ФАУСТ». Трагедии первая часть. Поэтический перевод трагедии И.В. фон Гёте на русский в сопоставлении с

оригиналом. GR 2018 г., 574 стр.

31. Костюковский, Виктор (2000). „‘Фауст’ на лучшие времена“. [Электронный ресурс] URL: http://sunround.com/club/22/142_kostukov.htm (Дата обращения 04.09.2015).
32. Picasso, Pablo. Zitat über Begabung. In: https://www.gutzitert.de/zitat_autor_pablo_picasso_thema_begabung_zitat_22979.html (letzter Zugriff: 04.08.2017).
33. Струговщиков, Александр (2018). [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Песня_о_блохе (Дата обращения 13.11.2018).
34. Schlegel, Friedrich (1797). „Philosophie der Philologie“. In: https://complit.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/abt_complit/VOueb06.pdf (letzter Zugriff: 10.04.2016).
35. Schleiermacher, Friedrich (1813). „Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens“. Diese Abhandlung verlas Schleiermacher am 24. Juni 1813 in der Königlichen Akademie der Wissenschaften, Berlin. Der Text ist gescannt aus: Das Problem des Übersetzens, Hg. von Hans Joachim Störig, Stuttgart 1963. In eckigen Klammern die Seitenzahlen dieser Ausgabe. In: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf> (letzter Zugriff: 10.04.2016).
36. Shelley's Poetry and Prose. Second Norton critical edition, Norton & Company, 2001, 783S.
37. Shelley, Percy Bysshe (2019). Bereavement. English Poetry. In: <https://engpoetry.com/percy-bysshe-shelley/bereavement/> (letzter Zugriff: 15.10.2019).
38. Shelley, Percy Bysshe. Queen Mab: A Philosophical Poem. PoemHunter.com. In: <https://www.poemhunter.com/poem/queen-mab-part-i/> (letzter Zugriff: 15.10.2019).
39. Shelley, Percy Bysshe (209). Love's Philosophy. Poetry Foundation. Online in Internet: < <https://www.poetryfoundation.org/poems/50262/loves-philosophy> (letzter Zugriff: 15.10.2019).
40. Shelley, Percy Bysshe (2019). "To Night". Poetry Foundation. In: <https://www.poetryfoundation.org/poems/50262/loves-philosophy> (letzter Zugriff: 5.10.2019).
41. Prieb, Viktor Eduard (2015). Einige Übersetzungen aus Shelleys Poesie. In: http://www.literatur-viktor-prieb.de/PercyB_Shelley-Uebersetzung.html (letzter Zugriff: 15.10.2019).
42. Heine, Heinrich (1824). „Die Loreley“. Deutsche Lyrik. In: <https://www.deutschelyrik.de/die-loreley-1824.html> (letzter Zugriff 10.09.2019).
43. Приб, Виктор Эдуард. «Лорелей» (2019). Поэзия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.literatur-viktor-prieb.de/loreley.html> (Дата обращения 10.09.2019).
44. Александр Блок (2019). Лорелей. [Электронный ресурс] URL: <http://startdeutsch.ru/poleznoe/chitat/stikhi/949-lorelei-lorelej-gejne> (Дата обращения 13.10.2019).
45. Strodtmann Adolf (1866). „Percy Bisshe Shelley's ausgewählte Dichtungen“. Erster Theil. Hildburghausen, Verlag des bibliographischen Instituts, 1866, 190 S.
46. Западноевропейская лирика. Л.: Лениздат, 1974, 568 стр.
47. Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М.: Радуга, 1994, 896 стр.

Kommentiert [A1]:

Kommentiert [A2]:

48. Строфы века-2: Антология мировой поэзии в русских переводах XX века. – М.: Полифакт, 1998, 1192 стр.

8 Приложения

8.1 Приложения к главе 3: „Евгений Онегин“

Приложение 3.1. Лингвистические, ямбические, логические и клеветнические несогласованности и небрежности Пушкина

Пушкин	Коммехау
ПОСВЯЩЕНИЕ Ума холодных наблюдений И сердца горестных замет. (?)	WIDMUNG Dem Unmut bitterer Lebensglossen Und meines Herzens tiefstem Leid
ГЛАВА 1	KAPITEL 1
III Потом <i>Monsieur</i> ее сменил. Ребенок был резОв, но мил. (Ребенок резвый был, но мил)	III Gab man, weil trotzig, wenn auch gut, Das Kind Monsieur l'abbé in Hut.
XV Три дома нА вечЕр зовут: (Три дома к вЕчеру зовут)	XV Man lädt ihn richtig von drei Seiten
XVI Пред ним <i>roast-beef</i> окрОвавлЕнный, И трюфли, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет, И Стразбурга пирог нетленный	XVI Zum blut'gen Roastbeef gibt's die Blüte Von Frankreichs Küche, Trüffeln just, Für junge Gaumen höchste Lust, Straßburgs Pasteten erster Güte,
XVII Еще бокалов жажда просит Залить горячий жир котлет . (?)	XVII Man würde gern noch <u>weiterzechen</u> , War das Menü doch reichlich fett ,
XXVII У нас теперь не то в предмете: Мы лучше поспешим на бал, Куда стремглав в ямской карете Уж мой Онегин <u>поскакал</u> .	XXVII Doch halten wir mit derlei Fragen Uns hier nicht auf, um unverweilt Zum Ball zu gehn, wohin im Wagen Onegin schon <u>vorausgeeilt</u> .
XXVIII МузЫка уж греметь устала; (Уж мУзыка греметь устала)	XXVIII Zum Saal hinein: Gedrängte Massen; Noch hat Musik nicht <u>nachgelassen</u> ,
XXX Люблю их ножки; только вряд Найдете вы в России целой Три пары стройных женских ног. (Клевета женоненавистника!)	XXX Und ihre Füßchen erst! ... Allein In Rußlands grenzenloser Weite Gibt's hübscher Füßchen kaum drei
XXXIV Мне памятно другое время! В заветных иногда мечтах Держу я счАстливое стремя... И ножку чувствую в руках;	XXXIV Noch andre teure Bilder <u>schweben</u> Durch meiner Seele Traumeland: Ich darf sie in den Bügel <u>heben</u> , Ich fühl' ihr Füßchen auf der Hand;
XXXVIII Недуг, которого причину Давно бы отыскать пора, Подобный АнглийсОму сплину , (АнглИйскомУ подобный сплину,)	XXXVIII Ein Leiden, welches <u>aufzuklären</u> , Obschon verwandt mit Englands
XLV Условий света свергнув бремя, Как он, отстав от суеты, С ним подружился я в то время.	Spleen, Die Ärzte längst verpflichtet <u>wären</u> , Kurz: Rußlands Trübsinn hatte ihn
	XLV Gleich ihm entflohn der Weltlust Plagen,

Мне нравились его черты, Мечтам невольная предАнность, Неподражательная странность LI Онегин был готов со мною Увидеть чуждые странЫ; LIII Нашел он полон двор услуги <i>(прислуги?)</i> LVI Цветы, любовь, деревня, праздность(!), Поля! я предан вам душой. <i>(К «Энциклопедии» русской жизни)</i> LX Я кончил первую главу; Пересмотрел всё это строго: Противоречий очень много, Но их исправить не хочу. Цензуре долг свой <u>заплачу</u>, И журналистам на съеденье Плоды трудов моих <u>отдам</u>: ГЛАВА 2 I Деревня, где скучал Евгений, Была прелестный уголок; Там друг невинных наслаждений Благословить бы небо <u>мог</u>. <i>(...)</i> И сени расширял густые Огромный, запущённый сад, Приют задумчивых дриад. II Да, впрочем, другу моему В том нУжды было очень мало, <i>(Нужды в том было очень мало)</i> Затем что он равнО зевал <i>(Он все-равно всегда зевал)</i> Средь модных и старинных зал(ов). <i>(Старин иль моден был тот зал)</i> III Два шкафа, стол, диван пуховый, <i>(Стол, два шкафа, диван пуховый)</i> Нигде ни пятнышка чернил. Онегин шкафы <u>отворил</u>: <i>(Шкафы Онегин отворил)</i> VI Он из Германии туманной Привез учености плоды: Вольнолюбивые мечты, <i>(dreckiger Reim)</i> VIII Что есть избрАнные судьбаМи, Людей священные друзья; XXIV Но с ним, я знаю, неразлучно	Befreit aus hohler Formen Bann, Ward ich sein Freund in jenen Tagen. Er zog als Mensch mich lebhaft an Mit seinem Hang zum Phantasieren, Den unnachahmlichen Manieren, LI Zum Plan, uns reisend <u>aufzufrischen</u>. War auch Onegin schon bereit; LIII Der Gutshof schwoll von Dienerscha- ren; LVI O Blumen, Liebe, Flur und Frieden, Euch geb' ich mich von Herzen hin! LX Ersten Gesang zum Schluß <u>gebracht</u>; Hab' viel gebessert, viel <u>gestrichen</u>. Zwar wimmelt's noch von Widersprü- chen, Doch sei's darum. Und kurz und gut: Dem Zensor zahl' ich gern Tribut, Und übergebe zur Vernichtung Mein Werk der Rezensentenhand. KAPITEL 2 I Der Landsitz, wo Onegin <u>gähnte</u>, War recht ein Plätzchen zum Gedeihn; Dort durfte, wer nach Glück sich <u>sehnte</u>, Dem Himmel wahrhaft dankbar <u>sein</u>. <i>(...)</i> Und flüsternd wölbte seine Schatten Des Parks verträumter Wipfelwald, ErnstEr Dryaden Aufenthalt. II Für meinen Freund blieb's einerlei, Welch ein Geschmack darin <u>gewaltet</u>: Denn gähnend fand er's ganz egal, Ob alter, ob moderner Saal. III Zwei Schränke, Sofa, Tisch und Stühle, Kein kleinster Tintenfleck zu <u>sehn</u>. Die Schränke prüfend fand Eugen VI Er brachte aus Germaniens Nebeln Die Früchte reifer Wissenschaft: Verstand, sehr tief, doch rätselhaft, VIII Daß Menschen leben, die in Gnade Erwählt vom Schicksal ...
--	---

Воспоминанье старины Иль девицей! (?) Мы все <u>должны</u> ГЛАВА 3 V Владимир сухо <u>отвечал</u> И после <u>вО</u> весь путь <u>молчал</u>. XVII Старинных былей, небылиц Про злых духОв и про девиц <i>(Про духов злых и про девиц)</i> XXI И сердцем далеко носилась Татьяна, смОтря на луну... XXX Где ты? приди: свои права Передаю тебе с поклоном... <i>(Я б передал тебе с поклоном)</i> XXXI ИлИ разыгранный Фрейшиц Перстами робких учениц: ГЛАВА 4 XVII. Так проповедовал Евгений. Сквозь слез не видя ничего, <i>(От слез не видя ничего)</i> XXII ПризрАка суетный искатель, Трудов напрасно не губя, Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! XXIV. Картиной сАстливой любви. Невольню, милые моц, <i>(нечистая рифма)</i> XXX. Но вы, разрозненные тОмы Из библиОтеки чертей, Великолепные альбомы, Мученье модных рифмачей, Вы, украшЕнные проворно Толстого кистью чудотворной XLIV. Прямым Онегин Чильд Гарольдом Вдался в задумчивую лень: Со сна садится в ванну сО льдом (. . .) Настанет вечер деревенский: (. . .) Давай обедать поскорей! LI ИлИ, нежней, как мотылек, В весенний впившийся цветок ГЛАВА 5 VIII. Татьяна любопытным взором На воск потОпленный <i>(versunken)</i> <u>глядит</u>:	XXIV Obschon, ich weiß es, zart ästhetisch Geschulten Ohren sehr trivial, Vulgär (?). Nun, in der Namenwahl KAPITEL 3 V Wladimir wich der Antwort aus Und schwieg verdrossen bis nach Haus. XVII Aus alten Zeiten, wunderschön, Von bösen Geistern, guten Feen XXI Und sinnend schaut die Sehnsuchtkran- ke Zum Vollmond auf – ihr ist so weh ... XXX Wo bist du? Komm und mich <u>erfreu</u>, Ich übergebe mit Verbeugung... XXXI Wie wenn ein Stümper, der nicht <u>fühlt</u>, Den »Freischütz« euch <u>herunterspielt</u>. KAPITEL 4 XVII So klang die Predigt aus. Sie <u>hörte</u> Mit tränenfeuchtem Angesicht XXII Nein, solche Engel, wie <u>beschrieben</u>, Gibt's nirgendwo; drum geb' ich dir, Mein hochverehrter Leser, hier Den klugen Rat: dich selbst zu <u>lieben</u>. XXIV Von junger Liebe Lust und Glück. Aus Mitleid kann sich oft mein Blick ... XXX Doch euch, ihr protzig <u>aufgeblähten</u> Prunkalbums, die ihr leider heut Als Marter für Salonpoeten Bei stolzen Frau in Mode <u>seid</u>, Wo hingezaubert um die Wette Die Grazie von Tolstois Palette XLIV Auch Freund Eugen ging nun im Hause Gelangweilt, wie ein Harold, um: Nahm früh sein Bad mit kalter Brause, (. . .) So bricht die Dunkelheit herein: (. . .) He, aufgetragen! Wein heraus! LI Gefäll'ger: wie der Schmetterling, Der duftberauscht am Blümchen <u>hing</u> KAPITEL 5
---	--

XI Две жордочки, склеЕны льдиной, Дрожащий, гибельный мосток, Положены через поток: XVII Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, Людская молвь и конский топ (31)! XX И нЕзванных гостей бранит; Татьяна чуть жива лежит. XXII. Но та, сестры не замечая, В постеле с книгою лежит, За лИстом лист перебирая, (Лист зА листОм перебирая) XXV С утра дом Лариных гостями Весь полон; целыми семьЯми XXVIII Вошел... Ах, новость, да какая! МузЫка будет полковая! ³¹ В журналах осуждали слова: <i>хлоп</i>, <i>молвь</i> и <i>топ</i> как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (Сказка о Бове Королевиче). <i>Хлоп</i> употребляется в просторечии вместо <i>хлопанье</i>, как <i>шип</i> вместо <i>шипения</i>: Он шип пустил по-змеиному. (Древние русские стихотворения) Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка. ГЛАВА 6 VIII Тот после первого привета, Прервав начатый разговор, Онегину, осклабя взор, Вручил записку от поэта XI Но шопот, хохотНЯ глупцов И вот общественное мненье Пружина чести, наш кумир! И вот на чем вертИтся мир! XII Они на мельницу должны Приехать завтра до рассвета, Взвести друг нА другА курок И метить в ляжку иль в висок.	VIII Am Herd wird abends Wachs gegossen: Seltsam sich formend tut es kund, XI Ein paar vereiste dünne Stangen Verbinden sich zu schwankem Steg: XVII Das heult und lacht und kräht und bellt Und trampelt, daß die Stube gellt! XX Und weist sie fluchend aus der Tür; Tatjana wankt, es schwindelt ihr. XXII Doch die läßt sich im Bett nicht stören. Bemerkt kaum ihren Frühbesuch Und blättert, ohne hinzuhören. XXV Von früh an herrscht Tumult und Wesen In Larins Haus; in Kutschen, Chaisen XXVIII Nebst einer Botschaft, froh vernommen: Die Regimentsmusik wird kommen! KAPITEL 6 VIII Doch schien, der sonst'gen Art entgegen, Sarezki heut verstockt zu sein, Ging auf Gespräch nicht weiter ein Und überreichte halb verlegen XI Und jeder Tölpel spotten darf ...!« Da seht: die öffentliche Meinung, Den Götzen, der die Ehre zwingt, Dem alle Welt ihr Opfer bringt! XII Gleich morgen, bei der Mühle dort, Ist's abgemacht, sich einzustellen, Und dann wird, wie's die Hand befiehlt, Auf Schenkel oder Stirn gezielt. XIII
---	--

XIII На встречу бедного певца ПрыгнУла Олинька с крыльца, XVIII Чтоб червь презренный, ядовитый Точил лилЕн стебелек XXIV <u>Уж солнце катится высоко</u> И перелетная метель Блестит и вьется; <u>но постель</u> <u>Еще Евгений не покинул</u> XXV <i>Лепаж</i>а ствОлы роковые XXVII Зарецкий гУбу <u>закусил</u> (ГубУ Зарецкий <u>закусил</u>) XXXIV. ИлИ безделицей иной XL Две сОсны кОрнями <u>срослись</u>; Под ними струйки <u>извилИсь</u> ГЛАВА 7 III. ИлИ, не радуясь возврату Погибших осенью листов, Мы помним горькую утрату, Внимая новый шум лесов; ИлИ с природой оживленной <u>Сближаем</u> думою смущенной VII. На ветви сОсны преклоненной, Бывало, ранний ветерок Над этой урною смиренной Качал таинственный венок. XI ИлИ над Летой усыпленный Поэт, бесчувствием блаженный XXII. Хотя мы знаем, что Евгений ИздАвна чтение <u>разлюбил</u>, XXXI И вот в избе между слугАми Поднялся шум, прощальный плач: Ведут на двор <u>осьмнадцать</u> <u>кляч</u> XLVI ДружАтся с ней, к себе ведут LI МузЫки грохот, свеч блистанье ГЛАВА 8 IV ВолшЕбством тайного рассказа! Как часто, по скалАм Кавказа XII МеждУ людей благоразумных	Die flücht'ge Hoffnung in Person, So kam sie vor der Haustür schon XVIII Will hindern, daß mit gift'gem Bisse Der Wurm den Liliensproß <u>zersticht</u> XXIV <u>Schon ist die Sonne aufgegangen</u> Und überstreut mit weißem Glanz Kristallner Flocken Wirbeltanz – <u>Er aber träumt noch</u> mit der Miene XXV Im Arm die grausen zwei Pistolen XXVII Sarezki schaut verdutzt und <u>schweigt</u> XXXIV. Im Übermut sich gegen euch XL Zwei Kiefern stumm ihr Zwillingdach; Aus deren Fuß, hinab zum Bach, KAPITEL 7 III Bedenkt sie, statt sich <u>mitzufreuen</u>, Daß alle Wipfel frisch <u>belaubt</u>, Des Waldes Stimmen sich <u>erneuen</u>, Wie schnell der Herbst die Zierde <u>raubt</u>? Betrübt sie's, während <u>reichgestaltet</u> Natur sich ewig neu <u>entfaltet</u>, VII Aus Zweigen, die im Morgenwinde Sich niederbeugten übers Grab, Hing sonst als treues Angebinde Ein schlichter, kleiner Kranz herab; XI War ihm vielleicht zu sanftem Frieden An Lethes Ufern Schlaf <u>beschieden</u> XXII Obschon Eugen, wie wir ihn <u>kennen</u>, Nicht viel Geschmack an Büchern <u>find</u>, XXXI Das Hausgesinde nebst den Dienern Hantiert und flennt; ringsum Rumor. Drauf führt man <u>achtzehn</u> <u>Klepper</u> vor XLVI Naturgemäß das Freundschaftsband LI Der schwüle Saal, die Menschenwelle, Der Wirbel von Musik und Tanz KAPITEL 8 IV Durch Trost im Liede mich <u>erhoben</u>, Mit mir im Kaukasus da droben XII Daß ihn der Schwarm der Sittenfrom-
---	---

Прослыть притворным чудаком, Или печальным сумасбродом XXVI И молча обмененный взор Ему был общий приговор XXVIII. Как изменилася Татьяна! Как твердо в роль свою <u>вошла!</u> Как утешительного (?) сана Приемы скоро <u>приняла!</u> Кто б смел искать девчонки нежной В сей величавой, в сей небрежной Законодательнице зал(ов)? XXX Или коснется горячо Ее руки, или <u>раздвинет</u> Пред нею пестрый полк ливрей, Или платок подымет ей. XLI Она вздрогнула и <u>молчит</u>, XLVIII Но шпор <u>незаметный</u> звон <u>раздался</u>	men Bald für den ärgsten Störenfried, Umstürzler, Querkopf, Überspannten XXVI Ein lächelnd <u>ausgetauschter</u> Blick Verwies ihm stumm sein Ungeschick XXVIII Wie hatte Tanja sich <u>entfaltet!</u> Wie schnell den sicheren Ton <u>erfaßt</u>, Der im Salon der Großen <u>waltet</u>, Dem hohen Rang sich <u>angepaßt!</u> Wer hätte hier, im goldenen Rahmen, In dieser Königin der Damen Die Schüchternheit vom Dorf <u>erkannt?</u> XXX Umhüllen dürfen, vorm Portal Den bunten Troß der Diener <u>teilen</u>, Sich um ihr Taschentuch <u>bemühen</u> – Schon das beglückt, beseligt ihn! XLI Sie <u>zittert</u>, aber wehrt ihm nicht XLVIII Horch: Schritte, Sporenklang – im Zimmer
<i>Приб</i> WIDMUNG Des Hirnes kalter Visionen Mit Herzens bitterem Geleit. KAPITEL 1 III Die ihn <i>Monsieur</i> dann <u>überließ</u>. Das Kind war lebhaft, aber süß. XV Drei Häuser ruf'n zum Abendkost: XVI Vor ihm stehn Roastbeef, heiß und blutig, Und Trüffeln, Prunk der Jugendjahre', Der Küche Frankreichs Accessoire, Ein Straßburg-Kuchen, sehr anmütig, XVII Der Durst lechzt noch nach Wein im Keller, Um aufzulösen heißes Fett, XXVII Bei uns kommt Anderes ins <u>Rutschen</u>: Wir eilen lieber auf den Ball, Wohin kopfüber in der Kutsche Onegin flitzt zum nächsten Mal, XXVIII Saal ist bereits gefüllt vom Volke. Musik ist müde schon von Polken. XXX Und ihre Beinchen... Aber, ach! – Man findet schlanke Frauenbeine In Russland drei Paar nicht so bald	<i>Kail</i> WIDMUNG Verstandes kalter Registrierung Und Herzens schmerzlichen Gewinn. KAPITEL 1 III Dann übernahm <i>monsieur</i> das Kind, Das lebhaft war, doch <u>gutgesinnt</u>. XV Drei Häuser laden abends ein: XVI Vor ihm stehn <i>roastbeef</i>, <u>blutbefeuchtet</u>, Und Trüffeln, Jugendschlemmertum, Und Frankreichs höchster Küchenruhm, Und Straßburger Pastete <u>leuchtet</u> XVII Noch lechzt der Durst nach neuen Bechern, Denn heiß war der Koteletten Fett, XXVII Uns geht es hier um andre Fragen: Zum Ballsaal laß uns eilen jetzt, Wohin bereits in Droschkenwagen Onegin sich in Trab gesetzt. XXVIII Tritt ein. Im Saale – welche Menge; Verstummt sind die Trompetenklänge; XXX Und ihre Füßchen; nur man quält Sich in ganz Rußland wohl vergebens,

XXXIV Ein andres Bild verleiht mir Flügel! Ich halte oft, in Traum <u>verbannt</u>, Die ihren glücklichen Steigbügel... Und spür' ihr Beinchen in der Hand. XXXVIII Die Krankheit, Grund für Eugens Leiden, Von der wir eigentlichen Sinn Zu wissen nach wie vor <u>vermeiden</u>, Die man auf Englisch nennt schier <i>spleen</i> Und schlicht <i>Handra</i> auf Russisch schließ- lich, XLV Entledigt sich der Last Weltsitten, Ward ich ihm Freund zu dieser Zeit, Wie er Gesellschaftshast <u>entglitten</u>. Ich mochte seine Züge, Geist, Die unbewusst verträumte Trägheit, Und seine merkwürdige Frechheit, LI Onegin war mit mir zum Reisen In weite fremde Welt bereit. LIII Er fand den Hof voll seiner Diener. LVI Die Blumen, Nichtstun, Dörfer, Felder! Mein Herz ist treu euch immer mehr. LX Kapitel Eins, noch keine Welt. Das Ganze hab' geprüft ich strenger: Von Widersprüchen gibt es Menge, Doch korrigieren will ich nicht. Zensoren tun schon ihre Pflicht, Die Früchte, die mit Reimen <u>wuchern</u>: Werf' Journalisten ich zum Fraß. KAPITEL 2 I Das Dorf, wo langweilte sich EUgen, War ein scharmanter Erde Fleck. Ein Freund unschuldiger VergnEUgen Könn't' segnen Himmel dort direkt. (...) Vernachlässigter Garten-Riese Verbreitete dort Schattenkühl', Dryaden sicheres Asyl. II Mein Freund sich scherte nicht darum Und sah es nicht als schlechtes Omen, Er gähnte sowieso, egal, Modern war oder alt der Saal. III Zwei Schränke, Tisch im Vestibüle, Kein Fleckchen Tinte irgendwo Die Schränke öffnet' Eugen, wo VI	Zu finden drei Paar schlanke Fuß' (?). XXXIV Ein andres Mal bleibt <u>unvergessen</u>! Oft halt ich im Traum als Pfand Den Bügel, bis sie <u>aufgesessen</u>, Und fühl ihr Füßchen in der Hand ... XXXVIII Die Krankheit, deren Grund zu <u>kennen</u> Wir sollten mühen uns schon lang, Die Engelländer <i>Spleen</i> <u>benennen</u>, <i>Chandra</i> auf russisch (Grillenfang), Begann ihn langsam zu <u>ergreifen</u>; XLV Der Last der Konvention <u>entronnen</u>, Wie er von leeren Treiben fern, Hab ich ihn da zum Freund <u>gewonnen</u> Ich mochte manches an ihm gern, Den Hang, in Träume <u>abzugleiten</u>, Die nichtkopierten Seltsamkeiten, LI Mit mir zusammen war Onegin In fremdes Land zu gehen bereit, LIII Er fand den Hof voll von Lakaien; LVI Landleben, Blumen, Liebe, Muße, FeldER! Mein Herz gehört nur euch. LX Kapitel eins beenden denn: Hab alles strengstens durchgesehen; Viel Widersprüche blieben stehen, Doch ändern mag ich jetzt nichts mehr, Bald fällt der Zensor drüber her, Ich überlaß den Zeitungstoren Die Früchte meiner Müh zum Fraß: KAPITEL 2 I Das Gut, auf dem mein Freund nun <u>hockte</u>, War recht hübsch gelegter Ort; Wen harmloser Genuß <u>verlockte</u>, Der dankte wohl dem Himmel dort. (...) Und weithin dehnte dichte Schatten Ein großer, ungepflegter Park, Der trauernde Dryaden <u>bar</u>. II Mein Freund war jedenfalls nicht so, Daß ihn bedrängte diese Frage; Der Langeweile war's egal, Ob modisch oder nicht der Saal. III Ein Tisch, ein Plüschsofa, zwei Schrän- ke,
---	--

Er hat die Früchte der Gelehrtheit, Des freien Geistes feine Pracht Ausm neblig' Deutschland <u>mitgebracht</u> VIII Es gibt vom Schicksal auserwählte, Gerechte Freunde jedes Manns, XXIV Mit ihm hängt doch, ich weiß's, zusammen Erinnerung ans Altertum Od' mädchenhaft! (?) Wir müssen nun KAPITEL 3 V Vladimir senkte seinen Blick Und ganzen Weg zurück dann <u>schwieg</u>. XVII Geschichten, Märchen ganzen Schar Von Geistern, Maiden völlig klar XXI Tatjana flog weit weg im Herzen, Beim Schauen in den Mondenschein... XXX Wo bist du? Komm' und mich erfreu', Ich übergäbe mit Verbeugung... XXXI Als wär' Libretto zum „Freischütz“, Von Fingern Lehrlinge benutzt: KAPITEL 4 XVII So predigte ihr Eugen öde. Verweint nichts sehend, allem fremd, XXII Du, eifriger Gespensersucher, Damit du nicht mit Mühe <u>gräbst</u> Lieb' doch am besten nur dich selbst, Mein ehrenwerter Buchbesucher! XXIV Durchs glücklicherer Liebe Bild. Ich werde unabsichtlich wild, ... XXX Doch ihr, herum verstreute Bände, Bestand der Teufels Bibliothek, Ihr, schöne Alben ohne Ende Für Modedichterlinge Zweck, Ihr, flink geschmückte Freundschaftsinsel Mit Fedor Tolstois, Zauberpinsel XLIV Wie Childe Harold verfiel Onegin In nachdenkliche Faulheit: Er nahm ein Bad nachm Schlaf deswegen (...) Der Abend kommt: legt gleich er <u>weg</u> <u>Queue</u>, (...) Zum Essen gehen sie entspannt!	Und nirgends Tintenkleckse drauf. Onegin schloß die Schränke auf: VI An Seele wahrhaft göttingensch, Bracht er aus Deutschlands Nebeln mit sich Die Früchte der Gelehrsamkeit: VIII Er glaubte, daß Erwähle leben, Die heil(i?)ge Menschenfreunde <u>sei'n</u> (9) XXIV Gewiß ist nicht von ihm zu trennen Ein Hauch von Altertümlichkeit Und Mägderaum! Doch es wird Zeit KAPITEL 3 V Wladimir sprach ein trocknes Wort Und schwieg den ganzen Weg hinfort. XVII Was so die alten Märchen sind, Vom bösen Geist, vom Königskind; XXI Tatjana schaute herzverloren Gar lange auf den Mond. Und da XXX Wo bist du? Komm, ich bin bereit, Mein Anrecht dir zu überlassen ... XXXI So wie der Freischütz klingt, wenn ihn Unsicher übt die Schülerin. KAPITEL 4 XVII So etwa predigte Onegin. Tatjana sieht vor Tränen nicht, XXII Der wär ein schlechter Schatzverweser, Der sucht wo's solch ein Wesen <u>gibt</u>, Anstatt, daß er sich selber <u>liebt</u>, Versuchen sie's hochwerter Leser! XXIV Mit einem Bild von Liebesglück. Verzeiht, ich schau noch mal zurück XXX Ihr Bände aber, allenthalben Verstreut aus Satans Bücherei, Ihr prächtig eingebundnen Alben, Alptraum der Modereimerei, In denen dienen zur Verzierung Tolstojs brillante Pinselführung XLIV Onegin, in Childe Harolds Weise, Betrieb gepflegten Müßiggang: Nach einem Morgenbad in Eise (...)
--	--

LI OdEr ganz sanft: wie Schmetterling, Sich angesaugt ins Blumending KAPITEL 5 VIII Tatjana wirft gebannte Blicke Auf den vor ihr geschmolzenen Wachs: XI Durch Eis verbunden sind zwei Stangen Gelegt üEr den dunklen Fluss Wie Todesbrücke, in Verdruss XVII Hier herrschen Lärm, Gebell, Gesang Klingt Menschengsprach’ und Pferde- gang!³¹ XX Beschimpft Eindringlinge mit Hass. Tatjana liegt in Ohnmacht fast. XXII Doch Tanja schenkt kein’ Blick der Schwester, Liegt weiterhin im Bett mit Buch Und blättert Seit’ für Seit’ im Reste, XXV Seit früh ist Larins Haus mit Gästen Gefüllt randvOll, fast ohne Reste. XXVIII Was brachte er für eine Nachricht! Die Militärmusik spielt nachts hier! ³¹ In Zeitschriften wurden die Worte: <i>Klatsch</i> (<i>κλον</i>), <i>Stapf</i> (<i>μον</i>) als eine misslungene Neueinführung verurteilt. Diese Worte sind ureigen russisch. "Bowa kam aus dem Zelt hinaus sich abzukühlen, und hörte in offenem Feld den Menschenklatsch und Pferdestapf (<i>Das Märchen von Prinz Bo-</i> <i>wa</i>). <i>Klatsch</i> wird umgangssprachlich statt <i>Klatschen</i>, wie <i>Zisch</i> statt <i>Zischen</i> ver- wendet: Er ließ einen Zisch wie eine Schlange (<i>Uralte russische Gedichte</i>) Es sollte nicht die Freiheit unserer rei- chen und schönen Sprache stören. KAPITEL 6 VIII Nach dem Begrüßen und Eintreten Gab er, beendend das Gespräch, AnlÄchelnd Eugen etwas frech, Ihm einen Zettel vom Poeten XI	Naht dann der provinzielle Abend, (. . .) Mit Lenski. Schnell zum Tisch alsdann. LI Nein, zarter: wie dem Schmetterling Die Frühlingsblüte, dran er <u>hing</u>. KAPITEL 5 VIII Tatjana schaut jetzt voll Erwartung, Wie das geschmolzene Wachs gerinnt: XI Von einer Scholle Eis gehalten Zwei Stöckchen , und verhängnisdunn Ein schwankes Brückchen drüberhin; XVII Gebell, Gelächter, Pfiff, Geklapp, Gegröll, Geschwätz und Hufgetrapp! XX Er schilt den ungebetnen Gast; Tatjana ist halbtot schon fast. XXII Als wenn sie nicht vernommen hätte, Führt Tanja nur zu blättern fort Im Buch, das sie studiert im Bette, XXV Von früh an trifft im Hause Larin Ein Strom von Gästen ein, da fahren XXVIII Und ... hat man so was schon vernom- men? Die Regimentsmusik soll kommen! <i>Keine Übersetzung</i> KAPITEL 6 VIII Sarezki schwieg etwas betreten, Nachdem sie sich begrüßt, und <u>gab</u> Sodann mit breitem Grinsen ab Ein Briefchen unseres Poeten. XI Und dann der Toren lauter Hohn ...“ Ja, ja! Die öffentliche Meinung! Der Götze Ehre treibt uns an –
--	---

Doch Flüstern, Lachen, dumpfer Tratsch...“ Gleich da ist öffentliche Meinung!³⁸ Ein Götze, der für Ehre zählt! Um diese dreht sich unsre Welt! XII Und Morgen geht's mit Eifer los: Beim Morgenrot an Mühlensohle, Sie spannen aufeinander Hahn Und schießen in dem Rachewahn. XIII Sprang sie dem Dichter, fröhlich sehr, Entgegen so wie eh und je XV. XVI. XVII Dass schäbiger, verfluchter Trottel Zerbricht den junger Lilie Stiel XXIV Die Sonne rollt schon in die Höhe, Ein Schneegestöber tobt und weht, Durch Gegend wirbelt. Doch im Bett Verbleibt Onegin stur noch immer XXV Die Rohre von <i>LePage</i>, zwei Paare XXVII Zaretskij nahm's gezwungen an XXXIV. OdEr Lappalie, frechen Gruß XL Zwei Tannen stehen dort vereint, Darunter plätschert ein Bächlein, KAPITEL 7 III OdEr, ohn' sich zu freun für Rückkehr Des in dem Herbst gefallnen Laubs, Gedenken den Verlust bedrückt wir, Dem neuen Walde lauschend taub. Od' wir, in geistiger Bestrebung, Verbinden mit Naturbelebung VII Es war einst, über dieser Urne Hing ein geheimnisvoller Kranz Aufm Tannenast, in Frühlingsstürmen Geschaukelt wie im Trauertanz XI OdEr entschlief nun über Lethes Gefühllos Seele des Poeten XXII Onegin mochte, unsres Wissens, Die Leserei seit langem nicht, XXXI Und nun im Hause, unter Dienern, Begann Geheule, Abschiedszoff: Man führt schon Gäule auf den Hof. XLVI	Und darum dreht die Welt sich dann! XII Sie fahren also ungesäumt Zur Mühle morgen früh im Wagen Und laden spannen, treten vor Und zieln auf Schenkel oder Ohr. XIII Den armen Sänger, sprang geschwind Die Trepp' hinab sein Olgakind, XV. XVI. XVII Daß nicht im Lilienstengel wüte Der Wurm von Abscheu, Gift und Hohn; XXIV Im Strahl der jungen Sonne schimmert, Vom Kräuselwinde leicht gewiegt, Der Schneestaub glitzernd; doch es liegt Im Bett noch immer mein Onegin, XXV Lepages verhängnisvolle Rohre XXVII Sarezki schluckt noch an dem Wort, XXXIV Und derlei Nichtigkeiten mehr XL Zwei Kiefern dort verwachsen sind Mit ihren Wurzeln, und es rinnt KAPITEL 7 III OdEr, ohn' sich zu freun für Rückkehr Macht unfroh uns das Wiederkehren Des Laubes, das im Herbst verschwand, Weil uns an bitteres Entbehren Des Waldes neues Rauschen mahnt; Läßt der Natur erneutes Leben VII Wo sich die Kiefer tiefer biegen, Ließ einst der linde Morgenswind Ob diesem schlichten Stein sich wiegen Geheimnisvoll ein Kranzgebind(e). XI OdEr vergießt in Lethes Schlummer Er fühllos-selig Freud und Kummer, XXII Zwar wissen wir, daß längst verloren Ewgenij jede Lust am Buch, XXXI Im Haus hebt sich bei den Dienern Der Abschiedslärm mit viel Geheul: Schon stehn im Hof die achtzehn Gäul(e), XLVI Und dann tut die Natur das ihre, LI Die Musik dröhnt, die Kerzen brennen,
---	--

Befreunden sich mit ihr am Ende LI Musikgedonner, Kerzenflammen KAPITEL 8 IV Durch Zauberei des jähren Kasus! Sie ritt durch Felsen von Kaukasus XII Zu sein bei klugem Menschheitsteile Zum Kauz gebrandmarkt noch dazu, Auch zu bedauernswertem Spinner, XXVI Verschwiegen stiller Blickaustausch War ihm vereintes Urteil auch XXVIII Wie sich veränderte Tatjana! Wie nahm sie ihre Rolle an! Wie schnell ward sie zu erster Sahne In ihrem strengen Adelsstand! Wer würde suchen zartes Mädel In dieser majestätisch edlen Gesetzgestalterin im Saal? XXX Zu legen pelziges Gewand Um ihre Schulter oder Boa Od', glücklich für Sekundenbruch, Zu heben mal ihr Taschentuch. XLI Sie zuckte nur, sagt aber nichts XLVIII Und plötzlich hört den Klang von Sporen	KAPITEL 8 IV Zu mir geheime Zauberworte! Wie oft ritt sie am Felsenborte XII Wenn ihn vernunftbegabte Leute Als stilisierten Kauz ansehn OdEr als an des Wahnsinns Schwelle XXVI Man sah sich schweigend kurz nur an, Und abgeurteilt war der Mann. XXVIII Wie hat Tatjana sich gewandelt! Wie lebt sie ihre Rolle schon! Wie sicher sie in allem handelt, Was heischt die hohe Position! Wer hätte das Mädchen suchen wollen In dieser zwangslos hoheitsvollen Gebieterin der Säle noch? XXX Nur glühend zu berühren mal Den Arm, zu teilen ihretwegen Die Buntlivrierten vor der Tür Ein Tüchlein aufzuheben ihr. XLI Sie zuckt zusammen, aber dann XLVIII Doch plötzlich hallen Sporentöne,
--	--

Приложение 3.2. Использование оригинальных рифм

Пушкин	Коммичау
ГЛАВА 1 II Друзья Людмилы и Руслана! С героем моего романа (. . .) Родился на берегах Невы, Где, может быть, родились вы VII Бранил Гомера, Феокрита; Зато читал Адама Смита, XV Надев широкий боливар,³ Онегин едет на бульвар И там гуляет на просторе, Пока недремлющий брегет Не прозвонит ему обед. XVII Еще бокалов жажда просит	KAPITEL 1 II Euch, die ihr Ruslan und Ludmillen So warm empfingt mit Freundeswillen, (. . .) Am Newastrand, der auch wohl gar, O Leser, deine Wiege war, VII Und schalt Homer und andre Geister. Doch Adam Smith war recht sein Meister, XV Stülpt auf den Kopf den Bolivar, Fährt aus, stellt fein den Weltmann dar Und geht geruhsam promenieren, Bis allgemach die Stunde schlägt, Da unser Freund zu speisen pfl egt. XVII Man würde gern noch weiterzechen,

Залить горячий жир <i>комлет</i>, Но звон брегета им доносит, Что новый начался балет. (...) Онегин полетел к театру, Где каждый, вольностью <u>дыша</u>, Готов охлопать entrechat, Обшикать Федру, Клеопатру, XIX Услышу ль вновь я ваши хоры? Узрю ли русской Терпсихоры XXXXII Дианы грудь, ланиты Флоры Прелестны, милые друзья! Однако ножка Терпсихоры Прелестней чем-то для меня. (...) Люблю ее, мой друг Эльвина, Под длинной скатертью столов, Весной на мураве лугов, Зимой на чугуне каминна, XLII Хоть, может быть, иная дама Толкует Сея и Бентама, LVII И пленниц берегов Салгира. Теперь от вас, мои друзья, Вопрос нередко слышу я: «О ком твоя вздыхает лира?» ГЛАВА 2 XXIV Ее сестра звалась Татьяна...¹³ Впервые именем таким Страницы нежные романа Мы своевольно <u>освятим</u>. XXX Она любила Ричардсона Не потому, чтобы <u>прочла</u>. Не потому, чтоб Грандисона Она Ловласу <u>предпочла</u>:¹⁴ Но в старину княжна Алина, Ее московская кузина, ГЛАВА 3 V Скажи: которая Татьяна?» — Да та, которая грустна И молчалива, как Светлана, Вошла и села у окна.— (...) Когда б я был, как ты, поэт. В чертах у Ольги жизни <u>нет</u>. Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне: Кругла, красна лицом она, Как эта глупая луна На этом глупом небосклоне».	War das Menü doch reichlich <i>fett</i>, Allein, die Uhr mahnt aufzubrechen: Schon läutet's drüben zum Ballett. (...) Und jeder kritisch sich <u>betätigt</u>, Hier Beifall klatscht dem entrechat, Dort mit Gezisch Kleopatra Und Phädra abzutreten <u>nötigt</u>, XIX Tönt euer Sang noch süß <u>belebend</u>? Wird Rußlands Terpsichore <u>schwebend</u> XXXII Dianens Busen, Floras Wangen, O Freunde, reizen meinen Sinn! Und dennoch zieht mich mehr Verlangen Zum Füßchen Terpsichores hin. (...) Das Füßchen lieb' ich, o Elvine, Am Tische, vom Damast <u>verhüllt</u>, Auf Wiesen, die der Lenz <u>erfüllt</u>, Am Winterabend vorm Kamine, XLII Zwar wissen manche höchst Aparten Mit Say und Bentham <u>aufzuwarten</u>, LVII Die am Salgir gefangnen Schönen. Nun fragt ihr lieben Freunde mich Jetzt gar so oft: »Für wen, o <u>sprich</u>, Entströmt dein Schmerz in Leiertönen? KAPITEL 2 XXIV Sie hieß Tatjana ... Solcherweise Bin ich's zuerst, der <u>unverzagt</u> Euch diesen Namen niedrer Kreise Gar im Roman zu bieten <u>wagt</u>. XXX Die hielt auf ihn so große Stücke, Nicht weil sie selbst ihn etwa <u>las</u>. Und Lovelace, diesen Schuft voll Tücke, Mit Grandison, dem Edlen, <u>maß</u>: Nein, bloß weil einstmals die Kusine In Moskau, die Komteß Pauline, KAPITEL 3 V Hm ja, die Töchter ... wer von beiden War Tanja?« – »Jene, die so trüb Und schweigsam, wie um uns zu <u>meiden</u>, Ans Fenster trat und abseits <u>blieb</u>.« – (...) Wär' ich, wie du, <u>apollbeseelt</u>: Den Augen deiner Olga <u>fehlt</u>, Gleichwie van Dycks Madonnen, Leben; Ihr Rosenlärvchen, prallgesund, Gleicht dort dem Mond, der dumm und rund Sich anschickt, uns Geleit zu <u>geben</u>.«
---	--

IX Любовник Юлии Вольмар, Малек-Адель и де Линар, И Вертер, мученик мятежный, И бесподобный Грандисон,¹⁸ Который нам наводит сон,— XII И стал теперь, ее <i>кумир</i> Или задумчивый Вампир, Или Мельмот, бродяга мрачный, Иль Вечный Жид, или Корсар, Или таинственный Сбогар XIII И, Фебовы презрев <i>угрозы</i>, Унижусь до смиренной прозы; XV Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью; Ты в руки модного тирана Уж отдала судьбу свою. ГЛАВА 4 XXVI. Он иногда читает Оле Нравоучительный роман, В котором автор знает <i>боле</i> Природу, чем Шатобриан, XXVII. Поедет ли домой; и дома Он занят Ольгою своею. Летучие листки альбома Прилежно украшает ей: То в них рисует сельски <i>виды</i>, Надгробный камень, храм Киприды, Или на лире голубка Пером и красками слегка; То на листках воспоминанья Пониже подписи других <i>Он оставляет нежный стих,</i> <i>Безмолвный памятник мечтанья,</i> <i>Мгновенной думы долгий след,</i> <i>Все тот же после многих лет.</i> XXVIII <i>Qu'écritez-vous sur ces tablettes;</i> И подпись: <i>t. à v. Annette;</i> XXXIII. Как их писали в мощны <i>годы</i>, Как было встарь <i>заведено...</i>" - Одни торжественные оды! И, полно, друг; не все ль равно? XXXIV. Поклонник славы и <i>свободы</i>, В волненьи бурных дум своих Владимир и писал бы оды, Да Ольга не читала их.	IX Der Freund der Julia Volmar, Malek-Adhel und de Linar Und Werther, dieses Herz in Flammen, Selbst Grandison in seiner Pracht (Der mich gewöhnlich schläfern <u>macht</u>), XII Der jüngste Backfisch sieht zumal Im Vampir heut sein Ideal, In allen Köpfen spukt's gigantisch Vom ew'gen Juden, vom Korsar, Vom düstren Melmoth, vom Sbogar. XIII Und, ob auch Phöbus zürnend <u>winkt</u> (Ein neuer Dämon wird mich <u>lenken</u>), Zur schlichten Prosa <u>abzuschwenken</u>. XV Tatjana, holdes, teures Wesen! Nun wein' ich mit dir, weil du blind An den Tyrannen, ach, den bösen, Dein Schicksal hingabst, armes Kind! KAPITEL 4 XXVI Oft liest er ihr zu Nutz und Frommen Romane vor (von Qualität), Wo leider manchmal Dinge kommen, Die kaum Chateaubriand <u>verrät</u>. XXVII (<i>schlechte und falsche Übersetzung</i>) Sogar daheim in seinen Wänden Schafft er für Olga <u>stillbeglückt</u>, Wobei er ihr mit fleiß'gen Händen Die Blätter ihres Albums <u>schmückt</u>: Und zeichnet hier ein Dorf am Weiher, Dort Tempel, Urnen, eine Leier, <i>Durch die ein Taubenpärchen</i> <u>huscht</u>, Nett ausgeführt und <u>angetuscht</u>. Auf andern widmungsstolzen <u>Seiten</u> Entwirft er mit bescheidnem Sinn <i>Ein schlichtes Verschen untenhin,</i> <i>Als stummes Denkmal sel'ger</i> <u>Zeiten</u>, <i>Als zarte Spur der Träumerei,</i> <i>Die ewig zeugt: ich bin dir treu.</i> XXVIII <i>»Qu'écritez-vous sur ces tablettes?»</i> Darunter: <i>»t.a.v. Annette.«</i> XXXIII Wie unsrer großen Vorzeit Söhne Sie einst uns sangen stolz und frei.« — »Die ew'gen Jubelodentöne! Bah, Freundchen, ist's nicht einerlei? XXXIV Freund Lenski freilich, tief <u>durchdrungen</u> Von patriotisch heil'ger Pflicht, Er hätte Oden gern <u>gesungen</u> — Nur Olga las dergleichen nicht.
---	--

XLV. Оно сверкает Ипокреной Оно своей игрой и <i>пеной</i> ГЛАВА 5 IX Как ваше имя? (30) Смотрит он И отвечает: Агафон. XVII Но что подумала Татьяна, Когда узнала меж гостей Того, кто мил и страшен ей, Героя нашего романа! XXII Ни мудрых истин, ни <i>картин</i>; Но ни <i>Виргилий</i>, ни Расин, Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека, Ни даже Дамских Мод Журнал Так никого не <i>занимал</i>: То был, друзья, Мартын Задека XXVII И смело вместо <i>belle Nina</i> Поставил <i>belle Tatiana</i>. XL. В начале моего романа (Смотрите первую тетрадь) Хотелось вроде мне Альбана Бал петербургский <i>описать</i>; XLII Тряслися, дребезжали рамы; Теперь не то: и мы, как дамы, ГЛАВА 6 II. Всё успокоилось: в гостиной Храпит тяжелый Пустяков С своей тяжелой половиной. Гвоздин, Буянов, Петушков (...) Девицы в комнатах Татьяны И Ольги все объаты сном. Одна, печальна под окном Озарена лучом Дианы, IV И здравствует еще доньне В философической пустыне Зарецкий, некогда <i>буян</i>, Картежной шайки атаман V Чтоб каждый вечер у Вери В долг осушать бутылки <i>три</i>. VII Под сень черемух и акаций От бурь укрывшись наконец, Живет, как истинный мудрец, Капусту садит, как Гораций VIII	XLV Champagner perlt wie Hippokrene: Für seine goldne Schaumfontäne KAPITEL 5 IX »Dein Name, schnell!« Der will davon Und glotzt und stottert: »Agathon«. XVII Doch welch Entsetzen faßt die Arme: In diesem Pfuhl von Scheußlichkeit Erkennt sie – ach, ihr Glück und Leid, Ihn, ihn, Eugen! Im Höllenschwarmer XXII Noch Poesie zu bergen <i>schien</i> – So stand doch weder Scott, Racine Noch Byron ihrem Herzen näher, Kein neustes Modenblatt sogar Bot jemals stärkre Reize dar Als dies Geheimbuch vom »Chaldäer« XXVII Nachdem er geistreich <i>belle Nina</i> Vertauscht mit <i>belle Tatiana</i>. XL Ich war zu Anfang dieser Dichtung (Vergleicht gefälligst: Erstes Buch!) Im Anschluß an die Moderichtung Der Neuzeit grade beim Versuch, XLII Daß Fenster klirrten, Wände <i>dröhnten!</i> Und heut? Heut trippeln wir Verwöhnten KAPITEL 6 II Rings wird es still: schon schnarcht im Saale Der biedre Dickwanst Pustjakow Nebst seinem feisten Ehgemahle; Gwosdin, Bujanow, Petuschkow (...) Und alle müden jungen Damen Gesellte man den Schwestern zu. Nur Tanja findet keine Ruh', Sie härt sich, lehnt am Fensterrahmen IV Als Eremit von altem Schlage Nachbar Sarezki seine Tage; In jüngern Jahren zwar bekannt Als Raufbold, Spieler, Intrigant V Um bei Véry tagaus, tagein Auf Staatskredit bezechet zu <i>sein</i> VII Bringt heute mein Sarezki drüben In seines Gärtchens Schattenruh' Wie einst Horaz sein Dasein zu, Pflanzt philosophisch Kohl und Rüben, VIII
--	---

Тот после первого <i>привета</i>, Прервав начатый разговор, Онегину, осклабя взор, Вручил записку от поэта IX. То был приятный, благородный, Короткий вызов иль картель: Учтиво, с ясностью холодной Звал друга Ленский на дуэль. XXII И память юного поэта Поглотит медленная Лета, XXV. Он поскорей звонит. Вбегает К нему слуга француз Гильо, Халат и туфли предлагает И подает ему <i>белье</i>. XXVI. Опершись на плотину, Ленский Давно нетерпеливо ждал; Меж тем, механик деревенский, Зарецкий жорнов осуждал. Идет Онегин с извиненьем. "Но где же, - молвил с изумленьем Зарецкий, - где ваш секундант?" В дуэлях классик и педант, XXVII. "Мой секундант? - сказал Евгений, - Вот он: мой друг, monsieur Guillot. Я не предвижу возражений На представление <i>мое</i>:" ГЛАВА 7 III Вы, деревенские Приамы, И вы, чувствительные дамы, XXII Певца Гяура и Жуана, Да с ним еще два-три романа, XXX Не радо ей лишь сердце Тани. Нейдет она зиму встречать, Морозной пылью подышать И первым снегом с кровли бани XLI. -Княжна, mon ange!-"Pachette!"-Алина! "Кто б мог подумать? - Как давно! Надолго ль? - Милая! Кузина! Садись - как это мудрено! Ей-богу, сцена из романа..." - А это дочь моя, Татьяна. "Ах, Таня! подойди ко мне - Как будто брежу я во сне... Кузина, помнишь Грандисона?" - Как, Грандисон?... а, Грандисон! Да, помню, помню. Где же он? -	Дoch schien, der sonst'gen Art entgegen, Sarezki heut verstockt zu <u>sein</u>, Ging auf Gespräch nicht weiter ein Und überreichte halb verlegen IX Mit dürrn Worten angedeutet, Nach allen Regeln – ein Kartell: Kalt-förmlich, nur von Haß geleitet, Entbot ihn Lenski zum Duell. XXII Versenkt in Lethes finstren Gründen, Wird des Poeten Namen <u>schwinden</u> XXV Er schellt: sofort erscheint am Bette Guillot, ein Franzmann, sein Lakai, Hilft emsig bei der Toilette Und bringt Habit und Schuh' herbei. XXVI Längst harrete Lenski bei der Schleuse Voll Ungeduld; sein Kamerad Besah derweil nach Kennerweise Den Mechanismus. Endlich <u>naht</u> Eugen, bedauert sein Verspäten Und grüßt. Sarezki fragt betreten: »Wo aber bleibt Ihr Sekundant?« Denn er als alter <i>Duellant</i> XXVII »Mein Sekundant?« Eugen wird heiter: »Hier mit Verlaub: Monsieur Guillot, Mein Freund; man fragt ja wohl nicht weiter Nach Herkunft, noch warum, <i>wieso</i>; KAPITEL 7 III Buchwürmer ihr aus Lewschins <i>Samen</i>, Und ihr, empfindungsarte Damen; XXII So Byrons Schriften, des <i>Titanen</i>, Nebst einer Auswahl von Romanen XXX Nur Tanjas Herz, statt <u>mitzufühlen</u>, Verschließt sich diesmal all der Lust, Sie lockt es nicht, sich Stirn und Brust Beim Morgenbad im Schnee zu <u>kühlen</u>, XLI »Comtesse, mon ange!«-»Pachette!«-»Aline!« »Welch seltnes Glück!«-»So ist's denn wahr?« »Ihr bleibt doch?«-»Tausend Dank, Kusine!« »Nimm Platz! Mein Gott, wie wunderbar! Ein Wiedersehn wie im Romane!« – »Und hier mein Töchterchen Tatjane.« – »O Herzchen, komm in meinen Arm! Kusine, hast du deinen Schwarm, Den Grandison, noch nicht vergessen?« – »Wie, Grandison ... Ach, der, ja, ja; Wie geht's ihm?«-»Gut, wohnt hier ganz nah,
---	--

"В Москве, живет у Симеона; XLV Но в них не видно <i>перемены</i>; Всё в них на старый образец: У тетушки княжны Елены Всё тот же тюлевым чепец; Всё белится Лукерья Львовна, Всё то же лжет Любовь Петровна, Иван Петрович также глуп, Семен Петрович также скуп, У Пелагеи Николаевны Всё тот же друг мосьё Финмуш, И тот же шпиц, и тот же <i>муж</i>; А он, всё клуба член <i>исправный</i> ГЛАВА 8 I. В те дни, когда в садах Лицея Я безмятежно <u>расцветал</u>, Читал охотно Апулея, А Цицерона не <u>читал</u>, IV Волшебством тайного <i>рассказа</i>! Как часто, по скалам Кавказа, Она Ленорой, при луне, Со мной скакала на коне! VI Сквозь тесный ряд аристократов, Военных франтов, дипломатов VIII Чем ныне явится? Мельмотом, Космополитом, патриотом, Гарольдом, квакером, ханжой, Иль маской щегольнет иной, XVI Оно б годилось в <i>эпиграмме</i>...) Но обращаюсь к нашей <i>даме</i>. XVIII. "Так ты женат! не знал я <i>ране</i>! Давно ли?" - Около двух лет. - "На ком?" - На Лариной. - "Татьяне!" - Ты ей знаком? - "Я им сосед" XX. Ужель та самая Татьяна, Которой он наедине, В начале нашего романа, XXIII. Приходит муж. Он <u>прерывает</u> Сей неприятный tête-à-tête; С Онегиным он <u>вспоминает</u> Проказы, шутки прежних <i>лет</i>. XXVI Румян, как вербный херувим, Затянут, нем и <i>недвижим</i>,	War Samstag erst bei mir zum Essen, XLV Man selber nur in trockner <i>Schöne</i> Blieb unverändert wie zuvor: Die alte Exzellenz Helene Trägt immer noch den Spitzenflor, Noch geht geschminkt Lukerja Lwowna, Noch immer lügt Ljubow Petrowna, Noch ist Iwan der biedre Tropf, Semjon der geiz'ge Rappelkopf. Frau Bas' Pelagia scherzt noch täglich Mit Herrn Finemouche, dem Hausgalan, Hat noch den Spitz, den tauben Mann, Und der ist immer noch verträglich KAPITEL 8 I Als ich in froher Schulzeit Tagen Noch im Lyzeumsgarten <u>saß</u> Und Apulejus mit Behagen, Doch Cicero nur ungern <u>las</u>, IV Durch Trost im Liede mich <u>erhoben</u>, Mit mir im Kaukasus da droben Lenoren gleich, in Vollmondnacht Zu Roß den wilden Ritt <u>gemacht</u>! VI Sie schlüpft behend durch Diplomaten, Vornehme Fraun, Aristokraten VIII Stellt er sich wieder als <i>Despoten</i>, Kosmopoliten, Patrioten, Als Melmoth, Quäker oder gar In noch viel blödrer Maske dar? XVI Im Epigramm sich gut <u>bewähren</u>.) Doch, um zu ihr <u>zurückzukehren</u>: XVIII »Du bist vermählt?« – »Schon seit zwei Jahren« – »Mit wem?« – »Mit einer Larin.« – »Wie – Tatjana?!« – »Kennst du denn ...?« »Wir <u>waren</u> Ja Nachbarn!« – »Ei, dann mußt du sie XX Dies sollte Tanja sein? Das Wesen, Dem er vor langer Zeit einmal (Ihr habt's im Vierten Buch <u>gelesen</u>) XXIII Des Fürsten Zwischenkunft beendet Dies unbequeme Tête-à-tête. Er plaudert, zu Eugen gewendet, Von Jugendstreichen, wird <i>beredt</i> XXVI Und wirkte, in sein Nichts <u>gehüllt</u>, Als koloriertes Modebild
---	--

XXVII Но равнодушною княгиней, Но неприступною богиней Роскошной, царственной Невы. О люди! все похожи <i>вы</i> На прародительницу Эву: XXVIII Как изменилася Татьяна! Как твердо в роль свою вошла! Как утешительного <i>сана</i> Приемы скоро приняла! Кто б смел искать девчонки нежной В сей величавой, в сей небрежной Законодательнице зал? И он ей сердце <i>волновал</i>! XXXV. Стал вновь читать он без <i>разбора</i>. Прочел он Гиббона, Руссо, Манзони, Гердера, Шамфора, Madame de Staël, Биша, Тиссо, Прочел скептического Беля, Прочел творенья Фонтенеля, XXXVIII А точно: силой магнетизма Стихов российских механизма (...) Как походил он на поэта, Когда в углу сидел один, И перед ним пылал камин, И он мурлыкал: Benedetta L С тех пор, как юная Татьяна И с ней Онегин в смутном сне Явились впервые мне - И даль свободного романа Я сквозь магический кристалл Еще неясно <i>различал</i>. LI Татьяны милый Идеал... О много, много Рок <i>отъял</i>!	XXVII Das er so kalt <u>zurückgestoßen</u> – Nein, an der Fürstin, an der großen, Vollkommenen Frau, dem nun so fern Entrückten, strahlend hellen Stern Der schönen, kaiserstolzen Newa. XXVIII Wie hatte Tanja sich <u>entfaltet</u>! Wie schnell den sichren Ton <u>erfaßt</u>, Der im Salon der Großen <u>waltet</u>, Dem hohen Rang sich <u>angepaßt</u>! Wer hätte hier, im goldnen Rahmen, In dieser Königin der Damen Die Schüchternheit vom Dorf <u>erkannt</u>? Und einst war <i>er</i> der Gegenstand XXXV Jetzt fing er wieder an zu <u>lesen</u>, Las kunterbunt Chamfort, Rousseau, Manzoni, Herder, Gibbons Thesen, Madame de Staël, Bichat, Tissot, Den skeptisch ernsten Bayle im Fluge, Dann Fontenelle in einem Zuge, XXXVIII Erschloß sich ihm durch Magnetismus Doch fast der ganze Mechanismus (...) Versunken am Kamin er <u>lehnte</u>, Pantoffel bald und bald Journal Ins Feuer warf und tief in Qual Dazwischen »Benedetta« <u>stöhnte</u> L Seitdem in Traumesphantasien Tatjanens und Onegins Bild Zum erstenmal sich mir <u>enthüllt</u> – Da auch das Endziel meiner Mühen, Im Zauberspiegel <u>festgebannt</u>, Noch kaum im Umriß vor mir <u>stand</u> LI Urbild Tatjanens, teures Haupt? ... Viel, viel hat mir die Zeit <u>geraubt</u>!
Приб KAPITEL 1 II Ludmilas Freunde und Ruslanes! Ich möcht' den Helden des Romanes (...) Geborn an Ufern von Newa, Wo Ihr vielleicht geboren wart, VII Beschimpfend Homer, Theokritos, Las gern' dagegen Adam Smith er. XV Hut aufgesetzt la Bolivar, – Fährt Eugen auf das Boulevard,	Кайль KAPITEL 1 II Ihr Freunde von RuRuslans Geschichten Könnt auf Prologe wohl <u>verzichten</u>; (...) An den Gestaden der Newa, Der Leser stammt wohl selbst von da (?) VII Er schalt Homer und Theokrit aus, Doch kennt er sich bei Adam Smith aus XV Mit einem breiten Bolivar Fährt mein Oнеgin zum Boulevard,

Spaziert dort lange ohn' Begleitung, Bis ihm der Wecker von Breguet Zum Mittag läutet, zum <i>Buffet</i>. XVII Der Durst lechzt noch nach Wein im Kel- che, Um aufzulösen heißes <i>Fett</i>, Da tönt Breguet, verhindernd welchen, Dass neues jetzt beginnt Ballett. (. . .) Onegin flitzt nun zum Theat're, Wo jeder hält das Spiel in <i>Schach</i> Und gleich beklatscht den Entrechat, Verhöhnt böß Phädra, Kleopatra, XIX Ob ich noch höre eure Chöre? Ersehe Russlands Terpsichores XXXII Dass Brust Dianas, Wangen Floras Bezaubernd sind, das wissen wir! Und doch, das Beinchen Terpsichoras Ich liebe noch mehr irgendwie. (. . .) Ich liebe es, mein Freund Elvina, Auch unter Decke jeden Tisches, Auf Frühlingswiesen, schön und frisch, In kaltem Winter am Kamine, XLII Es kann schon sein, dass manche Damen Zitieren Say mal und Bentham je, LVII Mari, Zarema¹³ vom Salgire. Jetzt höre ich von jedem Freund, Die Frage oft fast schadenfroh: „Von wem denn seufzt nun deine Lyra? KAPITEL 2 XXIV Die Schwester Olgas hieß Tatjana...¹³ Zum ersten Male weihen wir Die zarten Seiten des Romanes Mit diesem Namen jetzt und hier. XXX So liebte aber Richardson sie, Nicht, weil sie las ihn in der Nacht Und nicht weil seinem Grandison sie Den Vorzug vor Lovelace gemacht. Doch weil zuvor Prinzessin Aline, Dieselbe Moskauer Cousine, KAPITEL 3 V Nun sag' mir, welche ist Tatjana?“ – Na die, die etwas finster <u>war</u> Und hielt zurück sich wie Swetlana, Sie saß am Fenster sonderbar. – (. . .)	Dort zu flanieren ohne Sorgen, Bis, nimmerschlummernd unterm Kleid, Die Uhr erklingt zur Essenzeit. XVII Noch lechzt der Durst nach neuen Bechern, Denn heiß war der Kotelette <i>Fett</i>, Da sagt die Uhr ins Ohr der Zechern, Daß schon begonnen das Ballett. (. . .) Eilt dort Onegin hin, wo jeder Der Freiheit frischen Hauch <u>genießt</u>, Den <i>entrechat</i> mit Beifall <u>grüßt</u>, Auszischt Kleopatra und Phädra, XIX Hör je den Klang ich eures Chores, Erblick ich Rußlands Terpsichores XXXII Dianens Brust, die Wangen Florens, Ihr lieben Freunde, reizen sehr! <u>Jedoch</u> das Füßchen Terpsichorens Reiz mich <u>doch</u> irgendwie noch mehr. (. . .) So lieb ich es, mein Schatz Elwine, Vom langen Tischtuch <u>halbverhüllt</u>, Im Lenz, vom Wiesengrass <u>umspielt</u>, Am Winterabend vorm Kamine, XLII Wenn manche Damen auch des näh'ren Uns Bentham oder Say <u>erklären</u>, LVII Salgirs Gefangene im Schleier. Und ihr, o Freunde, haltet heut Gar oft die Frage mir bereit: „Um wen denn seufzet deine Leier? KAPITEL 2 XXIV Sie hieß Tatjana ... Alle Wetter! Der Name schmückt zum erstenmal Eines Romanes zarte Blätter Dank unsrer <u>eigenwilligen</u> Wahl. XXX Sie liebte nämlich Richardsonen Nicht, weil sie ihn gelesen hätt. Nicht etwa, weil sie Grandisonen Fand eher als Lovelacen nett; Doch hatte eins Prinzeß Aline, Die moskowitzische Cousine, KAPITEL 3 V Sag, welche ist denn nun Tatjana?“ – „Die, die so traurig und blaß Und auch so schweigsam wie Swetlana Herein kam und am Fenster <u>saß</u>.“ (. . .) Die Ältre, wenn ich Dichter <u>wär</u>.
--	--

Wär' ich so ein wie du Poet. Blick Olgas tot ist, wenn auch <i>nett</i> Wie auf dem Bild van Dycks „Madonna“: Gesicht ist schön und rund der Mund Wie dieser runde blöde Mond In blödem Himmel ohne <i>Sonne</i>“. IX Liebhaber von Julie Wolmar, Malek-Adel und de Linar, Und Werther, leidender Märtyrer, Und beispielloser Grandison,¹⁸ Des Briten einschläfernder <i>Sohn</i>, XII Jetzt wurde ihr noch zum <i>Abgott</i> Der arme Wanderer Melmoth, Vampir, tiefsinnig immer schriller, Der Ewig' Jude, der Korsar, Geheimnisvoller Jean Sbogar. XIII Ich, trotz Apollos wildem <i>Tosen</i>, Erniedrige mich nun zur Prosa, XV Tatjana, niedliche Tatjana! Ich wein' mit dir wie Widerhall. Du gabst in Hände des Tyrannen Bereits dein jugendlich' Schicksal. KAPITEL 4 XXVI Vladimir liest vor seiner Olja Moral belehrenden Roman, Dessn Autor die Natur wissn <i>solle</i> Noch mehr als selbst Chateaubriand XXVII (<i>perfekte Übersetzung</i>) Er fährt mal heim und auch zu Hause Beschäftigt sich mit ihr noch mehr, Verziert ihr tüchtig, ohne Pause, Die Albumsblätter, freudig sehr: Mal malt mit Farben auf Papier er Ein Täubchen auf der schönen Lyra Mal zeichnet ländlich stille Sicht, Mal Venustempel, mal Gesicht. Er schreibt, die andren Schriften säumend, Als seiner Liebe holdes Licht Erinnerungsträchtiges Gedicht, Ein stilles Denkmal edler Träume, Des Kurzgedankens lange Spur, Dieselbe ewig, tiefer nur, XXVIII <i>Qu'écoutez-vous sur ces tablettes</i>, Gezeichnet: t. à v. Annette XXXIII Wie sie zu schreiben war's in <i>Mode</i>, Wie schrieb man sie im Altertum...“ – Nur noch die feierlichen Oden! Ist's nicht egal? Und sei es drum.	Die Züge Olgas sind so leer, Wie sie van Dycks Madonnen <u>haben</u>: So hübsch, so rund und so gewohnt Wie dieser dumme Mond Am dummen Horizont heut abend.“ IX Der Liebling der Julie Wolmar, Malek-Adhel und de Linar, Und Werther, wilder Held der Schmerzen, Und Grandison, so beispelloos, Der uns verhilft zum Gähnen bloß, XII Und zu Idolen wurden <i>ihr</i> Der melancholische Vampir, Melmoth, der finstere Gehetzte, Der Ewig(e?) Jude, der Korsar, Der retzelschwangere Sbogar. XIII Mag Phöbus auch bedrohlich <u>winken</u>, Zu biedren Prosa <u>abzusinken</u>; XV Tatjana, die mir lieb und teuer! Ich weine mit dir, tief <u>bewegt</u>; Hast einem Modeungeheuer Dein Schicksal in die Hand <u>gelegt</u>. KAPITEL 4 XXVI Manchmal pflegt er ihr <u>vorzulesen</u> EinEn erbaulichen Roman, Wo von Natur und Menschenwesen Mehr steht als bei (<i>als?</i>) Chateaubriand XXVII Und sollt' er mal mach Hause <u>reiten</u>, Denkt er an Olga auch zu Haus, Und ihres Albums zarte Seiten Schmückt er mit Fleiß und Andacht aus: Bald malt er ländliche Vignetten, Ein Grabmal, Säulen, Amouretten, Ein Saitenspiel mit Täuberich In Aquarell und Federstrich: Bald fügt er in die freie Räume Zu dem, was schon ein andrer <u>schrieb</u>, Noch ein paar Verse zart und lieb Als stummes Zeugnis seiner Träume, Wo, was ein kurzer Einfall <u>war</u>, Erhalten bleibt manch langes Jahr. XXVIII <i>Qu'écoutez-vous sur ces tablettes</i>, Gezeichnet: t. à v. Annette XXXIII Wie unsre Dichterphilosophen Vor alters pflogen kurz und stolz ... – Nur feierliche Odenstrophen? Genug davon, mein Freund; was soll's?
---	---

XXXIV Vladimir könnte schreiben Oden Als der Verfechter im Gedicht Von Freiheit, Ehre, doch das <u>Blöde</u> Dabei, dass Olga las sie nicht. XLV Er leuchtet so wie Hippokrene²⁵. Er hatte mich verführt zu <i>Tränen</i> KAPITEL 5 IX „Wie heißen Sie?“³⁰ Mit rauem Ton Brüllt Antwort ihr er: „Agaphon“. XVII Was dachte sich dabei Tatjana, Als sie darunter einen Gast Erkannte, den sie liebt und hasst, Den Helden unseres Romanes! XXII Der Wahrheiten verborgnen <i>Sinn</i>. Doch nicht Vergil oder Racine, Nicht Scott, nicht Byron, nicht Seneca, Nicht Modezeitschrift oder Brief Könnst’ Leser halten so im Griff: Nein, dies war von Martyn Zadeka XXVII Entfernte schlau <i>belle Nina</i>, Draus machte <i>belle Tatiana</i>. XL Noch ganz am Anfang des Romanes (Schaut wieder ins Kapitel Eins) Wollt’ schildern ich so wie Albanus Den Petersburger Ball von einst. XLII Vibrierten, klapperten die Rahmen. Jetzt ist es anders: Wir, wie Damen, KAPITEL 6 II Jetzt ruht nun alles: In den Räumen Schnarcht mächtig schwerer Kleinigkow Nebst seiner Hälfte, tief in Träumen, Grobjanow, Fljanow, Hänchenkow (...) Die Mädchen schlafen bei Tatjana Und auch bei Olgas im Gemach. Nur eine ist vorm Fenster wach. Erleuchtet durch den Strahl Dianas IV Bis heute noch im Wohlbefinden Tief unter philosoph’-schen Linden Zaretskij, früherer StreithAhn, Der Kartenklicke Ataman V Um jeden Morgen bei Wairy Umsonst zu saufen um <i>pari</i>.	XXXIV Von Ruhm- und Freiheitsdrang getrieben, Durchwühlt von stürmischen Ideen, Hätt Lenski Oden wohl geschrieben, Hätt Olga sie nur angesehen. XLV Gleich Hippokrenes Glitzerträumen Hielt Sekt mit seinem Spiel und Schäumen KAPITEL 5 IX „Ihr Vorname?“ – Er schaut sie an Und antwortet: „<i>Korbinian</i>“. XVII Doch was bemächtigt sich Tatjanens, Als sie erkennt in dieser Schar Den, der ihr lieb und schrecklich <u>war</u>, Den Helden unseres Romanes! XXII Noch Weisheit oder Bilder viel, Doch kein Racine und kein Vergil, Kein Scott, kein Byron, kein Seneca, Nicht mal das Damenmodenblatt Je jemand so gefesselt <u>hat</u>: Dies, Freunde; war Martyn Zadeka, XXVII Wobei er kühnlich <i>belle Nina</i>, Ersetzt’ durch <i>belle Tatiana</i>. XL Ich plante schon an andrer Stelle (Im ersten Hefte des Romans), EinEn der Petersburger Bälle Zu malen in die Art Albans; XLII Die Fenster klirrten in den Rahmen; Doch heut – da gleiten, wie die Damen, KAPITEL 6 II Zu Ruh kam alles; in dem guten Salon schwer schnarchend Pustjakow Und seine schwere Hälfte <u>ruhten</u>; Gwosdin, Bujanow, Petuschkow (...) Die Jungfern schliefen in Tatjanas Und Olgas Zimmern auch schon lang; Allein Tatjana, wehmutsbang, Beschieden von dem Strahl Dianas, IV Gesund und froh auf seinem Hofe Als weltentrückter Philosoph: Sarezki, der einst ein Filou Und Kartenspieler war, dazu Tribun der Kneipenschwärmerbande – V Um anzuschreiben bei Very Drei Flaschen täglich in der <i>Früh</i>.
--	--

VII Versteckt' sich unter den Akazien Im Schatten, weg von jedem Sturm, Und lebt in Ruh' wie weiser Wurm, Baut Möhren, Kohl an, wie Horatius VIII Nach dem Begrüßen und <u>Eintreten</u> Gab er, beendend das Gespräch, Anlächelnd Eugen etwas frech, Ihm einen Zettel vom Poeten IX Das war das nette, ehrenvolle Herausfordern, sprich Kartell. Sehr höflich, klar in seiner Rolle Rief Lenskij Eugen zum Duell. XXII Und die Erinnerung am Poeten Verschluckt für immer dunkle Lethe XXV Er klingelt schnell, zum Tage offen, Der Diener, Franzmann Monsieur Guillot, Kommt 'rein, bringt Schlafrock und Pantoffeln. Onegin zieht die Wäsche <i>flott</i>, XXVI An Damm sich anlehrender Lenskij Stand, wartend aufgeregt, allein. Indes bewertete <i>Zaretskij</i>, Dorftechniker, den Mühlenstein. Onegin kommt und sich entschuldigt. „Doch wo ist, – fragt ihn ungeduldig Zaretskij, – nun ihr Sekundant?“ Er, bei Duellen ein Pedant, XXVII „Mein Sekundant? – sagt ihm Onegin – Da ist mein Freund: Monsieur Guillot, Ich sehe nicht, was spricht dagegen: Er ist aus richtigem <i>Milieu</i>, KAPITEL 7 IV Ihr, alte ländliche Priame, Und ihr, gefühlerfüllte Damen, XXII Den Sänger von „Giaour“, „Juane“, Noch ein paar andere Romane XXX Nur freut sich nicht das Herz von Tanjas. Sie geht begrüßen den Winter nicht Auch nicht erfrischen ihr Gesicht Mit erstem Schnee vom Dach der Banja, XLI – <i>Princesse, mon ange!</i>! – „<i>Pachette!</i>“ – Aliene! „Wer hätt's gedacht? – Seit ewig schon! Kommt ihr für lange, <i>mon Cousine</i>?“	VII Im Duft von Faulbaum und Akazien, Wie schon gesagt, zu Ruh <u>gesetzt</u> Und lebt als wahrer Weiser jetzt, Indem er Kohl pflanzt gleich Horazen. VIII Sarezki schwieg etw As betreten, Nachdem sie sich begrüßt(en?), und <u>gab</u> Sodann mit breitem Grinsen ab Ein Briefchen unseres Poeten. IX Es war die höflich ausgestellte Ausforderung, genannt Kartell, Mit der in förmlich klarer Kälte Lenskij den Freund lud zum Duell. XXII Des jungen Dichters Angedenken Wird Lethes stiller Strom <u>ertränken</u>. XXV Rasch klingelt er. Da tritt ins Zimmer Sein Diener, der Franzos Guillot, Bringt Hausschuh, Morgenrock wie immer, Und reicht im Hemd an und Jabot. XXVI Am Wehre, das den Bach <u>versperrte</u>, Längst ungeduldig Lenski <u>lehnt</u>, Indes Sarezki als Experte Am Mühlstein die Mechanik <u>höhnt</u>. Sogleich entschuldigt sich Onegin. Sarezki fragt erstaunt dagegen: „Ja, wo ist denn Ihr Sekundant?“ Als klassischer Duellpedant XXVII „Mein Sekundant?“ versetzt Onegin „Mein Freund hier ist's, <i>Monsieur Guillot</i>. Dem Vorschlag steht wohl nichts entgegen, Zumindest wüßt ich nicht <i>wieso</i>: KAPITEL 7 IV Ihr, PrIamI in Landkreisrahmen, Und ihr, sentimentale Damen, XXII So den, er sang von Don Juanen: So auch zwei, drei von den Romanen, XXX Nicht froh im Herzen ist nur Tanja. Wie sehr sie sonst sich freute auch, Zu atmen frischen Frostes Hauch, Mit erstem Schnee vom Dach der Banja XLI „<i>Princesse, mon ange!</i>“ – „<i>Pachette!</i>“ – „Alinchen!“ – – „Wer hätte das gedacht? Ist's wahr? Bleibt ihr für länger? Ach, Cousinchen! Komm setzt dich – nein wie sonderbar!“
---	---

Setzt dich – es ist ja wunderschön! Mein Gott! Wie Szenen aus Romanen...“ – Hier ist mein Töchterchen, Tatjana. „Ach Tanja! Komm’ zu mir ans Licht, Als ob im Traum seh’ dein Gesicht... Du kennst, Cousine, Grandison ja?“ – Wie, Grandison?.. Ach so, man, der! Erinnre mich jetzt. Wo ist er? – „Quartiert da, neben Simeone. XLV Kein Ändern sieht man doch bei <i>denen</i>. Der Muster ist bei allen alt: Tatjanas Tante, Fürstin Lena, Behält dieselbe Kappe <u>halt</u>, Entfärbt sich noch Lukerja Lwowna Dasselbe lügt Lubow Petrowna, Iwan Petrowitsch bleibt ein Tor, Semjon ist geizig nach wie vor Und Pelageja Nikolawna Hat selben Freund, Herr Finnemann, Denselben Spitz und <i>Ehemann</i>, Wer auch ein Klubmitglied bleibt <i>brav</i> noch KAPITEL 8 I Als ich im Garten des Lyzeums Noch Jüngling aufging sorgenlos, Las ich dabei gern’ Apuleius, Doch Cicero vermied ich bloß IV Durch Zauberei des jäh’n Kasus! Sie ritt durch Felsen des Kaukasus Wie oft mit mir beim Mondeslicht Wie die Lenore ausm Gedicht VI Durch Reihen von Aristokraten, Von Offizieren, Diplomaten VIII Als wer erscheint er nun? Als Harold, Als Schelm, als Quäker, Sohn der Wahr- heit? Als immer wandernder Melmoth, Kosmopolit? Ein Patriot? XVI Es wäre gut für Epigramme...) Doch nun zurück zu unsrer Dame. XVIII „In Ehe, du! Ich konnt’s nicht <i>ahnen</i>! Wie lange schon?“ – Schon zweites Jahr. – „Mit wem?“ – Mit Larina. – „Tatjana!“ – Du kennst sie? – „Ich bin ihr NachbAr. XX Ob sie ist dieselbe Tatjana, Zu welcher er in Zweisamkeit, Am Anfang unseres Romanes	Bei Gott! Genau wie im Romane...“ – „Das ist mein Töchterchen, Tatjana.“ „Ach Tanja! Komm doch her zu mir ..., Als ob ich träumte, <u>phantasier</u>... Sag, weißt du noch, wer Grandison ist?“ – „Gran ..., Grandison? Ob ich den <u>kenn</u>? Ach den, ja, ja! Wo steckt er denn?“ – „In Moskau bei Sankt Simeonis. XLV Sie aber scheinen <u>unverändert</u>, Bei ihnen blieb die Zeit wohl <u>stehn</u>: Noch immer trägt mit Tüll <u>bebändert</u> Den gleichen Hut prinzesse Helene; Gleich schminkt sich noch Lukerja Lwowna, Gleich flunkert noch Ljubow Petrowna, Iwan ist noch genauso dumm, Semjon noch dreht den Rubel rum, Bei Pelageja trifft man immer Noch Herrn Finemouche als Hausfreund an, Gleich blieb ihr Spitz, gleich auch ihr Mann, Der noch im Klub, im Mitgliedszimmer, KAPITEL 8 I Damals, als ungestört mein Wesen Doch Ciceronem nicht so arg, Erbühte im Lyzeumspark, Ich Apulejum gern <u>gelesen</u>. IV Zu mir geheime Zauberworte! Wie oft ritt sie am Felsenborte Des Kaukasus, Lenoren gleich, Mit mir zu Pferde, mondscheinbleich! VI Sie schlängelt um Aristokraten, Galamonturen, Diplomaten VIII Wie spielt er heut sich auf? Melmothisch, Kosmopolitisch, patriotisch, Haroldisch, quäkerisch, bigott, Noch anderswie maskiert zum Spott, XVI Geeignet wär’s für Epigramme ...) Jedoch zurück zu unsrer Dame. XVIII „Du bist? ... Das konnte ich doch nicht <i>ahnen</i>! Wie lange schon?“ – „Zwei Jahre bald.“ – „Mit wem?“ – „ner Larin.“ – „Mit Tatjanen?“ – „Ihr seid bekannt?“ – „Gutsnachbarn halt.“ – XX Ist’s wahr, daß eben die Tatjana, Der er vertraulich seinerzeit, Ganz vorn in unserem Romane, XXIII Da kam ihr Mann. Das Ende <u>machte</u> Er dem gequälten Tête-à-tête,
--	--

XXIII Des Gatten Eintritt bringt das Ende Dem unbequemen tête-à-tête. Sie sprechn von Unfuck, Witz, Umständen Der frühen Jahren im <i>Duet</i>. XXVI So rotwangig wie ein Cherub, Schaut' stumm und regungslos <i>herum</i> XXVII Doch mit der abgekühlten Fürstin, Doch mit der unnahbaren Göttin Von prächtig göttlicher NewA. Ach Mensch! Wie ähneln wir EvA, Der unsren altbekannten Ahne: XXVIII Wie sich veränderte Tatjana! Wie nahm sie ihre Rolle an! Wie schnell ward sie zu erster <i>Sahne</i> In ihrem strengen Adelsstand! Wer würde suchen zartes Mädel In dieser majestätisch edlen Gesetzgestalterin im Saal? Und ihr das Herz bewegt' er <i>mal</i>! XXXV Erneut begann zu lesn er <u>Bücher</u>. Er las durch Gibbon und Rousseau, Manzoni, Herder, Chamforts <u>Sprüche</u>, Madame de Staël, Bichat, Tissot, Er las durch Aufklärer-<i>Rebellen</i>: Neinsager Bayle und Fontenelle, XXXVIII Und's stimmt: Durch Kraft des Magne- tismus Begriff den Dichtungsmechanismus (...) Wie ähnelte er dem Poeten, Als er allein im Eck <u>erschien</u> Vor seinem lodernden Kamin Und, sehnlich schnurrend „Benedetta L Seit mir vor langem noch Tatjana Und Eugen in verdunkltem Raum, Erschienen erst in meinem Traum, – Und Weite dieses Versromanes Sah ich durch magisches Kristall Verschwommen noch zum ersten <i>Mal</i>. LI Für Tanjas nettes Ideal... So viele nahm uns weg <i>SchicksAl</i>!	Als mit Onegin er gedachte Der Sachen, die sie einst <u>gedreht</u>: XXVI Rot wie ein Englein im Gesicht, Geschnürt und stumm, und regt sich nicht. XXVII Nein, die als Fürstin sicher schaltet, Die unnahbar wie Göttin waltet Im Reich der prunkvoller Newa. O Menschen! Alle gleicht ihr <i>ja</i> Der Ältermutter Eva. Ehrlich: XXVIII Wie hat Tatjana sich gewandelt! Wie lebt sie ihre Rolle schon! Wie sicher si in allem handelt, Was heischt die hohe Position! Wer hätt das Mädchen suchen <u>wollen</u> In dieser zwangslos hoheitsvollen Gebieterin der Säle noch? Und einst hat er das Herz ihr doch XXXV Nun las er wieder, wie <u>zuvor auch</u>, Ganz wahllos: Gibbon und Rousseau, Manzoni, Herder und Chamforts <u>auch</u>, Madame de Staël, Bichat, Tissot, Las Bayle, dem Skepsis galt als Stärke, Las Fontenelles gesamte Werke, XXXVIII Jawohl: Er hätt kraft Magnetismus RussIscher Verse Mechanismus (...) Schien er nicht wirklich ein Poet da, Wenn er allein vor dem Kamin Schnurrt' <i>Idol mio</i> vor sich <i>hin</i> OdEr vielleicht auch Benedetta, L Seit mir das junge Bild Tatjanens Mit dem Onegin traumhaft blind Zum erstenmal erschienen <u>sind</u> – Die Freiheitsweite des Romanes Sah ich im Zauberglasvisir Recht unklar damals nur vor mir., VI Tatjanas liebes Ideal? ... Oh, Opfer; Opfer ohne <i>Zahl</i>!
--	--

Приложение 3.3. Сатира и горечь «человеконенавистника» Пушкина

Пушкин	Коммисар
ГЛАВА 1 I Вздыхать и думать про себя: Когда же черт возьмет тебя!» IV Чего ж вам больше? Свет решил, Что он умен и очень мил. V Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь, Так воспитаньем, слава богу, У нас немудрено <u>блеснуть</u>. XI Молить и требовать признанья, Подслушать сердца первый звук, Преследовать любовь, и вдруг Добиться тайного свиданья... И после ей наедине Давать уроки в тишине! XII Всегда довольный сам собой, Своим обедом и женой. XVII Онегин полетел к театру, Где каждый, вольностью дыша, Готов охлопать <u>entrechat</u>, Обшикать Феду, Клеопатру, Моину вызвать (для того, Чтоб только слышали его). XXIX Вы также, маменьки, построже За дочерью смотрите вслед: Держите прямо свой лорнет! Не то... не то, избави боже! Я это потому <u>пишу</u>, Что уж давно я не <u>грешу</u>. XLIII Отступник бурных наслаждений, Онегин дома <u>заперся</u>, Зевая, за перо <u>взялся</u>, Хотел писать – но труд упорный Ему был тошен; ничего Не вышло из пера его, И не попал он в цех зазорный Людей, о коих не <u>сужу</u>, Затем, что к ним <u>принадлежу</u>. XLVI Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей; Кто чувствовал, того тревожит Призрак невозвратимых дней:	KAPITEL 1 I Da seufzt ma wohl und denkt für sich: Wann endlich holt der Teufel dich!« IV Braucht's mehr, damit die liebe Welt Uns für gescheit und reizend hält? V Gelernt hat jeder von uns allen Sein Pröbchen, minder oder mehr: Drum ist, durch Bildung <u>aufzufallen</u>, Bei uns, gottlob, nicht eben schwer. XI Zum Austausch drang von Liebesschwüren, Um schnell beim ersten Herzenslaut, Schon immer mehr und mehr <u>vertraut</u>, Ein Stelldichein herbeizuführen, Wo schleunigst nach Verführerart Der Unterricht vollendet <u>ward</u>. XII Wie auch der Hahnrei, stets zufrieden Mit seinem Wanst, so satt und dick, Sich selbst und seinem Eheglück. XVII Und jeder kritisch sich <u>betätigt</u>, Hier Beifall klatscht dem <u>entrechat</u>, Dort mit Gezisch Kleopatra Und Phädra abzutreten <u>nötigt</u>, Vor allem Lärm macht, möglichst toll, Damit man rings ihn hören <u>soll</u>. XXIX Auch ihr Mamas, daß auf die Blüte Der lieben Tochter scharf ihr <u>paßt</u>, Nie das Lorgnon vom Auge <u>laßt</u>, Sonst könnte, könnte – Gott <u>verhüte</u>! Das schreib' ich hier so offen hin, Weil ich nun längst gesittet <u>bin</u>. XLIII Und gründlich satt der wilden Freuden Spann gähnend er zu Haus sich ein Und nahm sein Schreibzeug vor. Allein, Entwöhnt, mit Arbeit sich zu <u>quälen</u>, Und weil der Feder nichts <u>entfloß</u>, Mißlang's ihm, sich als Zunftgenos Den kecken Leuten <u>beizuzählen</u>, An denen sich nicht gerne <u>reibt</u>, Wer, so wie ich, ihr Handwerk <u>treibt</u>. XLVI Wer lebt und urteilt, lernt beizeiten, Wie tief verächtlich Menschen sind: Wer fühlt, dem muß es Schmerz bereiten, Wie schnell des Lebens Wahn <u>zerrinnt</u>.

Тому уж нет очарований. Того змия воспоминаний, Того раскаянье <u>грызет</u>. LII Прочтя печальное посланье, Евгений тотчас на свиданье Стремглав по почте <u>поскакал</u> И уж заранее <u>зевал</u>. Приготовляясь, денег ради, На вздохи, скуку и обман (И тем я начал мой роман); LIII К покойнику со всех сторон Съезжались недруги и други, Охотники до похорон. Покойника <u>похоронили</u>. Попы и гости ели, <u>пили</u> И после важно <u>разошлись</u>. Как будто делом <u>занились</u>. LIV Хандра ждала его на страже, И бегала за ним она, Как тень иль верная жена. ГЛАВА 2 XIII Так люди (первый каюсь я) От <i>делать нечего</i> друзья. XXIV Признаться: вкусу очень мало У нас и в наших именах (Не говорим уж о стихах); Нам просвещение не пристало И нам досталось от него Жеманство,— больше ничего. ГЛАВА 3 XXVI Доныне гордый наш язык К почтовой прозе не привык. XXVIII Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не <u>люблю</u>. ГЛАВА 4 XVIII. Хотя людей недоброхотство В нем не щадило ничего: Враги его, друзья его (Что, может быть, одно и то же) Его честили так и сяк. Врагов имеет в мире всяк, Но от друзей спаси нас, боже! Уж эти мне друзья, друзья! Об них недаром вспомнил я.	Er kann nun all den Zauber <u>missen</u>, Verzehrt sich in Gewissensbissen Und spürt der Reue dumpfe Pein ... LII Sofort bestieg nach diesen Zeilen Eugen die Post, um <u>hinzueilen</u>, Mit stillem Groll darauf <u>gefaßt</u>, Daß ihm so manche Pein und Last Bei Wehgestöhn und Seufzermienen Ums liebe Geld zu tragen <u>blieb</u> (Wie ich's zu Anfang schon <u>beschrieb</u>); LIII Von fern und nah zum Trauerhaus Kam Freund und Feind herbeigefahren, Begierig auf den Leichenschmaus. Kaum barg das Grab die Erdenreste, Bezechten Popen sich und Gäste Und taten beim Nachhause<u>gehn</u>. Als wär's in frommer Pflicht <u>geschehn</u>. LIV Der alte Trübsinn kehrte wieder Und hing ihm wie sein Schatten an, Wie Weiber am geliebten Mann. KAPITEL 2 XIII Wie denn (mir selber ist's <u>passiert</u>) Faulenzerei zur Freundschaft <u>führt</u>. XXIV (Von unsern Versen ganz zu <u>schweigen</u>) Vermögen wir trotz Bildungslack, Wir alle, weder viel Geschmack Noch eben viel Kultur zu <u>zeigen</u>; Uns blieb vom Segen höhern Lichts Nur Affektiertheit – weiter nichts. KAPITEL 3 XXVI Die eigne Sprache, stolz und tief, Ist noch verpönt beim Liebesbrief. XXVIII Gleich roten Lippen ohne Lachen, Sind Mädchen, die nicht Fehler <u>machen</u> Beim Russischsprechen, mir <u>verhaßt</u> KAPITEL 4 XVIII Wenn auch die Mißgunst andrer Leute An ihm kein gutes Härchen <u>ließ</u>. Bei Freunden (die, wie sich <u>erwies</u>, Oft mehr zu fürchten) wie bei Feinden War er gewöhnlich übel dran. Nun, Feinde hat ja jedermann, Doch Gott bewahr uns vor den Freunden! Ich kannte selber ehemals Von dieser Sippschaft – trau, schau, wem.
---	---

XX. Что значит именно <i>родные</i>. Родные люди вот какие: Мы их обязаны <u>ласкать</u>, Любить, душевно <u>уважать</u> И, по обычаю народа, О рождестве их <u>навещать</u>, Или по почте <u>поздравлять</u>, Чтоб остальное время года Не думали о нас они... И так, дай бог им долги дни! XXII Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! Предмет достойный: ничего Любезней верно нет его. XXVIII Сюда, <u>назло правописанью</u>, <u>Стихи без меры</u>, по преданью (...) <i>"Кто любит более тебя, Пусть пишет далее меня".</i> XXXV Пугаю стадо диких уток: Вняв пенью <u>сладкозвучных строф</u>, Они слетают с берегов. ГЛАВА 5 XXXII. Конечно, не один Евгений Смятение Тани видеть <u>мог</u>; Но целью взоров и суждений В то время жирный был пирог (К несчастью, пересоленный), Да вот в бутылке засмоленной, Между жарким и блан-манже, Цимлянское несут уже; За ним строй рюмок узких, длинных, Подобно талии твоей, Зизи, кристалл души моей, Предмет стихов моих невинных, Любви приманчивый фиал, Ты, от кого я пьян <u>бывал</u>! ГЛАВА 6 Примечания ⁴⁰ В первом издании шестая глава оканчивалась следующим образом: А ты, младое вдохновенье, Волнуй мое воображение, Дремоту сердца <u>оживляй</u>, В мой угол чаще <u>прилетай</u>, Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, <u>очерстветь</u>. И наконец <u>окаменеть</u> В мертвящем упоенье света, <u>Среди бездушных гордецов</u>,	XX Was so <i>Verwandschaft</i> meist <u>bedeute</u>: Verwandte sind die biedern Leute, Die man in Herzensüberfluß Verehren, lieben, hätscheln <u>muß</u> Und denen man aus reinstem Triebe Zum Wiegenfeste sehr <u>gerührt</u> Selbst oder schriftlich <u>gratuliert</u>, Damit uns ihre Nächstenliebe (Gott soll sie segnen!) für den Rest Des Jahres – ungeschoren <u>läßt</u>. XXII Mein hochverehrter Leser, hier Den klugen Rat: dich selbst zu <u>lieben</u>, Und dies Objekt wird obendrein Dir zweifellos das liebste <u>sein</u>! XXVIII Und Verse wimmeln, <u>nach Belieben</u>, Verbalhornt oder <u>falsch geschrieben</u>. (...) <i>»Wer dich noch lieber hat als ich, Versuch's und schreibe hinter mich.“</i> XXXV Den <u>wilden Enten</u> <u>unwillkommen</u>: Vor meiner Strophen Harmonie Entfleucht das ganze Federvieh. KAPITEL 5 XXXII Zwar hatte mancher bei der Fete Den Fall bemerkt: doch eben <u>kam</u>, Allseits begrüßt, die Fleischpastete, Die Aug' und Mund in Anspruch <u>nahm</u> (Nur leider stark versalzen <u>schmeckte</u>); Auch ging, was lauten Jubel <u>weckte</u>, Jetzt zwischen Braten und Dessert Champagnerwein (vom Don) umher, In Gläsern, schlank wie deine Glieder, Sisi, du Herzensideal, Du meiner Seele Lust und Qual, Entzücken meiner jungen Lieder, Du Liebeskelch, kristallenklar, Davon ich selig trunken <u>war</u>! KAPITEL 6 <i>Keine Übersetzung</i>
--	---

Среди блистательных глупцов, XLVII Среди лукавых, малодушных, Шальных, балованных детей, Злодеев и смешных и скучных, Тупых, привязчивых судей, Среди кокеток богомольных, Среди холопьев добровольных, Среди вседневных, модных сцен, Учтивых, ласковых измен, Среди холодных приговоров Жестокосердой суеты, Среди досадной пустоты Расчетов, дум и разговоров, В сем омуте, где с вами я Купаюсь, милые друзья. ГЛАВА 7 XXII В которых отразился век, И современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно, С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом. XLV. Но в них не видно перемены; Всё в них на старый образец: У тетушки княжны Елены Всё тот же тюлевый чепец; Всё белится Лукерья Львовна, Всё то же лжет Любовь Петровна, Иван Петрович также глуп, Семен Петрович также скуп, У Пелагеи Николавны Всё тот же друг мосьё Финмуш, И тот же шпиц, и тот же муж; А он, всё клуба член исправный, Всё так же смирен, так же глух, И так же ест и пьет за двух.	KAPITEL 7 XXII Worin die nackte Wirklichkeit, Zumal der Mensch der heut'gen Zeit, Sich scharfumrissen widerspiegelt, Wie er, moralisch ohne Halt, Voll Egoismus, nüchtern-kalt, Beständig in Phantasmen klügelt, An bitterer Weltverachtung krankt Und inhaltslos durchs Leben wankt. XLV Man selber nur in trockner Schöne Blieb unverändert wie zuvor: Die alte Exzellenz Helene Trägt immer noch den Spitzenflor, Noch geht geschminkt Lukerja Lwowna, Noch immer lügt Ljubow Petrowna, Noch ist Iwan der biedre Tropf, Semjon der geiz'ge Rappelkopf. Frau Bas' Pelagia scherzt noch täglich Mit Herrn Finemouche, dem Hausgalan, Hat noch den Spitz, den tauben Mann, Und der ist immer noch verträglich, Hat seinen Klub und sein Gemüt Und seinen Bärenappetit.
Приб KAPITEL 1 I Da seufzt man wohl und denkt für sich: Wann endlich holt der Teufel dich!« IV Was soll man mehr? Die Welt entschloss: Er sei sehr klug und bravourös. V Wir lernten alle auch ein wenig Vom Irgendetwas irgendwie, So können, Gott sei Dank, wie König Leicht glänzen überall doch wir.	Кайль KAPITEL 1 I Zu seufzen, wo man denkt für sich: Wann endlich holt der Teufel dich!« IV Was braucht es mehr für Etikett: „Begabt und ausgesprochen nett!“ V Ein bißchen lernten wir ja alle Wohl irgendwas und ungefähr, So ist, gottlob, in unsrem Falle Mit Bildung glänzen gar nicht schwer.

XI Erflehen, fordern Anerkennung, Belagern Herzen Stuf' um Stuf', Verfolgen Liebe, bis ihr Ruf Den Treff erzwingt, dann bis zur Trennung In Zweisamkeit nach seinem Stil, Ihr unterrichten leis' und still! XII Zufrieden stets mit sich, mit Leib, Mit Mittagessen, seinem Weib. XVII Onegin flitzt nun zum Theat're, Wo jeder hält das Spiel in Schach Und gleich beklatscht den Entrechat, Bepfeift Phaedrus, Kleopatra, Moina ruft ins Bühnenlicht, (So jeder präsentiert nur sich). XXIX Auch ihr, die Mütterchen! Im Stillen Guckt euren Töchtern strenger nach, Behaltet die Lorgnetten wach! Ansonsten... Tja, um Gottes willen! Deswegen schreib' es für euch ich, Weil längst schon sündige selbst nicht. XLIII Der Apostat von Bacchanalen, Er sperrte sich zu Hause ein, Ergriff die Feder, seelisch rein, Und wollte schreiben – doch das <u>Schuften</u> War ihm zum Kotzen; also nichts Entsprang der Feder so ans Licht, Und so verpasst' er Zunft von Schuften, Welche zu schmäh'n, steht mir nicht zu, Denn selbst gehöre ich dazu. XLVI Wer denkend lebte, kann <u>verachten</u> Die Menschen nur in seinem Geist. Wer fühlte, wird nur stets <u>betrachten</u> Gespenst schon längst vergangner Zeit: Vor Reizen wird gleich Einem bange, An Andrem nagt Erinnerungsschlange, Zerfleischt den Dritten seine Reu'. LII Erfahrend die betrübte Nachricht, Hat Eugen mit dem Onkel Nachsicht Und rennt per Post sogleich hinaus. Er gähnt ermüdet, im Voraus Bereitend sich, des Geldes wegen, Zum Seufzen, Lügen vor dem Mann (Womit begann ich mein Roman). LIII Zum Toten kamen allerseits Die Freunde, Feinde, unter ihnen Liebhaber vom Begräbnisreiz. Der Tote war dann auch <u>begraben</u>.	XI Erhörung zu erflehn, zu <u>fordern</u>, Vom ersten Herzenstone an Der Liebe nachzustellen, dann Ein heimlich Treffen zu <u>beordern</u> ... Und dann, im stillen Kammerlein, Sie pädagogisch zu <u>betreuen</u>! XII Zufrieden mit sich selbst, genau Wie mit dem Essen und der Frau. XVII Eilt dort Onegin hin, wo jeder Der Freiheit frischen Hauch <u>genießt</u>, Den <i>entrechat</i> mit Beifall <u>grüßt</u>, Anzischt Kleopatra und Phädra, Moina rausruft (daß man ja Bemerkt: auch er ist wieder da). XXIX Auch ihr, Mamachen, paßt doch bitte Den Töchtern etwas strenger auf: Faßt fester die Lorgnette am Knauf! Daß nicht ... daß nicht, was Gott <u>verhüte</u>! Mit gutem Grund schreib ich das her, Wenn ich auch selbst nicht sündig(e?) mehr. XLIII Abschwörend des Genusses Brausen Blieb er in häuslichem Asyl, Griff gähnend nach dem Federkiel, Doch bei der Arbeit <u>auszuharren</u>, War ihm zu lästig – kein Gedicht Bracht' seine Feder je ans Licht, So stieß er nicht zur Zunft der Narren, Doch wag ich hier kein Urteil mehr, Dieweil ich selbst dazugehör. XLVI Wer lebt und denkt, der muß im Innern Verachtung für die Menschen <u>nähren</u>: Wer fühlt, muß bebend sich <u>erinnern</u> Der Tage, die nicht <u>wiederkehren</u>: Den wird kein holder Zauber <u>fangen</u>, Ihn werden die Erinnerung Schlangen Zernagen und der Reue Zahn. LII Nach so betrüblicher Lektüre Macht eilig sich im Postkuriere Ewgenij auf zum Stelldichein Und gähnte schon im vorhinein, Als er des Geldes wegen <u>schickte</u> Zu Seufzen und Betrug sich an (Und so begann ja mein Roman); LIII Von allenthalben warn <u>vereint</u>, Die sich auf ein Begräbnis <u>freuen</u>, Des Hingegangnen Freund und Feind. Man setzte bei des Onkels Reste.
---	--

Und alles soff und aß wie Raben, Und dann verschwanden sie im Nu, Als ob gleich jeder hätt' zu tun. LIV <i>Handra</i> belauert' ihn derweilen, Sie klebte schon an seinem Leib Wie Schatten oder treues Weib. KAPITEL 2 XIII So Menschen sind (ich zähl' dazu) Die Freunde auch durchs „<i>Nichts-zu-tun</i>“. XXIV Gestehen hier: Es ist sehr wenig Geschmack in Namen auch bei uns (Geschweige denn von Dichtungskunst). Mit Bildung sind wir noch in Trennung, Uns blieb von deren kleinen Stich Gehabe nur, doch mehr auch nichts. KAPITEL 3 XXVI Bis heute fand Briefschreiben-Kunst In unsrer Sprache keine Gunst. XXVIII Ich mag das Russisch nicht von Seele, Ganz ohne viel Grammatikfehler Wie ohne Lächeln Lippenrot. KAPITEL 4 XVIII Wenngleich die Weltbosheit indessen Nahm ihn sehr ruppig in Gebrauch: Die Feinde wie die Freunde auch (Die sind ja oft dieselbe Räude), Beschimpften ihn auf jede Art. Die Feinde sind zu jedem hart, Doch Gott bewahr' vor solchen Freunden! O Freunde! Mir treibt mein Gehirn Erinnerungsrünzeln auf die Stirn. XX Was heißt es nämlich, <i>die Verwandtschaft</i>. Verwandte sind nun eine Mannschaft, Die man liebkosen immer <u>muss</u>, Auch lieben, ehren, senden Gruß, Und, nach gebräuchlichem Verfahren, Besuchen sie zur Weihnachtskost Und sonst beglückwünschen per Post, Damit sie Rest des ganzen Jahres An euch erinnerte nicht mehr... Gib ihnen viele Tage, Herr! XXII Lieb' doch am besten nur dich selbst, Mein ehrenwerter Buchbesucher! Das Ding ist würdig, ohne Spaß: Es gibt kein Besseres als das. XXVIII Hierin, zuwider der Rechtsschreibung,	Es schmausten Geistlichen und Gäste Und gingen würdig fort sodann, Als hätten sie was Rechts <u>getan</u>. LIV Der Überdruß lag auf der Lauer Und lief ihm nach genausedgut, Wie's Schatten oder Gattin tut. KAPITEL 2 XIII So schließt man (ich gesteh's, auch ich) Oft Freundschaft, weil man langweilt sich. XXIV Einzugestehn, daß selbst für Namen Uns jeglicher Geschmack gebricht (Von Versen reden wir schon nicht), Bei uns bleibt taub der Bildung Samen, Und der Erfolg des Unterrichts Ist Affektiertheit – weiter nichts. KAPITEL 3 XXVI Denn unsre stolze Sprache sträubt Sich, daß man sie prosaisch schreibt. XXVIII Erst Lächeln macht den Mund sympathisch Erst, wenn es nicht ganz stimmt grammatisch, Kann ich am Russischen mich freun. KAPITEL 4 XVIII Wenn auch der Menschen Lust am Tadel An ihm kein gutes Haar mehr <u>ließ</u>: Wer Feind ihm war, wer Freund sich <u>hieß</u> (Was oft die gleichen Leute <u>waren</u>), Sie alle hängten ihm was an. Nun, Feinde hat hier jedermann, Mag Gott von Freunden uns bewahren! Ach, Freunde, Freunde wolln das <u>sein</u>? Sie fielen mir nicht grundlos ein. XX Was denn <i>Verwandte</i> nun <u>bedeute</u>? Verwandte, das sind solche Leute: Wir müssen tun, was sie <u>begehren</u>, Sie herzlich lieben und <u>erehren</u> Und sie zu Weihnachten wohl war es, Besuchen, wie's im Volke Brauch, OdEr per Post Glück wünschen auch, Damit sie für den Rest des Jahres Uns rasch vergessen ... Also gut, Lang leben sie in Gottes Hut! XXII Anstatt, daß er sich selber liebt. Versuchen Sie's hochwerter Leser! Ein würdiges Objekt fürwahr: Nichts stellt sich liebenswerter dar. XXVIII Wo Mädchen sich mit falschen Rhythmen
--	---

Konnt' jeder maßlos' Verslein schreiben (. . .) „<i>Wer liebt noch wesentlich mehr dich, Soll weiterschreiben hinter mir“.</i> XXXV Und ich verscheuche wilde Enten: Sie fliegen weg dem See entlang, Vernommen meiner Strophen Klang. KAPITEL 5 XXXII Natürlich merkte die Verwirrung Von Tanja Eugen nicht allein. Doch alle blickten zur Zeit gierig Auf fette Pie und auf den Wein (Die Pie war leider etwas salzig). Doch schon bringt man nach Mandelsülze Tsimlianskoe, versiegelt schön – Fürs Salz der spritzschäumig Lohn, Weingläser kamen, lange Trichter Wie deine Taille ähnlich schmal, Sisie, mein seelisches Kristall, Objekt der harmlosen Gedichte, Phiole, mir so herzlich lieb, Von der ich stets betrunken <u>blieb</u>! KAPITEL 6 Anmerkungen ⁴⁰ In der ersten Ausgabe endete das sechste Kapitel wie folgt: Und du, Begeisterung der Jugend, Reg' weiter mich mit schönen Lügen, Belebe meines Herzens Schlaf, Komm' öfter her und gib mir Kraft, Lass nicht erkalten Geist Poeten, Und grässlich nicht erstarren ihn, Und schließlich nicht versteinern drin In tötendem Ergötzen Städte, Unter geistloser Arroganz Inmitten der Dummköpfe Glanz, XLVII Und unter Listigen und Feigen, Verrückt, verwöhnt und infantil, Den Übeltäter tot langweilig, Den Richtern, ganz blöd und subtil, Unter koketten, frommen Laien, Unter freiwilligen Lakaien, Alltäglich neuem Moderat, Und zärtlich höflichem Verrat, Der kaltblütigen Urteilsprechung Erbarmungsloser Eitelkeit, Belästigenden Nichtigkeit, Berechnungen und Leergesprächen, Im Strudel, wo, mein Leser, ich Mit dir zusammen bade mich.	Und Rechtschreibfehler Verse widmen, (. . .) „<i>Und wer dich lieber hat als ich, Der schreibe sich gleich hinter mich.</i>“ XXXV Und schreck der wilden Enten Meute: Wenn sie der Strophen süßen Ton Vernehmen, flattern sie davon. KAPITEL 5 XXXII Natürlich konnte nicht alleine Ewgenij sehn Tatjanas Schock, Doch fesselte die allgemeine Aufmerksamkeit grad ein Pirog, Gar fett (und salzig auch) <u>geraten</u>; Doch da bringt man schon, nach dem Braten Und vor dem Blancmanger, herein Die Flaschen mit Zymljansker Wein, Dazu der schlanken Kelche Menge, Wie deine Taille lang und schmal, Zizi, mein innigster Kristall, Objekt unschuldiger Gesänge, Der Liebe lockernder Pokal, Die mich berauscht so manches Mal. KAPITEL 6 <i>Keine Übersetzung</i>
---	--

KAPITEL 7 XXII Sie spiegeln wider unsre Zeit, Der Mensch ist auch, modern bereits, Dort dargestellt gemäß der Wahrheit Mit seinem Geist gar ohn' Moral, Mit seiner selbstherrlichen Qual. In Traum verbannt in seiner Narrheit, Mit seinem längst erbosten Sinn, Im Leergang kochend vor sich hin.	KAPITEL 7 XXII In denen spiegelt sich die Zeit, Und worin auch der Mensch von heut Recht wahr gemalt ist nach dem Leben Mit seiner Seele Unmoral, Die, eigensüchtig, dürr und kahl, Phantasmen maßlos sich <u>ergeben</u> , Mit seinem aufgebrachten Geist, Der sich in leerem Tun <u>verschleißt</u> .
--	---

Приложение 3.4. Мудрости и максимы молодого Пушкина

<i>Пушкин</i>	<i>Коммехау</i>
ГЛАВА 1 XLVI Кто жил и мыслил, тот не <u>может</u> В душе не презирать людей; Кто чувствовал, того <u>тревожит</u> Призрак невозвратимых дней: LIX Погасший пепел уж не <u>вспыхнет</u> , Я всё грущу; но слез уж нет, И скоро, скоро бури след В душе моей совсем <u>утихнет</u> ГЛАВА 2 XIII Так люди (первый каюсь я) От <i>делать ничего</i> друзья. XXXI Привычка свыше нам <u>дана</u> : Замена счастью она. XXXVIII Так наше ветреное племя Растет, волнуется, <u>кипит</u> И к гробу прадедов <u>теснит</u> . Придет, придет и наше время, И наши внуки в добрый час Из мира вытеснят и нас! XXXIX Без неприметного следа Мне было б грустно мир <u>оставить</u> . Живу, пишу не для похвал; Но я бы, кажется, <u>желал</u> Печальный жребий свой <u>прославить</u> . Чтоб обо мне, как верный друг, Напомнил хоть единый звук. ГЛАВА 3 XXVIII Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не <u>люблю</u> .	KAPITEL 1 XLVI Wer lebt und urteilt, lernt beizeiten, Wie tief verächtlich Menschen <u>sind</u> ; Wer fühlt, dem muß es Schmerz <u>bereiten</u> , Wie schnell des Lebens Wahn <u>zerrinnt</u> . LIX Kein Funke kann im Busen <u>zünden</u> , Der Seufzer starb, ich traure nur, Und bald wird auch die letzte Spur Der einst'gen Seelenstürme <u>schwinden</u> . KAPITEL 2 XIII Wie denn (mir selber ist's <u>passiert</u>) Faulenzerei zur Freundschaft <u>führt</u> . XXXI Hat Gott doch dem, der Glück <u>entbehrt</u> , Gewohnheit als Ersatz <u>beschert</u> . XXXVIII So sprießt in kurzen Erdentagen Die Menschensaat und welkt hinab, Zu ihrer Ahnen dunklem Grab. Auch uns wird bald die Stunde <u>schlagen</u> , Da unsern Leib, wie's Gott so <u>lenkt</u> , Der Enkel in die Grube <u>senkt</u> ! XXXIX Ich möchte nicht verurteilt <u>sein</u> , Ganz spurlos aus der Welt zu <u>scheiden</u> ; Begehre keinen eitlen Ruhm – Nur soll mein Erdenpilgertum Sich noch in solchen Schimmer <u>kleiden</u> . Daß freundlich, wenn auch matt <u>beschwingt</u> , Ein Schall doch von mir Kunde <u>bringt</u> . KAPITEL 3 XXVIII Gleich roten Lippen ohne Lachen, Sind Mädchen, die nicht Fehler <u>machen</u> Beim Russischsprechen, mir <u>verhaßt</u>

ГЛАВА 4 XVI. "Мечтам и годам нет возврата; (...) К беде неопытность <u>ведет</u>". XXI Так ваша верная подруга Бывает вмиг увлечена: Любовью шутит сатана. XXII Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! Предмет достойный: ничего Любезней верно нет его. XXVII Он оставляет нежный стих, Безмолвный памятник мечтанья, Мгновенной думы долгий след, Все тот же после многих лет. ГЛАВА 5 VII Настали святки. То-то радость! Гадает ветреная младость, Которой ничего не жаль, Перед которой жизни даль Лежит светла, необозрима; Гадает старость сквозь очки У гробовой своей доски, Всё потеряв невозвратно; И всё равно: надежда им Лжет детским лепетом своим. ГЛАВА 6 IV И даже честный человек: Так исправляется наш век! VII <i>Sed alia tempora!</i> <<13>> Удалость (Как сон любви, другая шалость) Проходит с юностью живой. XI И вот общественное мнение Пружина чести, наш кумир! И вот на чем вертится мир! XXI. Стихи на случай <u>сохранились</u>; Я их имею; вот они: "Куда, куда вы <u>удалились</u>, Весны моей златые дни? Что день грядущий мне <u>готовит</u>? Его мой взор напрасно <u>ловит</u>, В глубокой мгле таится он. Нет нужды; прав судьбы закон. Паду ли я, стрелой пронзенный, Иль мимо пролетит она, Всё благо: бдения и сна	KAPITEL 4 XVI Die Jugend flieht, ihr Wahn <u>entschwindet</u>; (...) Wer Schaden fürchtet, hüte sich.« XXII Ist auf versprochene Schäferstunden Für uns mitunter kein Verlaß ... Mit Liebe scherzt ja Satanas. XXII Mein hochverehrter Leser, hier Den klugen Rat: dich selbst zu <u>lieben</u>, Und dies Objekt wird obendrein Dir zweifellos das liebste sein! XXVII Ein schlichtes Verschen untenhin, Als stummes Denkmal sel'ger Zeiten, Als zarte Spur der Träumerei, Die ewig zeugt: ich bin dir treu. KAPITEL 5 VII Es nahn die heiligen zwölf Nächte; Da werden nun die Schicksalsmächte Vom jungen Völkchen, das noch <u>blüht</u> Und sorglos froh ins Leben <u>sieht</u>, Befragt, was sein für Lose <u>warten</u>, Und selbst das Alter, das <u>gebeugt</u> Sich langsam schon zum Grabe <u>neigt</u>, Legt sich noch einmal still die Karten. Ob jung, ob alt – der gläub'ge Sinn Gibt sich so gern der Täuschung hin. KAPITEL 6 IV Kurz, als ein Mann von Ehre <u>lebt</u>. Wie schnell doch heut Moral sich <u>hebt</u>! VII <i>Sed alia tempora!</i> Dem Triebe Der Rauflust (wie dem Spuk der Liebe – Zwei Plagen!) setzt die Zeit ihr Ziel. XI Da seht: die öffentliche Meinung, Den Götzen, der die Ehre <u>zwingt</u>, Dem alle Welt ihr Opfer <u>bringt</u>! XXI Sie wurden später <u>aufgefunden</u>; Hier folgt die Abschrift, wortgetreu: »Wohin, wohin bist du <u>entschwunden</u>, Du meiner Jugend güldner Mai? Was bringt er mir, der künft'ge Morgen, Des Antlitz, tief in Nacht <u>verborgen</u>, Annoch unfafßbar meinem Blick? Gleichviel, gerecht ist das Geschick. Und fall' ich auch, ins Herz <u>geschossen</u>, Soll mir das Blei <u>vorübergehn</u> – Schlaf oder Wachen, mag <u>geschehn</u>.
---	--

Приходит час определенный, Благословен и день забот, Благословен и тьмы приход! XLIV Ужель и впрямь и в самом деле Без элегических затей Весна моих промчалась дней (Что я шутя твердил доселе)? И ей ужель возврата нет? Ужель мне скоро тридцать лет? XLVI. А ты, младое вдохновенье, Волнуй мое воображенье, Дремоту сердца оживляй, В мой угол чаще прилетай, Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, очерстветь И наконец окаменеть, В мертвящем упоенье света, В сем омуте, где с вами я Купаюсь, милые друзья! ГЛАВА 8 XXVII О люди! все похожи вы На прародительницу Эву: Что вам дано, то не влетает: Вас непрестанно змий зовет К себе, к таинственному древу: Запретный плод вам подавай, А без того вам рай не рай. XXIX. Любви все возрасты покорны; Но юным, девственным сердцам Ее порывы благотворны, Как бури вешние полям: В дожде страстей они свежают, И обновляются, и зреют - И жизнь могущая даст И пышный цвет и сладкий плод. Но в возраст поздний и бесплодный, На повороте наших лет, Печален страсти мертвый след: Так бури осени холодной В болото обращают луг И обнажают лес вокруг	Was droben über mich beschlossen. Willkommen sei des Lebens Not, Willkommen auch ein früher Tod! XLIV Ruft kein elegisch banges Klagen Den Lenz der Jugend mir zurück? Ist's wahr, daß all das einst'ge Glück (Wie ich im Scherz oft vorgetragen) Nun ohne Wiederkehr dahin? Und daß ich selbst bald Dreißig bin? XLVI Und nun, Begeistrung, ewig rege, Beflügle meines Herzens Schläge, Entzünde meine Phantasie, Sei meine Zuflucht spät und früh, Hilf, daß ich nicht verzweifeln müsse, Nicht untergehe stumpf und schal Vor Ekel, Scham und Seelenqual Im Strudel dieser Weltgenüsse, In diesem Pfuhl, drin alle wir Uns wälzen, Freunde, ich und ihr. KAPITEL 8 XXVII Entrückten, strahlend hellen Stern Der schönen, kaiserstolzen Nawa. Wie töricht seid ihr Menschen doch! Euch lockt die Schlange immer noch Zum Sündenbaum wie Mutter Eva: Kein Eden hat euch je erfreut, Wo nicht verbotne Frucht gedeiht! XXIX Ein jedes Alter frönt auf Erden Der Liebe – doch der Jugend nur Kann ihre Macht zur Wohltat werden, Wie Lenzgewitter junger Flur: Der Leidenschaften Maienregen Entspriest ein reicher Blütensegen, Der in des Lebens Erntezeit Zu voller, süßer Frucht gedeiht. Doch wehe, wen in späten Tagen Der Liebeswahnsinn übermannt! Ihm hinterläßt er totes Land: Wie wenn im Herbst, vom Sturm zerschlagen, Der Wald sein welches Laub verliert Und Feld und Flur Morast gebiert.
Приб	Кайль
KAPITEL 1 XLVI Wer denkend lebte, kann verachten Die Menschen nur in seinem Geist. Wer fühlte, wird nur stets betrachten Gespenst schon längst vergangner Zeit: LIX Erlosch'ne Glut macht keine Schmerzen, Ich traure noch, doch weine nicht	KAPITEL 1 XLVI Wer lebt und denkt, der muß im Innern Verachtung für die Menschen nährn: Wer fühlt, muß beugend sich erinnern Der Tage, die nicht wiederkehrn: LIX Nichts facht mehr an der Asche Schwele, Ich traure, aber wein nicht mehr,

Und bald, sehr bald erloscht das Licht Der Liebe ganz in meinem Herzen KAPITEL 2 XIII So Menschen sind (ich zähl' dazu) Die Freunde auch durchs „Nichts-zu-tun“. XXXI Gewohnheit gab uns lieber Gott Als unsres Glücks Ersatz und Tod. XXXVIII Auch unsre leichtsinnige Gattung, Erwächst und brodeln, und fällt ab Zu ihren Ahnen auch ins Grab. Auch unsre Zeit kommt der Bestattung, Uns drängen unsre Enkel weg Zu guter Stunde aus dem Weg! XXXIX Es wäre wehmütig' Verdruss Hier abzutreten ohne Spuren. Ich lebe, schreibe nicht fürs Lob, Doch wüsste trotzdem zu gern, ob Mein tristes Los Ruhm wird <u>berühren</u>, Und als Erinnerung und Lohn Nach mir bleibt mindestens ein Ton. KAPITEL 3 XXVIII Ich mag das Russisch nicht von Seele, Ganz ohne viel Grammatikfehler Wie ohne Lächeln Lippenrot. KAPITEL 4 XVI Die Träume, Jahre kehren nicht wieder. (. . .) Zum Unglück führt Unreife sonst“. XXI So wird auch eure treue Gattin Im Nu verliebt, solange' du <u>lebst</u>.: Mit Liebe scherzt der Satan selbst. XXII Lieb' doch am besten nur dich selbst, Mein ehrenwerter Buchbesucher! Das Ding ist würdig, ohne Spaß: Es gibt kein Besseres als das. XXVII Erinnerungsträchtiges Gedicht, Ein stilles Denkmal edler Träume, Des Kurzgedankens lange Spur, Dieselbe ewig, tiefer nur. KAPITEL 5 VII Es kam nun Julfest. Was für Freude! Da sagen wahr die Jugendfreunde, Der Jugend tut ja noch nichts leid, Vor ihr steht Leben weit und breit Unübersichtlich und grell blendend.	Und bald, bald wird der Stürme Heer Sich gänzlich legen in der Seele: KAPITEL 2 XIII So schließt man (ich gesteh's auch ich) Oft Freundschaft, weil man langweilt sich. XXXI Gewohnheit ist ein Himmelschatz: Des Glückes wirksamer Ersatz. XXXVIII So wächst, lärmt, regt sich in der Runde Auch unser windiges Geschlecht Und weist zum Grab der Ahnen Recht. Es kommt, es kommt auch unsre Stunde, Die Enkel haben, eh man's <u>denkt</u>, Auch uns zur Welt hinaus<u>gedrängt</u>. XXXIX Zu traurig wär's, den Erdenlauf Ganz ohne Spur zu End zu <u>bringen</u>. Ich leb und schreib zwar nicht für Ruhm Doch gäb ich offenbar was drum, Mein traurig Los so zu <u>besingen</u>. Daß, wie ein Freund, der mich noch <u>liebt</u>, Ein Ton von mir noch Zeugnis <u>gibt</u>. KAPITEL 3 XXVIII Erst Lächeln macht den Mund sympathisch, Erst, wenn es nicht ganz stimmt grammatisch, Kann ich am Russischen mich <u>freun</u>. KAPITEL 4 XVI Wie Traum und Zeit nicht <u>wiederkehren</u>, (. . .) Naivität kann schlimm <u>ausgehn</u>“. XXI So wird die Freundin, die sie <u>hatten</u>, Entzogen Ihnen unverhofft: Mit Liebe scherzt der Teufel oft. XXII Anstatt, daß er sich selber <u>liebt</u>. Versuchen Sie's hochwerter Leser! Ein würdiges Objekt fürwahr: Nichts stellt sich liebeswerter dar. XXVII Noch ein paar Verse zart und lieb Als stummes Denkmal seiner Träume, Wo, was ein kurzer Einfall <u>war</u>, Erhalten bleibt manch langes Jahr. KAPITEL 5 VII Doch nun war Julzeit: Welche Freude! Nun lockt der Zukunft Rätzel <u>beide</u>: Der <i>Jugend</i> Unbekümmertheit, Vor der das Leben liegt so weit. Unüberschaubar, Glanz und Fülle ...
---	---

Das Alter sagt durch Brille wahr Bereits der Stille Grabes nah, Verloren alles schon am Ende. Und doch die Hoffnung lügt ihm auch Mit Kinderstimme voller Rausch. KAPITEL 6 IV Sogar ein Mensch mit viel Anstand: So ändert Zeit unser Verstand! VII <i>Sed alia tempora!</i> Die Kühnheit (Wie Liebestraum – der andre Streich halt) Vergeht mit Jugendzeit parat XI Gleich da ist öffentliche Meinung!³⁸ Ein Götze, der für Ehre <u>zählt!</u> Um diese dreht sich unsre Welt! XXI Gedichte hab' ich <u>aufgehoben</u> Und stelle die für sie bereit: „Wohin, wohin bist du <u>verflogen</u>, Die meines Frühlings goldne Zeit? Was mir der nächste Tag <u>bereitet?</u> Ihn fassen kann mein Blick nicht weiter, Er ist in Dunkelheit <u>versetzt</u>. Des Schicksals greift zu Recht Gesetz. Ob sterbe ich am Pfeiles Stacheln, Ob fliegt er doch an mir vorbei, Gesegnet alles sei dabei: Die Stunde Schlafes oder Wachens, Gesegnet sei der Tag, der <u>wacht</u>, Gesegnet sei die dunkle Nacht! XLIV Verflog ob wahrlich, ob tatsächlich Und ohne Elegien bereits Der Frühling meiner Lebenszeit (Wovon ich sprach bisher mit Lächeln)? Ob werde ich ohn' Rückkehr alt? Ob bin ich wirklich Dreißig bald? XLVI Und du, Begeisterung der Jugend, Reg' weiter mich mit schönen Lügen, Belebe meines Herzens Schlaf, Komm' öfter her und gib mir Kraft, Lass nicht erkalten Geist Poeten, Und grässlich nicht erstarren ihn, Und schließlich nicht versteinern drin In tötendem Ergötzen Städte, Im Strudel, wo, mein Leser, ich Mit dir zusammen bade mich KAPITEL 8 XXVII Ach Mensch! Wie ähneln wir Eva, Der unsren altbekannten Ahne: Langweilt das Vorhandene uns,	Das <i>Alter</i>, das am Grabestor Unrettbar alles schon <u>verlor</u> Und dennoch rätselt durch die Brille. Gleichwohl: die Hoffnung trägt sie all Mit ihrem kindischen Gelall. KAPITEL 6 IV Und ist sogar ein Ehrenmann: So schreitet unsre Zeit voran. VII <i>Sed alia tempora!</i> Die Streiche (Von Liebesträumen gilt das gleiche) Vergehn uns mit der Jugendzeit. XI Ja, ja, die öffentliche Meinung! Der Götze Ehre treibt uns an – Und darum dreht die Welt sich dann! XXI Die Verse haben sich <u>gefunden</u>. Zum Glück besitze ich sie heut: „Wohin, wohin bist du <u>entschwunden</u>. Du meines Frühlings güldne Zeit? Was wird der neue Tag mir <u>bringen?</u> Vergebens such mein Blick zu <u>dringen</u> Ins tiefe Dunkel, was ihn <u>hüllt</u>. Wozu? Mein Schicksal wird <u>erfüllt</u>. Und stürzt' ich hin, durchbohrt vom Pfeile, Und stünd ich, weil er mich nicht <u>traf</u>, Recht ist's: Das Wachen wie der Schlaf Hat seine vorbestimmte Weile; Ein Heil dem Tag, der Sorgen <u>bringt</u>, Ein Heil dem Dunkel, wenn es <u>sinkt!</u> XLIV Ist – nicht elegisch <u>übertrieben</u>, Vielmehr in voller Wirklichkeit – Vorüber meine Frühlingszeit (Was ich sonst oft im Scherz <u>geschrieben</u>)? Kommt sie nie wieder, ist das wahr? Bin ich im Erst bald dreißig Jahr? XLVI Du junge Eingebung vor allem, Laß' noch die Phantasie mir <u>wallen</u>, Beleb des Herzens Schläfrigkeit, Flieg oft in meine Einsamkeit, Daß mir die Seele nicht <u>vereise</u>, Verbittert werde, spröde und hart, Und schließlich ganz zum Stein <u>erstarrt</u> Im Taumelgift mondäne Kreise, In diesem trüben Pfuhl, wo ich Mit euch, ihr Freunde, suhle mich! KAPITEL 8 XXVII O Menschen! Alle gleicht ihr ja Der Ältermutter Eva. Ehrlich: Was euch gegeben reizt euch kaum,
---	---

Die Schlange treibt uns nur in Brunst Zu ihr, zum Apfel, zur Verbannung: Verbotnes Obst ist uns nur süß Und ohne dies – kein Paradies. XXIX Amor kann treffen jedes Alter Doch jungem Herzen gibt der Stoß Der Liebe den Elan zum Walten Wie Frühlingssturm dem Pflanzenspross: Im Liebesregen wird es reifer, Erfrischt, erneuert und <u>ergreifend</u> – Die Blüte bringt die Lebenskraft Den Fetus bringt die Leidenschaft. Jedoch im fruchtlos späten Alter, Am Wendepunkt der Lebensjahr', Ist Leidenschaft nicht wunderbar, Nur tote Spur: So Herbststurms Kälte Verwandelt Wiesen schnell in Sumpf, Des Waldes Pracht in kahlen Rumpf.	Zu dem geheimnisvollen Baum Lockt euch die Schlange unaufhörlich; Wenn's nicht verbotne Frucht <u>verspricht</u>, Gilt Eden euch als Eden nicht. XXIX Der Liebe beugt sich jedes Alter, Doch jungen, keuschen Herzen <u>ist</u> Ihr Aufruhr Wohltat und Entfalter Wie Feldern Sturm zur Frühlingsfrist: Erst in Leidenschaften Regen Wachs<u>En</u> der Reife sie entgegen – Des Lebens Fülle wird <u>bereit</u> Zu Blütenflor und Fruchtbarkeit. Doch traurig bleibt in späten Tagen, Wenn abnimmt unsre Lebenskraft, Die Spur der toten Leidenschaft: So wandelt kalter Stürme <u>Jagen</u> Im Herbst zum Sumpf das Wiesental Und macht die Wälder trist und kahl.
--	---

Приложение 3.5. Плотность глагольных рифм у Пушкина и его переводчиков на притере «Письма Татьяны к Онегину»

Пушкин	Коммичау
<i>Письмо Татьяны к Онегину</i>	<i>Tatjanens Brief an Onegin</i>
Я к вам пишу — чего же боле? Что я могу еще <u>сказать</u>? Теперь, я знаю, в вашей воле Меня презреньем <u>наказать</u>. Но вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня. Сначала я молчать <u>хотела</u>; Поверьте: моего стыда Вы не узнали б никогда, Когда б надежду я <u>имела</u> Хоть редко, хоть в неделю раз В деревне нашей видеть вас, Чтоб только слышать ваши речи, Вам слово молвить, и потом Всё думать, думать об одном И день и ночь до новой встречи. Но говорят, вы нелюдим; В глуши, в деревне всё вам скучно, А мы... ничем мы не блесим, Хоть вам и рады простодушно. (4+0) Зачем вы посетили нас? В глуши забытого селенья Я никогда не знала б вас, Не знала б горького мученья. Души неопытной волненья Смирив со временем (как <u>знать?</u>), По сердцу я нашла бы друга, Была бы верная супруга И добродетельная мать. Другой!.. Нет, никому на свете Не отдала бы сердца я! То в вышнем суждено совете... То воля неба: я твоя; Вся жизнь моя была залогом Свиданья верного с тобой; Я знаю, ты мне послан богом, До гроба ты хранитель мой... Ты в сновиденьях мне <u>являлся</u>, Незримый, ты мне был уж мил, Твой чудный взгляд меня <u>томил</u>, В душе твой голос <u>раздавался</u> Давно... нет, это был не сон! Ты чуть вошел, я вмиг <u>узнала</u>, Вся обомлела, <u>запылала</u> И в мыслях молвила: вот он! Не правда ль? я тебя <u>слыхала</u>: Ты говорил со мной в тиши,	»Ich bin so kühn, an Sie zu <u>schreiben</u> – Ach, braucht es mehr als dies allein? Nun wird gewiß – was soll mir <u>bleiben</u>? – Verachtung meine Strafe <u>sein</u>! Doch wenn, wo Angst und Qual mich <u>treiben</u>, Ein Fünkchen Mitleid für mich <u>spricht</u> – O dann verwerfen Sie mich nicht! Erst wollt' ich schweigen, hätte nimmer, Was nun zu Schmach und Schande <u>ward</u>, Dem strengen Auge <u>offenbart</u>, Ach, bliebe nur ein winz'ger Schimmer Von Hoffnung, Sie von Zeit zu Zeit In unsrer Abgeschiedenheit Zu sehn, zu grüßen, im geheimen Mich ihres klugen Worts zu <u>freun</u>, Um selig-froh für mich allein Vom nächsten Wiedersehn zu <u>träumen</u> ... Doch heißt's, Ihr Stolz verträge nicht, In niedren Hütten <u>einzukehren</u>; Und wir – sind klein, gering und schlicht, Nur dankbar, einen Gast zu <u>ehren</u>. (Z+4) Ach, warum kamen Sie aufs Land, Wo wir so still verborgen <u>waren</u>? Ich hätte nimmer Sie <u>gekannt</u> Und nie solch Herzeleid <u>erfahren</u>. Ich hätte, klüger mit den Jahren, Vielleicht ein ander Ziel <u>erstrebt</u> Und, einem andern treu <u>verbunden</u>, Ein friedlich Glück bei ihm <u>gefunden</u> Und frommer Mutterpflicht <u>gelebt</u>. Ein andrer ... Nein! Es kann auf Erden Mein Herz sich keinem andern <u>weihn</u>! So ließ des Schöpfers Hand mich <u>werden</u>, So will's der Himmel: ich bin Dein. Dich zu gewinnen, war mein Leben Ein einzig' Pfand nur, fort und fort; Gott selber hat Dich mir <u>gegeben</u>, Bis an das Grab bist Du mein Hort ... Du warst's, der mich im Traum <u>beglückte</u>, Längst liebt' ich Dich, eh' ich Dich <u>sah</u>; Dein Antlitz strahlte mir so <u>nah</u>, Und Deiner Stimme Klang <u>entzückte</u> Mich längst ... Das war kein Traum, o nein! Sowie Du eintratst, gleich <u>erkannte</u> Mein Herz Dich wieder, jauchzte, <u>brannte</u> Und rief: er ist's, er muß es <u>sein</u>! War's nicht Dein Hauch, der mich <u>umwehte</u>, Mir zusprach, wenn ich einsam <u>stand</u>,

Когда я бедным <u>помогала</u> Или молитвой <u>успокаивала</u> Тоску волнуемой души? И в это самое мгновение Не ты ли, милое виденье, В прозрачной темноте <u>мелькнул</u>, Приникнул тихо к изголовью? Не ты ль, с отрадой и любовью, Слова надежды мне <u>шепнул</u>? Кто ты, мой ангел ли хранитель, Или коварный искуситель: Мои сомненья <u>разреш</u>. Быть может, это всё пустое, Обман неопытной души! И суждено совсем иное... Но так и быть! Судьбу мою Отныне я тебе <u>вручаю</u>, Перед тобою слезы <u>лью</u>, Твоей защиты <u>умоляю</u>... Вообрази: я здесь одна, Никто меня не <u>понимает</u>, Рассудок мой <u>изнемогает</u>, И молча гибнуть я <u>должна</u>. Я жду тебя: единым взором Надежды сердца <u>оживи</u>, Иль сон тяжелый <u>перерви</u>, Увы, заслуженным укором! (15+5) Кончаю! Страшно <u>перечесать</u>... Стыдом и страхом <u>замираю</u>... Но мне порукой ваша честь, И смело ей себя <u>вверяю</u>... (2+1) (21+6)	Wenn ich der bittren Armut Nöte Zu lindern ging, wenn im Gebete Die bange Seele Tröstung <u>fand</u>? War's nicht Dein Bildnis, <u>glanzumwoben</u>, Das nächtlich dann vom Himmel droben Herabglitt in mein Schlafgemach, Sich flüsternd an mein Kissen <u>schmiegte</u> Und mich mit süßen Worten <u>wiegte</u>, Aus denen sel'ge Hoffnung <u>sprach</u>? O komm und löse meine Zweifel: Wer bist Du, Engel oder Teufel, Versucher oder Schutz und Freund? Ach, wenn nun Träume nur mich <u>narren</u>, Mein töricht' Herz vergeblich weint, Und andre Lose meiner <u>harren</u> ...? Gleichviel! Es ruht ja mein Geschick Von nun an doch in Deinen Händen, Dich sucht mein tränenfeuchter Blick, Nur Du vermagst mir Trost zu <u>spenden</u> ... O sieh: hier steh' ich ganz allein, Niemand versteht mich, <u>unbeachtet</u> Verwelkt mein Herz, mein Geist <u>verschmacht</u>. Ich muß vergehn in stummer Pein. O komm: der Seele banges Hoffen Belebt ein einz'ger Blick von Dir; Wenn anders – dann zernichte mir Dies Wahngebilde hart und offen! (20+9) Ich schließe! Wie mich Wort um Wort Schon reut – ich fühle Scham und Grauen ... Doch Ihre Ehre sei mein Hort: Ihr will ich frei mich <u>anvertrauen</u> ...« (9+1) (27+14)
Приб <i>Tatjanas Brief zu Onegin</i> Ich schreib' zu Euch nun – was für Sühne! Was soll ich fügen noch hinzu? Ich weiß, jetzt liegt's in Eurem Sinne, Mich zu verachten nahezu. Doch Ihr, verspürend tief im Innern Zu meinem Los Barmherzlichkeit, Verlasst mich nicht in dieser Zeit. Zunächst wollt' ich bewahren Schweigen. Vertraut Ihr mir: Von meinem Schmach Erführt Ihr nie, hätt' ich nur schwach, Nur wenig Hoffnungen etwaige, Nur selten, wöchentlich einmal Zu sehen Euch bei uns normal, Zu hören wie Ihr redet trefflich, Ein Wort zu sagen Euch und dann Zu denken Tag und Nacht fortan	Кайль <i>Tatjanas Brief an Onegin</i> Ich schreib an Sie – muß ich's <u>begründen</u>? Sagt dies nicht mehr, als Worte <u>tun</u>? Sie dürfen, wenn Sie's richtig <u>finden</u>, Mich strafen mit Verachtung nun. Doch wenn Sie etwas <u>mitempfinden</u> Mit meinem traurigen Geschick, So stoßen Sie mich nicht zurück. Erst wollt ich's schweigend auf mich <u>nehmen</u>: Sie hätten niemals, glauben Sie, Mich so beschämt gesehen, nie, Könnt ich nur hoffen, daß Sie <u>kämen</u>, Nicht oft, nur einmal wöchentlich, Und schauten rein; es freute mich, Nur Ihre Stimme mal zu <u>hören</u>, Ein Wort zu wechseln, und alsdann Bei Tag und Nacht zu denken dran,

An Eins nur bis zum neuem Treffen. Man sagt doch, Ihr seid menschenscheu. Und es ist Euch im Dorf langweilig, Und wir... Wir sind nur schlicht und treu, Doch freuen uns auf Eu'r Verweilen. <u>(0+0)</u> Wozu besuchtet Ihr uns hier? In Einöde vergessnen Ortes Ich hätte Euch gekannt ja nie, Erfahren nie Qual dieser Sorte. Und Seelenflug in diesen Worten. Mit Zeit gebändigt (wer's schon weiß?), Fänd' ich 'nen Freund nachm Herzens Rate Und würd' zur treuen Ehegattin, Und tugendhaften Mutter einst. Ein Ander!... Nein, ich hätte keinem Mein Herz verschenkt, das wär' Verrat! Nach Himmels Willen bin ich Deine. Bestimmt ist das im höchsten Rat... Als Pfandgut war mein ganzes Leben Für sich'res Treffen nur mit Dir. Ich weiß, dass Gott schuf Dich soeben Und als Beschützer schickte mir... Und Du erschienst mir schon in Träumen Unsichtbar noch warst Du mir lieb, Dein schöner Blick war Herzensdieb, Die Stimme klang in Brust wie Reime Schon lange... – Nein, das war kein Traum! – Erkannte Dich ich und gedanklich Gesagt: „Das ist er!“ Mir ward's <u>schwankend</u> Sogleich, als Du betratst den Raum. Ist das nicht wahr? Dich hört' ich <u>dankend</u>: Du sprachst gelegentlich zu mir, Als ich den Armen half und Kranken, Statt Gram die Freud' versucht' zu <u>tanken</u> Durch flammendes Gebet zu Dir? Warst Du das nicht, charmant' Erscheinung, Wer für Moment, nach meiner Meinung, In klarem Dunkel mir <u>erschien</u>, Verneigend sich zu meinem Kissen, Die Hoffnungsworte ließ mir fließen Und Seele schmelzen schlicht dahin? Bist Du mein Schutzengel gesuchter, Oder heimtückischer Versucher? Na komm', zerstreue mein Zwielficht. Vielleicht ist alles nur noch Leere, Der jungen Seele falsche Sicht! Die Zukunft bringt mir andre Lehren... Doch sei es drum! Und mein Schicksal Vertrau' ich Dir nun an für ewig, Ich weine aus Dir die Trübsal, Und fleh' um Schutz Dich untertänig... Stell Dir das vor: Ich bin allein, Versteht mich niemand, meine Seele, Vernunft bei mir verwelkt unselig,	Dran denken, bis Sie <u>wiederkehren</u>. Doch heißt es, Sie sind menschenscheu; Hier draußen kann Sie nichts <u>zerstreuen</u>. Wir ... bieten auch nicht viel; dabei Würd Ihr Besuch uns ehrlich <u>freuen</u>. <u>(0+1)</u> Warum kam Ihr Besuch zustand? Im Kreis vergeßner Landdomänen Hätt ich Sie sonst doch nie gekannt, Hätt nie gekannt dies bittre Sehnen. Der unerfahrenen Seele Stöhnen Hätt ich beruhigt und wohl gar Den Freund, der zu mir paßt, <u>gefunden</u>. Mich ihm als Gattin treu <u>verbunden</u> Und Mutter seiner Kinderschar. Ein Ander! ... Nein! Niemand hienieden Wär ich imstand mein Herz zu <u>weihn</u>! Im höchsten Ratschluß ist's <u>entschieden</u>... Der Himmel will es: ich bin Dein; Mein Leben war dafür <u>verpfändet</u>, Daß Du mich triffst und löst es ein; Ich weiß es: Gott hat Dich <u>gesendet</u>, Mein Hüter bis ans Grab zu <u>sein</u>... Du bist mir oft im Traum <u>erschieden</u>, Ich liebt' Dich, eh ich Dich <u>gesehn</u>, Dein Zauberblick ließ mich <u>vergehn</u>, Und Deine Stimme klang tief innen Mir längst...das war kein Traum, viel mehr! Kaum tratst Du ein, und ich <u>erkannte</u>, Ich fühlte nichts mehr, ich <u>entbrannte</u> Und sprach im Geiste: das ist er! Es stimmt doch, daß ich oft Dich <u>hörte</u>: Sprachst Du mir nicht im stillen zu, Wenn ich den Armen Brot <u>bescherte</u> Und wenn ich im Gebet <u>begehrte</u>, Das meine Seele finde Ruh? Und warst grad eben hier im Zimmer Nicht Du das liebe Bild, der Schimmer, Der, aus dem Dunkel <u>aufgetaucht</u>, Zu meinem Kissen sanft sich <u>neigte</u>? Warst Du's nicht, der mir Trost <u>erzeigte</u> Und Lieb' und Hoffnung <u>zugehaucht</u>? Wer bist Du? Engel, der mich <u>hütet</u>? Versucher, der Verderben <u>brütet</u>? Mach mich von meinem Zweifel frei. Vielleicht ist gar nichts dran an allem, Ist's nur naive Schwärmerei, Und anders ist das Los <u>gefallen</u>? Wie dem auch sei! Mein Schicksal <u>will</u> Ich Dir ab heute <u>anvertrauen</u>: Vor Dir vergieß ich Tränen still, Laß mich auf Deinen Schutz nur <u>bauen</u>.... Bedenke: Ich bin hier allein, Kein Mensch ist da, der mich <u>verstünde</u>, Und wenn ich keine Lösung <u>finde</u>,
---	---

Zugrunde geh ich, wie es <u>scheint</u>. Auf Dich ich warte in der Hoffnung, Dass du mein Herz zum Leben <u>weckst</u>. Sei denn, damit's nicht <u>weiterwächst</u>, Du brichst den Traum durch Vorwurf schroffen! <u>(5+4)</u> Nun Schluss! Den lese ich nicht mehr... Mir ist's beschämend, angst und bange... Eu'r Anstand ist nun mir Gewähr, Ich überlass' mich dem solange... <u>0+0</u> <u>5+4</u>	Wird es mein stummes Ende <u>sein</u>. Ich harre Dein: Mit einem Blicke Laß Hoffnung neu ins Herz mir <u>ziehn</u>. Wenn aber Vorwurf ich <u>verdien</u>, Reiß meinen schweren Traum in Stücke! <u>(23+8)</u> Ich schließe! Schrecklich, was ich <u>schrieb</u>... Ich sterbe fast vor Scham und Grauen... Doch da mir Ihre Ehre <u>blieb</u>. Will ich mich kühn ihr <u>anvertrauen</u>. <u>(2+1)</u> <u>(34+10)</u>
Puschkin: <u>(21+6)</u> ; Commichau: <u>(27+14)</u> ; Prieb: <u>(5+4)</u> ; Keil: <u>(34+10)</u> .	

8.2 Приложения к главе 4: „Фауст“

Приложение 4.1. Пятистопный ямб Гёте без рифмы

<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
<i>Wald und Höhle</i> FAUST <i>allein</i>: Erhabner Geist, du gabst mir, gabst mir alles, 11K Warum ich bat. Du hast mir nicht umsonst 10k Dein Angesicht im Feuer zugewendet. 11K5 Gabst mir die herrliche Natur zum Königreich, 12k Kraft, sie zu fühlen, zu genießen. Nicht 10k5 Kalt staunenden Besuch erlaubst du nur, 10k5 Vergönnest mir, in ihre tiefe Brust 10k5 Wie in den Busen eines Freunds zu schauen. 11K Du führst die Reihe der Lebendigen 10k5 Vor mir vorbei und lehrst mich meine Brüder 11K Im stillen Busch, in Luft und Wasser kennen. 11K Und wenn der Sturm im Walde braust und knarrt, 10k Die Riesenfichte stürzend Nachbaräste 11 K5 Und Nachbarstämme quetschend niederstreift 10k5 Und ihrem Fall dumpf hohl der Hügel donnert, 11K Dann führst du mich zur sichern Höhle, zeigst 10k Mich dann mir selbst, und meiner eignen Brust 10k Geheime tiefe Wunder öffnen sich. 10k Und steigt vor meinem Blick der reine Mond 10k Besänftigend herüber, schweben mir 10k5 Von Felsenwänden, aus dem feuchten Busch 10k Der Vorwelt silberne Gestalten auf 10k Und lindern der Betrachtung strenge Lust. 10k 23ja⁵⁻⁶[KkKkKkKkKkKkKkKkKkKkKkKkKk] O daß dem Menschen nichts Vollkommnes wird, 10k Empfind ich nun. Du gabst zu dieser Wonne, 11K Die mich den Göttern nah und näher bringt, 10k Mir den Gefährten, den ich schon nicht mehr 10k5 Entbehren kann, wenn er gleich, kalt und frech, 10k Mich vor mir selbst erniedrigt und zu Nichts, 10k Mit einem Worthauch, deine Gaben wandelt. 11K Er facht in meiner Brust ein wildes Feuer 11K Nach jenem schönen Bild geschäftig an. 10k So tauml ich von Begierde zu Genuß, 10k Und im Genuß verschmacht ich nach Begierde. 11K 11ja⁵[KkKkKkKkKkKkKk]	ЛЕС И ПЕЩЕРА Фауст (один) Могучий дух, ты всё мне, всё доставил, 11K О чём просил я. Не напрасно мне 10k Свой лик явил ты в пламенном сиянье. 11 K Ты дал мне в царство чудную природу, 11 K Познать её, вкушать мне силы дал; 10 k5 Я в ней не гость, с холодным изумленьем 11 K Дивящийся её великолепию, — 11 K5 Нет, мне дано в её святую грудь, 10 k5 Как в сердце друга, бросить взгляд глубокий. 11K Ты показал мне ряд живых созданий, 11 K Ты научил меня увидеть братьев 11 K В волнах, и в воздухе, и в тихой роще. 11 K Когда в лесу бушует ураган 10 k И повергает ближние деревья, 11 K Ломаясь с треском, богатырь-сосна, 10 k И холм её паденью глухо вторит, — 11K В уединенье ты меня ведёшь, 10 k И сам себя тогда я созерцаю 11 K И вижу тайны духа моего. 10 k5 Когда же ясный месяц заблестит, 10 k Меня сияньем кротким озаряя, 11 K Ко мне слетают легкою толпою 11 K С седой вершины влажного утёса 11 K Серебряные тени старины, 10 k И созерцанья строгий дух смягчают. 11 K 25ja⁵ [KkKkKkKkKkKkKkKkKkKkKkKkKkKkKk] Для человека, вижу я теперь, 10 k5 Нет совершенного. Среди блаженства, 11 K Которым я возвышен был, как бог, 10 k Ты спутника мне дал; теперь он мне 10 k Необходим; и дерзкий и холодный, 11 K Меня он унижает, и в ничто 10 k Дары твои, смеясь, он обращает. 11 K- В груди моей безумную любовь 10 k К прекраснейшему образу он будит; 11 K Я, наслаждаясь, страсть свою тушу 10 k И наслажденьем снова страсть питаю. 11 K 11ja⁵[KkKkKkKkKkKkKk]
<i>Приб</i>	<i>П-ак</i>
<i>Лес и пещера</i> ФАУСТ <i>один</i>: О Дух возвышенный, ты дал, все дал мне 11K О чем просил я. И не зря ко мне 10 k Твое чело во пламе обратил ты. 11 K Природу чудную мне в королевство дал 12k И силу наслаждаться ей, ее 10 k Не хладно лицезреть ты разрешил, 10 k Дозволил в душу ей проникнуть ты, 10 k Как в душу друга моего заглянуть. 11 K Ты представляешь мне живущих в ряд 10 k	ЛЕСНАЯ ПЕЩЕРА Фауст (один) Пресветлый дух, ты дал мне, дал мне все, 10 k О чем просил я. Ты не понапрасну 11 K Лицом к лицу явился мне в огне. 10 k Ты отдал в пользование мне природу, 11 K Дал силу восхищаться ей. Мой глаз 10 k Не гостя дружелюбный взгляд без страсти, -11 K- Но я могу до самого нутра 10 k5 Заглядывать в нее, как в сердце друга. 11 K Ты предо мной проводишь череду 10 k

Приложение 4.2. Сравнительная таблица для переводов первой сцены

Внутреннее беспокойство Фауста, исцеленное каноническими переводчиками – «улучшателями»	
Гёте	Х-кий
Nacht FAUST: Habe nun, ach! Philosophie, 8a4 (mix) Juristerei und Medizin, 8b Und leider auch The-o-lo-gie! 8a Durchaus studiert, mit heißem Bemühhn. 9b4(mix) Da steh ich nun, ich armer Tor! 8c Und bin so klug als wie zuvor; 8c Heiße Magister, heiße Doktor gar 10d5(mix) Und zie-he schon an die ze-hen Jahr 9d4(mix) Herauf, herab und quer und krumm 8e Meine Schüler an der Nase herum – 10e5(mix) Und se-he, daß wir nichts wissen können! 10F4(mix) Das will mir schier das Herz verbrennen. 9F Zwar bin ich gescheiter als all die Laffen, 11G5(mix) Doktoren, Magister, Schreiber und Pfaffen; 11G4(mix) Mich plagen keine Skrupel noch Zweifel, 10H4 (mix) Fürchte mich weder vor Hölle noch Teufel – 11H4(da) <u>Dafür ist mir auch alle Freud entrissen.</u> 11I Bilde mir nicht ein, was Rechts zu wissen, 10I 5(tr) Bilde mir nicht ein, ich könnte was lehren, 11K5 (mix) Die Menschen zu bessern und zu bekehren. 11K 4(mix) Auch hab ich weder Gut noch Geld, 8l Noch Ehr und Herrlichkeit der Welt; 8l Es möchte kein Hund so länger leben! 10M4 (mix) Drum hab ich mich der Magie ergeben, 10M5 (mix) Ob mir durch Geistes Kraft und Mund 8n Nicht manch Geheimnis würde kund; 8n Daß ich nicht mehr mit saurem Schweiß 8o Zu sagen brauche, was ich nicht weiß; 9o4 (mix) Daß ich erkenne, was die Welt 8l Im Innersten zusammenhält, 8l Schau alle Wirkenskraft und Samen, 9P Und tu' nicht mehr in Worten kramen. 9P 16ja^{4,5}1tr⁵1da⁴14mix^{4,5}(32) [ababccddeEFFGGHHI/KKllMMnnoolPP]	Ночь Фауст Я философию постиг, 8a Я стал юристом, стал врачом... 8b Увы! с усердьем и трудом 8b И в богословье я проник, - 8a И не умней я стал в конце концов, 10c Чем прежде был... Глупец я из глупцов! 10c Магистр и доктор я — и вот 8d Тому пошёл десятый год; 8d Учеников туда, сюда 8e Я за нос провожу всегда. 8e И вижу всё ж, что не дано нам знания. 11F Изныла грудь от жгучего страданья! 11F Пусть я разумней всех глупцов – 8g Писак, попов, магистров, докторов, -10g Пусть не страдаю от пустых сомнений, 11H Пусть не боюсь чертей и привидений, 11H Пусть в самый ад спуститься я готов, -10g Зато я радостей не знаю, 9 I Напрасно истину ищу, 8k Зато, когда людей учу, 8k Их научить, исправить все мечтаю! 11 I Притом я нищ: не ведаю, бедняк, 10l Ни почестей людских, ни разных благ...10l Так пёс не стал бы жить! Погибли годы! 11M Вот почему я магии решил 10n Предаться: жду от духа слов и сил, 10n Чтоб мне открылись таинства природы, 11M Чтоб не болтать, трудясь по пустякам, 10o О том, чего не ведаю я сам, 10o Чтоб я постиг все действия, все тайны, 11P Всю мира внутреннюю связь; 8r Из уст моих чтоб истина лилась, 10r А не набор речей случайный. 9P 33ja^{4,5} [abbacddeEFFggHHgIkklllMnnMooPrrP]
Приб	П-ак
Ночь ФАУСТ: Выучил! Философию, 8a4 (mix) Юристику и врачевать, 8b И, к горю, теософию! 8a Вполне старался усердствовать. 9b4 (mix) Теперь я тут, смешной болван! 8c Умен как прежде и профан. 8c Званье магистр и даже доктор вот 10d5(mix) Вожу за нос десятый уж год, 9d4(mix) И вниз, и вверх, и поперек 8e Глупых школьников своих всех не впрок. 10e5(mix) И вижу, что всего знать не можем! 10F5(mix) Что сердце мне сжигает тоже. 9F4	Ночь Фауст Я богословьем овладел, 8a Над философией корпел, 8a Юриспруденцию долбил 8b И медицину изучил. 8b Однако я при этом всем 8c Был и остался дураком. 8c В магистрах, в докторях хожу 8d И за нос десять лет вожу 8d Учеников, как буквоед, 8e Толкуя так и сяк предмет. 8e Но знания это дать не может, 9F И этот вывод мне сердце гложет, 10F4(mix)

Хоть понятливее я всех слонтяев, 11G5 (mix) Ученых, писак, святош, всех лентяев. 11G4(mix) Сомнений, совести нет, нет правил, 10H5(mix) Мне не страшны уж ни Ад и ни Дьявол –11H4 (da) Зато заказана любая радость, 11 I 5 Знаю, права что не знаю клада, 10 I 5 (tr) Знаю, что учить не могу чему-то 11K5 (mix) Улучшить людей, обратить к чему-то.11K4 (mix) Ни денег нету, ни добра, 8l Ни чести, ни красоты мира. 8l Так не хотел бы и пес жить дальше!10M4(mix) Так я теперь магии отдался, 10M5(mix) Иль сила духов может быть 8n Поможет тайну мне открыть. 8n Что не поможет трудный пот, 8o Понять мне то, что знает Господь. 9o4(mix) Что мне познать давно пора, 8l Что ж держит все внутри мира, 8l Узреть всю силу действий главных, 9P Не рыться чтоб в словесном хламе. 9P 16ja⁴51tr⁵1dak⁴14mix⁴5(32) [ababccddeeffGGHHIJKllMMnnoolpp]	Хотя я разумнее многих хватов,11G4 (mix) Врачей, попов и адвокатов, 9G Их точно всех попутал леший, 9H Я ж и пред чертом не опешу, - 9H Но и себе я знаю цену, 9 I Не тешусь мыслию надменной, 9 I Что светоч я людского рода 9K И вверен мир моему уходу. 10K4 (mix) Не нажил чести и добра 8l И не вкусил, чем жизнь остра. 8l И пес с такой бы жизни взвыл! 8m И к магии я обратился, 9N Чтоб дух по зову мне явился 9N И тайну бытия открыл. 8m Чтоб я, невежда, без конца 8o Не корчил больше мудреца, 8o А понял бы, уединясь, 8p Вселенной внутреннюю связь, 8p Постиг все сущее в основе 9R И не вдавался в суесловье. 9R 29ja⁴3mix⁴(32) [aabbccddeeffGGHHIJKllmNNmooppRR]
---	--

Приложение 4.3. Книettelbepерзы (смешанные формы) в последующих сценах

Таблица 1 Внутренняя дисгармония или внешняя пестрота – все выхолащено канонистами	
<i>Gème</i>	<i>X-кий</i>
<i>Faust und Wagner</i> FAUST: Vom Eise befreit sind Strom und Bäche 10A4 (mix) Durch des Frühlings holden, belebenden Blick;11b6(mix) Im Tale grünet Hoffnungsglück; 8b Der alte Winter, in seiner Schwäche, 10A4 (mix) Zog sich in rauhe Berge zurück. 9b4 (mix) Von dorthier sendet er, fliehend, nur 9c4 (mix) Ohnmächtige Schauer kornigen Eises 11D6 (mix) In Streifen über die grünende Flur; 10c5 (mix) Aber die Sonne duldet kein Weißes, 10D5 (mix) Überall regt sich Bildung und Streben, 10E5 (mix) Alles will sie mit Farben beleben; 10E4 (mix) Doch an Blumen fehlt's im Revier, 8f4 (mix) Sie nimmt geputzte Menschen dafür. 9f4 (mix) Kehre dich um, von diesen Höhen 9G4 (mix) Nach der Stadt zurückzusehen. 8G4 (tr) Aus dem hohlen finstern Tor 7h4 (tr) Dringt ein buntes Gewimmel hervor. 9h4 (mix) Jeder sonnt sich heute so gern. 8i4 (mix) Sie feiern die Auferstehung des Herrn, 10i4(mix) Denn sie sind selber auferstanden, 9K Aus niedriger Häuser dumpfen Gemächern,11L5(mix) Aus Handwerks- und Gewerbesbanden, 9K Aus dem Druck von Giebeln und Dächern, 9L4 (mix) Aus der Straßen quetschender Enge, 9M5 (mix) Aus der Kirchen ehrwürdiger Nacht 9n5 (mix) Sind sie alle ans Licht gebracht. 8n4 (mix) Sieh nur, sieh! wie behend sich die Menge 10M4(tr) Durch die Gärten und Felder zerschlägt, 9o4 (mix) Wie der Fluß, in Breit und Länge 8M4(tr) So manchen lustigen Nachen bewegt, 10o5 (mix) Und bis zum Sinken überladen 9P mix Entfernt sich dieser letzte Kahn. 8r Selbst von des Berges fernem Pfaden 9P Blinken uns farbige Kleider an. 9r4(mix) Ich höre schon des Dorfs Getümmel, 9S Hier ist des Volkes wahrer Himmel, 9S Zufrieden jauchzet groß und klein: 8t Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein! 8t 10]a⁴4tr⁴24mix^{4,5,6}(38) [AbbAbcDcDEffGGghiiKLKL^{mn}MoMoPrPrSStt]	Фауст и Вагнер. Фауст: Умчалися в море разбитые льдины; 12A4(am) Живою улыбкой сияет весна; 11b4(am) Весенней красою блистают долины; 12A4(am) Седая зима ослабела: в теснины, 12A4(am) В высокие горы уходит она. 11b4(am) Туда она прячется в злобе бесплодной 12C4(am) И сыплет порою метелью холодной 12C4(am) На свежую, нежную зелень весны,- 11d4(am) Но солнце не хочет терпеть белизны; 11d4 Повсюду живое стремленье родится, 12E4(am) Всё вырасти хочет, спешит расцветиться, 12E4(am) И если поляна ещё не цветёт, 11f4(am) То вместо цветов нарядился народ. 11f4(am) Взгляни, обернись: из-под арки старинной 12G4(am) Выходит толпа вереницею длинной; 12G4(am) Из душного города в поле, на свет 11h4(am) Теснится народ, оживлён, разодет; 11h4(am) Погреться на солнце — для всех наслажденье,12I4(am) Они торжествуют Христа воскресенье 12I4(am) И сами как будто воскресли они: 11k4(am) Прошли бесконечные зимние дни, 11k4(am) Из комнаты душной, с работы тяжёлой, 12L 4(am) Из лавок, из тесной своей мастерской, 11m4(am) Из тьмы чердаков, из-под крыши резной 11m4(am) Народ устремился гурьбою весёлой, 12L4(am) И после молитвы во мраке церквей 11n4(am) Так сладостен воздух зеленых полей. 11n4(am) Смотри же, смотри: и поля и дорога 12O4(am) Покрыты весёлой и пёстрой толпой; A11p4(am) А там, на реке, и возня, и тревога, 12O4(am) И лодок мелькает бесчисленный рой. 11p4(am) И вот уж последний челнок нагруженный 12R4(am) С усилием отчалил, до края в воде; 11s4(am) И даже вверх, на горе отдалённой, 12R4(am) Виднеются пёстрые платья везде. 11s4(am) Чу! Слышится говор толпы на поляне; 12T4(am) Тут истинный рай им! Ликуют селяне, 12T 4(am) И старый и малый, в весёлом кругу. 11u4(am) Здесь вновь человек я, здесь быть им могу! 11u4(am) 39am⁴ [AbAAbCcDdEEffGGghhIkkLmmLnnOpOpRsRsTTuu]
<i>Приб</i>	<i>П-ак</i>
<i>Фауст и Вагнер</i> ФАУСТ: С ручьев и рек сняты льда одежды 10A4 (mix) Нежный и живящий ранней весны блик. 11b6 (mix) Озеленил долины лик. 8b Зимы-старухи прогнав надежды 10A4 (mix) На гор суровых заснеженный пик. 9b4 (mix) Шлет, убегая, оттуда лишь 9c4 (mix) Льда зернистого бессильны осадки 11D6 (mix) Штрихами на зелень долинных ниш. 10c5 (mix) Солнце ж не терпит белых остатков, 10D5 (mix) Зарождения кругом и стремленья 10E5 (mix) Хочет оно, цветов оживленья. 10E4 (mix) Мало все ж цветов в месте сем, 8f4 (mix) Народ зато цветной здесь совсем. 9f4 (mix) Повернись ты и в сей отраде 9G4 (mix) Посмотри на город сзади. 8G4 (tr) Из утробы тех ворот 7h4 (tr)	Фауст и Вагнер. Фауст Растаял лед, шумят потоки, 9A Луга зеленеют под лаской тепла. 11b4(am) Зима, размякнув на припеке, 9-A В суровые горы подальше ушла. 11b4(am) Оттуда она крупною мелкой 10C4(am) Забрасывает зелена, 8d Но солнце всю ее побелку 9C Смывает к середине дня. 8d Все хочет цвести, росток и ветка, 9E Но на цветы весна скупа, 8f И вместо них своей расцветкой 9E Пестрит воскресная толпа. 8f Взгляни отсюда вниз с утеса 9G На городишко у откоса. 9G Смотри, как валит вдаль народ 8h Из старых городских ворот. 8h

Пестрая толпа к нам сюда прет. 9h4 (mix) Загорают все тут и там. 8i4 (mix) День празднуют Воскресенья Христа, 10i4 (mix) Поскольку сами здесь воскресли 9K Из низких домов их, затхлости комнат, 11L5 (mix) Из плена дел их и ремесел, 9K Из-под крыш жилищ их укромных, 9L4 (mix) Из их тесных улиц давящих, 9M5 (mix) Из почтеннейшей ночи церквей 9n5 (mix) Вышли они под сень ветвей. 8n4 (mix) Посмотри толпа как выходящих, 10M4 (<i>tr</i>) По долинам врозь быстро течет, 9o4 (mix) Как поток реки бурлящей, 8M4(<i>tr</i>) Резвясь, иной чeln веселый несет, 10o5 (mix) И выше борта перегружен 9P Уходит вдаль последний чeln, 8г И даже с горных троп снаружи 9P Нам блестит цвет людских платьев волн. 9г4(mix) Уж слышу толчею села я, 9S Здесь высь небес всем неземная, 9S В довольстве здесь и стар и мал: 8t Я человек здесь, здесь им стал! 8t 10ja⁴4tr⁴24mix^{4,5,6}(38) [AbbAbcDcDeEffGhhiikLLKLMnnMoMoPrPrSStt]	Всем хочется вздохнуть свободней, 9I Все рвутся вон из толкотни. 8k В день воскресения господня 9I Воскресли также и они. 8k Они востали из-под гнета 9L Конур, подвалов, верстаков, 8m Ремесленных оков без счета, 9L Нависших крыш и чердаков, 8m И высыпали на прогулку 9N Из хмурающейся тьмы церквей, 8o Из узенького закоулка, 9N И растеклись ручьев живей, 8o И бросились к речным причалам, 9P И рыщут лодки по реке, 8г И тяжело грести усталым 9P Гребцам в последнем челноке. 8г По горке ходят горожане, 9S Они одеты щегольски, 8t А в отдаленье на поляне 9S В деревне пляшут мужики. 8t Как человек, я с ними весь: 8u Я вправе быть им только здесь. 8u 35ja⁴3am⁴ (38) [A bAbCdCeFefGhhIkLkLmLmNoNoPrPrStStuu]
Таблица 2 Дальновидная ирония Гёте о поэтических переводах	
Geme Studierzimmer FAUST mit dem Pudel hereintretend: Verlassen hab ich Feld und Auen, 9A Die eine tiefe Nacht bedeckt, 8b Mit ahnungsvollem, heil'gem Grauen 9A In uns die beßre Seele weckt. 8b Entschlafen sind nun wilde Triebe 9C Mit jedem ungestümen Tun; 8d Es reget sich die Menschenliebe, 9C Die Liebe Gottes regt sich nun. 8d 8ja⁴[AbAbCdCd] Sei ruhig, Pudel! renne nicht hin und wider!12A5(mix) An der Schwelle was schnoperst du hier? 9b3(<i>am</i>) Lege dich hinter den Ofen nieder, 10A5(mix) Mein bestes Kissen geb ich dir. 8b Wie du draußen auf dem bergigen Wege 11C6(mix) Durch Rennen und Springen ergetzt uns hast, 10d4(mix) So nimm nun auch von mir die Pflege, 9C Als ein willkommner stiller Gast. 8d 3ja⁴1am³4mix^{4,5,6}(8)[AbAbCdCd] Ach wenn in unsrer engen Zelle 9A Die Lampe freundlich wieder brennt, 8b Dann wird's in unserm Busen helle, 9A Im Herzen, das sich selber kennt. 8b Vernunft fängt wieder an zu sprechen, 9C Und Hoffnung wieder an zu blühen, 8d Man sehnt sich nach des Lebens Bächen, 9C Ach! nach des Lebens Quelle hin. 8d 8ja⁴[AbAbCdCd] Knurre nicht, Pudel! Zu den heiligen Tönen,12A6(mix) Die jetzt meine ganze Seel umfassen, 11B5(mix) Will der tierische Laut nicht passen. 9B5(mix) Wir sind gewohnt, daß die Menschen verhöhnen,11A4(da) Was sie nicht verstehn, 5?3(<i>tr</i>) Daß sie vor dem Guten und Schönen, 9A3(<i>am</i>) Das ihnen oft beschwerlich ist, murren; 10D5(mix) Will es der Hund, wie sie, beknuhren? 9D 1ja⁴1tr³1da⁴1am³4mix^{5,6}(8)[ABBA?ADD] Aber ach! schon fühl ich, bei dem besten Willen,12A6(<i>tr</i>)	X-кий КАБИНЕТ ФАУСТА Фауст входит с пуделем. Покинул я поля и нивы; 9A Они туманом облеклись. 8b Душа, смири свои порывы! 9A Мечта невинная, проснись! 8b Утихла дикая тревога, 9C И не бушует в жилах кровь: 8d В душе воскресла вера в бога,9C Воскресла к ближнему любовь. 8d 8ja⁴[AbAbCdCd] Пудель, молчи, не мечись и не бойся: 11A4(da) Полно тебе на пороге ворчать; 10b4(da) К печке поди, успокойся, согрейся; 11A4(da) Можешь на мягкой подушке лежать. 10b4(da) Нас потешал ты дорогою длинной, 11C4(da) Прыгал, скакал и резвился весь путь; 10d4(da) Ляг же теперь и веди себя чинно, 11C4(da) Гостем приветливым будь. 10d4(da) 8da⁴[AbAbCdCd] Когда опять в старинной келье 9A Заблещет лампа, друг ночей, 8b Возникнет тихое веселье 9A В душе смирившейся моей, 8b И снова мысли зароятся, 9C Надежда снова зацветет – 8d И вновь туда мечты стремятся, 9C Где жизни ключ струёю бьёт. 8d 8ja⁴[AbAbCdCd] Пудель, молчи! К этим звукам небесным, 11A4(da) Так овладевшим моею душой, 10b4(da) Кстати ль примешивать дикий твой вой?10b4(da) Часто у нас над прекрасным и честным 11A4(da) Люди смеются насмешкою злой, 10b4(da) Думы высокой понять не умея. 11C4(da) Злобно ворчат лишь, собой не владея. 11C4(da) Так ли ты, пудель, ворчишь предо мною? 10b4(da) 8da⁴[AbbAbCCb] Но горе мне! Довольства и смиренья 11A

Befriedigung nicht mehr aus dem Busen quillen.12A6(mix) Aber warum muß der Strom so bald versiegen.12B6(mix) Und wir wieder im Durste liegen? 9B4(mix) Davon hab ich so viel Erfahrung, 9C Doch dieser Mangel läßt sich ersetzen, 10D4(mix)4 Wir lernen das Überirdische schätzen, 11D5(mix)5 Wir sehnen uns nach Offenbarung, 9C Die nirgends würd'ger und schöner brennt9e4(mix) Als in dem Neuen Testament. 8e Mich drängt's, den Grundtext aufzuschlagen, 9F Mit redlichem Gefühl einmal 8g Das heilige Original 8g In <u>mein geliebtes Deutsch</u> zu übertragen. 11F 7 ja⁴1tr⁶6mix^{4,5,6} (14)[AABBCDDCeeFggF] <i>Er schlägt ein Volum auf und schickt sich an.</i> Geschrieben steht: "Im Anfang war <u>das Wort</u>!" 10a Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort? 10a Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen, 11B Ich muß es anders übersetzen, 9B Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin. 10c Geschrieben steht: Im Anfang war <u>der Sinn</u>. 10c Bedenke wohl die erste Zeile, 9D Daß deine Feder sich nicht übereile! 11D Ist es der Sinn, der alles wirkt und schafft? 10e Es sollte stehn: Im Anfang war <u>die Kraft</u>! 10e Doch, auch indem ich dieses niederschreibe, 11F Schon warnt mich was, daß ich dabei nicht bleibe. 11F Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat 10g Und schreibe getrost: Im Anfang war die Tat!11g5(mix) 13 ja^{4,5}1mix³(14)[aaBBccDDeeFFgg] Soll ich mit dir das Zimmer teilen, 9A Pudel, so laß das Heulen, 7A3(mix) So laß das Bellen!5B Solch einen störenden Gesellen 9B Mag ich nicht in der Nähe leiden. 9C Einer von uns beiden 6C3(tr) Muß die Zelle meiden. 6C3(tr) 4ja^{2,4}2tr³1mix³(7)[AABBCCCC]	Уже не чувствует больная грудь моя. 12b Зачем иссяк ты, ключ успокоенья? 11A Зачем опять напрасно жажду я? 10b Увы, не раз испытывал я это! 11C Но чтоб утрату счастья заменить, 10d Мы неземное учимся ценить 10d И в откровенье ждём себе ответа, 11C А луч его всего ясней горит 10e В том, что Завет нам Новый говорит. 10e Раскрою ж текст я древний, вдохновенный, 11F Проникнусь весь святою стариной, 10g И честно передам я подлинник священный 13F Наречью милому Германии родной. 12g 14 ja^{3,6} [AbAbCddCeeFgFg] (Открывает книгу и собирается переводить.) Написано: «В начале было <u>Слово</u>» -11A И вот уже одно препятствие готово: <u>13A</u> Я слово не могу так высоко ценить. <u>12b</u> Да, в переводе текст я должен изменить, <u>12b</u> Когда мне верно чувство подсказало. 11C Я напишу, что <u>Мысль</u> — всему начало. 11C Стой, не спеши, чтоб первая строка 10d От истины была недалеко! 10d Ведь Мысль творить и действовать не может! 11E Не <u>Сила</u> ли - начало всех начал? 10f Пишу - и вновь я колебаться стал, 10f И вновь сомненье душу мне тревожит. 11E Но свет блеснул - и выход вижу смело, 11G Могу писать: «В начале было <u>Дело</u>»! 11G 14ja^{3,6}[AAbbCCddEffEGG] Пудель, не смей же визжать и метаться, 11A4(da) Если желаешь со мною остаться! 11A4(da) Слишком докучен товарищ такой: 10b4(da) Мне заниматься мешает твой 10b4(da). Я или ты; хоть и против охоты, 11C4(da) Гостя прогнать принуждён я за дверь. 10d4(da) Ну, выходи же скорее теперь: 10d4(da) Путь на свободу найдёшь тут легко ты. 11C4(da) 8da³[AAbbCddC]
Приб <i>Учебная комната</i> ФАУСТ, <i>входя с пуделем</i>: Покинул я поля и нивы, 9A Их ночь глубока холодит, 8b И жутью святой, молчаливой 9A В нас душу лучшую будит. 8b Уснули дикие стреленья 9C С желаньем бешеным творить, 8d Любви лишь к людям возбужденье, 9C Любовь та, Божья, лишь царит. 8d 8ja⁴[AbAbCdCd] Спокойно пудель! Хватит тебе кружиться!12A5(mix) На пороге нашел что ты там? 9b3(am) Не пора ли за печь уж ложиться, 10A5(mix) Тебе подушку лучшу дам. 8b На дороге горной ты как снаружи 11C6(mix) Нас позабавил прыжками вкривь-вкось,10d4(mix) Получишь здесь уход не хуже, 9C Как мне желанный, тихий гость. 8d 3ja⁴1an³4mix^{4,5,6} (8)[AbAbCdCd] Ах, коль в каморке нашей тесной 9A Вновь лампа дружески горит, 8b Тогда в душе у нас свет лестный, 9A И в сердце, пылко что стучит, 8b Как прежде, говорить стал разум, 9C Надежда расцветилась вновь, 8d	П-ак РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА Фауст с пуделем. Оставил я поля и горы, 9A Окутанные тьмой ночной. 8b Открылось внутреннему взору 9A То лучшее, что движет мной. 8b В душе, смирившей вожделенья, 9C Свершается переворот. 8d Она любовью к провиденью, 9C Любовью к ближнему живет. 8d 8ja⁴[AbAbCdCd] Пудель, уймись и по комнате тесной не бегай!14A5(da) Полно ворчать и обнюхивать дверь и порог.13b5(da) Ну-ка - за печку и располагайся к ночлегу, 14A5(da) Право, приятель, на эту подушку бы лег. 13b5(da) Очень любезно нас было прыжками забавить.14C5(da) В поле, на воле, уместна твоя беготня.13d5(da) Здесь тебя просят излишнюю резвость оставить 14C5(d) Утомонись и пойми: ты в гостях у меня. 13d5(da) 8da³[AbAbCdCd] Когда в глубоком мраке ночи 9A Каморку лампа озарит, 8b Не только в комнате рабочей, 9A И в сердце как бы свет разлит. 8b Я слышу разума внушенья, 9C Я возрождаюсь и хочу 8d

Проснулась тяга к жизни сразу, 9C Источник жизни – Ах! – любовь. 8d 8ja⁴[AbAbCdCd] Не урчи пудель! Равным сим святым тонам, 12A6(mix) Что душу сейчас мне охватили, 11B5(mix) Звукам зверей быть не по силе. 9B5(mix) Мы же встречаем с издевкой все то, нам 11A4(da) Непонятно что, 5?3(tr) Добро, красота нам лишь стоны, 9A3(am) Тяжки они поскольку порою. 10D5(mix) Как мы собака тож тут воет? 9D 1ja⁴1tr³1da⁴1am³4mix^{5,6}(8)[<u>АВВА</u>?ADD] Но увь! Не чувствую при всем хотенье, 12A6(tr) Внутри мне былого удовлетворенья. 12A6(mix) Почему иссяк поток, что был однажды, 12B(tr) Снова изнывать нам от жажды? 9B5(mix) В том практику скопил большую, 9C Порок сей можно сменить порою, 10D4(mix) Мы учимся все ценить надземное, 11D6(mix) По откровению ж тоскуем, 9C Достойный чей и прекрасный свет 9e5(mix) Откроет Новый нам Завет. 8e За текст основ горю сесть смело, 9F С смиренья мысленю простой: 8g Оригинал искон святой 8g В любимый мой немецкий переделать. 11F 7ja⁴1tr⁶6mix^{4,5,6}(14)[<u>AABBCDD</u>CeeFggF] <i>Он открывает том и начинает.</i> Написано: «В начале было <u>Слово</u>!» 11A Уж стал я тут! Кто ж мне поможет снова? 11A Так высоко ценить мне слово сложно. 11B Иначе перевесть я должен, 9B Коль Дух так просветил уж мою мысль. 10C Написано: «В начале был лишь <u>Смысл</u>.» 10C Продумай лучше перву строчку, 9D Не дай перу решать все быстро в точку! 11D Всё ль смысла власть создала и вершила? 11E Должно стоять: «В начале была <u>Сила</u> 11E Но заложив и этот даже статус, 11F Уж знаю я, при этом не останусь. 11F Поможет Дух! Я, вдруг, нашел содейство, 11G Пишу уверен: «В начале было Действо!» 12G5(mix) 13ja^{4,5}1mix⁵(14)[<u>AABVccDDEEFFGG</u>] Коль комнату делить я должен, 9A Пудель, не вой ты тоже, 7A3(mix) Оставь ты лай твой! 5B Партнер, что крах творит такой, 8B Не нужен мне в моих покоях. 9C Кто-то, где нас двое, 6C3(tr) Должен стать изгоем. 6C3(tr) 4ja^{2,4}2tr³1mix³(7)[<u>AABVCCC</u>]	Припасть к источникам творенья, 9C К живительному их ключу. 8d 8ja⁴[AbAbCdCd] Пудель, оставь! С вдохновеньем минуты, 11A4(da) Вдруг охватившим меня невзначай, 10b4(da) Несовместимы ворчанье и лай. 10b4(da) Более свойственно спеси надутой 11A4(da) Лаять на то, что превыше ее. 10c4(da) Разве и между собачьих ухваток 11D4(da) Водится этот людской недостаток? 11D4(da) Пудель! Оставь беготню и вытье. 10c4(da) 8da⁴[AbbAcDDc] Но вновь безволие, и упадок, 9A И вялость в мыслях, и разброд. 8b Как часто этот беспорядок 9A За просветленьем настает! 8b Паденья эти и подьемы 9C Как в совершенстве мне знакомы! 9C От них есть средство исconi: 8d Лекарство от душевной лени 9E Божественное откровенье, 9E Всесильное и в наши дни. 8d Всего сильнее им согреты 9F Страницы Нового завета. 9F Вот, кстати, рядом и они. 8d Я по-немецки все писанье 9G Хочу, не пожалев старанья, 9G Уединившись взаперти, 8h Как следует перевести. 8h 17ja⁴[AbAbCCcDEEdFFdGGhh] (Открывает книгу, чтобы приступить к работе.) "В начале было <u>Слово</u>". С первых строк 10a Загадка. Так ли понял я намек? 10a Ведь я так высоко не ставлю слова, 11B Чтоб думать, что оно всему основа. 11B "В начале <u>мысль</u> была". Вот перевод. 10c Он ближе этот стих передает. 10c Подумаю, однако, чтобы сразу 11D Не погубить работы первой фразой. 11D Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть? 10e "Была в начале <u>сила</u>". Вот в чем суть. 10e Но после небольшого колебания 11F Я отклоняю это толкованье. 11F Я был опять, как вижу, с толку сбит: 10g "В начале было <u>дело</u>", - стих гласит 10g 14ja³[aaBBccDDeeFFgg] Если ты хочешь жить со мною, 9A То чтоб без воя. 5A2 Что за возня? 4b Понял ты, пудель? Смотри у меня! 10b4(mix) Кроме того, не лай, не балуй, 9C4(mix) Очень ты, брат, беспокойный малый. 10C4(mix) Одному из нас двоих 7d4(tr) Придется убраться из стен моих. 10d4(mix) Ну, так возьми на себя этот шаг. 10e4(da) Нечего делать. Вот дверь. Всех благ! 9e4(mix) 3ja^{2,4}1tr⁴1da⁴5mix⁴(10)[<u>AAbCCddee</u>]
---	---

Приложение 4.4. Классические строфы и стихотворные формы Гёте

Воскресение Фауста в мадригальной форме:	
<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
Ein Feuerwagen schwebt, auf leichten Schwingen, 11A An mich heran! Ich fühle mich bereit, 10b Auf neuer Bahn den Äther zu durchdringen, 11A Zu neuen Sphären reiner Tätigkeit. 10b Dies hohe Leben, diese Götterwonne! 11C Du, erst noch Wurm, und die verdienst du? 10d Ja, kehre nur der holden Erdensonne 11C Entschlossen deinen Rücken zu! 8d Vermesse dich, die Pforten aufzureißen, 11E Vor denen jeder gern vorüberschleicht! 10f Hier ist es Zeit, durch Taten zu beweisen, 11E Daß Manneswürde nicht der Götterhöhe weicht, 12f Vor jener dunkeln Höhle nicht zu beben, 11G In der sich Phantasie zu eigner Qual verdammt, 12h Nach jenem Durchgang hinzustreben, 9G Um dessen engen Mund die ganze Hölle flammt; 12h Zu diesem Schritt sich heiter zu entschließen, 11 I Und wär es mit Gefahr, ins Nichts dahin zu fließen. 13I 18ja^{4,5,6}[AbAbCdCdEfEfGhGhII]	Вот колесница в пламени сиянья 11A Ко мне слетает! Предо мной эфир 10b И новый путь в пространствах мироздания.11A Туда готов лететь я — в новый мир. 10b О наслажденье жизнью неземною! 11C Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?12d Да, решено: оборотись спиною 11C К земному солнцу, что блесит вдали, 10d И грозные врата, которых избегает 13E Со страхом смертный, смело нам открой 10f И докажи, пожертвовав собой, 10f Что человек богам не уступает. 11E Пусть перед тем порогом роковым 10g Фантазия в испуге замирает; 11E Пусть целый ад с огнем своим 8g Вокруг него сверкает и зияет, - 11E Мужайся, соверши с весельем смелый шаг, 12i Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак! 12i 18ja^{4,5,6}[AbAbCdCdEfEfGgEgEii]
<i>Приб</i>	<i>П-ак</i>
Парит ко мне карета огневая, 11A Как на волнах! Путем иным готов, 10b Проникнуть сквозь эфир, я это знаю, 11A Ко сферам чистых, новых мне делов. 10b Высокой жизни божье наслажденье! 11C Иль ты, как раз лишь червь, то заслужил? 10d Земного солнца милому свеченью11C Ты лучше спину покажи! 8d Дерзни теперь те растворить ворота, 11E Где мимо все стараются пройти! 10f Здесь время доказать делами что-то, 11E Что сан людской не ниже божьей высоты, 12f Пред темной той пещерой не труситься, 11G Где ты фантазией к мучениям проклят, 12h К тому проходу все ж стремиться, 9G Чей узкий вход всем Ада пламенем объят. 12h К такому шагу с ясностью решиться, 11 I С опасностью в ничто при этом раствориться. 13I 18ja^{4,5,6}[AbAbCdCdEfEfGhGhII]	Слетает огненная колесница, 11A И я готов, расправив шире грудь, 10b На ней в эфир стрелою устремиться, 11A К неведомым мирам направить путь. 10b О, эта выс, о, это просветленье! 11C Достоин ли ты, червь, так вознестись? 10d Спиною к солнцу стань без сожаленья, 11C С земным существованьем распростись. 10d Набравшись духу, выломай руками 11E Врата, которых самый вид страшит! 10f На деле докажи, что пред богами 11E Решимость человека устоит! 10f Что он не дрогнет даже у преддверья 11G Глухой пещеры, у того жерла, 10h Где мнительная сила суеверья 11G Костры всей преисподней разожгла. 10h Распорядись собой, прими решение, 11 I Хотя бы и ценой уничтоженья. 11 I 18ja⁵[AbAbCdCdEfEfGhGhII]
Гётевский поэт вещает в классических октавах (стансах)	
<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
DICHTER: O sprich mir nicht von jener bunten Menge,11A Bei deren Anblick uns der Geist entflieht. 10b Verhülle mir das wogende Gedränge, 11A Das wider Willen uns zum Strudel zieht. 10b Nein, führe mich zur stillen Himmelsenge 11A Wo nur dem Dichter reine Freude blüht; 10b Wo Lieb und Freundschaft unsres Herzens Segen 11C Mit Götterhand erschaffen und erpflegen. 11C 8ja⁵[AbAbAbCC] Ach! was in tiefer Brust uns da entsprungen, 11A Was sich die Lippe schüchtern vorgelallt, 10b Mißraten jetzt und jetzt vielleicht gelungen, 11A Verschlingt des wilden Augenblicks Gewalt. 10b	Поэт: Не говори мне о толпе безумной – 11A Она иной раз вдохновение спугнёт; 12b Избавь меня от этой давки шумной, 11A Влекущей мощно в свой водоворот; 10b Нет, тишины ишу я, многодумный, - 11A Лишь там поэту радость расцветёт; 10b Там, только там божественною властью 11C Любовь и дружба нас приводит к счастью. 11C 8ja^{5,6}[AbAbAbCC] Что в глубине сердечной грудь лелеет, 11A

Oft, wenn es erst durch Jahre durchgedrungen, 11A Erscheint es in vollendeter Gestalt. 10b Was glänzt, ist für den Augenblick geboren, 11C Das Echte bleibt der Nachwelt unverloren. 11C 8ja⁵[AbAbAbCC]	Что просится на робкие <u>уста</u> – 10b Удачно ль, нет ли, - выйти чуть посмеет 11A На свет - его погубит <u>цвета</u>! 10b Нет, лучше пусть годами дума зреет, 11A Чтоб совершенной стала красота! 10b Мишурный блеск - создание вероломства 11C, Прекрасное родится для потомства! 11C 8ja⁵[AbAbAbCC]
Приб ПОЭТ: О не толкуй здесь мне о пестрой массе, 11A Лишь вид ее наш убивает дух. 10b Избавь меня от этой давки к кассе, 11A Что нас невольно вовлекает в круг. 10b Нет, быть хочу я в неба тихом классе, 11A Где лишь Поэту радость истый друг, 10b Где дружба и любовь для сердца благо, 11C Созданное, взлелеянное Богом. 11C 8ja⁵[AbAbAbCC] Ах! Глубоко в душе что зародилось, 11A Что скромно шепчет нам волненье губ, 10b Что удалось раз, снова развалилось, 11A То поглотит мгновенье-душегуб. 10b И часто, лишь что в годах сохранилось, 11A Предстанет совершенством людям, вдруг. 10b Сверкает что, то рождено для мига, 11C А сущее – для будущего мира. 11C 8ja⁵[AbAbAbCC]	П-ак Поэт Не говори мне о толпе, повинной 11A В том, что пред ней нас оторопь берет 10b Она засасывает, как тряпина, 11A Закручивает, как <u>водооборот</u>. 10b Нет, уведи меня на те вершины, 11A Куда сосредоточенность зовет, 10b Туда, где божьей созданы рукою 11C Обитель грез, святилище покоя. 11C 8ja⁵[AbAbAbCC] Что те места твоей душе навеют, 11A Пускай не рвется сразу на <u>уста</u>. 10b Мечту тщеславье светское рассеет, 11A Пятой своей растопчет <u>цвета</u>. 10b Пусть мысль твоя, когда она созреет, 11A Предстанет нам законченно чиста. 10b Наружный блеск рассчитан на мгновенье, 11C А правда переходит в поколения. 11C 8ja⁵[AbAbAbCC]
и сонетах:	
Гёте DICHTER: So gib mir auch die Zeiten wieder, 9A Da ich noch selbst im Werden war, 8b Da sich ein Quell gedrängter Lieder, 9A Ununterbrochen neu gebar, 8b Da Nebel mir die Welt verhüllten, 9C Die Knospe Wunder noch versprach, 8d Da ich die tausend Blumen brach, 8d Die alle Täler reichlich füllten. 9C Ich hatte nichts und doch genug; 8e <u>Den Drang nach Wahrheit und die Lust am Trug.</u> 10e Gib ungebändig jene Triebe, 9F Das tiefe, schmerzensvolle Glück, 8e Des Hasses Kraft, die Macht der Liebe, 9F Gib meine Jugend mir zurück! 8e 14ja^{4,5}[AbAb CddC eeF eFe]	Х-кий Поэт: Отдай же годы мне златые, 9A Когда и сам я был незрел, 8b Когда я песни молодые 9A Не уставая вечно пел! 8b В тумане мир передо мною, 9C Скрывался; жадною рукою 9C Повсюю я цветы срывал 8d И в каждой почке чуда ждал. 8d Я беден был - и всё, что надо 9E Для счастья чистого, имел: 8f Стремленьем к истине кипел, 8f И бред мечты мне был отрада!.. 9E Отдай мне прежний жар в крови, 8g Мои порывы и стремленья, 9H Блаженство скорби, мощь любви, 8g И мощной ненависти рвенья, 9H И годы юные мои! 8g 17ja⁴[AbAb CCdd EffE gHgHg]
Приб ПОЭТ: Так дай те времена мне снова, 9A Когда я в становленье был 8b И, как источник песен новых, 9A Фонтан стихов из меня бил, 8b Где мир укутан был туманом, 9C Где в почке чудо я видал, 8d Цветов где тысячи сломал, 8d	П-ак Поэт Тогда верни мне возраст дивный, 9A Когда все было впереди 8b И вереницей беспрерывной, 9A Теснились песни из груди. 8b В тумане мир лежал впервые, 9C И, чуду радуясь во всем, 8d Срывал цветы я полевые, 9C

Покрывших доли, как саваном. 9C Я был хоть нищ, но все ж богат 8e <u>Стремленьем к правде и желаньем врать.</u> 10e Дай счастья режущие боли, 9F Страсть необузданных отрад, 8e Ту власть, что дарится любовью, 9F Дай юность мне мою назад! 8e 14ja^{4,5}[AbAb CddC eeF eFe]	Повсюду, росшие кругом. 8d Когда я нищ был и богат, 8e Жив правдой и неправде рад. 8e Верни мне дух неукротенный, 9F Дни муки и блаженства дни, 8g Жар ненависти, пыл влюбленный, 9F Дни юности моей верни! 8g 14ja⁴[AbAb CdCd eeF gFg]
---	--

Приложение 4.5. Жизненность и свобода языка Гёте

Гётевские подгоночные сокращения или удлинения и вариации слов:
Gleich einer alten, halbverklungnⁿen Sage Kommt erste <u>Lieb</u> und Freundschaft mit herauf; Und was sich sonst an meinem Lied <u>erfreuet</u>, Wenn es noch lebt, irrt in der Welt <u>zerstreuet</u> Es <u>schwebet</u> nun in unbestimmten Tönen Mein <u>lispelnd(es)</u> Lied, der Äolsharfe gleich Sagt, was ihr wohl in deutschen <u>Landen</u> Wenn sich der Strom nach <u>unsrer</u> Bude drängt Dies Wunder wirkt auf so <u>verschiedne</u> Leute Der Dichter nur; mein Freund, o <u>tu</u> es heute! Wo <u>Lieb</u> und Freundschaft <u>unsres</u> Herzens Segen Besonders aber laßt genug <u>geschehn</u>! Man kommt zu <u>schaun</u>, man will am liebsten <u>sehn</u>. Ihr <u>fühlet</u> nicht, wie schlecht ein solches Handwerk sei! Wie wenig das dem echten Künstler <u>zieme</u> Der <u>saubern</u> Herren Puscherei Ist. <u>merk</u> ich. schon bei Euch Maxime. Bedenkt, Ihr <u>habet</u> weiches Holz zu spalten Was <u>träumet</u> Ihr auf Eurer Dichterhöhe? <u>Geh</u> hin und <u>such</u> dir einen <u>ändern</u> Knecht! Und in sein Herz die Welt <u>zurück</u>e schlingt? Wenn die Natur des Fadens <u>ew'ge</u> Länge, Gleichgültig drehend, auf die Spindel zwingt, Wenn aller Wesen <u>unharmon'sche</u> Menge Wer sichert den Olymp? <u>vereinet</u> Götter? Und treibt die <u>dichtrischen</u> Geschäfte, Dann <u>saug</u>et jedes zärtliche Gemüte Aus eurem Werk sich <u>melanchol'sche</u> Nahrung, Vom schwer erreichten Ziele <u>wink</u>et, Wenn nach dem <u>heft'gen</u> Wirbeltanz Die Nächte schmausend man <u>vertrink</u>et Laßt mich auch endlich Taten <u>sehn</u>; Kann etwas Nützliches <u>geschehn</u>. Ihr wißt, auf <u>unsern</u> deutschen Bühnen Drum <u>schonet</u> mir an diesem Tag Und wandelt mit <u>bedächt'ger</u> Schnelle <u>Hättst</u> du dir nicht das Lachen abgewöhnt. Von <u>Sonn'</u> und Welten weiß ich nichts zu sagen, <u>Hättst</u> du ihm nicht den Schein des Himmelslichts gegeben; Fürwahr! er dient Euch auf <u>besondre</u> Weise. Sowerd ich ihn bald in die Klarheit führen. Weiß doch der Gärtner, wenn das Bäumchen grünt, Das <u>Blüt</u> und Frucht die <u>künft'gen</u> Jahre zieren. Juristerei und Medizin, Durchaus studiert, mit heißem <u>Bemühn</u> Und ziehe schon an die <u>zehn</u> Jahr Dafür ist mir auch alle <u>Freud</u> entrissen, Noch <u>Ehr</u> und Herrlichkeit der Welt <u>Trübsel'ger</u> Freund, erschienst du mir! Ach! <u>könnt</u> ich doch auf Bergeshöhn In deinem lieben Lichte <u>gehn</u>, Den, bis ans hohe <u>Gewöl</u>b hinauf,

Ein angeraucht(es) Papier umsteckt;
 Dich Tiergeripp und Totenbein.
 Und dies geheimnisvolle Buch,
 Von Nostradamus' eigner Hand
 Wie spricht ein Geist zum andren Geist.
 Umsonst, daß trocknes Sinnen hier
 Die heil'gen Zeichen dir erklärt:
 Und sich die goldnen Eimer reichen
 (*bei mir: Себе злат: ведра подавая,*)
 Meine Stimme zu hören, mein Antlitz zu sehn;
 Mich neigt dein mächtig(es) Seelenflehn,
 Da bin ich!- Welch erbärmlich(es) Grauen
 Wo bist du, Faust, des Stimme mir erklang
 Ein glühend(es) Leben
 Der trockne Schleicher stören muß!
 Verzeiht! ich hör euch deklamieren;
 Ihr last gewiß ein griechisch(es) Trauerspiel?
 In dieser Kunst möcht ich was profitieren,
 Das Pergament, ist das der heil'ge Bronnen,
 Die töricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten,
 Erlaubt mir ein' und andre Frage
 Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt,
 Ganz nah gedünkt dem Spiegel ew'ger Wahrheit
 Hab ich die Kraft dich anzuziehn besessen,
 So hatt ich dich zu halten keine Kraft.
 In jenem sel'gen Augenblicke
 Du stießest grausam mich zurück
 Dem Herrlichsten, was auch der Geist empfangen
 Dann heißt das Beßre Trug und Wahn.
 Des Wandrers Tritt vernichtet und begräbt
 Aus hundert Fächern mit verenget?
 In dieser Mottenwelt mich dränget?
 Was grinsest du mir, hohler Schädel, her?
 Als daß dein Hirn, wie meines, einst verwirret
 Den leichten Tag gesucht und in der Dämmerung schwer,
 Mit Lust nach Wahrheit, jämmerlich geirret.
 Du alt Geräte, das ich nicht gebraucht,
 Du alte Rolle, du wirst angeraucht,
 Solang an diesem Pult die trübe Lampe schmauchte.
 Als wenn im nächt'gen Wald uns Mondenglanz umweht?
 Du, erst noch Wurm, und die verdienest du?
 In der sich Phantasie zu eigner Qual verdammt
's ist meine Nachbarin dabei
 Nichts Bessers weiß ich mir an Sonn- und Feiertagen
 Und segnet Fried und Friedenszeiten.
 Den künft'gen Liebsten leiblich sehen
 Soldatenhaft, mit mehreren Verwegnen;
Aus niedriger Häuser dumpfen Gemächern
Aus der Straßen quetschender Enge,
Aus der Kirchen ehrwürdiger Nacht
 Wie der Fluß, in Breit und Länge
 Er schmeichelte sie doch bei Seit
 Und unter dieses Volksgedräng
 So nehmet auch den schönsten Krug
Erwidr' euch allen Heil und Dank

Die Mützen fliegen in die Höh;
 Als käm das Venerabile.
 Hier wollen wir von unsrer Wandrung rasten
 Der über die Natur und ihre heil'gen Kreise
 Hier war die Arzenei, die Patienten starben,
 So kann dein Sohn zu höherm Ziel gelangen
 Betrachte, wie in Abendsonne-Glut
 Entzündet alle Höhn beruhigt jedes Tal,
 Den Silberbach in goldne Ströme fließen.
 Ihr schmetternd(es) Lied die Lerche singt;
 Des Vogels Fittich werd ich nie beneiden
 Da werden Winternächte hold und schön
 Ein selig Leben wärmet alle Glieder,
 Und ach! entrollst du gar ein würdig Pergamen,
 Was kann dich in der Dämmerung so ergreifen?
 Zu künft'gem Band um unsre Füße zieht.
 Es ist ein pudelnärrisch(es) Tier.
 Du stehest still, er wartet auf;
 Mit ahnungsvollem, heil'gem Grauen
 Es reget sich die Menschenliebe
 Als ein willkommner stiller Gast
 Ach wenn in unsrer engen Zelle
 Dann wird's in unserm Busen helle, (warum nicht heller?)
Knurre nicht, Pudel! Zu den heiligen Tönen, 12A
 Die jetzt meine ganze Seel umfassen, 10B
Will der tierische Laut nicht passen. 9B
 Wir sind gewohnt, daß die Menschen verhöhnen, 11A
 Was sie nicht verstehn, 5a
 Daß sie vor dem Guten und Schönen 9A
 Die nirgends würd'ger und schöner brennt
 Wer sie nicht kennte,
 Die Elemente
Bescheidne Wahrheit sprech ich dir
 Von Körpern strömt's, die Körper macht es schön,
 Ein Körper hemmt's auf seinem Gange;
 So, hoff ich, dauert es nicht lange,
 Und mit den Körpern wird's zugrunde gehn
 Nun kenn ich deine würd'gen Pflichten!
 Hier ist das Fenster, hier die Türe,
Gesteh ich's nur! daß ich hinausspaziere,
 Das Pentagramma macht dir Pein?
 Und mein Gefangner wärest denn du?
's ist ein Gesetz der Teufel und Gespenster:
 Er schläft! So recht, ihr luft'gen zarten Jungen!
 Nun, Fa(-)ust, träume fort, bis wir uns wiedersehn. 12a
 Ich möchte bittre Tränen weinen,
 Den Tag zu sehn, der mir in seinem Lauf
 Und doch ist nie der Tod ein ganz willkommner Gast.
 Die blut'gen Lorbeern um die Schläfe windet,
 Aus dieser Erde quillen meine Freuden,
 Und diese Sonne scheinet meinen Leiden;
 Doch hast du Speise, die nicht sättigt, hast 10a
 Du rotes Gold, das ohne Rast, 8+
 Wenn dies dir völlig Gnüge tut,
 Du hörest ja, von Freud' ist nicht die Rede.

Dem Taumel weih ich mich, dem schmerzlichsten Genuß,
 Will ich in meinem innern Selbst genießen,
 Mit meinem Geist das Höchst' und Tiefste greifen,
 Und, wie sie selbst, am End auch ich zerscheitern.
 Ich dächt, ihr liebet Euch belehren
 Des Nordens Dau'rbarkeit
Großmut und Arglist zu verbinden
Eh uns des Lebens Freude flieht.
 Was Henker! freilich Händ und Füße
 Soll Speis und Trank vor gier'gen Lippen schweben;
 Ich bin dabei mit Seel und Leib;
 Das Erst wär so, das Zweite so,
 Und drum das Dritt und Vierte so;
 Und wenn das Erst und Zweit nicht wär,
 Das Dritt und Viert wär nimmermehr.
 Was in des Menschen Hirn nicht paßt;
 Ein prächtig(es) Wort zu Diensten steht
 Als diktirt' Euch der Heilig Geist!
 Allem ich muß Euch noch bemühn.
 Wollt Ihr mir von der Medizin
 (Juristerei und Medizin,
 Durchaus studiert, mit heißem Bemühn.)
 Nicht auch ein kräftig Wörtchen sagen?
 Drei Jahr ist eine kurze Zeit
 Ihr durchstudiert die groß, und kleine Welt
 Das liebe Heil'ge Röm'sche Reich
Противна, политична песня! Тъфу!
 Жалка! И Богу слава каждо утро,
 Забот что нет у вас за императра!
 Я рад, по крайней мере, оченно тому,
 Ни кайзер что, ни канцлер в том дому.
 Ihr wißt, welch eine Qualität
 Den Ausschlag gibt, den Mann erhöht.
 Es war eine Ratt(e) im Kellernest,
 Hatte sich ein Ränzlein angemäst't,
 Sie tät gar manchen Ängstesprung.
 Bald hatte das arme Tier genung
 Wie sich die platten Bursche(n) freuen! (*Fehler*)
 Und Herrn und Fraun am Hofe
 Sie sind vom Rheine, wie ich spüre.
 Ihr habt doch nicht die Fässer vor der Türe?
 Ich muß gestehn, den sauern mag ich nicht,
 Es scheinet, daß Ihr uns nicht kennt.
 Dich zu verjüngen, gibt's auch ein natürlich(es) Mittel;
 Allein es steht in einem andern Buch,
 Und ist ein wunderlich(es) Kapitel.
 Da habt ihr ein groß(es) Publikum.
 Was seh(e) ich? Welch ein himmlisch(es) Bild
 Und führe mich in ihr Gefild(e)!
 Doch muß ich Euch ums ältste bitten;
 Die auch nicht mehr im mindsten stinkt
 Wer will sich mit den Narrn befassen
 Es ist ein gar unschuldig(es) Ding
 Der begehrt jede liebe Blum(e) für sich
 Und dünkelt ihm, es wär kein Ehr

Und Gunst, die nicht zu pflücken wär
 Bedenkt, was gehn und stehen **mag**!
 Ich brauche wenigstens vierzehn Tag
 Die **Freud(e)** ist lange nicht so groß
 Wie's lehret manche welsche Geschicht(e)
 Jetzt ohne Schimpf(en) und ohne Spaß
 An aller Hoffnung künfft'ger Freuden
 Bei **Freud(e)** und Schmerz im offenen Arm empfangen
 Der Füll(e) und Ordnung um mich säuseln
Armsel'ger Faust! ich kenne dich nicht mehr
 Und mir die weitre Müh(e) zu sparen
 Nach Herzens Wunsch und Will(en) zu wenden
 Und ist doch eben so warm nicht drauß(en)
 Bin doch ein töricht(es) furchtsam(es) Weib
 Zählt er seine Städt(e) im Reich
 Wenn nur die Ohrring(e) meine wären
 Die Kirch(e) allein, **meine lieben Frauen**
 Strich drauf ein(e) Spange, Kett(e) und Ring'(e),
 Als wären's eben Pfifferling'(e)
 Schaff du ihr gleich ein neu(es) Geschmeid(e)
 Ja, gnäd'ger Herr, von Herzen gerne.
 Frau Marthe! Gretelchen, **was soll's?** 7a
 In meinem Schrein, von Ebenholz 8a
 O du glücksel'ge Kreatur!
Freud muß Leid, Leid muß Freude haben
 Ihr wäret wert, gleich in die Eh(e) zu treten:
 Ihr seid ein liebenswürdig(es) Kind
's ist eine der größten Himmelsgaben,
 So ein lieb(es) Ding im Arm zu haben
 Ach, die Erinn(e)rung tötet mich
 Hat er so aller Treu, so aller Lieb vergessen
 Visierte dann unterweil(en) nach einem neuen Schatze.
 Ich schwör Euch zu, mit dem Beding(nis)
Wechselt ich selbst mit Euch den **Ring**
 Du gut(es), unschuldig(es) Kind 6a, statt 8a wozu??
 Ein braver Knab(**e**)! ist viel gereist
 Du bist und bleibst ein Lügner, ein Sophiste.
 Ja, wenn man's nicht ein bißchen tiefer wüßte.
 Von einzig überallmächt'gem Triebe
 Mein arm(es) Gespräch nicht unterhalten kann
 Ja, **aus** den **Augen**, **aus** dem **Sinn**! 8a
 Sie **sind** verständiger, als **ich** bin. 9A !!!
 (Sie **sind** verständiger, als **ich** es(???) **bin** 8a)
 Und nähn und laufen früh und spat; 8a
 So akkurat! 4a
 Nicht daß sie just so sehr sich einzuschränken **hat**; 12a
 Wir könnten uns weit eh'r als andre regen:
 Mein Vater hinterließ ein hübsch(es) Vermögen,
 Ein Häuschen und ein Gärtchen vor der **Stadt**. 10a
 Mein Bruder ist **Soldat**, 6a
 Zu Eurem Vorteil hier zu regen gleich begonnte;
 Daß ich auf Euch nicht böser werden **konnte**
 Und man kommt ins Gered(e), wie man sich immer stellt
Mutwill'ge Sommervögel!
 Bin doch ein arm(es), unwissend(es) Kind,

Begreife nicht, was er an mir find(e)t.
 Habt Ihr nun bald das Leben gnug geführt?
 Du wärest Teufel gnug, mein Glück mir nicht zu gönnen
Alle sechs **Tagewerk** im **Busen fühlen**
 Sie **steht** am **Fenster**, **sieht** die **Wolken ziehn**
Über die **alte Stadtmauer hin**.
 Schau ich nicht Aug in Auge dir
 Und Brust an Brust und Seel in Seele drängen
 Als des Menschen widrig(es) Gesicht
 Man sieht, daß er an nichts keinen Anteil nimmt;
Bildt sich was auf ihre Schönheit ein
 Er wär ein Narr! Ein flinker Jung(e) 8a
 Hat anderwärts noch Luft genung 8a
 Mein Gretchen, sieh! du bist noch jung, 8a
 Bist gar noch nicht gescheit genung, 8a
 Nicht Worte gnug der Zunge finden
 Mir's immer doch nicht schwarz gnug war
 Wenn ich so saß bei einem Gelag(e) (Geläg)
 Rückt wohl der Schatz indessen in die Höh(e), 10a (11A)
 Den ich dort hinten flimmern seh(e) 8a (9A) ???
 Ich sag dir's im Vertrauen nur: 8a
 Du bist doch nun einmal eine Hur(e) 9a
 He da! mein Freund! darf ich dich zu uns fo(r)dern? (Fehler)
 Was willst du so vergebens **lodern**

(Walpurgisnacht wird von dichterisch-metrischem Durcheinander begleitet)
 Der flieget nie, der heut nicht flog
 Das nicht einmal zum tücht'gen Schaden

Приложение 4.6. Максимы, крылатые слова и поговорки

<i>Geme</i>	<i>X-кий</i>
ZUEIGNUNG <u>Mein Busen fühlt sich jugendlich erschüttert.</u> 11A <u>Vom Zauberhauch, der euren Zug umwittert.</u> 11A	ПОСВЯЩЕНИЕ <u>Как в юности, ваш вид мне грудь волнует.</u> 11A <u>И дух мой снова чары ваши чует.</u> 11A
<u>Und nennt die Guten, die, um schöne Stunden</u> 11A <u>Vom Glück getäuscht, vor mir hinweggeschwunden.</u> 11A	<u>И образы друзей, из жизни юной</u> 11A <u>Исторгнутых, обманутых фортуной.</u> 11A
<u>Und was sich sonst an meinem Lied erfreuet,</u> 11A <u>Wenn es noch lebt, irt in der Welt zerstreuet.</u> 11A	<u>А те, кому моя звучала лира,</u> 11A <u>Кто жив ещё, - рассеяны среди мира.</u> 11A
<u>Was ich besitze, seh ich wie im Weiten,</u> 11A <u>Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten.</u> 11A	<u>Всё, чем владею, вдалеку куда-то скрылось;</u> 11- <u>Всё, что прошло, - восстало, оживилось!</u> 11-
VORSPIEL AUF DEM THEATER DICHTER: O sprich mir nicht von jener bunten Menge, 11A Bei deren Anblick uns der Geist entflieht. 10b5 Verhülle mir das wogende Gedränge, 11A Das wider Willen uns zum Strudel zieht. 10b	ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ Поэт: Не говори мне о толпе безумной – 11A Она иной раз вдохновение спугнёт; 12b Избавь меня от этой давки шумной, 11A Влекущей мощно в свой водоворот; 10b
<u>Wo Lieb und Freundschaft unsres Herzens Segen –</u> 11A <u>Mit Götterhand erschaffen und erpflegen.</u> 11A	<u>Там, только там божественною властью</u> 11A <u>Любовь и дружба нас приводит к счастью.</u> 11A
<u>Was glänzt, ist für den Augenblick geboren,</u> 11A <u>Das Echte bleibt der Nachwelt unverloren.</u> 11A	<u>Мишурный блеск - создание вероломства,</u> 11A <u>Прекрасное родится для потомства!</u> 11A
LUSTIGE PERSON Greift nur hinein ins volle Menschenleben! 11A Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt, 10b	Комик Всяк испытал, конечно, чувства эти, 11A Но редкий знает, сколько в них чудес. 10b
Wer fertig ist, dem ist nichts recht zu machen; 11A Ein Werdender wird immer dankbar sein. 10b5	Кто пожил, на того не угодишь ничем, .12a А тот, кто не созрел, доволен будет всем! .12a
Das Alter macht nicht kindisch, wie man spricht, 10a Es findet uns nur noch als wahre Kinder. 11B	Что старость в детство нас приводит - пустяки: .12a До самой старости мы - дети, вот в чём дело! .11B
DIREKTOR: <u>Der Worte sind genug gewechselt,</u> 9A <u>Laßt mich auch endlich Taten sehn;</u> 8b Indes ihr Komplimente drechselt, 9A Kann etwas Nützliches geschehn. 8b	Директор: Довольно слов, довольно споров, 9A И комплиментов, и укоров! 9A Зачем болтать по пустякам? 8b Пора за дело взяться нам. 8b
PROLOG IM HIMMEL MEPHISTOPHELES Ein wenig besser würd er leben, 9A4 Hättst du ihm nicht den Schein des Himmelslichts gegeben; Er nennt's Vernunft und braucht's allein, 8b4 Nur tierischer als jedes Tier zu sein. 10b5	ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ Мефистофель Ему немножко лучше бы жилось, 10a Когда б ему владеть не довелось 10a Тем отблеском божественного света, 11B Что разумом зовёт он: свойство это 11B Он на одно лишь смог употребить – 10c Чтоб из скотов скотиной быть! 8c
<u>Und läg er nur noch immer in dem Grase!</u> 11A <u>In jeden Quark begräbt er seine Nase.</u> 11A	<u>И пусть ещё в траве сидел бы оно уютно, -</u> 13A <u>Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.</u> 13A
DER HERR: Weiß doch der Gärtner, wenn das Bäumchen grünt, 10a Das Blüt und Frucht die künft'gen Jahre zieren. 11B	Господь: Сажая деревцо, садовник уже знает, Какой цветок и плод с него получит он. 12b
Es irt der Mensch, so lang er strebt. 8a	Блуждает человек, пока в нём есть стремленье 13A
FAUST (Nacht) Da steh ich nun, ich armer Tor! 8a Und bin so klug als wie zuvor; 8a Schau alle Wirkenskraft und Samen, 9A	Фауст (ночь) И не умней я стал в конце концов, 10a Чем прежде был... Глупец я из глупцов! 10a Чтоб я постиг все действия, все тайны, 11A

Und tu' nicht mehr in Worten kramen. 9A	Всю мира внутреннюю связь; 8b Из уст моих чтоб истина лилась, 10b А не набор речей случайный. 9A
"Die Geisterwelt ist nicht verschlossen; 9A Dein Sinn ist zu, dein Herz ist tot! 8b Auf, bade, Schüler, unverdrossen 9A Die ird'sche Brust im Morgenrot!" 8b	В мир духов нам доступен путь, 8a Но ум твой спит, изнемогая, 9B О ученик! восстань, купая 9a В лучах зари земную грудь! 8B
Ich fühle Mut, mich in die Welt zu wagen, 11A Der Erde Weh, der Erde Glück zu tragen, 11A (Wem oder wessen Weh und Glück zu tragen?)	Теперь себя я чувствую сильней – 10a Снесу и горе я и радости земные . 13B (Hier: Wessen)
Doch werdet ihr nie Herz zu Herzen schaffen, 11A Wenn es euch nicht von Herzen geht. 8b	Но сердце к сердцу речь не привлечёт, 10a Коль не из сердца ваша речь течёт. 10a
Es trägt Verstand und rechter Sinn 8a Mit wenig Kunst sich selber vor! 8a	Когда есть ум и толк в словах у нас, 10a Речь хороша и без прикрас. 8a
WAGNER: Und eh man nur den halben Weg erreicht, 10a Muß wohl ein armer Teufel sterben. 9B	Вагнер: А тут, того гляди, ещё на полпути 12a Придётся бедняку и с жизнью расстаться. 13B
FAUST: Was ihr den Geist der Zeiten heißt, 8a Das ist im Grund der Herren eigner Geist, 10a In dem die Zeiten sich bespiegeln. 9B	Фауст: То, что для нас на первый, беглый взгляд 10a Дух времени - увы! - не что иное, 11B Как отраженье века временное 11B В лице писателя: его лишь дух и склад! 12a
Die wenigen, die was davon erkannt, 10a5 Die töricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten, 11B Dem Pöbel ihr Gefühl, ihr Schauen offenbarten, 13B Hat man von je gekreuzigt und verbrannt. 10a5	Где те немногие, кто век свой познавали, 13A Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали, 11A С безумной смелостью к толпе навстречу шли? 12b Их распинали, били, жгли... 8b
Wie nur dem Kopf nicht alle Hoffnung schwindet, 11A Der immerfort an schalem Zeuge klebt, 10b Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt, 8b Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet! 11A	Он всё надеется! Без скуки безотрадной 13A Копается в вещах скучнейших и пустых; 12b Сокровищ ищет он рукою жадной – 11A И рад, когда червей находит дождевых!.. 12b
Hab ich die Kraft dich anzuziehn besessen, 11A So hatt ich dich zu halten keine Kraft. 10b	Тебя я вызвать мог тоскующей душою, 13A Но удержать тебя я силы не имел 12b
Ach! unsre Taten selbst, so gut als unsre Leiden, 13A Sie hemmen unsres Lebens Gang. 8b	Увы, себе своими же делами 11A Преграды ставим на пути! 8b
Du bebst vor allem, was nicht trifft, 8a Und was du nie verlierst, das mußt du stets beweinen. 13B	Пред тем, что не грозит, дрожать обречены; 12a Еще не потеряв, мы плачем о потере. 13B
Die uns das Leben gaben, herrliche Gefühle 13A6 Erstarren in dem irdischen Gewühle. 11A5	Увы, теряем мы среди жизненных волнений 13A И чувства лучшие и цвет своих стремлений. 13A
Was man nicht nützt, ist eine schwere Last, 10a Nur was der Augenblick erschafft, das kann er nützen. 13B	В чем пользы нет, то тягостно вдвойне, 10a А польза только в том, что даст тебе мгновенье. 13B
Die Botschaft hör ich wohl, allein mir fehlt der Glaube; 13A Das Wunder ist des Glaubens liebstes Kind. 10b	А я — я слышу весть, но не имею веры! 13A Меня ли воскресить? Могу ли верить я? 12b А чудо — веры есть любимое дитя! 12b
O tönet fort, ihr süßen Himmelslieder! 11A Die Träne quillt, <u>die Erde hat mich wieder!</u> 11A	О звуки дивные, плывите надо мною! 13A Я слезы лью, <u>мирюсь я с жизнью земною!</u> 13A
<i>Vor dem Tor</i> BETTLER Nur der ist froh, der geben mag. 8a	У ГОРОДСКИХ ВОРОТ Нищий Лишь тот блажен, кто может дать. 8a
DRITTER BÜRGER: Herr Nachbar, ja! so laß ich's auch geschehn: 10a Sie mögen sich die Köpfe spalten, 9B	Третий горожанин: Так, так, сосед! Мы смирно здесь живём, 10a

Mag alles durcheinander gehn; 8a Doch nur zu Hause bleib's beim alten. 9B FAUST Hier ist des Volkes wahrer Himmel, 9A Zufrieden jauchzet groß und klein: 8b Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein! 8b Was man nicht weiß, das eben brauchte man, 10a Und was man weiß, kann man nicht brauchen. 9B Ja, wäre nur ein Zaubermantel mein, 10a Und trüg er mich in fremde Länder! 9B Mir sollt er um die köstlichsten Gewänder, 11B Nicht feil um einen Königsmantel sein. 10a Sie hören gern, zum Schaden froh gewandt, 10a Gehorchen gern, weil sie uns gern betrügen; 11B Sie stellen wie vom Himmel sich gesandt, 10a Und lispeln englisch, wenn sie lügen. 9B Am Abend schätzt man erst das Haus. 8a FAUST: Du hast wohl recht; ich finde <u>nicht die Spur</u> 10a <u>Von einem Geist, und alles ist Dressur.</u> 10a WAGNER: Dem Hunde, wenn er gut gezogen, 9A Wird selbst ein weiser Mann gewogen. 9A Ja, deine Gunst verdient er ganz und gar, 10b Er, der Studenten trefflicher Skolar. 10b FAUST So nimm nun auch von mir die Pflege, 9A Als ein willkommner stiller Gast. 8b Dann wird's in unserm Busen helle, 9K Im Herzen, das sich selber kennt. 8k Vernunft fängt wieder an zu sprechen, 9K Und Hoffnung wieder an zu blühn 8k Mich drängt's, den Grundtext aufzuschlagen, 9A Mit redlichem Gefühl einmal 8b Das heilige Original 8b In <u>mein geliebtes Deutsch</u> zu übertragen. 11A Das also war des Pudels Kern! 8a Ein fahrender Skolast? Der Kasus macht mich lachen. 13B FAUST: <u>Wie nennst du dich?</u> MERPHISTOPHELES: <u>Die Frage scheint mir klein</u> 10a <u>Für einen, der das Wort so sehr verachtet,</u> 13B <u>Der, weit entfernt von allem Schein,</u> 8a <u>Nur in der Wesen Tiefe trachtet.</u> 9B FAUST: <u>Bei euch, ihr Herrn, kann man das Wesen</u> 9C <u>Gewöhnlich aus dem Namen lesen,</u> 9C Wo es sich allzu deutlich weist, 8d Wenn man euch Fliegengott, Verderber, Lügner heißt. 12d <u>Nun gut, wer bist du denn?</u> MERPHISTOPHELES: <u>Ein Teil von jener Kraft,</u> 12e <u>Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.</u> 12e FAUST: Was ist mit diesem Rätselwort gemeint? 10f	А там, кто хочет, пусть себе дерётся! 11В Перевернись весь свет вверх дном – 8а Лишь здесь по-старому пускай всё остаётся! 13В Фауст Тут истинный рай им! Ликуют селяне, 12А4(am) И старый и малый, в весёлом кругу. 11b4(am) Здесь вновь человек я, здесь быть им могу! 11b4(am) Что нужно нам, того не знаем мы, 10а Что ж знаем мы, того для нас не надо. 11В О, как бы я плащу волшебному был рад, 12а Чтоб улететь на нем к неведомому миру! 13В Я б отдал за него роскошнейший наряд, 12а Его б не променял на царскую порфиру! 13В Они спешат на зов, готовя гибель нам: 12а Они покорствуют, в обман увлечь желая, 13В Уподобляются небес святым послам, 12а И пенью ангелов подобна ложь их злая... 13В Да, только вечером мы ценим дом укромный! 13А Фауст: Ты прав, я ошибался. Да: 8а Всё дрессировка тут, а духа ни следа. 12а Вагнер: Да, вот к такой собаке приучённой 11А Привяжется порой и муж учёный. 11А Воспитанник студентов удалых, 10b Пёс этот стоит милостей твоих. 10b Фауст: Ляг же теперь и веди себя чинно, 11А4(da) Гостем приветливым будь. 7b3(da) Возникнет тихое веселье 9К В душе смилившейся моей, 8к И снова мысли зароятся, 9К Надежда снова зацветет 8к Раскрою ж текст я древний, вдохновенный, 11А Проникнусь весь святою стариной, 10b И честно передам я подлинник священный 13А <u>Наречью милому Германии родной.</u> 12b Так вот кто в пуделе сидел: 8а Схолост, в собаке сокровенный! 9В Фауст: <u>Как звать тебя?</u> Мефистофель: <u>Вопрос довольно мелочной</u> 12а <u>В устах того, кто слово презирает</u> 11В <u>И, чуждый внешности пустой,</u> 8а <u>Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.</u> 11В Фауст: <u>Чтоб узнать о вашем брате суть,</u> 9c5(tr) <u>На имя следует взглянуть.</u> 8с По специальности прозвание вам даётся: 13D Дух злобы, демон лжи, коварства - как придётся. 13D <u>Так кто же ты?</u> Мефистофель: <u>Часть вечной силы я,</u> 10е <u>Всегда желавший зла, творившей лишь благое.</u> 13F Фауст: Кудряво сказано; а проще - что такое? 13F
---	--

MEPHISTOPHELES: <u>Ich bin der Geist, der stets verneint!</u> 8f Und das mit Recht; denn alles, was entsteht, 10g Ist wert, daß es zugrunde geht; 8g Drum besser wär's, daß nichts entstünde. 9H <u>So ist denn alles, was ihr Sünde,</u> 9H <u>Zerstörung, kurz, das Böse nenn!</u> 8i <u>Mein eigentliches Element.</u> 8i FAUST: <u>Du nennst dich einen Teil, und stehst doch ganz vor mir?</u>12j MEPHISTOPHELES: Bescheide Wahrheit sprech ich dir. 8j <u>Wenn sich der Mensch, die kleine Narrenwelt</u> 10k <u>Gewöhnlich für ein Ganzes hält;</u> 8k <u>Ich bin ein Teil des Teils, der anfangs alles war,</u> 12l <u>Ein Teil der Finsternis, die sich das Licht gebär,</u> 12l Das stolze Licht, das nun der Mutter Nacht 10m Den alten Rang, den Raum ihr streitig macht, 10m Und doch gelingt's ihm nicht, da es, so viel es strebt, 12n Verhaftet an den Körpern klebt. 8n Von Körpern strömt's, die Körper macht es schön, 10o Ein Körper hemmt's auf seinem Gange; 9P So, hoff ich, dauert es nicht lange, 9P Und mit den Körpern wird's zugrunde gehn. 10o FAUST: Nun kenn ich deine würd'gen Pflichten! 9A Du kannst im Großen nichts vernichten! 9A Und fängst es nun im Kleinen an. 8b MEPHISTOPHELES: Und freilich ist nicht viel damit getan. 10b <u>Was sich dem Nichts entgegenstellt,</u> 8c <u>Das Etwas, diese plumpe Welt,</u> 8c So viel als ich schon unternommen, 9D Ich wußte nicht ihr beizukommen, 9D Mit Wellen, Stürmen, Schütteln, Brand – 8e Geruhig bleibt am Ende Meer und Land! 10e Und dem verdammten Zeug, der Tier- und Menschenbrut, 12f Dem ist nun gar nichts anzuhaben. 9G Wie viele hab ich schon begraben! 9G <u>Und immer zirkuliert ein neues, frisches Blut.</u> 12f So geht es fort, man möchte rasend werden! 11H Der Luft, dem Wasser wie der Erden 9H Entwinden tausend Keime sich, 8i Im Trocknen, Feuchten, Warmen, Kalten! 9J Hätt ich mir nicht die Flamme vorbehalten, 11J Ich hätte nichts Aparts für mich. 8i FAUST: So setzest du der ewig regen, 9A Der heilsam schaffenden Gewalt 8b Die kalte Teufelsfaust entgegen, 9A Die sich vergebens tückisch ballt! 8b <u>Was anders suche zu beginnen</u> 9C <u>Des Chaos wunderlicher Sohn!</u> 8d Die Hölle selbst hat ihre Rechte? 9A Den Teufel halte, wer ihn hält! 8a Er wird ihn nicht so bald zum zweiten Male fangen. 13B In jedem Kleide werd ich wohl die Pein 10a Des engen Erdelebens fühlen. 9B <u>Ich bin zu alt, um nur zu spielen,</u> 9B <u>Zu jung, um ohne Wunsch zu sein.</u> 8a Werd ich beruhigt je mich auf ein Faulbett legen, 13A	Мефистофель: <u>Я отрицаю всё - и в этом суть моя.</u> 12e Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться, 13G Годна вся эта дрянь, что на земле живёт. 12h Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться! 13G <u>Короче, всё, что злом ваш брат зовёт, -</u> 10h <u>Стремленье разрушать, дела и мысли злые,</u> 13I <u>Вот это всё — моя стихия.</u> 9I Фауст: Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо мной?12j Мефистофель: Я скромно высказал лишь правду, без сомненья. 13K <u>Всё это только вы мирок нелепый свой</u> 12j <u>Считаете за всё, за центр всего творенья!</u> 13K <u>А я - лишь части часть, которая была</u> 12l <u>В начале всё той тьмы, что свет произвела,</u> 12l Надменный свет, что спорить стал с рожденья 11K С могучей ночью, матерью творенья. 11K Но всё ж ему не дорасти до нас! 10m Что б он ни породил, всё это каждый раз 12m Неразделимо связано с телами, 11 ? Произошло от тел, прекрасно лишь в телах, 12n В границах тел должно всегда остаться, 11O И - право, кажется, недолго дожидаться – 13O Он сам развалится с телами в тлен и прах. 12n Фауст: Так вот твоё высокое значенье! 11A Великое разрушить ты не мог, 10b Тогда по мелочам ты начал разрушенье! 13A Мефистофель: Что делать! Да и тут старался я не впрок. 12b <u>Дрянное Нечто, мир ничтожный,</u> 9C <u>Соперник вечного Ничто,</u> 8d Стоит, не глядя ни на что, 8d И вред выносит всевозможный: 9C Бушует ли потоп, пожары, грозы, град – 12e И море и земля по-прежнему стоят. 12e С породой глупую звериной и людскою 13F Бороться иногда мне не хватает сил – 12g Ведь скольких я уже сгубил, 8g <u>А жизнь течёт своей широкою рекою.</u> 13F Да, хоть с ума сойти, - всё в мире так ведётся, 13H Что в воздухе, в воде и на сухом пути, 12i В тепле и в холоде зародыш разовьётся, 13H Один огонь ещё, спасибо, остаётся. 13H А то б убежища, ей-богу, не найти! 12i ??? Фауст: Так, силой мощной, животворной, 11A Тебе враждебно влеком, 8b Ты тщетно, демон непокорный, 11A Ей угрожаешь кулаком! 8b <u>Другое лучше выдумай стремленье,</u> 11C <u>Хаоса странное творенье!</u> 11C И ад законом связан? 7A Кто чёрта держит, тот его держи: 10a Не скоро ведь опять его поймаешь. 11B Что ни надень, всё мучусь я хандрою, 11A И уз земных не в силах я забыть. 10b <u>Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,</u> 11A <u>И слишком юн, чтоб без желаний быть.</u> 10b Когда на ложе сна, в довольстве и покое, 13A
--	---

So sei es gleich um mich getan! 8b Werd ich zum Augenblicke sagen: 9A Verweile doch! du bist so schön! 8b Dann magst du mich in Fesseln schlagen, 9A Dann will ich gern zugrunde gehn! 8b Was bin ich denn, wenn es nicht möglich ist, 10a Der Menschheit Krone zu erringen, 9B Nach der sich alle Sinne dringen? 9B MEPHISTOPHELES: Du bist am Ende – was du bist. 8a Setz dir Perücken auf von Millionen Locken, 13C Setz deinen Fuß auf ellenhohe Socken, 11C Du bleibst doch immer, was du bist. 8a Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage; 9A Weh dir, daß du ein Enkel bist! 8b Vom Rechte, das mit uns geboren ist, 10b Von dem ist, leider! nie die Frage. 9A Ein Titel muß sie erst vertraulich machen, 11A Daß Eure Kunst viel Künste übersteigt; 10b Zum Willkomm tappt Ihr dann nach allen Siebensachen, 13A Um die ein andrer viele Jahre streicht, 10b Grau, teurer Freund, ist alle Theorie, 10a Und grün des Lebens goldner Baum. 8b Mit wenig Witz und viel Behagen 9A Dreht jeder sich im engen Zirkeltanz, 10b Wie junge Katzen mit dem Schwanz. 8b Wenn sie nicht über Kopfweh klagen 9A Den Teufel spürt das Völkchen nie, 8a Und wenn er sie beim Kragen hätte. 9B O nein! die Kraft ist schwach, allein die Lust ist groß. 12a Man kann nicht stets das Fremde meiden, 9B Das Gute liegt uns oft so fern. 8c Ein echter deutscher Mann mag keinen Franzen leiden, 13B Doch ihre Weine trinkt er gern. 8c ALLE <i>singen:</i> Uns ist ganz kannibalisch wohl, 8a Als wie fünfhundert Säuen! 7B SIEBEL: Betrug war alles, Lug und Schein. 8c FROSCH: Mir deuchte doch, als tränk ich Wein. 8c MEPHISTOPHELES Leb mit dem Vieh als Vieh, und acht es nicht für Raub, 12c Den Acker, den du erntest, selbst zu düngen; 11D Das ist das beste Mittel, glaub, 8c Auf achtzig Jahr dich zu verjüngen! 9D Nicht Kunst und Wissenschaft allein, 8a Geduld will bei dem Werke sein. 8a FAUST So etwas findet sich auf Erden? 9A MEPHISTOPHELES: Natürlich, wenn ein Gott sich erst sechs Tage plagt, 12b Und selbst am Ende Bravo sagt, 8b	Я упаду, тогда настал мой срок! 10b Когда воскликну я «Мгновенье, 9A Прекрасно ты, продлись, стой!» — 8b Тогда готовь мне цепь плененья, 9A Земля разверзнись подо мной! 8b Что ж значу я, коль не достигну цели, 11A Венца, к которому стремиться род людско, 12b К которому и сам стремлюсь я всей душой? 12b Мефистофель Ты значишь то, что ты на самом деле. 11A Надень парик с миллионами кудрей, 10c Стань на ходули, но в душе своей 10c Ты будешь всё таким, каков ты в самом деле. 13A Безумством мудрость станет, злом - благое: 11A Терпи за то, что ты не дед! 8b А право новое, родное – 9A О нём - увы! - и речи нет! 8b Ваш титул им внушит тот вывод ясный, 11A Что вы - искусник редкостный, прекрасный, 11A Каких на свете мало есть; а там – 10b Вы сразу приметесь за всяческие шутки. 13C Которых ждут иные по годам; 10b Суха, мой друг, теория везде, 10a А древо жизни пышно зеленеет! 11B С плохим умом, с большим весельем, в мире 11A Ребята скажут в танце круговом, 10b Точь-в-точь котята за хвостом. 8b Им только б был кредит в трактире 9A Да не трещала б голова, — 8c Народец! Чёрт меж них, а им не догадаться: 13A Хоть прямо их за шиворот бери. 10b Охота есть, да невелик талант. 10a Я не боюсь чужого дара, 9B И вдалеке добро бывает рождено; 12c Хоть немцу кровному француз совсем не пара, 13B Но с радостью мы пьём французское вино. 12c Все (поют) По-каннибальски любо нам, 8a Как будто пятистам свиньям! 8a Зибель Все было тут обман, предательство и ложь. 12b Фрош А тем не менее мне кажется, что всё ж 12b Я пил вино. Мефистофель Живи, как скот, среди скотов 8c И там, где жил ты, будь готов 8c Сам удобрять навозом поле. 9D Поверь мне: в этом весь секрет 8e Помолодеть хоть в восемьдесят лет. 10e Здесь мало знания и умения — 9A Здесь ты не обойдёшься без терпенья. 11A Фауст Найдется ль чудо на земле такое? 11A Мефистофель Понятно: шесть ведь дней трудился наш творец 12b И «браво» сам себе промолвил наконец, — 12b
--	--

Da muß es was Gescheites werden. 9A FAUST: Das ist ein allgemeiner Brauch, 8a Ein Jud und König kann es auch. 8a MERPHISTOPHELES So ein verliebter Tor verpufft 8a Euch Sonne, Mond und alle Sterne 9B Zum Zeitvertreib dem Liebchen in die Luft. 10a Er facht in meiner Brust ein wildes Feuer 11K Nach jenem schönen Bild geschäftig an. 10k So tauml ich von Begierde zu Genuß, 10k Und im Genuß verschmacht ich nach Begierde. 11K Der ganze Strudel strebt nach oben; 9A Du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben. 11A	Так, верно, что-нибудь да вышло же благое: 13A Фауст Да, всё берёт она сегодня, как вчера! 12a Король и ростовщик — такие ж мастера. 12a Мефистофель Влюбившийся дурак на глупости горазд: 12a И солнце, и луну, и звёзды он отдаст 12a На фейерверк – красотке на забаву! 11B В груди моей безумную любовь 10k К прекраснейшему образу он будит; 11K Я, наслаждаясь, страсть свою тушу 10k И наслажденьем снова страсть питаю. 11K Стремится кверху весь водоворот: 10a Ты думаешь, что сам толкать умеешь, 11B Глядишь — тебя ж толкают все вперед. 10a
Приб	П-ак
ПОСВЯЩЕНИЕ <u>Как в юности душа в тот миг томится</u> 11A <u>От колдовства, вокруг что вас таится.</u> 11A <u>И добрых имена, кто в час прекрасный</u> 11 A <u>Угас пред мной, разочарован счастьем.</u> 11 A <u>И что еще моей там песне радо,</u> 11 A <u>Еще коль жить ей в мире долго надо.</u> 11 A <u>Чем я владею, вижу преходящим,</u> 11 A <u>Исчезло что, то вижу настоящим.</u> 11A ПРЕЛЮДИЯ В ТЕАТРЕ ПОЭТ: О не толкуй здесь мне о пестрой массе, 11A Лишь вид ее наш убивает дух. 10b Избавь меня от этой давки к касе, 11A Что нас невольно вовлекает в круг. 10b <u>Где дружба и любовь для сердца благо,</u> 11A <u>Созданное, взлелеянное Богом.</u> 11A <u>Сверкает что, то рождено для мига,</u> 11A <u>А сущее – для будущего мира.</u> 11A ВЕСЕЛЬЧАК Людская жизнь для вас источник полный! 11A Всяк жизнь живет, не всяк ее постиг, 10b Тому, готов кто, трудно дать утеху. 11A Лишь становящийся подвластен вам. 10b Не старость нас ввергает в детства толк, 10a Мы к старости лишь истинные дети. 11B ДИРЕКТОР: Словесных хватит экскрементов, 9A Пора и к делу приступать. 8b За время ваших комплиментов, 9A И пользу можно прозевать. 8b ПРОЛОГ В НЕБЕ МЕФИСТОФЕЛЬ Он жил бы лучше в свои лета, 9 A Не дал бы ему ты божественного света. 13A Сиречь ума, хотя нужней 8b Ему звериннее быть всех зверей. 10b	ПОСВЯЩЕНИЕ <u>Ловлю дыханье ваше грудью всею</u> 11 A <u>И возле вас душою молодою.</u> 11 A <u>Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный</u> 11 A <u>Опять припоминаю благодарно.</u> 11 A <u>А прежние ценители и судьи</u> 11 A <u>Рассеялись, кто где, среди безлюдья.</u> 11 A <u>Насущное отходит вдале, а давность,</u> 11 A <u>Приблизившись, приобретает явность.</u> 11A <u>А правда переходит в поколенья</u> 11A ТЕАТРАЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ Поэт Не говори мне о толпе, повинной 11A В том, что пред ней нас оторопь берет. 10b Она засасывает, как трясина, 11A Закручивает, как водоворот. 10b <u>Туда, где божьей созданы рукою</u> 11A <u>Обитель грез, святилище покоя.</u> 11A <u>Наружный блеск рассчитан на мгновенье,</u> 11A <u>А правда переходит в поколенья</u> 11A Комический актер Из гуши жизни загребайте прямо. 11A Не каждый сознает, чем он живет. 10b Кто вырос, тот утрюм и привередлив, 11A Кому еще расти, тот все поймет. 10b А изреченье, будто старец хилый 11A К концу впадает в детство, - клевета, 10b Но все мы дети до самой могилы. 11A Директор Довольно болтовни салонной. 9A Не нам любезности плести. 8b Чем зря отвешивать поклоны, 9A Могли б мы к путному прийти. 8b ПРОЛОГ НА НЕБЕ Мефистофель Он лучше б жил чуть-чуть, не озари 10a Его ты божьей искрой изнутри. 10a Он эту искру разумом зовет 10b И с этой искрой скот скотом живет. 10b

Всегда в траве лежали б эти люди! 11А Суют свой нос они всегда и всюду. 11А ГОСПОДЬ: Ведь цвет и фрукт уж в будущем году. 10а Росток украсят, то ж садовник знает. 11В Тот блудит же лишь, кто идет, 8а ФАУСТ (ночь) Теперь я тут, смешной болван! 8а Умен как прежде и профан. 8а Узрел всю силу действий главных, 9А Не рыться чтоб в словесном хламе. 9А „Мир духов вовсе не закрыт нам. 9А Твой мозг закрыт, душа мертва! 8b Встань, ученик, и бескорыстно 9 А Мой грудь Земли в заре утра!“ 8b Я смелость ощущаю, в мир пойти, 11А <u>Земле и боль, и счастье чтоб нести,</u> 11А (<i>Hier: Wem: der Erde Weh und Glück zu tragen</i>) Но тем не покорить сердца мирян вам, 11А Что не от сердца к ним летит. 8b Ум и понятие докладут 8а Себя и без искусства в том! 8b ВАГНЕР: И полпути еще тут не пройдешь, 10а Как уж помечен смерти стигмой. 9В ФАУСТ: Как дух времен достигнет слух, 8а По сути, собственный господ лишь дух, 10а Как зеркало времен сокрытых. 9В Немногие, кто часть о том узнал, 10а Кто глупо свое сердце не щадили, 11В И черни свои чувства и свой взгляд открыли, 13В Тех всякий раз костер и крест лишь ждал. 10а Как все ж надежду голова лелеет, 11А Цепляясь в ней всегда за пустяки, 10b Клад ищет с жадностью руки, 8b Червя ж найдя, она пред ним уж млеет! 11А Привлечь тебя моя хватила сила, 13А Но не сдержать, чтобы побыть двоим. 10b Увы! Дела людей, как и страдания тоже, 13А Лишь жизни тормозят порыв. 8b А чувства лучшие, что дали жизни крохи, 13А В земной застынут этой суматохе. 11А Пред всем дрожим мы, что не в ряд. 8а Что ж нам навек, оплакиваем, не шутя мы. 13В	О, если б он сидел в траве покоса 11А И во все дразги не совал бы носа! 11А Господь Когда садовник садит деревцо, 10а Плод наперед известен садоводу. 11В Кто ищет, вынужден блуждать. 8а Фауст (ночь) Однако я при этом всем 8а Был и остался дураком. 8а А понял бы, уединясь, 8а Вселенной внутреннюю связь, 8а Постиг все сущее в основе 9В И не вдавался в суетловье. 9В "Мир духов рядом, дверь не на запоре, 11А Но сам ты слеп, и все в тебе мертво. 10b Умойся в утренней заре, как в море, 11А Очнись, вот этот мир, войди в него". 10b Я рвусь вперед, как во хмелю. 8а Тогда, ручаюсь головой, 8b Готов за всех отдать я душу 9С (<i>Hier: Weder Wem noch Wessen Weh und Glück</i>) Но без души и помыслов высоких 11А Живых путей от сердца к сердцу нет. 10b Учитесь честно достигать успеха 11А И привлекать благодаря уму. 10b А побрякушки, гулкие, как эхо, 11А Подделка и не нужны никому. 10b Вагнер Глядишь, - его на полпути 10а Удар от прилежанья хватит. 9В Фауст А то, что духом времени зовут, 10а Есть дух профессоров и их понятий, 11В Который эти господа некстати! 11В За истинную древность выдают. 10а Немногих, проникавших в суть вещей 10а И раскрывавших всем души скрижали, 11В Сжигали на кострах и распинали, 11В Как вам известно, с самых давних дней. 10а Охота надрываться чудаку! 10а Он клада ищет жадными руками 11В И, как находке, рад, копаясь в хламе, 11В Любому дождевому червяку. 10а Я мог тебя прийти заставить, 9А Но удержать тебя не мог. 8b Что трудности, когда мы сами 9А Себе мешаем и вредим! 8b Живейшие и лучшие мечты 10а В нас гибнут средь житейской суеты. 10а Но только вздор, но ложная тревога, 11А Но выдумка, но мнимая вина. 10b
--	---

Посланье слышу я, вот веры нет ни крохи. 13А Ведь чудо – порожденье вер любых. 10b Звучите песни неба сладким словом! 11А Слеза течет и у Земли я снова! 11А <i>Перед воротами</i> НИЩИЙ: Лишь кто дает, живет отраднo. 9А ТРЕТИЙ МЕЩАНИН: Сосед! По мне, пусть тоже будет так. 10а Себе они пусть бошки сломят, 9В Пусть там случится весь бардак. 8а Но пусть все мирно будет дома. 9В ФАУСТ Здесь высь небес всем неземная, 9А В довольстве здесь и стар и мал: 8b Я человек здесь, здесь им стал! 8b Что незнакомо нам, нам нужно то, 10а А познанное – без значенья. 9В Коль я волшебный бы имел покров, 10а Нес он меня б в заморски страны! 9В Ценней он был бы мне одежд султана, 11В Дороже царских мантий и даров. 10а Дух слушает, ущербам нашим рад, 10а Послушен, чтоб нас облапошить тут же, 11В Посланцев Неба носит он наряд, 10а Англицким шепчет, лгать чтоб лучше. 9В Лишь в вечер дом святой нам граль 8а ФАУСТ: Ты прав. От духа нет в нем и следа, 10а Одна лишь дрессировка, как всегда. 10а ВАГНЕР: К собаке с добрым воспитаньем, 9А И сам мудрец склонен вниманьем. 9А Твою он милость заслужил как дар, 10b Студентов он прекрасный тип – школяр. 10b ФАУСТ: Получишь здесь уход не хуже, 9А Как мне желанный, тихий гость. 8b Тогда в душе у нас свет лестный, 9А И в сердце, пылко что стучит, 8b Как прежде, говорить стал разум, 9А Надежда расцветилась вновь 8b За текст основ горю сесть смело, 9А С смиренья мыслью простой: 8b Оригинал искон святой 8b В любимый мой немецкий переделать. 11А Так вот была в чем пудля суть! 8а Схоласт бродячий? Случай мне смешной, да ладно. 13В ФАУСТ: Как звать тебя? МЕФИСТОФЕЛЬ: В вопросе мелочность 10а Того, кто слово так не почитает, 11В Кому так чужда видимость, 8а Кто сути глубь предпочитает. 9В	А здесь вы не найдете благочестья. 11А Ведь чудо - веры лучшее дитя 10b <u>Я возвращен земле.</u> Благодаренье! 11А За это вам, святые песнопенья! 11А У ВОРОТ Нищий Рука дающего легка. 8а4 Третий горожанин Я тоже так смотрю, сосед. 8а Пусть у других неразбериха, 9В Передерись хотя весь свет, 8а Да только б дома было тихо. 9В Фауст В деревне пляшут мужики. 8а Как человек, я с ними весь: 8b Я вправе быть им только здесь. 8b В том, что известно, пользы нет, 8а Одно неведомое нужно. 9В О, если б плащ волшебный взяв, 8а Я б улетал куда угодно! – 9В Мне б царских мантий и держав 8а Милей был этот плащ походный. 9В Не доверяйте духам темноты, 10а Роящимся в ненастной серой дымке, 11В Какими б ангелами доброты 10а Ни притворялись эти невидимки. 11В Хорош по вечерам уют домашний! 11А5 Фауст Да, он не оборотень, дело ясно. 11А К тому же, видно, вышколен прекрасно. 11А Вагнер Серьезному ученому забавно 11А Иметь собаку с выучкой исправной. 11А Пес этот, судя по его игре, 10b Наверно, у студентов был в муштре. 10b Фауст Здесь тебя просят излишнюю резвость оставить! 14А5(da) Утомонись и пойми: ты в гостях у меня. 13b4(da) Не только в комнате рабочей, 9А И в сердце как бы свет разлит. 8b Я слышу разума внушенья, 9А Я возрождаюсь и хочу 8b Я по-немецки все писанье 9А Хочу, не пожалев старанья, 9А Уединившись взаперти, 8b Как следует перевести. 8b Вот, значит, чем был пудель начинен! 10а Скрывала школяра в себе собака? 9В (Ch-kij) Фауст Как ты зовешься? Мефистофель Мелочный вопрос 10а В устах того, кто безразличен к слову, 11В Но к делу лишь относится всерьез 10а И смотрит в корень, в суть вещей, в основу, 11В
---	--

ФАУСТ: У вас, господ, ведь суть возможно 9C Лишь из имен зреть всевозможных, 9C Где вас тогда лишь все поймут, 8d Коль Черт иль Люцифер, иль Дьявол назовут. 12d Ну что ж, так кто ты есть? МЕФИСТОФЕЛЬ: Есть часть той силы я, 12e Что вечно хочет Зла, всегда Добро творя. 12e ФАУСТ: Что ж ты сказал загадкой этой вслух? 10f МЕФИСТОФЕЛЬ: Я вечный отрицанья Дух! 8f И с правом, ведь возникшее давно, 10g Исчезнет вновь и тем ценно. 8g Так лучше б ничего не возникало. 11H Что разрушеньем вы назвали, 9H Грехом ли, Злом в любой момент, 8i Есть собственный мой элемент. 8i ФАУСТ: Коль часть ты есть, тебя что ж целым зрю? 10j МЕФИСТОФЕЛЬ: Я скромну правду говорю. 8j То человек себя, свой мир смешной 10k Лишь видит цельностью одной: 8k Я ж часть той части, что в начале всех была, 12l Часть Тьмы, что Свет себе когда-то родила 12l Тот гордый Свет, который Матерь-Ночь 10m С тех пор изгнать пытается все прочь, 10m Но тщетно! Как бы дальше не старался он, 12n Он с каждым телом ведь скреплен. 8n От тел исходит, украшает их, 10o Они преградой на дороге. 9P Уверен, ждаты уже немного 9P И он с телами вместе сгинет вмиг. 10o ФАУСТ: Теперь узнал твой долг почетный! 9A Нет сил бить по большому счету! 9A Ты начал с малого крушить. 8b МЕФИСТОФЕЛЬ: И впрямь, тут много с тем не сотворить. 10b Что супротив стоит Ничто, 8c То Нечто – этот мир простой, 8c И сколько б я тут не старался, 9D Я так с ним и не разобрался, 9D Иль бурей, тряской ли, огнем – 8e Земля и море остаются в нем! 10e А тот проклятый из зверей, людей покров, 12f Его же истребить нет силы! 9G Уж сколько я извёл, сгубил их! 9G Но циркулирует все нова, свежа кровь. 12f И так идет вперед, свихнуться можно! 11H Из вод, земли, из всех возможных 9H Восходят тысячи семян, 8i В сухом, в сыром, в тепле ль, во хладе! 9J Каб не был бы с огнем еще я в ладе, 11J Так что б осталось для меня? 8i ФАУСТ: Здоровой силе созиданья 9A Той мощи, что во всем живом, 8b В победы тщетном ожиданье 9A Грозилась ты черта кулаком, 8b Ищи начать уже другое, 9C	Фауст Однако специальный атрибут 10c У вас обычно явствует из кличек: 11D Мушинный царь, обманщик, враг, обидчик, 11D Смотря как каждого из вас зовут: 10c Ты кто? Мефистофель Часть силы той, что без числа 10e Творишь добро, всему желая зла. 10e Фауст Нельзя ли это проще передать? 10f Мефистофель Я дух, всегда привыкший отрицать. 10f И с основанием: ничего не надо. 11G Нет в мире вещи, стоящей пошлости. 11G Творенье не годится никуда. 10h Итак, я то, что ваша мысль связала 11I С понятием разрушенья, зла, вреда. 10h Вот прирожденное мое начало, 11I Моя среда. Фауст Ты говоришь, ты - часть, а сам ты весь 14j Стоишь передо мною здесь? 8j Мефистофель Я верен скромной правде. Только спесь 10j Людская ваша с самоменьем смелым 11K Себя считает вместо части целым. 11K Я - части часть, которая была 10l Когда-то всем и свет произвела. 10l (<i>Ch-kij</i>) Свет этот - порожденье тьмы ночной 10m И отнял место у нее самой. 10m Он с ней не сладит, как бы ни хотел. 10n Его удел - поверхность твердых тел. 10n Он к ним прикован, связан с их судьбой, 10o Лишь с помощью их может быть собой, 10o И есть надежда, что, когда тела 10p Разрушатся, сгорит и он дотла. 10p Фауст Так вот он в чем, твой труд почтенный! 9A Не славив в целом со вселенной, 9A Ты ей вредишь по мелочам? 8b Мефистофель И безуспешно, как я ни упрям. 10b Мир бытия - досадно малый штрих 10c Среди небытия пространств пустых, 10c Однако до сих пор он непреклонно 11D Мои нападки сносит без урона. 11D Я донимал его землетрясеньем, 11E Пожарами лесов и наводненьем. 11E И хоть бы что! я цели не достиг. 10f И море в целостности материк. 10f А люди, звери и порода птичья, 11G Мори их не мори, им трын-трава. 10h Плодятся вечно эти существа, 10h И жизнь всегда имеется в наличии" 11G Иной, ей-ей, рехнулся бы с тоски! 10i В земле, в воде, на воздухе свободном 11J Зародыши роятся и ростки 10i В сухом и влажном, теплом и холодном 11J Не завладей я областью огня, 10k Местечка не нашлось бы для меня. 10k Фауст Итак, живительным задаткам, 9A Производящим все кругом, 8b Объятый зависти припадком, 9A Грозилась ты злобно кулаком? 8b Что ж ты поинтересней дела 9C
--	--

Сын хаоса, пустой мираж! 8d У Ада даже есть законы? 9A Держи же черта, коль поймал! 8a Повторно никому тот лов не удавался. 13B В любом смогу я платье только боль 10a Познать земной сей жизни горькой. 9B Я слишком стар, играть чтоб только, 9B И юн, чтоб не желать мне столь. 8a Коль я смогу покойной ленью насладиться, 13A То будь мне тут же и конец! 8b Скажу однажды я мгновенно: 9A «Побудь же! Ты прекрасно так!» 8b Тогда в моем я заточенье. 9A Тогда, готов я сгнуть всяк! 8b А что я есть, коль нереальна спесь 10a До кроны мне людской добаться, 9B К ней чувства все мои стремятся? 9B МЕФИСТОФЕЛЬ: Ты есть в конце тот, кто ты есть. 8a Напяль парик себе кудрявый хоть, простой ли, 13C Надень каблук хоть в локоть высотой, 11C Ты остаешься, кто ты есть. 8a Там разум бред, добро как мука. 9A Увы, там речи вовсе нет. 8b4 О праве, с коим мы приходим в Свет, 10b Тебе же горе лишь как внуку! 9A Твой титул должен ей внушить доверье, 11A Что дар твой превышает дар других. 10b Желан тогда найти монетки ты за дверью, 13A Где кто другой годами ищет их, 10b Сера, мой друг, теория везде, 10a А древо жизни зелено. 8b Без шуток, но с большим весельем 9A Вращается кругами в танце всяк, 10b Котят за хвостами как. 8b Коль не болит башка с похмелья. 9A И черт народцу тут не лих, 8a Хоть он держал его б за ворот. 9B О нет! Желанья много, силы же до слез. 12a Чужое трудно все ж отложить, 9A Коль доброе лежит вдали. 8b Германец истый Францев ведь терпеть не может, 13A Но пьет охотно вина их. 8b ВСЕ поют: Нам каннибально хорошо, 8a Как свиньям пятистам всем! 7B ЗИБЕЛЬ: Он обманул нас все равно. 8a ФРОШ: Мне все ж казалось, пью вино. 8a	Себе, сын ночи, не припас? 8d Ах, так законы есть у вас в аду? 10a Ты сам попался и опять, злодей, 10a Не дашься мне, ушедши из капкана 11B В любом наряде буду я по праву 11A Тоску существования сознавать. 10b Я слишком стар, чтоб знать одни забавы, 11A И слишком юн, чтоб вовсе не желать. 10b Пусть мига больше я не протяну, 10a В тот самый час, когда в успокоенье 11B Прислушаюсь я к лести восхвалений, 11B Или предамся лени или сну, 10a Едва я миг отдельный возвеличу, 11A Вскричав: "Мгновение, повремени!" – 10b Все конечно, и я твоя добыча, 11A И мне спасенья нет из западни. 10b Что я такое, если я венца 10a Усилий человеческих не стою, 11B К которому стремятся все сердца? 10a Мефистофель Ты - то, что представляешь ты собою. 11B Надень парик с миллионом завитков, 10c Повысь каблук на несколько вершков. 10c Ты - это только ты, не что иное. 11B Он благом был, но в свой черед 8a Стал из благоденстья мукой. 9B Вся суть в естественных правах. 8c А их и втаптывают в прах. 8c Вы так почтенны в их оценке. 9A Хозяйничайте ж без стыда, 8b Так наклоняясь к пациентке, 9A Как жаждет кто-нибудь года. 8b Теория, мой друг, суха, 8a Но зеленеет жизни древо. 9B4 Здесь с неба не хватают звезд, 8a Но веселятся до упаду. 9B Так малые котят рады, 9B Вертятся весь день, ловить свой хвост. 8a Черт рядом, а на то нет сметки, 9A Хоть прямо их хватай за глотки. 9A Любитель, но почти что безголов. 10a Зачем во всем чуждаться иноземцев? 11A Есть и у них здоровое зерно. 10b Французы не компания для немцев, 11A Но можно пить французское вино. 10b Все (поют) Раздолье и блаженство нам, 8a Как в луже свиньям пятистам! 8a Зибель Нет, надувательство одно. 8a Фрош А кажется, что пил вино. 8a
--	--

МЕФИСТОФЕЛЬ Живи, как скот, и не считай при том потерь, 12а Свою сам пашню удобряй к приплоду. 11В То стредство лучшее, поверь, 8а Омолодиться от природы! 9В Искусство и наука здесь 8а Не все, терпенье делу честь. 8а ФАУСТ: Бывает это на земле ли? 9А МЕФИСТОФЕЛЬ: Конечно, если Бог так мучился шесть дней, 12b В конце ж сам восхитился ей, 8b То есть здесь путне в самом деле. 9А ФАУСТ: Обычай, что с другими схож, 8а Жид и король то могут тож. 8а МЕФИСТОФЕЛЬ: Влюбленный шут отдаст сей час 8а Все звезды и луну, и солнце, 9В Любимую забавить чтоб хоть час. 8а В душе он раздувает дикий пламень 11К Желаний оной чудной красоты. 10k От вождельня я к усладе гнусь 10k А от услады снова к вождельню 11К Вся коловерть прет на вершину. 9А Ты думал двигать, будешь ей подвинут. 11А	Мефистофель Скотине следуя в смиренье. 9А Вставай с коровами чуть свет, 8b Потей и не стыдись навоза – 9С Тебя на восемьдесят лет 8b Омолодит метаморфоза. 9С Готовить вытяжку из трав – 8а Труд непомерного терпенья. 9В Необходим спокойный нрав, 8а Чтоб выждать много лет броженья. 9В Фауст И неужели не обман, 8а И что-то вправду есть на свете, 9В Как бесподобный этот стан, 8а И голова, и руки эти? 9В Мефистофель Еще бы! Бог, трудясь шесть дней 8с И на седьмой воскликнув "браво", 9D Мог что-нибудь создать на славу. 9D Фауст Как и всеядец ростовщик еврей 10а И главный королевский казначей. 10а Мефистофель Влюбленных мания - подарки. 9А Хоть небо все ему обшарь 8b На звезды для его сударки. 9А Он показал мне чудо красоты, 10k Зажег во мне и раздувает пламя, 11К И я то жажду встречи, то томлюсь 10k Тоскою по пропавшему желанью. 11К К вершине двинулся поток. 8а Пихаешь в бок, сбивают с ног. 8а
---	--

Приложение 4.7. Фольклор

Таблица 1 Песня солдат:			
Гёте	Приб	Х-кий	Р-ак
SOLDATEN:	СОЛДАТЫ: <i>(в метре двухстопного дактиля)</i>	Солдаты:	Солдаты
Burgen mit hohen Mauern und Zinnen, Mädchen mit stolzen Höhnenden Sinnen Möcht ich gewinnen! Kühn ist das Mühen, Herrlich der Lohn! Und die Trompete Lassen wir werben, Wie zu der Freude, So zum Verderben. Das ist ein Stürmen! Das ist ein Leben! Mädchen und Burgen Müssen sich geben. Kühn ist das Mühen, Herrlich der Lohn! Und die Soldaten Ziehen davon.	Крепости стойки, Стены с зубцами Девушек колких, Гордых сердцами Покорим сами, Дерзки старанья, Куча наград! Тут же к баталье Трубы трубили В радость солдату, Как и в погибель. Вот так атаки, Это же жизнь! Крепость, девахи Сдаться должны нам. Дерзки старанья, Куча наград! Снова в сраженье Тянет солдат.	Башни с зубцами, Нам покоритесь! Гордые девы, Нам улыбнитесь! Все вы сдадитесь! Славная плата Смелым трудам! Подвиг солдата Сладостен нам. Сватаны все мы Звонкой трубою К радости шумной, К смертному бою. В битвах и штурмах Дни наши мчатся; Стены и девы Нам покорятся. Славная плата Смелым трудам! Миг — и солдата Нет уже там.	Рвы, частоколы, Стены, ограды, Женского пола Гордые взгляды Перед осадой Не устоят. Ради награды Бьется солдат. Перед началом Всякой атаки, Перед привалом Трубят вояки. Штурмы с паденьем Женщин и стен, Вот что мы ценим, Прочее - тлен. Ради награды Бьется солдат. Утром уходит Дальше отряд.

Таблица 2 Танцы и песнопения:	
Гёте	Х-кий
<i>Bauern unter der Linde. Tanz und Gesang.</i> Der Schäfer putzte sich zum Tanz, Mit bunter Jacke, Band und Kranz, Schmuck war er angezogen. Schon um die Linde war es voll, Und alles tanzte schon wie toll. Juchhe! Juchhe! Juchheisa! Heisa! He! So ging der Fiedelbogen.	<i>Крестьяне (танцуют под липой; пляска и пение):</i> Пустился в пляску пастушок; На нем и ленты, и венок, И куртка красовалась. Народ под липами кишел, И танец бешеный кипел, И скрипка заливалась.
Er drückte hastig sich heran, Da stieß er an ein Mädchen an Mit seinem Ellenbogen; Die frische Dirne kehrt, sich um Und sagte: Nun, das find ich dumm! Juchhe! Juchhe! Juchheisa! Heisa! He! Seid nicht so ungezogen!	В толпу немедля он влетел И локтем девушку задел Для первого начала. Но бойко девушка глядит: «Как это глупо, - говорит, - Потише б не мешало!»
Doch hurtig in dem Kreise ging's, Sie tanzten rechts, sie tanzten links, Und alle Röcke flogen. Sie wurden rot, sie wurden warm Und ruhten atmend Arm in Arm, Juchhe! Juchhe! Juchheisa! Heisa! He! Und Hüft an Ellenbogen.	Но он, обвив её рукой, Пустился с нею в пляс лихой- Лишь юбки развевались. Ее он поднял на локте, Им стало жарко в тесноте, И оба задыхались.
Und tu mir doch nicht so vertraut! Wie mancher hat nicht seine Braut Belogen und betrogen! Er schmeichelte sie doch bei Seit, Und von der Linde scholl es weit:	«Пусти, меня не проведешь! Я знаю: ласки ваши - ложь, И клятвы ваши зыбки!» Но он, обняв её, влечёт, А там, вдали, шумит народ

Juchhe! Juchhe! Juchheisa! Heisa! He! Geschrei und Fiedelbogen.	И льются звуки скрипки.
Приб	П-ак
<i>Крестьяне под липой. Танцы и пение.</i> Оделся к танцу наш овчар, В одежду ярку, как пожар, Как раз к овчара лику. Вкруг липы было уж полно, Все танцевали уж давно. Юххе! Юххе! Юхейза! Хейза! Хе! Смычок вокруг пиликал.	<i>Крестьяне (под липою; пляски и пение)</i> Плясать отправился пастух, Оделся, разрядился впух, Цветов в камзол натыкал. Под липой шла уж кутерьма, Кружились пары без ума,
Смешался быстро он с толпой, Столкнулся с девушкой одной, Локтем он в бок ей тыкал. Та повернулася к нему, Сказала: Вас я не пойму! Юххе! Юххе! Юхейза! Хейза! Хе! Не будь таким прилипкой!	Скрипач всюду пиликал. Протискиваясь в этот круг, Столкнулся с девушкой пастух Румяною и свежей, И та ему, скользя из рук: "Пожалуйста, без этих штук!" Не надо быть невежей!"
Кружился очень быстро круг, То влево, а то вправо, вдруг, Взлетали юбки лихо, И, покрасневши от тепла, Дышали близко их тела, Юххе! Юххе! Юхейза! Хейза! Хе! К бедру лег локоть тихо.	Но, на нее взглянув в упор, Стал девушку кружить танцор, И зашумели юбки. И все нежней за туром тур Шептался с нею балагур, Не вымолив уступки.
Не распускайте рук своих! Невесту каждый бы жених Здесь обманул под липой! Увлёк он лаской ее все ж От липы той, в густую рожь: Юххе! Юххе! Юхейза! Хейза! Хе! Под крик смычок пиликал.	"Как только врать не надоест! Довольно из-за вас невест Пропало по ошибке!" Но недотрогу в уголок Он понемногу уволок От скрипача и скрипки.

Таблица 3 Песенка о крысе:	
<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
BRANDER (<i>singt</i>) Es war eine Ratt im Kellernest, Lebte nur von Fett und Butter, Hatte sich ein Ränzlein angemäst't, Als wie der Doktor Luther. Die Köchin hatt ihr Gift gestellt; Da ward's so eng ihr in der Welt, Als hätte sie Lieb im Leibe.	Брандер (поёт.) Раз крыса в погребе жила, Все ела жир да сало; Как доктор Лютер, завела Брюшко и бед не знала. Но повар яду ей подлил — И крысе белый свет постыл: Ужель она влюбилась?
Sie fuhr herum, sie fuhr heraus, Und soff aus allen Pfützen, Zernagt', zerkratzt, das ganze Haus, Wollte nichts ihr Wüten nützen; Sie tät gar manchen Ängstesprung, Bald hatte das arme Tier genug, Als hätt es Lieb im Leibe.	Бежит назад, бежит вперёд, Везде грызёт и гложет; Во всякой грязной луже пьёт, А боль унять не может. Бедняга скачет там и тут, Но скоро ей пришёл капут: Ужель она влюбилась?
Sie kam vor Angst am hellen Tag	Средь бела дня она в пылу

Der Küche zugelaufen, Fiel an den Herd und zuckt, und lag, Und tät erbärmlich schnaufen. Da lachte die Vergifterin noch : Ha! sie pfeift auf dem letzten Loch, Als hätte sie Lieb im Leibe .	Вбежала в кухню, села В предсмертных корчах на полу И жалобно пыхтела. А повар злой, смеясь, твердит: «Ага! со всех концов свистит — Ужель она влюбилась?»
<i>Приб</i>	<i>П-ак</i>
БРАНДЕР (поет) В доме крыса раз была-жила, Жир и масло ела люто, Брюшко так она тут нажрала, Ну прям как доктор Лютер. Кухарка ей поклала яд. Ей тесно стало, говорят, Ну как от любви в брюхе .	Брандер (поет) Водилась крыса в погребке, Питалась ветчиною, Как Лютер, с салом на брюшке В два пальца толщиной. Подсыпали ей мышьяку, И впала тут она в тоску, Как от любви несчастной.
Бежит она, бежит кругом И пьёт из каждой лужи. Изгрызла весь почти их дом, Толку нет и ей все хуже. Скакая вдоль и поперек, Устал совсем бедный наш зверек, Как от любви в брюхе.	Она обшмыгала углы, Обегала канавы, Изгрызла стены и полы, Лишь пуще жгла отравы. Не помогали ей прыжки, Пришлось ей присмиреть с тоски, Как от любви несчастной.
Она со страха белым днем На кухню забежала, Упала у печи с огнем И лапки вверх задрала. Кухарка же смеется вослух : Ха! Задрала ты лапки, вдругт, Ну как от любви в брюхе .	Тогда, вбежав средь бела дня На кухню из подвала, Без жизни крыса у огня, Барахтаясь, упала. Давай кухарка хохотать: "Пришел тебе капут, видать, Как от любви несчастной!"

Таблица 4 Песенка о блохе (в разных переводах):	
<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
Es war einmal ein König 7A Der hatt einen großen Floh, 7b4 (tr) Den liebt, er gar nicht wenig, 7A Als wie seinen eignen Sohn. 7b4 (tr)	Жил-был король когда-то, 7A Имел блоху-дружка; 6b Берёг блоху, как злато, 7A Лелеял, как сына. 6b
Da rief er seinen Schneider, 7C Der Schneider kam heran: 6d Da, miß dem Junker Kleider 7C Und miß ihm Hosen an! 6d	Вот шлёт король к портному, -7C Портной пришёл сейчас. 6d «Сшей плащ дружку родному 7C Да брюки в самый раз». 6d
In Sammet und in Seide 7E War er nun angetan 6f Hatte Bänder auf dem Kleide, 8E4 (tr) Hatt auch ein Kreuz daran 6f	И в шёлк и в бархат чудный 7E Блоха наряжена 6f И носит крест нагрудный, 7E На ленте ордена. 6f
Und war sogleich Minister, 7G Und hatt einen großen Stern. 7h4 (tr) Da wurden seine Geschwister 8G3(mix) Bei Hof auch große Herrn. 6h	Блоха министром стала. 7G Блестит на ней звезда! 6h Родня её попала 7G В большие господа. 6h
Und Herrn und Frau am Hofe, 7I Die waren sehr geplagt, 6j Die Königin und die Zofe 8I4(mix) Gestochen und genagt, 6j	Блоха, дав волю гневу, 7I Всех жалит с этих пор: 6j Вельмож, и королеву, 7I И фрейлин, и весь двор. 6j

Und durften sie nicht knicken, 7K Und weg sie jucken nicht, 6l Wir knicken und ersticken 7K Doch gleich, wenn einer sticht.6l 18ja³4tr⁴1mix^{3,4}(24) [AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKl]	Никто не смей чесаться, 7K Хоть жалит всех наглец! 6l А мы — посмей кусаться,— 7K Прищёлкнем — и конец! 6l 24ja³ [AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKl]
Приб	П-ак
Жил-был король однажды 7A Он имел блоху большу. 7b4 (tr) Любил ее он жадно, 7A Ну как дочку старый шут. 7b4 (tr) Позвал он раз портного, 7C Портной к нему стремится: 6d «Размер костюма нова 7C Для юнкера сними!» 6d Она теперь вся в бархат 7E Одета и в шелка, 6f В ленточках она епарха 8E4 (tr) И в орденах слегка. 6f Тут стала враз министром 7G Со звездой большой в дыре. 7h4 (tr) Ее все братья и сестры 8G4(mix) В почете при дворе. Все дамы, кавалеры 7I От них в большой беде, 6j Служанки и королева 8I4(mix) Покусаны везде. 6j Нельзя им уклоняться, 7K Чесанием изгнать. 6l Все ж будет кто кусаться, 7K Придушим, так и знай. 6l 18ja³4tr⁴2mix^{3,4}(24) [AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKl]	Жил-был король державный 7A С любимицей блохой. 6b Он был ей друг исправный, 7A Защитник неплохой. 6b И объявил он знати: 7C "Портному прикажу 6d Ей шить мужское платье, 7C Как первому пажу". 6d И вот блоха в одеже, 7E Вся в бархате, в шелку, 6f Звезда, как у вельможи, 7E И шпага на боку. 6f Сенаторского чина 7G Отличья у блохи. 6h С блохой весь род блошиный 7G Проходит на верхи. 6h У всех следы на коже, 7I Но жаловаться страх, 6j Хоть королева тоже 7I В укусах и прыщах. 6j Блохи не смеют трогать, 7K Ее боится двор, 6l А мы блоху под ноготь, 7K И кончен разговор! 6l 24ja³ [AbAb CdCd EfEf GhGh IjIj KIKl]

Таблица 5 Звук колоколов и пение хоров:	
<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
CHOR DER ENGEL: Christ ist erstanden! Freude dem Sterblichen, Den die verderblichen, Schleichenden, erblichen Mängel umwanden. CHOR DER WEIBER: Mit Spezereien Hatten wir ihn gepflegt, Wir seine Treuen Hatten ihn hingelegt; Tücher und Binden Reinlich unwanden wir, Ach! und wir finden Christ nicht mehr hier.	Хор ангелов: Христос воскрес! Тьмой окруженные, Злом зараженные, Мир вам, прощенные Люди, с небес! Хор женщин: Щедро мы лили Миро душистое, В гроб положили Тело пречистое; В ткань плащаницы Был облачен Христос, - Кто ж из гробницы Тело унёс? Хор ангелов:

CHOR DER ENGEL: Christ ist erstanden! Selig der Liebende, Der die betrübende, Heilsam und übende Prüfung bestanden. CHOR DER JÜNGER: Hat der Begrabene Schon sich nach oben, Lebend Erhabene, Herrlich erhoben; Ist er in Werdeluft Schaffender Freude nah; Ach! an der Erde Brust Sind wir zum Leide da. Ließ er die Seinen Schmachtend uns hier zurück; Ach! wir beweinen, Meister, dein Glück! CHOR DER ENGEL: Christ ist erstanden, Aus der Verwesung Schoß. <u>Reißet von Banden</u> <u>Freudig euch los!</u> <u>Tätig ihn Preisenden.</u> <u>Liebe Beweisenden.</u> <u>Brüderlich Speisenden.</u> <u>Predigend Reisenden.</u> <u>Wonne Verheißenden.</u> <u>Euch ist der Meister nah.</u> Euch ist er da!	Христос воскрес! Кто средь мучения, В тьме искушения Ищет спасения, — Мир вам с небес! Хор учеников: Гроб покидает он, Смерть побеждая; К небу взлетает он, Славой блистая; Мир озаряет весь Светом спасения; Нас оставляет здесь В области тления. Здесь мы томимся все В тяжкой борьбе! Сердцем стремимся все, Боже, к тебе! Хор ангелов: Чуждый истления, Мощно Христос восстал! Узы мучения Он разорвал! Вам, здесь страдающим, Всех утешающим, Ближних питающим, В рай призывающим, — Близок учитель вам: С вами он сам!
Приб ХОР АНГЕЛОВ: Христос воскрес! К радости смертных, Кто кучею вредных, Ползучих, наследных Грехов опоесен. ЖЕНСКИЙ ХОР: (Жен-мироносиц) Благоговеньем Мыли его всего, Мы верноданны Положили его, Он плащаницей Был там укутан весь, Ах! Убедитесь Христа нет здесь. ХОР АНГЕЛОВ: Христос воскрес! Будь блажен любящий, Кто нещадящую, Благотворящую Пробу изнесет. ХОР ЮНОШЕЙ: На крест повешенный Уже воскресет, Живе возвышенный, Чудно вознесся. Он в становлении, Радость творящий весь. Ах! На груди Земле Мы для страданья здесь. Оставил паче Нашу томную плоть. Твое оплачем,	П-ак Хор ангелов Христос воскрес! Преодоление Смерти и тления Славьте, селение, Пашня и лес. Хор мироносиц От посторонних Тело укрыли. Все в благовоньях В гроб положили. Под пеленами Камня плита. Нет в них пред нами Больше Христа. Хор ангелов Христос воскрес! Грехопадения, Смерти и тления След с поколения Смыт и исчез. Хор учеников Смерти раздавлена, Попрана злоба: Новопреставленный Вышел из гроба. Пусть он в обители За облаками, Имя учителя - С учениками. Выстоим преданно Все превращения. Нам заповедано

Счастье Господь! ХОР АНГЕЛОВ: Христос воскрес! Себя от тленья спас, Вывет из пут всех (дактиль) Радостно вас! <u>Славно хвалящие,</u> <u>Любо дарящие,</u> <u>Братски кормящие,</u> <u>Проповедь вящие</u> <u>Благо носящие,</u> Мастер вам близок так Вам он тут всяк.	Это ученье. Хор ангелов Христос воскрес! Пасха Христова С нами, и снова Жизнь до основы Вся без завес. Будьте готовы Сбросить оковы Силой святого Слова его, Тленья земного, Сна гробового, С сердца любого, С мира всего.
---	---

Таблица 6 Заклинания духов:	
<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
FAUST: Erst zu begegnen dem Tiere , Brauch ich den Spruch der Viere: Salamander soll glühen, Undene sich winden, Sylphe verschwinden, Kobold sich mühen. Wer sie nicht konnte, Die Elemente, Ihre Kraft Und Eigenschaft, Wäre kein Meister Über die Geister. Verschwind in Flammen, Salamander! Rauschend fließe zusammen, Undene! Leucht in Meteoren-Schöne , Sylphe! Bring häusliche Hülfe , Incubus! Incubus! Tritt hervor und mache den Schluß! Keines der Viere Steckt in dem Tiere. Es liegt ganz ruhig und grinst mich an ; Ich hab ihm noch nicht weh getan. Du sollst mich hören Stärker beschwören. Bist du Geselle Ein Flüchtling der Hölle? So sieh dies Zeichen, Dem sie sich beugen, Die schwarzen Scharen!	Фауст: Для покоренья зверя злого Скажу сперва четыре слова: Саламандра, пылай! Ты, Сильфида, летай! Ты, Ундина, клубись! Домовой, ты трудись! Стихии четыре Царят в этом мире; Кто их не постиг, Их сил не проник, — Чужда тому власть, Чтоб духов заклать. Исчезни в огне, Саламандра! Разлейся в волне Ты, Ундина! Звездой просверкай Ты, Сильфида! Помощь домашнюю дай, Incubus, Incubus, Выходи, чтоб закончить союз! Нет, ни одной из четырёх В ужасном звере не таится: Ему не больно; он прилег И скалит зубы и глумится. Чтоб духа вызвать и узнать, Сильней я буду заклинять. Но знай же: если ты, наглец, Из ада мрачного беглец, - Так вот — взгляни — победный знак! Его страшатся ад и мрак, Ему покорны духи праха. Пёс ошетинился от страха! Проклятое создание! Прочтёшь ли ты название Его, несотворённого, Его, неизречённого, И смерть и ад поправшего И на кресте страдавшего!

<i>Приб</i>	<i>П-ак</i>
ФАУСТ: Лишь встретив этого зверя В четыре духа верю: Саламандра – горенье, Ундена – журчанье, Сильфа – дыханье, Кобольд – мученье. Коль их не знал ты, Те элементы, Силу тех, И свойств их всех, Не был бы Мастер <u>Духов всей власти.</u> Исчезни в пламе, Саламандра! Пенно лейся струями, Ундена! Звезд красой сияй вселенной, Сильфа! Дай помощь посильну, Инкубус ! Инкубус! Выходи и прямо в трубу! Эти четыре Не в этом звере. Он здесь притих, ухмыляясь мне, Я боль ему не причинел. Ты должен, слышишь, Звать сильней выше. Иль ты и правда Исчадие Ада? Смотри знак этот, Внушает трепет, Он черным стаям!	Фауст Чтоб зачураться от собаки, Есть заговор четверякий! Саламандра, жгись, Ундина, вейся, Сильф, рассейся, Кобольд, трудись! Кто слышит впервые Про эти стихии, Их свойства и строй, Какой заклинатель? Кропатель пустой! Раздуй свое пламя, Саламандра! Разлейся ручьями, Ундина! Сильф, облаком взмой! Инкуб, домовый, В хозяйственном хламе, Что нужно, отрой! Из первоматерий Нет в нем ни одной. Не стало ни больно, ни боязно зверю. Разлежся у двери, смеясь надо мной. Заклятья есть строже, Поганая рожь, Постой! Ты выходец бездны, Приятель любезный? Вот что без утайки открой. Вот символ святой, И в дрожь тебя кинет, Так страшен он вашей всей шайке клятой.

Таблица 7 Пения духов:	
<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
GEISTER auf dem Gange: Drinnen gefangen ist einer! Bleibet draußen, folg ihm keiner! Wie im Eisen der Fuchs, Zagt ein alter Höllenluchs. Aber gebt acht! Schwebet hin, schwebet wider, Auf und nieder, Und er hat sich losgemacht. Könnt ihr ihm nützen, Laßt ihn nicht sitzen! Denn er tat uns allen Schon viel zu Gefallen. GEISTER: Schwindet, ihr dunkeln 5A2(da) Wölbungen droben! Reizender schaue Freundlich der blaue Äther herein! Wären die dunkeln Wolken zerronnen!	Духи (в коридоре): Он попался! Поспешим! Но входить нельзя за ним, Как лиса среди тенет, Старый бес сидит и ждёт. Так слетайся же скорей, Осторожных духов рой, И старайся всей толпой, Чтоб избегнул он цепей. В эту сумрачную ночь Мы должны ему помочь. Он велик, могуч, силен: Помогал не раз нам он Духи: Вы, темные арки, О, пусть вас не станет! Пусть светлый и яркий Приветливо глянет Эфир голубой! Пусть туч, исчезая, Рассеется рой!

Sternelein funkeln, Mildere Sonnen Scheinen darein. Himmlicher Söhne Geistige Schöne, Schwankende Beugung Schwebet vorüber. Sehnende Neigung Folget hinüber; Und der Gewänder Flatternde Bänder Decken die Länder, Decken die Laube, Wo sich fürs Leben, Tief in Gedanken, Liebende geben. Laube bei Laube! Sprossende Ranken! Lastende Traube Stürzt ins Behälter Drängender Kelter, Stürzen in Bächen Schäumende Weine, Rieseln durch reine, Edle Gesteine, Lassen die Höhen Hinter sich liegen, Breiten zu Seen Sich ums Genüge Grünender Hügel. Und das Geflügel Schlüpfet sich Wonne, Flieget der Sonne, Flieget den hellen Inseln entgegen, Die sich auf Wellen Gauklend bewegen; Wo wir in Chören Jauchzende hören, Über den Auen Tanzende schauen, Die sich im Freien Alle zerstreuen. Einige klimmen Über die Höhen, Andere schwimmen Über die Seen, Andere schweben; Alle zum Leben, Alle zur Ferne Liebender Sterne, Seliger Huld.	Пусть звёзды, мерца, Пусть, кротко лаская, Нам солнца блещут! Как лёгкая стая, В роскошном расцвете Красы бестелесной Небесные дети, Порхая, летят; И рой их прелестный То выше умчится, То стелется ниже, И ближе, всё ближе К земле он стремится, И тканью эфирной Одежды их всю Над кущами мирной, Блаженной страны, Где, в неге беседки, Дум сладких полны, Влюблённые млеют, Друг другу верны. Друг другу верны. И всюду пестреют Беседки, беседки! Лоз нежные ветки Дают виноград; Давимы тисками, Сок гроздь струят, И, пенясь, реками Стекает вино; Среди несравненных Камней драгоценных Струится оно И, высь покидая Сияющих гор, Течёт, ниспадая, В равнины озёр. Холмов вереницы Меж ними цветут, И райские птицы Блаженство там пьют, И к солнцу стремятся, И радостно мчатся Они к островам, Что в блеске сиянья Плывут по волнам; И гимн ликования Там слышится нам; Пленяют нам взоры Танцующих хоры На светлых лугах, Взбираются в горы, Ныряют в волнах, И в воздухе реют, И в сердце лелеют Стремленья свои К той жизни блаженной В безбрежной вселенной, Где звёзды, сверкая, Дарят им, лаская, Блаженство любви!
---	--

GEISTERCHOR <i>unsichtbar</i>: Weh! weh! Du hast sie zerstört, Die schöne Welt, Mit mächtiger Faust; Sie stürzt, sie zerfällt! Ein Halbgott hat sie zerschlagen! Wir tragen Die Trümmern ins Nichts hinüber, Und klagen Über die verlorne Schöne. Mächtiger Der Erdensöhne, Prächtiger Baue sie wieder, In deinem Busen baue sie auf! Neuen Lebenslauf Beginne, Mit hellem Sinne, Und neue Lieder Tönen darauf!	Хор духов (<i>невидимо</i>) Увы, увы! Разбил ты его, Прекраснейший мир, Могучей рукой. Он пал пред тобой, Разрушен, сражен полубогом! И вот мы, послушны ему, Уносим обломки создания В ничтожества тьму Сквозь плач и рыдания О дивной погибшей красе... И молим мы все: Воспрянь, земнородный, могучий! Мир новый, чудесный и лучший Создай в мощном сердце своем; С душой обновлённой Ты новую жизнь начинай, просветлённый, И новую песнь мы тебе воспоём!
Приб ДУХИ <i>в проходе</i>: Внутри тут попался один уж! Дома быть, вслед ни единый! Как в капкане тот лис, Мечется из Ада рысь. Бойтесь постов! Прямо снова парите, Посмотрите, Он свободен от оков. Помочь могли бы, Не подвели бы! Так как делал друг сей Тут услуги вам всем. ДУХИ: Темные своды 5A2(da) Сверху растайте! Чудные духи, Дружно влетайте С нами сюда! Черные тучи Улетят летом! Звезды могучи, Мягко нам светят, Светят всегда Неба как дети. В вечном полете, Дух преломленья Ходит тут мимо. Грусти волненье Следом за ними. И одеяний В лентах сиянье, Кроют все страны, Скрыли жилище, Где на их жизнь всю С глубокой мыслью Пары сольются.	П-ак Духи (в сенях) Один из нас в ловушке, Но внутри за ним нельзя. Наш долг помочь друг дружке, За дверью лебезя. Вертитесь втихомолку, Чтоб нас пронюхал бес И к нам в дверную щелку На радостях пролез. Узнав, что есть подмога И он в родном кругу, Он ринется к порогу, Мы все пред ним в долгу. Духи Рухните, своды Каменной кельи! С полной свободой Хлынь через щели, Голубизна! В тесные кучи Сбились вы, тучи. В ваши разрывы Смотрит тоскливо Звезд глубина. Там в притяженье Вечном друг к другу Мчатся по кругу Духи и тени, Неба сыны. Эта планета В зелень одета. Нивы и горы Летом в уборы Облечены. Все - в оболочке! Первые почки, Редкие ветки,

Келья к жилищу! Винные лозы! Гроздья набухши Падают в лоно Прессов давящих, Рек настоящих Вина игристы Льются сквозь чисты, Камни сочащи, Через все горы, Сзади лежащи, Разлились в море Вкруг оплетеных Холмов зеленых. Птицы блаженны, Испейте счастье, Прочь от ненастья, К солнцу летите Прямо навстречу Остров узрите, В волнах под вечер. Где слышно хоры Пляшущих споро По всей долине, В радости ныне Там на свободе В полном разброде. Кто-то восходит На гор вершины, Кто-то уходят В море обширно, В воздух другие. В жизни благие, Все улетали В звездные дали Все во благо. ХОР ДУХОВ <i>невидим:</i> Боль! Боль! Ты разрушил дом, Прекрасный мир, Кулак твой мощный. Твой рухнул кумир! Полубог, его ты сносишь! Мы носим Руины в ничто напротив, И плачем О потерянной красе мы. Ты, благой Земли сын, семя, Строй его В блеске всем снова, В душе восстань его ты из мглы! Жизнь начать смоги Ты лучше, Со светлым чувством, И песни новы Поют хвалы!	Гнезда, беседки И шалаши. Всюду секреты, Слезы, обеты, Взятье, отдача Жаркой, горячей, Страстной души. С тою же силой, Как из давила Сок винограда Пенною бурей Хлещет в чаны, Так с верхотурья Горной стремнины Мощь водопада Всею громадой Валит в лошину На валуны. Здесь на озерах Зарослей шорох, Лес величавый, Ропот дубравы, Рек рукава. Кто поупрямей - Вверх по обрыву, Кто с лебедями - Вплыв по заливу На острова. Раннею ранью И до захода - Песни, гулянье И хороводы, Небо, трава. И поцелуи Напропалую, И упоенье Самозабвения, И синева. Хор духов (незримо) О, бездна страданья И море тоски! Чудесное зданье Разбито в куски. Ты градом проклятий Его расшатал. Горюй об утрате Погибших начал. Но справься с печалью, Воспрянь, полубог! Построй на обвале Свой новый чертог. Но не у пролома, А глубже, в груди, Свой дом по-другому Теперь возведи. Настойчивей к цели Насущной шагни И песни веселья В пути затяни.
---	--

Таблица 8 Колдовство:	
<i>Gёte</i>	<i>X-кий</i>
DER KATER <i>macht sich herbei und schmeichelt dem Mephistopheles:</i> <u>O wüßte nur gleich,</u> <u>Und mache mich reich,</u> <u>Und laß mich gewinnen!</u> <u>Gar schlecht ist's bestellt,</u> <u>Und wär ich bei Geld,</u> <u>So wär ich bei Sinnen.</u> MEPHISTOPHELES: Wie glücklich würde sich der Affe schätzen, Könnt er nur auch ins Lotto setzen! DER KATER: Das ist die Welt; Sie steigt und fällt Und rollt beständig; Sie klingt wie Glas – Wie bald bricht das! Ist hohl inwendig. Hier glänzt sie sehr, Und hier noch mehr: "Ich bin lebendig!" Mein lieber Sohn, Halt dich davon! Du mußt sterben! Sie ist von Ton, Es gibt Scherben. MEPHISTOPHELES: Was soll das Sieb? DER KATER <i>holt es herunter:</i> Wärst du ein Dieb, Wollt ich dich gleich erkennen. <i>Er läuft zur Kätzin und läßt sie durchsehen.</i> Sieh durch das Sieb! <u>Erkennst du den Dieb,</u> <u>Und darfst ihn nicht nennen?</u> MEPHISTOPHELES <i>sich dem Feuer nähernd:</i> Und dieser Topf? KATER UND KÄTZIN: <u>Der alberne Tropf!</u> <u>Er kennt nicht den Topf,</u> <u>Er kennt nicht den Kessel!</u> MEPHISTOPHELES: <u>Unhöfliches Tier!</u> DER KATER: Den Wedel nimm hier, Und setz dich in Sessel! DIE TIERE: O sei doch so gut, Mit Schweiß und mit Blut Die Krone zu leimen! Nun ist es geschehn! Wir reden und sehn, Wir hören und reimen – FAUST gegen den Spiegel: Weh mir! ich werde schier verrückt. MEPHISTOPHELES <i>auf die Tiere deutend:</i> Nun fängt mir an fast selbst der Kopf zu schwanken. DIE TIERE: Und wenn es uns glückt, Und wenn es sich schickt, So sind es Gedanken!	Самец (<i>подползая и ласкаясь к Мефистофелю</i>) Разочек сыграй Со мною и дай Набиться карману! Без денег шабаш; А денег мне дашь — Я умником стану! Мефистофель Тварь эта с радости совсем бы очумела, Когда б она в лото играть умела. <i>Детеныши, играя большим шаром, катят его.</i> Самец Вот мир летит, Спешит, бежит, Крутясь, в пустыне. Стеклянный звон, Как хрупок он! Пустой в середине, Он тут блестит, А там горит. Я жив доньше! Дитя, мой друг, Пусти из рук, Не то умрешь ты. Здесь глина: стук — И разобьёшь ты. Мефистофель Что в решете у вас? Самец (<i>доставая решето</i>) Случись тут вор у нас, Могли б его узнать мы. <i>(Бежит к самке и даёт ей взглянуть в решето.)</i> Взгляни-ка в решето: Вор виден нам, но кто, Посмеет ли сказать мы? Мефистофель (<i>Приближается к огню.</i>) А что за польза вам от этого горшка? Самец и самка Пустая башка! Не понял горшка, Котла не поймёт он! Мефистофель Невежа ты, зверь! Самец Присел бы теперь Ты с веником: вот он. Звери Корону ты склей: Пот нужен для ней И кровь со слезами. Свершилось! Мы зрим, Мы слышим, кричим, И даже стихами. Фауст (<i>перед зеркалом</i>) Ах, я с ума сойду! Мефистофель (<i>указывая на зверей</i>) Увы! на этот раз И у меня башка кружиться начинает. Звери И даже подчас Бывает, что нас И мысль осеняет.

DIE HEXE: Au! Au! Au! Au! Verdammtes Tier! verfluchte Sau! Versäumst den Kessel, versengst die Frau! Verfluchtes Tier! <i>Faust und Mephistopheles erblickend.</i> Was ist das hier? Wer seid ihr hier? Was wollt ihr da? Wer schlich sich ein? Die Feuerpein Euch ins Gebein! MEPHISTOPHELES: Entzwei! entzwei! Da liegt der Brei! Da liegt das Glas! Es ist nur Spaß, Der Takt, du Aas, Zu deiner Melodei. <i>Indem die Hexe voll Grimm und Entsetzen zurücktritt.</i> Erkennst du mich? Gerippe! Scheusal du! Erkennst du deinen Herrn und Meister? Was hält mich ab, so schlag ich zu, Zerschmettre dich und deine Katzengeister! Hast du vorm roten nicht mehr Respekt? Kannst du die Hahnenfeder nicht erkennen? Hab ich dies Angesicht versteckt? Soll ich mich etwa selber nennen? DIE HEXE: O Herr, verzeiht den rohen Gruß! Seh ich doch keinen Pferdefuß. Wo sind denn Eure beiden Raben? DIE HEXE, <i>tanzend</i>: Sinn und Verstand verlier ich schier, Seh ich den Junker Satan wieder hier! DIE HEXE <i>mit großer Emphase fängt an,</i> <i>aus dem Buche zu deklamieren</i>: Du mußt verstehn! Aus Eins mach Zehn, Und Zwei laß gehn, Und Drei mach gleich, So bist du reich. Verlier die Vier! Aus Fünf und Sechs, So sagt die Hex, Mach Sieben und Acht, So ist's vollbracht: Und Neun ist Eins, Und Zehn ist keins. Das ist das Hexen-Einmaleins! Die hohe Kraft Der Wissenschaft, Der ganzen Welt verborgen! Und wer nicht denkt, Dem wird sie geschenkt, Er hat sie ohne Sorgen.	Ведьма Ай-ай-ай-ай! Вот всех вас я! Проклятый зверь, свиньей свинья! Проспал котёл! Обжёг меня! Вот всех вас я! (Замечая Фауста и Мефистофеля.) Что вижу я! Зачем вы к нам? Что нужно вам? Вот я вам дам: Сожгу я вас Огнём сейчас! Мефистофель Раз — бью, два — бью! Котлы свалю, Стряпню пролью! Знай, морда: так Стучу я в такт Под песнь твою. <i>Ведьма отступает в ярости и ужасе.</i> Ну что, костлявая? Теперь узнала ты? Узнала, пугало, царя и господина? Махну рукой — и все твои скоты И ты сама — всё прахом, образина! Не уважаешь красный мой камзол? Петушьего пера узнать не можешь? Иль я, закрыв лицо, сюда пришел? Что ж, самому назваться мне предложишь? Ведьма Простите, сударь, мне за грубый мой привет! Но конского при вас копыта нет, И вороны куда, скажите мне, девались? Ведьма <i>(пляшет)</i> Ах, голова пошла от радости кругом! Голубчик сатана, вы снова здесь со мною! Ведьма <i>(напыщенно декламируя по книге)</i> Пойми: прищипи Раз к десяти, Два опусти, А три ставь в ряд — И ты богат. Четыре сгладь, А шесть и пять За семь считать И восемь раз — Закон у нас. Пусть девять в счёт За раз пойдёт, А десять сгладь. Так ведьма учит умножать! Познания свет Для всех секрет, Для всех без исключения! Порою он, Как дар, суждён И тем, в ком нет мышления!
Приб МАКАК подкрадывается и подлизывается к Мефистофелю: <u>О кости кинь счас,</u> <u>Богат чтоб стал враз,</u> <u>Дай выиграть мне чисто!</u> <i>(амфибрахий)</i> <u>Каб деньги имел,</u> <u>Мозг был бы мой спел,</u> <u>И думал бы быстро.</u>	П-ак Самец <i>(приблизившись к Мефистофелю и подлизываясь к нему)</i> Сыграем в очко, А то нелегко На тощий желудок. А выставишь грош, Деньгу зашибешь, Окрепнет рассудок.

МЕФИСТОФЕЛЬ: Счастливым мог бы как себя представить Макак, в лото коль мог бы ставить! МАКАК: Мир, как каприз, То вверх, то вниз Всегда катиться, Звучит стеклом – В нутре пустом, Чтоб там разбиться! Тут он блеснит, Крутом всем льстит. «Я жив!» - хвалится. Сын дорогой, Будь же друтой! Смерть без толку! Он с глины той, Есть осколки. МЕФИСТОФЕЛЬ: Что сито то? МАКАК <i>снимает его вниз</i>: Был бы вор, Тебя узнал я б скоро . <i>Он бежит к макаке и дает ей посмотреть через сито.</i> Зри в сито сквозь! Ты видишь где вор, Нельзя ль дать нам вора? МЕФИСТОФЕЛЬ <i>приближаясь к огню</i>: А тот горшок? МАКАК И МАКАКА: Дурной ты вершок! Не знает горшок. Котел неизвестен! МЕФИСТОФЕЛЬ: Нахальный ты зверь! МАКАК: Медлу ту теперь, Возьми и сядь в кресло! ЗВЕРИ: Ну будь так хорош, Пот, кровь, что ты хошь, Корону склей снова! Хотел что, то есть! Мы зрим, ведем речь, Рифмуем пословно – ФАУСТ <i>перед зеркалом</i>: О горе! Я схожу с ума. МЕФИСТОФЕЛЬ <i>указывая на зверей</i>: Эт’ все мне самому уж сносит крышу. ЗВЕРИ: И если обман Развеет туман, То мысли мы слышим! ВЕДЬМА: Ой-ё-й-йа! Проклятый зверь! Что за свинья! Котел проспал и спалил меня! Чертовский зверь! <i>Увидев Фауста и Мефистофеля.</i> Здесь что теперь? Здесь кто теперь? Что хочет кто?	Мефистофель Еще бы! Выиграв в лото, Ты будешь счастлив как никто! Самец Вот шар земной, Как заводной Кубарь негромкий. Внутри дупло. Он, как стекло, Пустой и ломкий. Вот здесь пятно Освещено, А здесь потемки. Мой сын, постой, Своей судьбой И жизнью шутишь! Раскатишь зря, Нет кубаря, И не закрутишь. Мефистофель Зачем тут несколько решет? Самец <i>(снимая решето)</i> Сквозь лубяной их переплет Себя преступник выдает. <i>(Подбегает к самке и заставляет ее посмотреть сквозь решето.)</i> Жена уж вора уличила, Да страшно вслух назвать громилу. Мефистофель <i>(приближаясь к огню)</i> А для чего горшок? Самец и самка Какой дурачок! Ему невдомек Котла примененье, Горшка назначение! Мефистофель Дурной ответ, И вы - нахалы. Самец Вот веник вместо опахала, Садитесь, вот вам табурет. Звери Корону сдavi, В поту, на крови Скрепи, словно клеem. И вот мы скорбим, И прозой вопим, И в рифму умеем. Фауст <i>(перед зеркалом)</i> Пропал! Я как в бреду. Мефистофель <i>(указывая на зверей)</i> Я тоже, кажется, с ума сойду. Звери А если меж строк Есть смысла намеk, Тогда нам удача. Ведьма Ай-ай-ай-ай! Зевашь, негодяйка? Получишь нагоняй! Ошпарила хозяйку! Вода из шайки Уходит через край! <i>(Заметив Фауста и Мефистофеля.)</i> А это кто,
---	---

Кто влез сюда? Боль и беда Вам навсегда! МЕФИСТОФЕЛЬ: Бей, разбивай! Всем каши дай! Стекло вот тут! Так шутки прут, Старуха-плут, К твоей же мелодай. <i>В то время, как ведьма полная ярости и ужаса отступает назад.</i> Скелет! Уже не знаешь, изверг, ты, Кто господин тебе и мастер? Меня узнаете, скоты, Всех вас тут разнести в моей есть власти! Плюешь уже на красный камзол? Не узнаешь ты петушинных перьев? Мой облик вам не очень зол? Развеять должен я неверье? ВЕДЬМА: Прости мне грубый мой привет! Но ведь копытцев тоже нет. А где твои вороны обе? ВЕДЬМА, <i>танцует</i>: События, что с ума свихнут, Я вижу Сатану со мной вновь тут! ВЕДЬМА <i>с большим возбуждением</i>, <i>декламируя из книги</i>: Один пойми! Десять возьми, А два сними, Три уравнил, Богатым стал. Четыре прочь! Из пяти шесть, Так ведьме честь, Взять восемь и семь, Готов совсем: И девять – раз, И десять час. Единиждыедин для нас! Мощь силы сей Науки всей Закрыта миру в целом! Без мозга кто, В дар получит то, Чтоб без забот владел он. тот уже глотал.	Копыл вам в бок? Кто вас позвал К нам на порог? Я вам скандал Чинить не дам! За шум и гам Огнем обдам! Мефистофель И мы содом Произведем, И поделом! Имей в виду! Все в прах, все вдрыз! У, василиск! Подымешь визг! Я не твою Посуду бью, - Я под твою Пляшу дуду! <i>Ведьма отступает в ярости и ужасе.</i> Не узнаешь? А я могу Стереть, как твой прямой владыка, С лица земли тебя, каргу, С твоею обезьяньей кликой! Забыла красный мой камзол? Стоишь с небрежным равнодушьем Перед моим пером петушиным? Не видишь, кто к тебе пришел? Ведьма Слепа, простите за прием! Но что же не вижу я копыта? Где вороны из вашей свиты? Ведьма (приплясывая) Я просто обворожена, Вас видя, душка-сатана! Ведьма <i>(напыщенно декламируя по книге)</i> Ты из одной Десятку строй, А двойку скрой, О ней не вой. Дай тройке ход, Чтоб стала чет, И ты богач. Четверку спрячь, О ней не плачь, А пять и шесть С семеркой свести, И до восьми Их подыми. Девятка - кон, Десятку - вон. Вот ведьмина таблица умноженья. Наук зерно Погребено Под слоем пыли. Кто не мудрит, Тем путь открыт Без их усилий.
Таблица 8 Песни и страдания Гретхен:	
Гёте	Х-кий
MARGARETE <i>mit einer Lampe</i> : <i>Sie fängt an zu singen, indem sie sich auszieht.</i> Es war ein König in Thule Gar treu bis an das Grab, Dem sterbend seine Buhle	Маргарита <i>(Начинает петь и раздеваться.)</i> Жил в Фуле король; до могилы Одной он был верен душой;

Einen goldnen Becher gab. Es ging ihm nichts darüber, Er leert ihn jeden Schmaus; Die Augen gingen ihm über, Sooft er trank daraus. Und als er kam zu sterben, Zählt er seine Städt im Reich, Gönnt alles seinem Erben, Den Becher nicht zugleich. Er saß beim Königsmahle, Die Ritter um ihn her, Auf hohem Vätersaale, Dort auf dem Schloß am Meer. Dort stand der alte Zecher, Trank letzte Lebensglut Und warf den heiligen Becher Hinunter in die Flut. Er sah ihn stürzen, trinken Und sinken tief ins Meer, Die Augen täten ihm sinken, Trank nie einen Tropfen mehr. GRETCHEN <i>am Spinnrad, allein:</i> Meine Ruh ist hin, Mein Herz ist schwer; Ich finde sie nimmer Und nimmermehr. Wo ich ihn nicht hab, Ist mir das Grab, Die ganze Welt Ist mir vergällt. Mein armer Kopf Ist mir verrückt, Meiner armer Sinn Ist mir zerstückt. Meine Ruh ist hin, Mein Herz ist schwer, Ich finde sie nimmer Und nimmermehr. Nach ihm nur schau ich Zum Fenster hinaus, Nach ihm nur geh ich Aus dem Haus. Sein hoher Gang, Sein edle Gestalt, Seines Mundes Lächeln, Seiner Augen Gewalt, Und seiner Rede Zauberfluß, Sein Händedruck, Und ach! sein Kuß! Meine Ruh ist hin, Mein Herz ist schwer, Ich finde sie nimmer Und nimmermehr. Mein Busen drängt Sich nach ihm hin, Ach dürft ich fassen Und halten ihn,	Ему, умирая, вручила Любимая кубок златой. И стал ему кубок заветный Дороже всего с этих пор; Он пил — и слезой чуть заметной Средь пира туманился взор. И роздал король пред кончиной Наследникам все города; Но кубок — лишь кубок единый - Оставил себе навсегда. Морские валы грохотали Под башней, бушуя у скал; Меж рыцарей, в дедовском зале, Прощаясь, король пировал. Наполнивши влагою пенной Свой кубок он выпил до дна И бросил тот кубок священный Туда, где шумела волна. Он видел, как кубок, волною Подхвачен, черпнул и пропал; И очи покрылись тьмою — И пить он и жить перестал. Гретхен <i>(одна за прялкой)</i> Покоя нет, Душа скорбит: Ничто его Не возвратит. Где нет его, Там все мертво, Там счастья нет, Не красен свет. Мой бедный ум Смущен, молчит; Мой бедный дух Сражен, разбит. Покоя нет, Душа скорбит! Ничто его Не возвратит! Лишь для него В окно гляжу, Лишь для него Я выхожу. Походка, стан, Улыбка, взгляд, Как талисман, К себе манят. Его речей Волшебный звук, Огонь очей, Пожатье рук! Покоя нет, Душа скорбит! Ничто его Не возвратит! К чему, за ним Стремится грудь; К нему прильнуть И отдохнуть!
--	---

Und küssen ihn, So wie ich wollt, An seinen Küssen Vergehen sollt! GRETCHEN <i>steckt frische Blumen in die Krüge:</i> Ach neige, Du Schmerzenreiche, Dein Antlitz gnädig meiner Not! Das Schwert im Herzen, Mit tausend Schmerzen Blickst auf zu deines Sohnes Tod. Zum Vater blickst du, Und Seufzer schickst du Hinauf um sein' und deine Not. Wer fühlet, Wie wühlet Der Schmerz mir im Gebein? Was mein armes Herz hier banget, Was es zittert, was verlangt, Weißt nur du, nur du allein! Wohin ich immer gehe, Wie weh, wie weh, wie wehe Wird mir im Busen hier! Ich bin, ach! kaum alleine, Ich wein, ich wein, ich weine, Das Herz zerbricht in mir. Die Scherben vor meinem Fenster Betaut ich mit Tränen, ach! Als ich am frühen Morgen Dir diese Blumen brach. Schien hell in meine Kammer Die Sonne früh herauf, Saß ich in allem Jammer In meinem Bett schon auf. Hilf! rette mich von Schmach und Tod! Ach neige, Du Schmerzenreiche, Dein Antlitz gnädig meiner Not! BÖSER GEIST: Wie anders, Gretchen, war dir's, Als du noch voll Unschuld Hier zum Altar tratst Aus dem vergriffnen Büchelchen Gebete lalltest, Halb Kinderspiele, Halb Gott im Herzen! Gretchen! Wo steht dein Kopf? In deinem Herzen Welche Missetat? Betst du für deiner Mutter Seele, die Durch dich zur langen, langen Pein hinüberschlief? Auf deiner Schwelle wessen Blut? – Und unter deinem Herzen Regt sich's nicht quillend schon Und ängstet dich und sich Mit ahnungsvoller Gegenwart?	Его обнять И тихо млетъ, И целовать, И умереть! Гретхен <i>ставит свежие цветы.</i> Скорбя, страдая, О мать святая, Склонись, склонись к беде моей! С мечом в груди ты На лик убитый Христа глядишь, полна скорбей. Отца зовешь ты, И вздохи плешь ты Из глубины души своей. Увы, кто знает, Как изнывает Вся грудь моя, тоски полна! Как душа моя томится, Как дрожит, куда стремится,— Знаешь ты лишь, ты одна! С людьми ли я — невольню Мне больно, больно, больно, Везде тоскую я!.. Одна ли горе прячу – Я плачу, плачу, плачу, И рвется грудь моя. Цветы омыла эти Слезами я, скорбя, Когда я на рассвете Рвала их для тебя. Когда мне заблестели Лучи зари в окно, Сидела я в постели, Рыдая уж давно. Меня позором не убей! Молю тебя я, О мать святая, Склонись, склонись к беде моей! Злой Дух Не так ты, Гретхен, прежде, С душой невинной, Ходила к алтарю. Молясь по книжке старой, Ты лепетала, Наполовину детским играм, Наполовину богу Душою предана! О Гретхен! Где голова твоя? И на душе твоей Какой тяжелый грех? Ты молишься ль за мать свою? Она Тобой для долгих-долгих мук усыплена! Чья кровь у дома твоего? Что у тебя под сердцем скрыто? Не шевелится ль что-то там И не тревожит ли тебя Присутствием своим?
---	---

GRETCHEN: Weh! Weh! Wär ich der Gedanken los, Die mir herüber und hinüber gehen Wider mich! CHOR: Dies irae, dies illa Solvat saeculum in favilla. <i>Orgelton.</i> BÖSER GEIST: Grimm faßt dich! Die Posaune tönt! Die Gräber beben! Und dein Herz, Aus Aschenruh Zu Flammenqualen Wieder aufgeschaffen, Bebt auf! GRETCHEN: Wär ich hier weg! Mir ist, als ob die Orgel mir <u>Den Atem versetzte,</u> Gesang mein Herz Im Tiefsten löste. CHOR: Judex ergo cum sedebit, Quidquid latet adparebit, Nil inultum remanebit. GRETCHEN: Mir wird so eng! Die Mauempfeiler Befangen mich! Das Gewölbe Drängt mich! – Luft! BÖSER GEIST: Verbirg dich! Sünd und Schande Bleibt nicht verborgen. Luft? Licht? Weh dir! CHOR: Quid sum miser tunc dicturus? Quem patronum rogaturus? Cum vix justus sit securus. BÖSER GEIST: Ihr Antlitz wenden Verklärte von dir ab. Die Hände dir zu reichen, Schauert's den Reinen. Weh! CHOR: Quid sum miser tunc dicturus? GRETCHEN: Nachbarin! Euer Fläschchen!	Гретхен Увы, увы! Как дум мне этих избежать, Которые теснятся отовсюду Ко мне и в душу проникают? Хор Dies irae, dies illa Solvat saeculum in fayilla <i>Звуки органа.</i> Злой Дух Гнев неба над тобою! Труба звучит; Заколебались гробы; Душа твоя Из бездны праха Для мук ужасных Огня и ада, Дрожа, встанет! Гретхен О, если б мне уйти отсюда! Мне грозный гром органа – Дышать мешает, Меня терзает это пенье До глубины сердечной! Хор Judex ergo cum sedebit, Quidquid latet, adparebit Nil inultum remanebit. Гретхен Как душно мне! Как эти арки, эти своды Теснят меня! Воздуха, воздуха больше! Злой Дух Беги! Но грех и стыд Не будет скрыт. Что? Воздуха? Света? Горе тебе! Хор Quid sum miser tunc dicturus? Quem patronum rogaturus, Quum vix Justus sit securus? Злой Дух Свой лик пресветлый отвращают Святые от тебя, И руку протянуть тебе Им, чистым, страшно! Увы! Хор Quid sum miser tune dicturus? Гретхен Соседка, ваш флакон!..
Приб	П-ак
МАРГАРИТА <i>с лампой:</i> <i>начинает петь, раздеваясь при этом.</i> Жил-был король тогда в Туле И верность соблюдал,	Маргарита <i>(Начинает раздеваться и поет.)</i> Король жил в Фуле дальней, И кубок золотой

При смерти его Люля Свой ему дала бокал. Он стал всего дороже, Он пьет с него всегда, Синела вся почти рожа, С него он пил когда. Пришел как день последний, В царстве все он подсчитал л – Получит все наследник, Но только не бокал. Он на дворцовом пире, Все рыцари в кругу , Сидел в отцовском мире У моря на берегу. Там встал гуляка старый, Последний взяв глоток, Он бросил бокал-подарок В бушующий поток. Смотрел, как тот вниз падал, Пропал на дне морском, Глаза его тут запали, Больше он не пил потом. ГРЕТХЕН<i>за прялкой, одна:</i> Мой пропал покой, В душе беда, Я их не найду уж, уж никогда. Там его где нет, Моя там смерть, Тогда весь мир Уж мне не мил. И в голове Мне тьма, не свет, Ум же бедный мой Распался весь. Мой пропал покой, В душе беда, Я их не найду уж уж никогда. Ища его я, Гляжу из окна, Иду за ним я В дом одна. Его хотьба, Благой его стан, Губ его улыбка, Сила глаз как у ста, Его же речи Волшебство, Пожатье рук, И поцелуй! Мой пропал покой, В душе беда, Я их не найду уж уж никогда. Горит душа К нему взлетать, Обнять хочу я, Держать его, Лобзать его,	Хранил он, дар прощальный Возлюбленной одной. Когда он пил из кубка, Оглядывая зал, Он вспоминал голубку И слезы проливал. И в смертный час тяжелый Земель он отдал тьму Наследнику престола, А кубок - никому. Со свитой в полном сборе Он у прибрежных скал В своем дворце у моря Прощальный пир давал. И кубок свой червонный, Осушенный до дна, Он бросил вниз с балкона, Где выла глубина. В тот миг, когда пучиной Был кубок поглощен, Пришла ему кончина, И больше не пил он. Гретхен <i>(одна за прялкой)</i> Что случилось со мною? Я словно в чаду. Минуты покоя Себе не найду. Чуть он отлучится, Забьюсь, как в петле, И я не жилища На этой земле. В догадках угрюмых Брожу, чуть жива, Сумятица в думах, В огне голова. Что случилось со мною? Я словно в чаду. Минуты покоя Себе не найду. Гляжу, цепеняя, Часами в окно. Заботой мою Все заслонено. И вижу я живо Походку его, И стан горделивый, И глаз колдовство. И, слух мой чаруя, Течет его речь, И жар поцелуя Грозит меня сжечь. Что случилось со мною? Я словно в чаду. Минуты покоя Себе не найду. Где духу набраться, Чтоб страх победить, Рвануться, прижаться, Руками обвить? Я б все позабыла
---	--

Как я хочу, От поцелуев Я пропаду! ГРЕТХЕН <i>садит свежие цветы в горшки:</i> Прошу я, Страдающая Склони лик милостный к нужде! Меч в сердце сына, С невыносимой Взираешь болью к смерти где. К отцу глядишь ты, И вздохи шлешь ты Вверх о его, твоей нужде. Кто чует, Бушует Как боль в моей душе? Сердце что мое бонится, Как дрожит, к чему стремится, Знаешь ты одна еще! Куда б не шла невольно, Как боль, как боль, как больно Мне здесь в моей душе! Лишь я одна, впридачу, Я плач, я плач, я плачу, И сердце рвет уже. Осколки пред мною прямо Впитают слез, как росу, Когда я утром рано Тебе цветы несу. Светил в мою каморку Свет солнечных лучей, Страдала без умолку Я, не щадя очей. Спаси от смерти во вражде! Прошу я, Страдающая Склони лик милостный к нужде! ЗЛОЙ ДУХ: Иначе, Гретхен, было, Коль ты полна чистоты Здесь к алтарю шла И из книжонки вечной сей Молитвы слала, С душой, где игры И Бог по-детски! Гретхен! Что с головой? А твое сердце Прячет какой грех? Иль молишь ты за душу матери, Из-за тебя кто к долгим мукам в сон ушла? Чья пред порогом твоим кровь? – А под твоим что сердцем Уж не шевелится И не страшит тебя Предчувством настоящего?	С ним наедине, Хотя б это было Погибелью мне. Гретхен <i>ставит свои цветы к прочим</i> К молящей Свой лик скорбящий Склони в неизреченной доброте, С кручиной Смотря на сына, Простертого в мученьях на кресте, И очи Возведши За помощью отчей в вышине! Кто знает, Как тают По капле силы у меня внутри? Лишь пред тобой я вся как на ладони. О, пожалей меня и благосклонней На муку и беду мою воззри! Где шумно, людно, Дышать мне трудно, Поднять глаза на посторонних срам, А дома волю Слезам от боли Даю, и сердце рвется пополам. Я эти цветики в букете Слезами облила, Когда сегодня на рассвете Их для тебя рвала. Меня застало солнце в спальней Давным-давно без сна. Я дуемою своей печальной Была пробуждена. Спаси меня от мук позора, Лицо ко мне склони! Единая моя опора, Услышь, услышь меня! Злой дух Иначе, Гретхен, бывало, Невинно Ты к алтарю подходила, Читая молитвы По растрепанной книжке, С головкою, полной Наполовину богом, Наполовину Забавами детства! Гретхен! Где ты витаешь? Что тебя мучит? Молишь у бога Упокоения матери, По твоей вине уснувшей Навеки без покаянья? Чья кровь У тебя на пороге? Что бьется под сердцем Наполняя тебя
--	--

ГРЕТХЕН: Больш! Больш! Не прогнать мне мысли те, Что мечутся в душе туда-сюда мне Про себя! ХОР: Dies irae, dies illa Solvat saeculum in favilla. <i>Звук органа.</i> ЗЛОЙ ДУХ: Гнев пронзит! Уж звучит труба! Гробы трясутся! Сердце же, Из праха Ко мук Ада Снова воссоздано, Дрожит! ГРЕТХЕН: Куда б мне прочь! Мне так, как будто бы орган <u>Дыханье убавил</u>, <i>(амфибрахий)</i> А сердца песнь Исчезла в глуби. ХОР: Judex ergo cum sedebit, Quidquid latet adparebit, Nil inultum remanebit. ГРЕТХЕН: Мне тесно так! Пилястры эти Теснят меня! Этот купол Давит! – Вдох! ЗЛОЙ ДУХ: Ты спрячься! Грех же срама Нигде не спрячешь Вдох! Свет! Боль лишь! ХОР: Quid sum miser tunc dicturus? Quem patronum rogaturus? Cum vix justus sit securus. ЗЛОЙ ДУХ: Их лик отвергнут Святые от тебя. Тебе подать их руки Устрашит чистых. Боль! ХОР: Quid sum miser tunc dicturus? ГРЕТХЕН: Соседка! Нашатырь мне!	Содроганьем? Гретхен Опять они, Все те же, те же думы! Никак от них, Никак не отвязжусь. Хор Dies irae, dies illa Solvat saeculum in favilla. <i>Звуки органа.</i> Злой дух Настиг тебя гнев господень! Трубный глас раздается! Разверзаются гробы! И из пепла Душа твоя Подымается На вечные муки. Гретхен Уйти, уйти! Орган и пенъ Теснят дыханье, Едва стою. Хор Judex ergo cum sedebit Quidquid latefc, adparebit, Nil inultum remanebit. Гретхен Я задохнусь! Как давят своды! К дверям! К проходу! Я чувств лишусь! Злой дух Прячься - не скроешь Греха и позора. Воздуха? Света? Их больше не будет. Горе! Хор Quid sum miser tunc dicturus? Quem patronum rogaturus, Cum vix Justus sit securus? Злой дух Праведные отвращают Лицо от тебя. Протянуть тебе руку, погибшей, Боясь. Хор Quid sum miser tunc dicfurus? Гретхен Я падаю! Соседка! Вашу склянку!
--	--

Таблица 9 Песенка Мепистофеля	
<i>Гёте</i>	<i>Х-кий</i>
MEPHISTOPHELES <i>singt zur Zither.</i> Was machst du mir Vor Liebchens Tür, Kathrinchen, hier Bei frühem Tagesblicke? Laß, laß es sein! Er läßt dich ein Als Mädchen ein, Als Mädchen nicht zurücke. Nehmt euch in acht! Ist es vollbracht, Dann gute Nacht. Ihr armen, armen Dinger! Habt ihr euch lieb, Tut keinem Dieb Nur nichts zulieb Als mit dem Ring am Finger.	<i>Мефистофель</i> <i>(поет, аккомпанируя на гитаре.)</i> Не стой, не стой, Не жди с тоской У двери той, Катринхен, пред денницей! Не жди, не верь: Войдешь теперь Девницей в дверь, А выйдешь не девницей! Не верь словам! Насытись сам, Бедняжке там «Прости, прощай!» - он скажет, Скажи: «Постой, Повеса мой, Пока со мной Кольцо тебя не свяжет!»
<i>Приб</i>	<i>П-ак</i>
МЕФИСТОФЕЛЬ <i>поет под гитару.</i> Что вертишь мной У двери той, Катёк родной, Ты в темноте заката? Брось, прекрати! Войдешь смотри, Девственной ты, Но только без возврата. Не будь простой! Случится то, То все прошло. Ты бедная страдалца! Будь так добра, Тебя вора Взять со двора, Дай лишь с кольцом на пальце.	<i>Мефистофель</i> <i>(поет под гитару.)</i> Смирная дрожь, Зачем под нож, Катринхен, к милому идешь И гибели не видишь? Пусть он хорош, Пусть он пригож, - Ты девушкой к нему войдешь, Но девушкой не выйдешь. Он для проказ, Не обручась, Возьмет что надобно от вас, И - с богом, до свиданья! А нужен глаз, На все отказ, Чтоб честь осталась про запас До самого венчанья.

8.3 Приложение к главе 5

Таблица 5.1. Александр Сергеевич Пушкин (* 6-го июня 1799 г. в Москве; † 10-го февраля 1837 г., Санкт-Петербург) русский поэт и основатель современной русской литературы. Сын гвардейского офицера Сергея Львовича Пушкина и Надежды Осиповны, урожденной Ганнибал. Со стороны отца он происходил из старой дворянской семьи. Его прадед со стороны матери, Авраам Петрович Ганнибал, первоначально африканский раб, был отдан царю Петру Великому, стал его крестником, а затем дослужился до генерал-майора и губернатора Ревеля.

Пушкин „exegi monumentum“ (1836)	Приб „exegi monumentum“ (1836)
Я памятник себе воздвиг нерукотворный, 13A6 К нему не заростет народная тропа, 12b6 Вознёсся выше он главою непокорной 13A6 Александрийского столпа. 8b4	Ich hab mir aufgesetzt ein Denkmal nicht handwerklich, 13A6 Zu ihm wird nie mit Graß verwachsen Volkesspfad, 12b6 Es übertraf empor mit stolzem Haupt gar merklich 13A6 Der Alexandersäule Grat. 8b4
Нет, весь я не умру – душа в заветной лире 13C6 Мой прах переживет и тленья убежит – 12d6 И славен буду я, доколь в подлунном мире 13C6 Жив будет хоть один пиит. 8d4	Nein, sterbe ich nicht ganz – Tod überdauert die Seele, 13C6 In sehnlich' Leierklang entgeht Verwesen sie – 12d6 Und ruhmreich bleibe ich, solang's in Mondeshelle 13C6 Poeten gibt und Poesie. 8d4
Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой, 13E6 И назовёт меня всяк сущий в ней язык, 12f6 И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой 13E6 Тунгуз, и друг степей калмык. 8f4	Mein Ruf erschallt fürwahr durch ganzes Russland milder 13E6 Und jede Sprache hier nennt mich im Augenblick, 12f6 Ein stolzes Slavenkind, ein Finne und ein wilder 13E6 Tungus' und Steppenfreund Kalmyk. 8f4
И долго буду тем любезен я народу, 13G6 Что чувства добрые я лирой пробуждал, 12h6 Что в мой жестокой век восславил я Свободу 13G6 И милость к падшим призывал. 8h4	Ich bleibe lange Zeit dem Volk dadurch gefällig, 13G6 Dass ich mit Leier wach die Herzensgüte tat, 12h6 Dass ich in harter Zeit die Freiheit rühmte selig, 13G6 Um Gnade zu Gefallnen bat. 8h4
Веленью божию, о муза, будь послушна, 13I6 Обиды не страшась, не требуя венца, 12k6 Хвалу и клевету приемли равнодушно, 13I6 И не оспаривай глупца. 8k4 20ja ^{6,4} [AbAbCdCdEfEfGhGhIkIk]	Dem Gottes Willen sei, o Muse, nun gehorsam, 13I6 Vor Kränkung – keine Angst, verlang nicht Lorbeerkrantz. 12k6 Verleumdung sowie Lob nimm gleichgültig, geruhsam, 13I6 Bestreite Toren nicht und Schwanz. 8k4 20ja ^{6,4} [AbAbCdCdEfEfGhGhIkIk]

Таблица 5.2. Готфрид Август Бюргер (* 31 декабря 1747 года в Мансфельде, Саксония-Анхальт, † 8 июня 1794 года в Гёттингене), немецкий поэт эпохи Просвещения, теолог и юрист, автор книги «Приключения барона Мюнхгаузена».

Bürger Der Bauer an seinen durchlauchtigen Tyrannen	Prieb Крестьянин к его высочеству тирану
Wer bist du, Fürst, daß ohne Scheu 8a Zerrollen mich dein Wagenrad, 8b Zerschlagen darf dein Roß? 6c	Кто есть ты, князь, чтоб без стыда 8a Меня давил твой экипаж 8b Иль мог забить твой конь? 6c
Wer bist du, Fürst, daß in mein Fleisch 8d Dein Freund, dein Jagdhund, ungebleut 8e Darf Klau und Rachen haun? 6f	Кто есть ты, князь, в мою чтоб плоть 8d Всадить клыки и когти мог 8e Твой друг в охоте - пес? 6f
Wer bist du, daß durch Saat und Forst 8g Das Hurra deiner Jagd mich treibt, 8h Entatmet wie das Wild? - 6i	Кто есть ты, чтоб сквозь лес, посев 8g Меня гнал клич твоих охот, 8h Как загнанную дичь? 6i
Die Saat, so deine Jagd zertritt, 8j	Посев, что топчешь ты при том, 8j

Was Roß und Hund und du verschlingst, 8k Das Brot, du Fürst, ist mein. 6l	Что жрут твой конь, твой пес и ты, 8k Есть, ваша Честь, мой хлеб! – 6l
Du Fürst hast nicht bei Egg und Pflug, 8m Hast nicht den Erntetag durchschwitzt. 8n Mein, mein ist Fleiß und Brot! - 6o	Ты, князь, ни борону, ни плуг 8m Не знал, при жатве не потел. 8n Мои и пот, и хлеб! – 6o
Ha! du wärest Obrigkeit von Gott? 8p Gott spendet Segen aus; du raubst! 8r Du nicht von Gott, Tyrann! 6s 18ja ^{4,3} [abc def ghi jkl mno prs]	Ха! Ты ли есть от Бога власть? 8p Бог дарит благо, грабишь ты! 8r Не Богов ты, Тиран! 6s 18ja ^{4,3} [abc def ghi jkl mno prs]

Таблица 5.3. Готхольд Эфраим Лессинг (* 22 января 1729 года в Каменце, Оберлаузитц, † 15 февраля 1781 года в Брауншвейге), немецкий поэт, драматург, критик и философ эпохи Просвещения

<i>Лессинг</i>	<i>Приб</i>
Ein trunkner Dichter leerte, 7A sein Glas um jeden Zug. 6b Ihn warnte sein Gefährte: 7A "Paß auf, Du hast genug." 6b Und jener sprach im Sinken: 7C "Mein Freund, Du bist nicht klug. 6b Zuviel kann man wohl trinken, 7C doch nie trinkt man genug." 6b 8ja3[AbAbCbCb]	Поэт, уж охмелевший, 7A опустошал бокал. 6b Сказал, к нему присевший, 7A «Достаточно пока». 6b Ответил пьяный строго 7C «То мнение дурака. 6b Бывает пьем мы много, 7C достаточно ж - никак.», 6b 8ja3[AbAbCbCb]

Таблица 5.4. Иоганн Готфрид Гердер (* 25. 08.1744 в Морунгене, Пруссия, † 18.12.1803 в Веймаре, герцогство Саксония-Веймар-Айзенах, дворянский титул с 1802 г.) немецкий поэт, переводчик, теолог и философ.

<i>Гердер</i>	<i>Приб</i>
Der Augenblick Warum denn währt des Lebens Glück 8a Nur einen Augenblick? 6a Die zarteste der Freuden 7B Stirbt wie der Schmetterling, 6c Der, hangend an der Blume, 7D Verging, verging, 4c Wir ahnen, wir genießen kaum 8e Des Lebens kurzen Traum. 6e Nur im unsel'gen Leiden 7F Wird unser Herzensleid 6g In einer bangen Stunde 7H Zur Ewigkeit. 4g 12ja ^{2,3,4} [aaBcDc eeFgHg]	Мгновение Длина что ж счастья нашего 8a Мгновение всего? 6a Нежнейшая отрада, 7B Как бабочка, умрет, 6c Кто, на цветочке сидя, 7D Минет, минет. 4c И не вкушаем мы почти 8e Миг жизни как мечты. 6e Лишь в горестном страданье 7F Взойдет кручина их, 6g Сердец людских, в час данный 7H До вечности. 4g 12ja ^{2,3,4} [aaBcDc eeFgHg]
Ein Traum Ein Traum, ein Traum ist unser Leben 9A auf Erden hier. 4b Wie Schatten auf den Wogen schweben 9A und schwinden wir, 4b und messen unsre trägen Tritte 9C nach Raum und Zeit; 4c und sind (und wissen's nicht) in Mitte 9C der Ewigkeit. 4c 8ja2,4[AbAb CdCd]	Мечта Мечта, мечта вся жизнь есть наша 9A здесь на земле. 4b Как тени мы кривые пляшем 9A и сгинем в мгле, 4b в прострпнство-временой сидим мы 9C конечности, 4c но есть, не зная, в середине 9C мы вечности. 4c 8ja2,4[AbAb CdCd]

Таблица 5.5. Иоганн Вольфганг фон Гете (* 28.08.1749 во Франкфурте-на-Майне, † 22.03.1832 в Веймаре, дворянский титул с 1782 г.), немецкий ученый-юрист и филолог, писатель и, прежде всего, самый важный немецкоязычный поэт.

<i>Geme</i>		<i>Приб</i>	
Neue Liebe, neues Leben		Новая любовь, новая жизнь	
(virhebiger Trochäus)		(четырёхстопный хорей)	
Herz, mein Herz, was soll das geben?	8A	Что с тобою, сердце, снова?	8A
Was bedrängt dich so sehr?	7b	Что рождает боль твою?	7b
Welch ein fremdes, neues Leben!	8A	Что за жизнь, чужда и нова!	8A
Ich erkenne dich nicht mehr.	7b	Я тебя не узнаю.	7b
Weg ist alles was du liebtest,	8C	Прочь уж все, что ты любило,	8C
Weg, warum du dich betrübtest,	8C	Что тебя тогда томило,	8C
Weg dein Fleiß und deine Ruh -	7d	Прочь усердие, покой –	7d
Ach, wie kamst du nur dazu!	7d	Как случилось то с тобой!	7d
Fesselt dich die Jugendblüte,	8E	Расцветающая младость,	8E
Diese liebliche Gestalt,	7f	Этот милый вид ланит,	7f
Dieser Blick voll Treu und Güte	8E	Добрый взгляд, смиренна радость	8E
Mit unendlicher Gewalt?	7f	Сильно так тебя манит?	7f
Will ich rasch mich ihr entziehen,	8G	От нее хочу я в бегство,	8G
Mich ermannen, ihr entfliehen,	8G	Мужество найти и средство,	8G
Führet mich im Augenblick,	7h	К ней назад ведет мой путь	7h
Ach, mein Weg zu ihr zurück.	7h	Сей же миг и как-нибудь.	7h
Und an diesem Zauberkfädchen,	8I	На волшебной ните тонкой,	8I
Das sich nicht zerreißen lässt,	7j	Не порвется что никак,	7j
Hält das liebe lose Mädchen	8I	Держит все меня девчонка	8I
Mich so wider Willen fest;	7j	Против воли даже так.	7j
Muss in ihrem Zauberkreise	8K	Я теперь в волшебном круге	8K
Leben nun auf ihre Weise.	8K	Должен следовать подруге.	8K
Die Veränderung, ach, wie groß!	8I5(mix)	Измененья, ах, много вновь!	8I5(mix)4
Liebe! Liebe! Laß mich los!	7l	Отпусти меня, любовь!	7l
23tr ⁴ 1mix ⁵ (24)		23tr ⁴ 1mix ⁵ (24)	
[AbAb CCdd EfEf GGhh IjIj KKll]		[AbAb CCdd EfEf GGhh IjIj KKll]	
Mailied/Maifest		Майская песня/ Майское празднество	
Wie herrlich leuchtet	5A	Как чудно светит	
mir die Natur!	4b	природа мне!	
Wie glänzt die Sonne!	5C	Как ярко солнце!	
Wie lacht die Flur!	4b	Тут смех полей!	
Es dringen Blüten	5D	Цветами пышет	
aus jedem Zweig	4e	здесь каждый прут,	
und tausend Stimmen	5F	голосьев тыщи	
aus dem Gesträuch.	4e	из чащи тут.	
Und Freud und Wonne	5G	Восторг и нега	
aus jeder Brust.	4h	в груди у всех.	
O Erd, o Sonne!	5G	О мир без снега!	
O Glück, o Lust!	4h	О счастья смех!	
O Lieb, Liebe!	5I	О миг любви!	
So golden schön,	4j	Ты без прикрас,	
wie Morgenwolken	5K	покровы гор как	
auf jenen Höhen!	4j	в рассветный час!	
Du segnest herrlich	5L	Ты даришь благо	
das frische Feld,	4m	полям в рассвет,	
im Blütendampfe	5N	в цветов дыханье	

die volle Welt.	4m	весь белый Свет.	
O Mädchen, Mädchen,	5O	О дева, дева,	
wie lieb ich dich!	4p	влюблен как я!	
Wie blinkt dein Auge!	5Q	В глазах надеждой	
Wie liebst Du mich!	4p	любовь твоя!	
So liebt die Lerche	5R	Так любят птицы	
Gesang und Luft,	4s	простор и песнь,	
und Morgenblumen	5T	цветы зарницы	
den Himmelsduft,	4s	дух неба весь,	
wie ich dich liebe	5U	как я влюбленный	
mit warmem Blut	4v	душою всей	
die du mir Jugend	5W	тебя, кто юность	
und Freud und Mut	4v	душе моей	
zu neuen Liedern	5Z	дарит и песни,	
und Tänzern gibst.	4ä	стихи, мечты.	
Sei ewig glücklich,	5Ö	Будь счастье вечно,	
wie du mich liebst!	4ä	как любишь ты!	
36ja ²		36ja ²	
[AbCbDeFeGhGhljKjLmN-		[AbCbDeFeGhGhljKjLmNmOpQpRsTsUvWvZ	
mOpQpRsTsUvWvZäÖä]		äÖä]	
Alles geben die Götter		Все дают боги	
Alles geben die Götter, die unendlichen,	12a6(mix)	Все дают блага боги, бесконечные	12a7(mix)
Ihren Lieblichen ganz,	6b3(mix)	Их любимцам сполна,	6b3(mix)
Alle Freuden, die unendlichen,	9a5(tr)	Радости все, бесконечные,	9a5(tr)
Alle Schmerzen, die unendlichen, ganz.	10b5(mix)	Боли бесконечные все, сполна.	10b5(mix)
1tr ^{3,5} 3mix ⁶ (4)[abab]		1tr ^{3,5} 3mix ⁶ (4)[abab]	
An den Mond		К Луне	
Schwester von dem ersten Licht,	7a	Света первого сестра,	7a
Bild der Zärtlichkeit in Trauer,	8B	Нежности картина в горе,	8B
Nebel schwimmt mit Silberschauer	8B	Серебром туман, как море,	8B
Um dein reizendes Gesicht.	7a	Вкруг прекрасного лица.	7a
Deines leisen Fußes Lauf	7c	Ног твоих беззвучных бег	7c
Weckt aus tagverschloßnen Höhlen	8D	Будит из пещер удушных	8D
Traurig abgeschiedne Seelen,	8D	Все потерянные души,	8D
Mich, und nächt'ge Vögel auf.	7c	Птиц ночных, меня и всех.	7c
Forschend übersieht dein Blick	7e	Изучающий твой взгляд	7e
Eine großgemeßne Weite.	8F	Не узрит бескрайней дали,	8F
Hebe mich an deine Seite,	8F	Подыми к себе с печали,	8F
Gib der Schwärmerei dies Glück!	7e	Счастье дай мечтать назад!	7e
Und in wollustvoller Ruh	7g	Чтоб и в похоти покой	7g
Säh' der weitverschlagne Ritter	8H	Сохранил далекий рыцарь,	8H
Durch das gläserne Gegitter	8H	Сквозь стеклянное укрытие	8H
Seines Mädchens Nächten zu.	7g	Глядя девушке в покой.	7g
Dämmerung, wo die Wollust thront,	7i	Правит похоть где, там мрак	7i
Schwimmt um ihre runden Glieder.	8J	Кроет ее крутлы члены.	8J
Trunken sinkt mein Blick hernieder	8J	Ловит то мой взгляд сомленный,	8J
Was verhüllt man wohl dem Mond!	7i	От Луны что прячет всяк!	7i
Doch was das für Wünsche sind!	7k	Что ж желается так мне!	7k
Voll Begierde zu genießen,	8L	Наслаждаться, страсти полный,	8L
So da droben hängen müssen	8L	Так вверху висеть ты должный	8L
Ei, da schieltest du dich blind!	7k	Как Луна все зреть вполне!	7k
24tr4[aBBacDDc eFfegHHg iJjIkLLk]		24tr4[aBBacDDc eFfegHHg iJjIkLLk]	
Ob ich dich liebe, weiß ich nicht		Не знаю, иль люблю тебя	
Ob ich dich liebe, weiß ich nicht.	8a	Не знаю, иль люблю тебя.	8a
Seh ich nur einmal dein Gesicht,	8a	В твоих глазах найду себя,	8a
Seh dir ins Auge nur einmal,	8b	Лицо твое зрю, нежность рук,	8b
Frei wird mein Herz von aller Qual.	8b	Свободно сердце враз от мук.	8b
Gott weiß, wie mir so wohl geschicht!	8a	Бог знает, как ликую я!	8a

Ob ich dich liebe, weiß ich nicht. 6ja4[aabbaa]	8a	Не знаю, иль люблю тебя. 6ja4[aabbaa]	8a
Rastlose Liebe		Неугомонная любовь	
Dem Schnee, dem Regen, 5A		В дождь, снег и ветер, 5A	
Dem Wind entgegen, 5A		Всем им навстречу, 5A	
Im Dampf der Klüfte, 5B		В пару ущелий, 5B	
Durch Nebeldüfte, 5B		Туман сквозь белый, 5B	
Immer zu! Immer zu! 6c4(mix)		Все вперед! Все вперед! 6c4(mix)	
Ohne Rast und Ruh! 5c3(tr)		Где покой не ждет. 5c3(tr)	
Lieber durch Leiden 5D2(da)		Сквозь все страдания 5D2(da)	
Möcht ich mich schlagen, 5E		Хочу пробиться, 5E	
Als so viel Freuden 5D		Чем жизнью данной 5D	
<u>Des Lebens ertragen.</u> 6E2(am)		<u>Отрадой упиться.</u> 5E2(am)	
<u>Alle das Neigen</u> 5F2(da)		<u>То всё, что склонно</u> 5F2(da)	
<u>Von Herzen zu Herzen.</u> 6G2(am)		<u>От сердца к другому.</u> 5G2(am)	
Ach, wie so eigen 5F		Оно как болей 5F	
Schaffet das Schmerzen! 5G2(da)		Кормит нстому! 5G2(da)	
Wie - soll ich fliehen? 5H		Бежать я ль должен? 5H	
Wälderwärts ziehen? 5H2(da)		В лес осторожно? 5H2(da)	
<u>Alles vergebens!</u> 5I2(da)		<u>Это напрасно!</u> 5I2(da)	
<u>Krone des Lebens,</u> 5I2(da)		<u>Жить полный страсти,</u> 5I2(da)	
<u>Glück ohne Ruh,</u> 4j2(da)		<u>Счастья все вновь,</u> 5j2(da)	
<u>Liebe, bist du!</u> 4j2(da)		<u>Ты есть любовь!</u> 5j2(da)	
8ja ² 1mix ⁴ 1tr ³ 8da ² 2am ² (20)		8ja ² 1mix ⁴ 1tr ³ 8da ² 2am ² (20)	
[AABBcc DEDEFGFG HHIIjj]		[AABBcc DEDEFGFG HHIIjj]	
Kennst du das Land		Ты знаешь край	
Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen, 10a		Ты знаешь край, где цитрусы цветут, 10a	
Im dunklen Laub die Goldorangen glühen, 10a		В листе зеленой апельсины ждут, 10a	
Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht, 10b		Где нежны ветры в сини неба спят, 10b	
Die Myrte still und hoch der Lorbeer steht? 10b		Где мирта и высокий лавр стоят? 10b	
Kennst du es wohl? 4c		Ты знаешь же? 4c	
Dahin, dahin 4a		Туда, туда 4a	
Möcht ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn! 10a		Хочу с тобой, любимый мой, всегда! 10a	
Kennst du das Haus? Auf Säulen ruht sein Dach. 10d		Ты знаешь дом? С колоннами такой. 10d	
Es glänzt der Saal, es schimmert das Gemach, 10d		Блестящий зал, мерцающий покой, 10d	
Und Marmorbilder stehn und sehn mich an: 10e		Скульптуры на меня глядят: 10e	
Was hat man dir, du armes Kind, getan?- 10e		Случилось что с тобой, мое дитя?- 10e	
Kennst du es wohl? 4c		Ты знаешь же? 4c	
Dahin, dahin 4a		Туда, туда 4a	
Möcht ich mit dir, o mein Beschützer, ziehn! 10a		Хочу с тобой, защитник мой, всегда! 10a	
Kennst du den Berg und seinen Wolkensteg? 10f		Ты знаешь гору, облачная грудь? 10f	
Das Maultier sucht im Nebel seinen Weg. 10f		В тумане мул его там ищет путь. 10f	
In Höhlen wohnt der Drachen alte Brut. 10g		В пещерах там драконий выводок. 10g	
Es stürzt der Fels und über ihn die Flut. 10g		Отвесная скала, над ней поток. 10g	
Kennst du ihn wohl? 4c		Ты знаешь же? 4c	
Dahin, dahin 4a		Туда, туда 4a	
Geht unser Weg. 4f		Ведет наш путь. 4f	
O Vater, lass uns ziehn! 6a		Отец, пойдем всегда! 6a	
22ja ^{2,3,5} [aabbcaaddeecaaffggcfa]		22ja ^{2,3,5} [aabbcaaddeecaaffggcfa]	

Таблица 5.6. Перси Биши Шелли (*4.08.1792 г. в Филд-Плейс, Суссекс, † 8.07.1822 г. в море в Виареджо в итальянской провинции Тоскана) был британским писателем и поэтом-романтиком. Он был защитником атеизма. Поэзия Шелли была в значительной степени отклонена современниками из-за их непристойных предметов и нетрадиционных взглядов. Однако им также предоставляется критика особой красоты языка и поэтического выражения в широких отрывках.

<i>Шелли</i>		<i>Приб</i>	
Bereavement (vierhebiger Amphibrachis)		Trauerfall (четырёхглазый амфибрахий)	
How stern are the woes of the desolate mourner	12A4(am)	Wie ernst sind des trostlosen Trauernden Leiden	12A4(am)
As he bends in still grief o'er the hallowed bier,	11b4(am)	Als er sich noch beugt zu geheiligter Bahr',	11b4(am)
As enguished he turns from the laugh of the scorner,	12A4(am)	Als er sich weg duckt vorm Hohn Spöttergemeinde	12A4(am)
And drops to perfection's remembrance a tear;	11b4(am)	Und fällt eine Träne zur Perfektion gar;	11b4(am)
When floods of despair down his pale cheeks are streaming,	12C4(am)	Verzweiflung in Fluten wenn Wangen ihm säumen,	12C4(am)
When no blissful hope on his bosom is beaming,	12C4(am)	Wenn selige Hoffnung kann nicht mehr aufbäumen,	12C4(am)
Or, if lulled for a while, soon he starts from his dreaming,	12C4(am)	Wenn, oder, kurz eingehüllt, läßt er 'ran Träume,	12C4(am)
And finds torn the soft ties to affection so dear.	11b4(am)	Und findet den Liebsten so lieb wunderbar.	11b4(am)
Ah, when shall day dawn on the night of the grave,	11d4(am)	Ach, wann kommt der Tag in des Grabes die Nacht,	11d4(am)
Or summer succeed to the winter of death?	11e4(am)	Od' Sommer durchdringt kalten Winter vom Tod?	11e4(am)
Rest awhile, hapless victim! and Heaven will save	11d4(am)	Ruh glücklosen Opfern! Der Himmel bewacht	11d4(am)
The spirit that hath faded away with the breath.	11e4(am)	Den Geist, dessen Atem verklang, jetzt beim Gott.	11e4(am)
Eternity points, in its amaranth bower	12F4(am)	Das ewige Leben in purpurnem Schatten,	12F4(am)
Where no clouds of fate o'er the sweet prospect lour,	12F4(am)	Wo Wolken des Schicksals sind nicht mehr gestattet,	12F4(am)
Unspeakable pleasure, of goodness the dower,	12F4(am)	Nur herrliche Wonne, die Güte in Satten,	12F4(am)
When woe fades away like the mist of the heath.	11e4(am)	Wenn Trauer verblasst wie beim Tag Morgenrot.	11e4(am)
16am ⁴ [AbAbCCCCbdeFFFe]		16am ⁴ [AbAbCCCCbdeFFFe]	
Queen Mab: A Philosophical Poem.		Königin Mab Ein philosophisches Poem (ohne Reim)	
How wonderful is Death,	6a	Wie wundervoll ist Tod	6a
Death, and his brother Sleep!	6b	Sowie sein Bruder Schlaf!	6b
One, pale as yonder waning moon	8c	Der eine wie dort Halbmond bleich	8c
With lips of lurid blue;	6d	Mit Lippen grell und blau.	6d
The other, rosy as the morn	8e	Der andre wie das Morgenrot,	8e
When throned on ocean's wave	6f	Wenn es auf Wellen thront,	6f
It blushes o'er the world;	6g	Erötend über Welt.	6g
Yet both so passing wonderful!	8h	Vergänglich beide wundervoll!	8h
8ja ^{3,4} [abcdefgh]		8ja ^{3,4} [abcdefgh]	
Hath then the gloomy Power	7A	Hat dann die düstre Power,	7A
Whose reign is in the tainted sepulchers	10b	Der'n Herrschaft nur in faulen Gräbern ist,	10b
Seized on her sinless soul?	6c	Ergriffn die sündlos' Seel'?	6c
Must then that peerless form	6d	Muss beisspiellose Form,	6d
Which love and admiration cannot view	10e	Welch' Liebe und Bewundrung nicht sehn kann	10e
Without a beating heart, those azure veins	10f	Ohn' Herzessschlag durch Adern azurblau,	10f
Which steal like streams along a field of snow,	10g	Welch' stehlen sich wie Ströme auf dem Schnee,	10g
That lovely outline which is fair	8h	Ist diese feine Skizze schön	8h
As breathing marble, perish?	7I	Wie aufm Marmor der Atem?	7I
Must putrefaction's breath	6j	Muss Atem des Zerfalls	6j
Leave nothing of this heavenly sight	8k	Nichts lass'n vom himmlischen Anblick	8k
But loathsomeness and ruin	6l	Nur Ekel und Ruin,	6l
Spare nothing but a gloomy theme,	8m	Ersetzt nichts düsters Leitmotiv,	8m
On which the lightest heart might moralize?	10n	Wo hellstes Herz moralisieren könn't?	10n
Or is it only a sweet slumber	9O	Od' ist es nur ein süßer Schlummer,	9O
Stealing o'er sensation,	6P3(tr)	Der Gefühle raubt uns,	6P3(tr)
Which the breath of roseate morning	8R4(tr)	Welch' den Atem rosgen Morgens	8R4(tr)
Chaseth into darkness?	6S3(tr)	Jagd zurück ins Dunkle?	6S3(tr)
Will Ianthe wake again,	6t	Wacht Ianthe wieder auf,	6t
And give that faithful bosom joy	8u	Zu geben treuen Busen Lust,	8u
Whose sleepless spirit waits to catch	8v	Dessn schlaflos' Geist erwartet Fang	8v
Light, life and rapture, from her smile?	8w	Lichts, Lebens, Glücks von ihrem Lachn?	8w
19ja ^{3,4,5} 3tr ^{3,4} (22)		19ja ^{3,4,5} 3tr ^{3,4} (22)	
[AbcdefghIjklmnOPRStuvw]		[AbcdefghIjklmnOPRStuvw]	
Yes! she will wake again,	6a	Ja! Sie wird wieder weckn,	6a
Although her glowing limbs are motionless,	10b	Obwohl ihr' heißen Glieder reglos sind,	10b

And silent those sweet lips,	6c	Und leise süße Lippn,	6c
Once breathing eloquence	6d	Mal warn sie eloquent,	6d
That might have soothed a tiger's rage	8e	Sie konnten zähmen Tiger's Wut	8e
Or thawed the cold heart of a conqueror.	10f	Und kaltes Herz Eroberers auftaun.	10f
Her dewy eyes are closed,	6g	Ihr' feuchten Augn sind zu,	6g
And on their lids, whose texture fine	6h	Der Lider feine Haut	6h
Scarce hides the dark blue orbs beneath,	8i	Kaum deckt die blauen Kugeln drin,	8i
The baby Sleep is pillowed;	7J	Schlaf Baby ist geborgen.	7J
10ja ^{3,4,5} [abcdefghiJ]		10ja ^{3,4,5} [abcdefghiJ]	
LOVE'S PHILOSOPHY (January 1820)		Philosophie der Liebe (Januar 1820)	
The fountains mingle with the river	9A	Die Quellen mischen sich mit Flussen,	9A
And the rivers with the ocean;	8B4(tr)	Die, sich mischend, Meere füllen.	8B3(tr)
The winds of heaven mix for ever	9A	Die Himmelswinde immer fließen	9A
With a sweet emotion;	6B3(tr)	In die Glücksgefühle.	6B3(tr)
Nothing in the world is single;	8C4(tr)	Auf der Welt ist nichts vereinsamt.	8C4(tr)
All things by a law divine	7d4(tr)	Alle Ding' durch Gottesrecht	7d4(tr)
In one another's being mingle –	8C	Sind ein in anderem gemeinsam –	8C
Why not I with thine?	5d3(tr)	Wär's für uns nicht recht?	5d3(tr)
See, the mountains kiss high heaven	8E4(tr)	Sieh, die Berge küssen Himmel,	8E4(tr)
And the waves clasp one another;	8F4(tr)	Wellen umklammern einander.	8F4(tr)
No sister flower would be forgiven	10E5(mix)	Der Blumenschwester wird's verzeiht nimmer	10E5(mix)
If it disdained its brother;	7F	Veracht' sie Bruders Band je.	7F3
And the sunlight clasps the earth,	7g4(tr)	Sonnenlicht umklammert Erd',	7g4(tr)
And the moonbeams kiss the sea –	7h4(tr)	Und der Mondstrahl küsst das Meer	-7h4(tr)
What are all these kissings worth,	7g4(tr)	Was sind all die Küsse wert,	7g4(tr)
If thou kiss not me?	5h3(tr)	Wenn du küsst nicht mehr?	5h3(tr)
4ja ^{3,4} 1tr ^{3,4} 1mix ³ (16)		4ja ^{3,4} 1tr ^{3,4} 1mix ³ (16)	
[ABABCDcDEFEFghgh]		[ABABCDcDEFEFghgh]	
To Night		Zu Nacht	
Swiftly walk o'er the western wave,	9a5(tr)	Schnellen über diese westlich' Well',	9a5(tr)
Spirit of Night!	4b2(da)	Seele der Nacht!	4b2(da)
Out of the misty eastern cave,	8a	Aus nebligen östlichen Höhl',	8a
Where, all the long and lone daylight,	8b	Wo einsam' Licht, die Tagespracht,	8b
Thou wovest dreams of joy and fear,	8c	Die Träume webt von Freud' und Angst,	8c
Which make thee terrible and dear –	8c	Die dich so machen, lieb und bang –	8c
Swift be thy flight!	4b	Dein Flug verbracht!	4b
Wrap thy form in a mantle gray,	8d	Stell' dich in grauem Mantel dar,	8d
Star-inwrought!	3e2(tr)	Stern-Event!	3e2(tr)
Blind with thine hair the eyes of day;	8d	Blend' Tages Augen mit dem Haar;	8d
Kiss her until she be wearied out,	9e5(tr)	Küss sie, bis sie schließlich müde gähnt,	9e5(tr)
Then wander o'er city, and sea, and land,	10f	Dann wandre über Land und Meer, und Stadt	10f
Touching all with thine opiate wand –	9f5(tr)	Alles streif' mit deinem Zauberstab –	9f5(tr)
Come, long-sought!	3e2(tr)	Komm, Ersehnt'!	3e2(tr)
When I arose and saw the dawn,	8g	Als ich da kam, sah Dämmerung,	8g
I sighed for thee;	4h	Ich seufzt' um dich;	4h
When light rode high, and the dew was gone,	9g4(mix)	Als Licht hoch ritt, der Tau war im Schwund,	9g4(mix)
And noon lay heavy on flower and tree,	10h	Und Mittag schwer Bäume und Blumen strich,	10h
And the weary day turned to his rest,	8i5(tr)	Kehrte müder Tag zu seiner Rast,	8i5(tr)
Lingering like an unloved guest,	8i	Verweilt wie ungeliebter Gast,	8i
I sighed for thee.	4h	Ich seufzt' um dich.	4h
Thy brother Death came, and cried,	7j4(mix)	Dein Bruder Tod kam und rief:	7j4(mix)
Wouldst thou me?	3h2(tr)	Willst du mich?	3h2(tr)
Thy sweet child Sleep, the filmy-eyed,	8j	Dein süßes Kind Schlaf, Augen rieb,	8j
Murmured like a noontide bee,	7h4(tr)	Murmelt' wie die Biene sticht,	7h4(tr)
Shall I nestle near thy side?	7j4(tr)	Soll ich sein in deiner Näh'?	7j4(tr)
Wouldst thou me?--And I replied,	7j4(tr)	Willst du mich? – Ich sagte jäh:	7j4(tr)
No, not thee!	3h2(tr)	Nein, nicht dich!	3h2(tr)
Death will come when thou art dead,	7k4(tr)	Tod kommt dann, wenn du bist tot,	7k4(tr)
Soon, too soon –	3k2(tr)	Früh, zu früh –	3k2(tr)
Sleep will come when thou art fled;	7k4(tr)	Schlaf kommt dann, wenn Flügel flott.	7k4(tr)
Of neither would I ask the boon	8k	Ich hätte nichts um Seg'n geschrien,	8k

I ask of thee, beloved Night —	8j	Ich frage dich, geliebte Nacht, —	8j
Swift be thine approaching flight,	8j	Ziehst Du Anflug in Betracht,	8j
Come soon, soon!	3k2(tr)	Komm früh, früh!	3k2(tr)
17ja ^{2,4,5} 15tr ^{2,4,5} 2mix⁴1da² (35)		17ja ^{2,4,5} 15tr ^{2,4,5} 2mix⁴1da² (35)	
[a h abccb dedeffe gh gh iih jhjhjjh kkkkjjk]		[a h abccb dedeffe gh gh iih jhjhjjh kkkkjjk]	